ПРОЕКТ «АНТИ-РОССИЯ»

НИКОЛАЙ ДОЛГОПОЛОВ

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

ТАЙНАЯ ВОЙНА ЗА СССР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга журналиста и писателя Николая Долгополова «Абель-Фишер» стала недавно бестселлером. Лауреат литературной премии Службы внешней разведки, рассказывая о советских разведчиках, обнародует секреты операций могущественнейшей из служб. Это не выдуманные истории, вычитанные из современной прессы, а информация от первых лиц, с которыми довелось встречаться автору. Из этой книги читатель узнает подробности о связниках полковника Абеля, об агентах Маркуса Вольфа и многом другом, что еще недавно находилось под грифом «секретно».

- Долгополов Н. М
  - Пара слов от автора
  - Защита от внешних угроз
  - Часть первая. Герои разведки
    -
    - Сильный духом
    - Герой с трагическим оттенком
    - Бомба на блюдечке
    - Уроки Барковского
    - Подвиги вершились тихо
    - За гранью возможного
    - Белое пятно
    - В разведке — больше века
    - По пятницам меня водили на казни
  - Часть вторая. Разведка в особых условиях
    -
    - Командир нелегалов
    - Мы вас заждались, полковник Абель
    - Отец снова рвался в бой
    - Наука от Кима Филби
    - Нелегал невероятной доброты
    - Покаравший Троцкого
    - Час Х так и не пробил
    - Агенты Вольфа были повсюду
    - Судьба перебежчика
    - Короли нелегалов
    - Любовь на глазах у натовцев
    - Блейк живет этажом выше
    - Советы на прощанье: разведка без мифов

Долгополов Н. М
Главный противник. Тайная война за СССР

Пара слов от автора

Это книга о людях разведки. Меньше всего мне хотелось показать их схематичными героями, эдакими дисциплинированными, натренированными роботами, запрограммированными на подвиг во имя и неминуемую удачу ради… Нет, этим людям часто выпадает столько испытаний, страданий, а порой обиднейших недоверия и подозрений, что на их месте другие сломались бы, не выдержали.

Профессия разведчика уникальна не потому, что увлекательна или становится посильной ношей лишь для горстки отмеченных редчайшими способностями, природой данными и учителями воспитанными. Нет. Разведка, особенно нелегальная, о которой немало рассказывается в этой книге, невольно обрекает на самопожертвование. И каких бы успехов не добился человек, живущий не своей жизнью, по чужой легенде, его деяния, как правило, не превращаются в предмет всеобщего достояния и восхищения. Его подвиг — для узкого круга молчаливых посвященных. Но вот результат работы пожинают, чаще всего, и не подозревая об этом, десятки миллионов. Где бы мы были, если бы разведка не добыла секретов создания атомной бомбы? Об ответе, абсолютно простом, бесхитростном, но каком трагичном, и думать не хочется.

Известность к безымянным представителям этой профессии приходит, как грустное правило, после разоблачения противником из-за предательства, как это случилось с нелегалами Абелем — Фишером и Молодым, или в самом конце длинной жизни — так было с супругами Мукасеями. Впрочем, есть и счастливые исключения — супружеская пара нелегалов Вартанянов. Но вспомним тогда и превращенного почти в хрестоматийного Николая Кузнецова. Вечно бодрого, подтянутого, ставящегося в пример целым поколениям, но как тяжко жившего и так рано лишенного жизни.

Сразу предупрежу читателя: практически за каждым сюжетом или даже раскрытым оперативным эпизодом прячется слово «почти». До сих пор под грифом «сов. секретно» некоторые настоящие фамилии, присутствует определенная недосказанность, когда за интригующим началом обязательно должно последовать продолжение, публикация которого затягивается на десятки лет. Порой и события давней поры смещены во времени. Нельзя называть стран и действовавших там верных помощников.

И все-таки разведка постепенно, неторопливо, со вдумчивой

осторожностью раскрывает тайны, которым, казалось, оставаться лишь ее собственными. Выходят на свет новые имена, а с ними и новые подвиги. К примеру, мы подробно, пусть и в пределах на сегодня дозволенного, рассказываем о деятельности нелегала, Героя России Алексея Козлова. Выданный предателем Гордиевским, он два года провел в камере смертников в ЮАР, был обменен на 11 (!) шпионов, а вскоре после этого снова взяв чужое имя, отправился в разведку. Уже знакомые нам персонажи обретают более конкретные черты. Так в этой книге о полковнике — нелегале Африке де Лас Эрас рассказывает ее ученица, пока появившаяся у нас под псевдонимом Т.И. И даже, казалось, в досконально изученную биографию легендарного Николая Кузнецова добавляются неизвестные штрихи. Впервые приоткрывается завеса над тем, что же делали после Великой Отечественной, сорвав в 1943-м покушение на Большую тройку в Тегеране, Герой Советского Союза Геворк Вартанян и его жена Гоар. А ведь они снова стали нелегалами на долгие три с лишним десятилетия. Перед 100-летним юбилеем поведал некоторые подробности своих с супругой 22-х лет, как говорят в разведке, «в особых условиях», ныне ушедший Михаил Мукасей… В этой книге мы впервые упоминаем, пока лишь упоминаем, одного из Героев Советского Союза, около двух десятилетий проработавшего под чужим именем в далеком зарубежье.

Словом, разведчики продолжает тихую и нужную свою работу. Мертвых сезонов в разведке не бывает.

Защита от внешних угроз

Это первое интервью Директора Службы внешней разведки Михаила Ефимовича Фрадкова на важном посту. В декабре 2010-го в канун 90-летия Службы он ответил на вопросы «Российской газеты», которые привожу в книге. Беседа — строгая, без всяких вольностей. Однако уверен, читателю станет теперь более понятно, чем живет разведка сегодня.

– *Михаил Ефимович, как СВР отмечает свой праздник? На торжественном собрании в штаб-квартире в Ясеневе 15 декабря выступил Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Можно ли узнать какие-нибудь подробности?*

— Собрание действительно прошло в торжественной, запоминающейся обстановке. Президент Д.А.Медведев поздравил сотрудников с 90-летием СВР и вручил Службе Грамоту Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации за работу по защите нашей страны. Он подтвердил, что руководство страны понимает необходимость и важность внешней разведки для России. По его оценке наша Служба сохраняет все возможности для оперативного, качественного, эффективного решения поставленных перед ней задач, и в настоящий момент входит в сообщество наиболее сильных и конкурентоспособных разведок мира.

В зале присутствовали представители всех подразделений Службы — руководство, опытные сотрудники, вышедшие в отставку ветераны и, конечно, молодежь. Многие из наших молодых работников, наверное, впервые увидели своих старших товарищей с орденскими планками на костюмах — у нас такое происходит очень редко, только по большим праздникам.

Мы отказались от традиционного праздничного доклада и показали Президенту специальный фильм о нашей работе.

Затем состоялось награждение наших лучших работников. Награды вручались не «юбилейные», а за конкретные результаты, о которых, возможно, станет известно лишь через много лет.

Заседание в штаб-квартире СВР — центральная часть общей программы, посвященной празднованию 90-летия разведки. В силу понятных причин по большей части эти торжества носят закрытый характер, однако есть и публичные мероприятия, как, например, выставка «90 лет российской внешней разведке» в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Музей этот на Поклонной горе.

– *История внешней разведки содержит немало героических страниц. Какие из них вы хотели бы вспомнить сегодня?*

— Для меня история нашей разведки связана, прежде всего, с необыкновенными людьми, в ней служившими, отдавшими ей всю свою жизнь.

Николай Кузнецов — один из девяти разведчиков, получивших звание Героя Советского Союза за подвиги, совершенные на оккупированной немцами территории в годы Великой Отечественной войны.

Алексей Ботян, выполнявший специальные задания за линией фронта и послуживший прообразом героя фильма «Майор «Вихрь». Высшая награда нашла его только в 2007 году, когда ему было присвоено звания Героя России.

Всего же в тылу врага сражались свыше 13 тысяч оперативных работников и воинов-чекистов.

Ким Филби — легенда разведывательного мира XX века, проникший в руководство английских спецслужб и оказавший неоценимые услуги нашей стране во время войны и после нее. В ходе нынешних торжеств мы открыли в Москве памятную доску, посвященную Филби.

Владимир Барковский, Леонид Квасников, Александр Феклисов, Анатолий Яцков, супруги Моррис и Леонтина Коэны — все они, вместе с другими товарищами по разведке, сыграли важную роль в создании атомного оружия в нашей стране.

Рудольф Абель, Конон Молодый — наши герои-нелегалы тяжелых лет «холодной войны». Живущие среди нас и продолжающие работать выдающиеся разведчики Джордж Блейк, Алексей Козлов, супруги Геворк и Гоар Вартаняны.

Невольно обижаю многих замечательных коллег — формат интервью и правила конспирации не дают возможности назвать имена всех героев разведки. Скажу лишь, что мы не просто гордимся ими, а следуем их примеру, стараемся упрочить честь и достоинство нашей организации, имеющей столь замечательную историю.

— Что нового происходило во внешней разведке в последние годы?

— Наш коллектив состоит из высококвалифицированных специалистов своего дела, имеет ясные, сформулированные руководством страны задачи, соответствующий инструментарий для их решения, опирается на твердую законодательную базу.

Вместе с тем разведка — живой организм. В последние годы нами были проведены кадровые перестановки, определены новые приоритеты, проанализировано положение дел на основных направлениях разведдеятельности, приняты меры по повышению ее эффективности и результативности, по стимулированию мотивации сотрудников, подъему авторитета Службы.

По большей мере это наши «домашние дела». Но в то же время были и знаковые события, такие, как вручение нам Дмитрием Анатольевичем. Медведевым знамени СВР и штандарта Директора Службы.

– Не раскрывая никаких государственных тайн, все же расскажите, пожалуйста, об основных направлениях деятельности Службы.

— Главной задачей СВР России, как это было на протяжении всей нашей истории, остается защита России от потенциальных внешних угроз. Список этих угроз меняется в зависимости от изменения обстановки в мире и приоритетов нашей страны на данный момент времени. Наша обязанность — вовремя предупредить руководство страны об обострении кризисных ситуаций в мире, о возможных враждебных России внешних акциях — политических, экономических, военных и любых других.

Разведка содействует успешной реализации внутренней и внешней политики России, нацелена на поддержку процесса модернизации нашей страны, создание оптимальных условий для развития ее науки и экономики.

Сегодня мы не ведем «тотальную» разведку, а сосредотачиваем внимание на сфере интересов Российской Федерации, стремимся экономно, рационально расходовать наши ресурсы. Другое дело, что многие современные международные проблемы приобретают глобальный характер.

В настоящее время мы внимательно отслеживаем угрозы международного терроризма и наркотрафика, распространения оружия массового уничтожения, появления новых государств, обладающих ядерным оружием.

– Насколько востребована информация, добываемая нашей разведкой, каковы ее оценки?

— Внешняя разведка много сделала за последние годы, чтобы быть адекватной переменам на международной арене. Новые условия выдвигают новые требования, новые задачи, изменяют акценты в нашей деятельности, заставляют подчас по-новому смотреть на нашу работу. Без этого результаты труда разведчиков просто не могут быть востребованы в нынешней обстановке.

Вопреки распространенному мнению, качество работы разведслужбы в современных условиях определяется не всплеском отдельных блистательных операций, о которых общественность узнает в любом случае не раньше, чем через 30–50 лет. Главный показатель качества разведдеятельности — стабильность ежедневной кропотливой, методичной работы по добыванию и предоставлению руководству нашей страны

достоверной и своевременной информации по вопросам, затрагивающим национальные интересы России.

Сегодня можно сказать: информация СВР востребована. Наши основные потребители — Президент и Председатель Правительства России. Хочу подчеркнуть, что материалы наверх идут не приглаженные, не подстраивающиеся под настроения потребителей, а объективные и честные.

Лучшей оценкой добываемых разведкой сведений является их реализация высшим руководством страны, выражающаяся в принятии государственных решений.

– Одно время пресса была полна домыслов и предположений на тему предательства в СВР, которое привело к аресту в США группы разведчиков-нелегалов. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Согласно действующим правовым нормам, сегодня я не могу говорить о конкретных аспектах этой истории.

Неудачи случаются у всех спецслужб мира. Особенно тяжело, когда они связаны с изменой Родине. Этому не может быть никаких оправданий — недаром Данте поместил изменников в самом последнем девятом кругу ада.

В этой ситуации мы благодарны руководству страны за то, что оно с пониманием относится к случившемуся. Когда разведчики чувствуют поддержку со стороны своего государства, они работают уверенно и смело.

— Деятельность внешней разведки окутана завесой секретности. Как осуществляется надзор за ее работой?

— В соответствии с Федеральным Законом «О разведке» за деятельностью СВР осуществляется парламентский контроль в порядке, установленном федеральными закона ми. В свою очередь Счетная палата РФ проверяет исполнение утвержденных Государственной Думой и Советом Федерации смет расходов на содержание органов внешней разведки России.

Мы поддерживаем тесные рабочие отношения с целым рядом комитетов Госдумы и Совета Федерации.

Кроме того, надзор за исполнением органами внешней разведкой федеральных законов осуществляют Генеральный прокурор РФ и уполномоченные им прокуроры. В предмет прокурорского надзора не входят сведения о лицах, оказывающих СВР конфиденциальное содействие, а также об организации, методах и средствах осуществления Службой своей деятельности.

Наконец, хочу напомнить, что мы являемся федеральным органом, непосредственно подчиненным Президенту Российской Федерации, который внимательно следит за нашей работой.

– Как идет подготовка новой молодой смены разведки?

— В настоящее время СВР не испытывает проблем с подбором молодых кадров. Служба привлекает к себе молодежь перспективной интересной работой, уникальной профессиональной подготовкой, способствующей многогранному развитию личности, хорошим социальным пакетом.

Главное, однако, и для кандидатов, и для нас — это мотивация их решения работать в разведке. Мы ищем, прежде всего, людей, искренне желающих посвятить жизнь защите своей страны. У нас ценятся такие качества как патриотизм, высокая ответственность за порученное дело, дисциплинированность, развитое чувство товарищества, инициатива. Кроме того, молодой человек должен быть хорошо образован, обладать широким кругозором, гибким умом и оставаться неравнодушным по отношению к людям и окружающему сложному и противоречивому миру.

Обучение молодежи не заканчивается в нашей Академии. После ее окончания начинается подготовка к командировке, углубление языковых и страноведческих знаний — словом разведчик учится всю свою жизнь.

– Какова судьба разведчиков, уходящих в отставку?

— Служба старается не бросать своих отставников и в меру имеющихся возможностей заботиться о них. Для нас они — носители традиций и бесценного оперативного опыта, который нужно передавать молодежи. Мы уделяем особое внимание реализации предусмотренных законом мер по усилению социальной защищенности ветеранов, оказанию им дополнительной финансовой помощи, улучшению медицинского обслуживания и жилищных условий. У нас активно работают объединения ветеранов разведки, которые также оказывают поддержку пенсионерам.

А жизнь в отставке, разумеется, у всех складывается по-своему. Некоторые наши отставники успешно работают на гражданской службе и в частном бизнесе. Другие полностью посвящают себя семье. Расхожая сентенция о том, что разведчик навсегда остается разведчиком, справедлива не всегда. Но для большинства наших отставников Служба действительно остается важнейшим событием их жизни, они болеют за судьбу СВР, они являются нашей совестью и хранителями идеалов верности Родине и долгу.

– Как и чем живет разведка в дни празднования своего 90-летия?

— Несмотря на юбилейные торжества, разведка не снижает темпов своей деятельности, не ослабляет усилий по добыванию, обработке и анализу информации. В нашей штаб-квартире идет

напряженная, планомерная работа.

И в эти дни мы стремимся оперативно реагировать на развитие ситуации в том или ином регионе, своевременно вырабатывать соответствующие предложения руководству нашего государства. Поэтому и нашим товарищам «в поле», и нам в Центре приходится работать, не считаясь ни со временем, ни с наступившими торжествами.

Хочу отметить, что в эти дни Служба внешней разведки получает большое число поздравлений от наших коллег из других силовых ведомств от представителей государственных, общественных организаций, от граждан России. Большое спасибо всем за теплые слова и поздравления. Со своей стороны желаю им доброго здоровья и успехов.

Часть первая. Герои разведки

Итак, Герои разведки названы. О некоторых из них, которым присвоены звания Героев Советского Союза и Героев России, мне бы хотелось рассказать в этой первой части книги. Получилось так, что был, не побоюсь этого слова, хорошо знаком с Героями России — атомными разведчиками Владимиров Борисовичем Барковским и Александром Семеновичем Феклисовым. В друзья к Моррису Коэну себя не записываю, но оказался единственным российским журналистом, больше четырех часов проговорившим с Героем России, который, будем откровенны, с помощью жены, тоже Героя России, Лоны Коэн доставил прямиком в руки разведки важнейшие документы по атомной бомбе. Не сочтите за нескромность, но Герой России Геворк Андреевич Вартанян и его супруга Гоар Левоновна из главных персонажей моих книг постепенно превратились в друзей. С Героем России Алексеем Михайловичем Козловым мы довольно долго привыкали друг к другу. Но постепенно нашли общий язык и сохраняем отношения добрые и уже многолетние. Лишь издали — да и то на футболе — видел страстного болельщика, заметьте, «Спартака», не «Динамо», Джо Коваля, как оказалось тоже атомного разведчика, которому звание Героя России было присвоено уже посмертно, в 2007-м. И еще об одном Герое, чье имя неизвестно, расскажу буквально на одной страничке, потому что пока нельзя. И даже имени не назову, ибо вряд ли будет когда-нибудь можно. Но хочу, чтобы читатели знали: такой человек был. И дела его остались, как и память о том, что он свершил.

Сильный духом

Однако начну с Дмитрия Медведева. Знаменитый партизанский командир, обласканный славой и увенчанный званием Героя Советского Союза. Автор книг «Сильные духом» и «Это было под Ровно», известных каждому советскому школьнику. Полковник-чекист, на которого призывали равняться. И человек, перенесший опалу, ссылку, смерть брата, сгинувшего в ГУЛАГе. Статный красавец Дмитрий Николаевич Медведев умер в 56 лет от сердечного приступа. Еще при жизни он стал легендой. О неизвестных штрихах его яркой судьбы мне многое рассказал писатель Теодор Гладков, а затем и сын Медведева — Виктор Дмитриевич. Это глава написана благодаря им.

В ЧК Медведев пришел в 1920-м. Тогда же принят в партию — и оставался всегда правоверным коммунистом. Орденов в те времена было маловато, однако наградами Медведева не обделяли: именное оружие, золотые часы, серебряный портсигар. А в 1932-м одним из первых на Украине получил звание Почетного чекиста.

Прославился Медведев тем, что раскрыл в Крыму мощную контрреволюционную организацию. Внешность у сына мастера-сталевара из-под Брянска была аристократическая, выправка — гвардейская. Этим и воспользовались. Знали, что в Крыму ждут эмиссара из-за кордона. Его роль сыграл Медведев. Проехался по всем отделениям, выдавая себя за долгожданного посланца «оттуда». В результате тех гастролей арестовано чуть ли не пять сотен человек.

Кстати, с киношной внешностью Дмитрия Николаевича связана забавная история. Только-только получил назначение в Одессу, где его утвердили начальником отдела. Через пару дней заместитель Медведева прибежал к нему в панике:

— Ваш портрет метр на метр висит в фотоателье на Дерибасовской.

Оказалось, снял его уличный фотограф просто так, как щелкал сотни прохожих. Но проявили пленку, и увидели, что мужчина — ну прямо киногерой. И вывесили на витрину как завлекаловку: вот какие у нас снимаются. Фото все-таки пришлось убрать.

У вечно занятого борьбой с врагами Дмитрия Николаевича находилось время и на дела иного рода. Во времена жуткого голода на Украине чекисты во главе с Медведевым создали за свой счет коммуну для беспризорных ребятишек. Собирали деньги, отдавали продукты из собственных пайков. Даже с

благотворительными концертами выступали. Устроили и лотерею с немедленной выдачей выигранного. Медведев пожертвовал в качестве главного приза небывалую по тем годам ценность: новенькие хромовые сапоги. Да, такого человека было за что любить и примечать наградами.

И вдруг в 1936-м — травля. Брат, член партии с 1912-го года, оказался оппозиционером, и Медведева исключают «из рядов». Заявления, просьбы, напоминания о собственных заслугах — ничего не помогает.

Но было в характере Дмитрия Николаевича нечто, довольно точно подмеченное чекистскими кадровиками: «Характер мягкий, но строптивый». И в 1937-м помощник начальника управления НКВД Харькова (тогдашней украинской столицы), самовольно приезжает в Москву. Бросает в ящик письмо безжалостному наркому Ежову и самому Сталину. Суть послания: «Сижу в зале Курского вокзала у бюста товарища Сталина и прошу за мною приехать. Если меня не примете, объявляю голодовку». В НКВД поднялся переполох. Почетный чекист имел право носить оружие и без особого разрешения входить в любое помещение органов, кроме тюрьмы. А вдруг окажет сопротивление и станет стрелять?

Короче, за Медведевым приехали и разобрались. Был он капитаном госбезопасности — чин, равный армейскому полковничьему. Решили не сажать. Даже оставить в партии и в НКВД. Но не в главном управлении госбезопасности, откуда за строптивость Медведева убрали. Перевели в ГУЛАГ.

Сначала его отправляют на строительство Беломоро-Балтийского канала в Медвежьегорск. Затем перебрасывают еще дальше — в Норильск. По существу, та же ссылка.

И здесь опальный Почетный чекист вновь проявил строптивость. Заключенных, отбывших свое, освобождать было не принято, навешивали им обязательно второй срок. А Медведев людей освобождал. Разразился жуткий скандал. И в конце 1939-го Дмитрия Николаевича уволили из органов с уникальной формулировкой: «за необоснованное массовое прекращение следственных дел». Но поднимать шум не решились, и в официально-парадной биографии героя до сих пор значится стандартное: «Уволен по состоянию здоровья». Медведеву был тогда 41, а выслуга лет с учетом войн — 42 года.

Накопленных за десятилетия службы денег хватило на покупку маленькой дачи в Подмосковье, где Медведев со своей второй женой и обитал до 22 июня 1941-го. Парадокс, но война спасла от новых крупных неприятностей. Чекист-пенсионер встал на партучет в Люберцах, где его сделали лектором. И со свойственной прямотой на одной из лекций рубанул: пакт с

Германией вот-вот рухнет, к неизбежной войне надо готовиться. Донос последовал немедленно, закрутилось дело…

Но в первые же дни войны в НКВД была создана особая группа при наркоме. Потом она превратилась в 4-е Управление во главе с генерал-лейтенантом Павлом Судоплатовым. Цель — организация разведки и диверсионной, боевой работы на оккупированной территории. Опытных людей катастрофически не хватало. И тогда Судоплатов обратился к Берии с просьбой освободить из тюрем и лагерей чекистов, которых еще не успели расстрелять. Так вышли на свободу известные разведчики Зубов, Серебрянский, Каминский… Вернули выгнанных Медведева, Фишера (Абеля), Лукина…

Медведев ушел в немецкий тыл в августе 41-го. По образцу того первого разведывательного отряда, названного по имени командира «Митя», строились и остальные. В составе — разведчики, контрразведчики, пограничники, спортсмены-динамовцы.

«Митя» действовал в тылу до января 42-го. Медведев объединил специфическую чекистскую работу с массовым партизанским движением. Но для этого Дмитрию Николаевичу пришлось опять рискнуть. По Иосифу Сталину, все военнопленные считались изменниками Родины. А Медведев брал к себе бежавших из лагерей и окруженцев.

«Вам забросят агентов гестапо», — стращали большие начальники. «На то мы и чекисты, чтобы разобраться», — отвечал командир. И действительно раскрывал агентов. А военнопленных не отталкивал, брал, и те не подводили. Уходило с Медведевым 33 человека, вернулось 330, да еще несколько отделившихся от «Мити» отрядов остались за линией фронта.

Не боялся он использовать и местных жителей, которые по каким-то причинам оказались сотрудниками оккупационных учреждений. Не принято это было до Медведева: всех таких поголовно считали предателями.

И еще невероятно важное: именно Медведев начал первым проводить боевые операции силами нескольких партизанских отрядов. Иногда по согласованию с командованием Красной Армии. Так, в разгар немецкого наступления на Москву четыре отряда перерубили железнодорожные ветки, на которых скопилось три десятка эшелонов, а наша бомбардировочная авиация точно в оговоренный час одним налетом их вдребезги разбила.

Случалось, донесения групп Медведева доходили даже до Сталина. С ними знакомились начальник Генерального штаба маршал Шапошников, Жуков. Первый свой орден Ленина из

четырех Медведев получил за «Митю».

Дважды за это время Медведева ранили. Один раз — в коленную чашечку, и печальный исход был тогда уж совсем близко. Но вынес из боя и тащил своего командира несколько километров, утопая в глубоких снегах, верный адъютант. Такое было под силу только человеку неимоверной воли и физической мощи. И того, и другого было в достатке у абсолютного чемпиона СССР по боксу, тоже легендарного Николая Федоровича Королева.

За первым отрядом был второй, потом третий. А последним своим боем израненный Медведев командовал, сидя на стуле, будто Наполеон…

Потом Москва, госпиталь. Выяснилось, что поврежден позвоночник: никак нельзя было с его солидным весом и ростом прыгать с парашютом. Он же, конечно, прыгал.

В 1946-м пришлось уйти из органов. Может, и лучше? Новый министр НКВД Абакумов принялся сажать и расстреливать тех, кто сидел или был в опале до 1941 года и кого не убили немцы. Переживал Медведев тяжело, однако и здесь выдюжил. Страна зачитывалась его книгами «Это было под Ровно», «Сильные духом». Школьники сбегали с уроков, а студенты с лекций, чтобы послушать медведевские передачи по радио: тогда впервые и прозвучали имена Кузнецова, Приходько, Цесарского.

Написал он и книгу «На берегах Южного Буга» — о винницком подполье. И тут закрутилось невероятное. Недобитые бандеровцы подняли грязную волну. Героев Медведева объявили предателями, бандюг же и прихвостней превозносили. Бывшее ведомство чекиста-героя хранило непонятное молчание. Зато некоторые газеты поддержали травлю.

Откуда такие злоба, зависть?.. 14 декабря 1954 года, в своей квартире в Старопименовском переулке, он говорил об этом с боевым другом Валентиной Довгер. Валя вышла на кухню сварить кофе. Вернулась — Медведев был мертв. Сердце не выдержало.

Потом эту улицу, где жил и умер Медведев, назвали его именем. А недавно опять переименовали. Господи, ну Медведев-то чем и нам, нынешним, не угодил? Простите, Дмитрий Николаевич…

Думал я, что ничего нового о Медведеве уже не отыщется. Но повезло. Так бывает, нечасто, но бывает. Иногда по прошествии лет находят меня родственники героев моих книг и фильмов. Не скрою, приятно. Значит, читали, приняли, и, преодолев понятное стеснение, решили поведать нечто новое о родителях. Всегда встречи эти и трогательны, и полезны. Кому как не дочерям с сыновьями — о родителях.

Разыскал меня Медведев — младший. Договорились о встрече, и когда Виктор Дмитриевич появился в кабинете, чувство было такое, будто заглянул в гости сам знаменитый разведчик. Гены не подвели, сходство — поразительное.

— Об этом говорят многие, — улыбнулся Виктор Дмитриевич. — Похож. Горько, но отец ушел рано, в 1954-м, было ему всего-то 55, я родился в 1947-м. Совсем мальчишка, но детские годы, постоянное общение с отцом запомнились. Папа уже в отставке, работал дома, а я учился в школе, в двух шагах от дома, и много время мы проводили вместе. И мама моя, от которой у папы секретов не было, часто о нем рассказывала, память об отце в нашем доме осталась, хранится.

Не претендую на роль историка или единственного свидетеля. Пришел к вам, чтобы показать вот эти рисунки. Когда моя мама весной 1968-го уже после ухода отца лежала в госпитале КГБ на Пехотной, подошел к ней интеллигентный немолодой человек. Узнал, что она — вдова Героя Советского Союза Дмитрия Медведева. Оказалось, знаменитый нелегал Рудольф Иванович Абель. Подарил маме четыре миниатюры, вот, видите, на одной даже посвящение «Татьяне Ильиничне Медведевой и сыну Виктору от почитателя Вашего отца и мужа. 25.IV.-68. Р. И.Абель». Больше 40 лет прошло, и мамы моей нет, а рисунки храню.

— Вы знаете, они мне знакомы. Вильям Генрихович эти крошечные пейзажики, в основном виды Подмосковья, что недалеко от его дачи, преподносил с дарственными надписями близким. И, вот она дисциплина, почти всегда подписывался не Фишером, а Рудольфом Абелем. Кое в чем судьба его схожа с вашим отцом. Два великолепных профессионала были отстранены от работы в органах. И обоих вернули в начале войны. Вашего отца раньше, Абеля — Фишера — чуть позже.

— Отца попросили из органов осенью 1939-го. Сказали: по состоянию здоровья.

— В те страшные времена могло быть и хуже.

— Отец поселился в Томилине. Там и жил до войны.

— Медведев был человеком справедливым, тех мерзостей, что некоторые творили в НКВД, не терпел. Правда ли, что одним из формальных предлогов для отстранения от службы стал арест брата?

— Давайте начнем с того, что в семье, жившей в Бежице, недалеко от Брянска, было 13 детей. Выжили девять. Четыре брата, пять сестер.

— И все четыре брата работали в ЧК?

— Все четыре. Старший Александр, большевик еще с

дореволюционным стажем, участвовал в партийных съездах, стал первым председателем Орловского ЧК. Был репрессирован как якобы участник «рабочей оппозиции». Погиб в лагерях. И тут пострадали все остальные братья. Не вернулся из лагерей Михаил — самый младший. Второй брат, Алексей, на год папы старше, сидел, но выжил, возвратился. А отца — попросили «по здоровью».

— И только когда немцы уже были совсем близко от Москвы, вмешались в его судьбу Берия и Судоплатов.

— Расскажу вам так, как это воспринималась отцом и нашей семьей. Война началась, и папа приехал из Томилина, где обосновался, в Москву, пошел к Берии и пробился. Говорил о Денисе Давыдове…

— О том самом гусаре, что командовал партизанскими отрядами в 1812-м, когда Наполеон захватил Москву.

— Были у отца именно такие аналогии. С первых дней войны, в конце июня, понял, к чему идет, чем может закончиться. Партизанское движение, действовавшие в тылу противника отряды можно было создавать по примеру тех, что возглавлял Давыдов. И почему бы нам не сделать то же самое. Я об этом герое услышал очень рано. Еще когда мама давала мне читать отцовский дневник.

— Ведение дневников не поощрялось, особенно во время войны.

— Но отец, вернувшийся на службу в июне 1941-го, его вел, писал, возможно, и не очень регулярно. Записи сохранились. Они, по-моему, достояние органов, потому что есть там некоторые такие сведения… Но я сам читал отцовское: «был на приеме у ЛП», «говорил с ЛП». Спрашиваю, это уже потом в 1960-е, в 1970-е даже: что за ЛП? Объяснили — Лаврентий Павлович Берия. Бывал мой отец у ЛП, он пробивал эту идею. Создание отрядов, заброски в тыл врага.

— Считается, что это идея любимца Берии, генерала Павла Судоплатова.

— Отец через Судоплатова и шел. У него с Павлом Анатольевичем были нормальные отношения. Судоплатов, посаженный после расстрела Берии, вернулся, отсидев долгие годы во Владимирском централе. Он к нам приходил 14 декабря — это день смерти отца. Когда мама была жива, в нашей квартире, тогда еще в Старопименовском переулке, потом в честь отца на улице Медведева, теперь вот снова Старопименовском, собирались все оставшиеся друзья, близкие. Каждый год, и много народу. Партизаны, чекисты, в том числе и Судоплатов, еще несколько переживших ссылки — лагеря. В 1950-е возвращались

отца знавшие. Люди — самые разные. Некоторые говорили на иностранных языках блестяще. Не поверите, но среди них были и изучавшие английский там, в ссылке. Вот такой контингент вернувшихся.

— Вы знаете, мне до сих пор многое в отношении тогдашних властей к вашему отцу непонятно. В 1944-м — присвоение звания Героя Советского Союза, в 1946-м — четвертый орден Ленина, и тут же в 48 лет— отставка. И генерала не дали.

— Оставался отец полковником. Что я вам могу тут сказать? Был я мал, но помню, папа переживал. Конечно, не из-за чинов. Но работал, выступал с воспоминаниями. И заметили его. «Там» намекнули, что слог хороший, может быть, что-нибудь напишите? И порекомендовали молодого выпускника факультета журналистики, чтобы помогал в литературной работе. Это был Анатолий Борисович Гребнев.

— Тесен мир. Очень хорошо мне знакомый человек. Стал он потом одним из лучших сценаристов нашего кино.

— А тогда они вместе написали пьесу «Сильные духом», она и в Москве шла. Союз их творческий продолжился. Гребнев помогал в литературном плане, и когда писалось «Это было под Ровно», и в последующих книгах. Заходили они с женой Галиной к нам в Старопименовский. А с Анатолием Гребневым мы общались до самой его кончины. Он и на свадьбе у меня был.

— Гребнев с супругой — родители моего школьного друга — сценариста и кинорежиссера Александра Миндадзе.

— Да, тесен мир. Книгу «На берегах Южного Буга» Гребнев доделывал, потому что отец умер, когда она еще не вышла. У папы, как раз были большие неприятности с этим Винницким подпольем, и книгу по ряду причин не могли издать.

Тут, знаете, у меня воспоминания детские, но яркие. Мне шесть лет, в школу еще не пошел. Наша квартира одно время превратилась в общежитие. Я, маленький, вставал рано и буквально переступал через спавших повсюду людей. Это начались в Виннице гонения на членов винницкого подполья. Времена-то суровые, 1953-й год, и в Москве они, приехавшие с Украины, просто физически выживали. Здесь, и при помощи отца тоже, их как-то сохраняли, отбивали.

— Что же это было?

— Были какие-то непонятные для меня трения между украинскими чекистами и московскими. А люди, рисковавшие в войну в подполье, приезжали спасаться в Москву. Понятно, приходили к отцу. В Виннице, видно, подняли головы бывшие националисты. Я сейчас, рассказывая о папе, не хотел бы слишком глубоко, чтя его светлую память, в этот сложный вопрос

вдаваться. Но многие, кто служили полицаями, кто выпускал винницкую фашистскую газету, вдруг оказались патриотами. И устроили гонения на тех, о подвигах которых отец с таким уважением писал в книге «На берегах Южного Буга». Да, это была большая война. И «Литературка», которую возглавлял фронтовик Константин Симонов, плохо выступила. Поддержал он ту сторону конфликта. Почему? Не ко мне, я мал был, особо ничего не понимал, все знаю уже по рассказам. А в нашей большой квартире просто проходной двор, люди приезжали и жили, потому что в Виннице и в Киеве их бросали в застенки.

— Отец рассказывал вам что-нибудь такое, что не вошло в книги?

— Он вообще о том говорил сравнительно мало. Ну, к примеру, был такой день, который он всегда считал своим вторым днем рождения, когда спасся вопреки всему.

— Может, день, когда его, тяжело раненного, вынес из боя абсолютный чемпион СССР по боксу Королев?

— Нет. Королев спас его в первом отряде — «Митя». А то случилось уже во втором отряде «Победители», когда папу ранили. И хотя отмечали всегда как день рождения настоящую дату — 22 августа, отец вспоминал часто о совсем другом дне.

Он всерьез занимался литературным писательским трудом. Сидел, печатал на машинке как раз книгу «На берегах Южного Буга». И я почему-то рано научился читать. Ходил гулять в Пушкинский сквер, и видел бегущую строку над одним из зданий. Спрашивал, что за буквы, мне объясняли, и как-то неожиданно прочитал то, что бежит. На меня посмотрели удивленно. Мои успехи в деле чтения бегущей строки на «Известиях» решили продемонстрировать папе, он пошел со мной, я начал читать. Очень бодро прочитал первые бегущие буквы «Три кота» и, довольный, обернулся. Папа меня поправил, не «Три кота», а «Трикотаж», не хватило терпения дождаться последней буквы слова, если и так все понятно. А что такое трикотаж, я и представить не мог, мне начали объяснять. Все равно ничего не понял.

Отец спросил: кто научил читать? Взрослые, со мной гулявшие, этим не занимались. И я, совсем ребенок, вроде как подчитывал книгу «На берегах Южного Буга», которую давал мне отец. Я еще помню, там есть глава «Волк в овечьей шкуре». Удивляюсь, пап, что это, как понять? Он говорит: такое есть выражение. Объяснял популярно, что это предатель претворяется, прикидывается. Спрашивал у него значение еще нескольких слов. Папа научился печатать, и я тоже, даже печатал довольно быстро. Была у него большая немецкая машинка.

Как-то маленьким гулял во дворе и встрял в какую-то передрягу: за кого-то заступился, подрался, пострадал, но победил. Мне это показалось по-детски необычайно важным, пришел домой взбудораженный и подробно рассказал папе все перипетии, запросив его оценку. Папа сказал, что, во-первых, я поступил благородно, заступившись за кого-то, а во-вторых, я поступил нехорошо, потребовав за это похвалы. Другими словами, но смысл таков. Я это запомнил на всю жизнь. Очень часто, уже будучи взрослым, встречал людей, которые были благодарны отцу за помощь. Никто об этом не знал, даже мама. Он мог помочь устроится на работе, подбросить денег, дать полезный совет. И никогда не афишировал. Не принято это было у нас дома.

Хотя существовали некие сложности, о которых в семье волей-неволей говорили. Кого-то из знаменитых людей, писавших о партизанах, о подполье, принимали в члены Союза писателей, особенно на Украине, кого-то, как отца — нет.

— Непонятно почему?

— Действительно непонятно.

— Ведь он уже стал профессиональным литератором: «Отряд идет на Восток», «Это было под Ровно», «Сильные духом», вами упоминавшаяся «На берегах Южного Буга», пьесы… Многие его книги читают и сегодня.

— Можно сказать, да. Наверняка не слышали, — есть у него еще одна незаконченная повесть. Должна была по замыслу отца называться «Астроном». Это биография одного винницкого подпольщика, который там погиб. И папа взялся исследовать, изучать его жизнь с детства.

— Правда ли, что отец ваш внезапно скончался у себя в квартире на руках разведчицы Валентины Довгер? Она вышла на кухню, а вернулась…

— Так и было. Довгер часто у нас бывала, приезжала из Воронежа. У них общее партизанское прошлое, общие друзья.

— Разведчик, будущий Герой Советского Союза Николай Кузнецов был в отряде у вашего отца. Об обстоятельствах гибели Кузнецова много разговоров.

— Досужих, что могло быть так, а может, и иначе. Долго ведь искали — где, чего, куда? Обстоятельства гибели под вопросом: что было, как все это проистекало?

— Историк разведки Теодор Гладков считает, что ответ все же может быть найден. Полагает, что немецкие документы, попавшие в руки американцев, и сейчас у них в архивах.

— Думаю, в живых нет никого, кто мог бы рассказать. Но кое-что и кое о ком вспомнить можно. Вот вы в одной их своих книг

упоминаете о семье нелегалов Гринченко, работавших в Латинской Америке. А ведь Симона Гринченко (Кримкер) была в партизанском отряде под Ровно у отца, ее в книге тогда нельзя было упоминать, а в дневниках о ней много написано. Вся наша семья с Симоной очень тесно общалась, когда папа был жив, и после его смерти. Летом 1955 года, первый год без папы, мы снимали дачу в Малаховке. И заехала к нам в гости странная семья, в составе Симоны и двух ее детей помоложе меня. Дети ни слова не понимали по-русски! Она с ними объяснялась, как я потом понял, на испанском. Только-только возвратились оттуда, и малыши даже не знали, не понимали, что они русские! Запомнилось.

И еще воспоминание, тоже навеяно одним вашим героем— разведчиком, жившим на улице Полянке. Дело в том, что в 1972-м мы разменяли нашу квартиру в Старопименовском на две, разъехавшись с мамой. Кстати, в квартиру на Старопименовском вселился известный артист балета и впоследствии хореограф Михаил Лавровский.

— Виктор Дмитриевич, мир не тесен, а мал. Его отец Леонид Лавровский жил с нами не то, что в одном доме и подъезде, а этажом ниже, прямо под нами в доме Большого театра на Тверской, тогда улице Горького.

— Так вот, я переехал в дом на Полянке, где теперь станция метро. И у меня создалось впечатление, что в нашем подъезде все, или почти все, были оттуда же, где раньше работал отец. Причем попадались довольно странные экземпляры. Дверь в дверь напротив жили пожилой вроде бы армянин с женой. Он практически не говорил по-русски и ни с кем не общался. Единственный раз попросил меня помочь, когда его жене стало плохо. Зашел я в квартиру, никакой мебели, одна плохонькая кровать и что-то на кухне. Еще на этаже жил очень немолодой мужчина, немецко-прибалтийского вида, по-русски не совсем не понимавший. Во всяком случае, за десять лет проживания там я не слышал от него ни единого слова. Жил еще генерал — с ним мы общались даже за пивом в заведении напротив. И судя по другим жильцам подъезда, которые практически не скрывали своей профессиональной принадлежности, все это были возвратившиеся нелегалы, так и не адаптировавшиеся к нашей жизни. Сколько лет прошло, было бы любопытно узнать: кто это такие.

— Но никогда не узнаем. Вы, судя по всему, по отцовским стопам не пошли?

— Нет, долгие годы был преподавателем, сейчас работаю в Центробанке.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Медведев Дмитрий Николаевич — Герой советского союза, кавалер четырех орденов Ленина, 1898 года рождения, а на самом деле — 1899-го — прибавил год, чтобы в 1918-м взяли в Красную Армию. В ВЧК — с 1920-го. Работал в разных городах страны, а с 1936-го направлен на работу в ИНО (Иностранный разведывательный отдел). По некоторым данным, два года находился заграницей. справедливый и бескорыстный, Медведев не признавал липовых дел, за что подвергался гонениям. Увольнялся из органов. один из главных организаторов и идеологов партизанского движения. дважды его отряды «Митя» (1941–1942) и «Победители» исключительно успешно действовали в тылу врага. отряд Медведева уничтожил более 12000 немецких солдат и офицеров. Из них 11 генералов. Это у него в «Победителях» (кодовое наименование «Разведывательно-диверсионная резидентура РДР 4/190») действовали легендарный разведчик Николай Кузнецов и будущий нелегал, а тогда радистка, Африка де Лас Эрас. После войны ушедший в отставку «по состоянию здоровья» Медведев написал несколько прекрасных книг о своих соратниках-партизанах.

Герой с трагическим оттенком

О деятельности нашей разведки во время Великой Отечественной войны известно и много, и, в тоже время, как ни странно, мало. Много, потому что набор известных имен и совершенных подвигов очерчен довольно широко и точно. Мало, ибо только сегодня появилась возможность пока еще не узнать — лишь догадываться, как все было на самом деле. Завеса секретности еще не снята — она приподнята. Неожиданно выясняется, что среди всенародно воспетых героев-партизан и фронтовых разведчиков едва ли не большинство — кадровые сотрудники разведки. По крайней мере, таков мой личный вывод.

И о Николае Кузнецове написаны десятки книг, сняты художественные и документальные фильмы. Соратник легендарного Дмитрия Николаевича Медведева и бесстрашный партизан, советский разведчик, 16 месяцев действовавший под личиной обер-лейтенанта Пауля Зиберта, и бесстрашный исполнитель смертельных приговоров фашистской элите.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Кузнецов Николай Иванович (1911–1944), русский. Профессиональный разведчик. В период Великой отечественной войны руководитель разведывательно-диверсионной группы в городе Ровно Украинской ССР. Работал под видом офицера вермахта обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта. с 25 августа 1942-го по 8 марта 1944 года провел ряд разведопераций, добывая сведения стратегического характера. Так именно Кузнецов сообщил о готовящемся в Тегеране покушении немцев во главе с Отто Скорцени на Большую тройку — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Проводил операции возмездия. Убит бандеровцами в ночь с 8-го на 9-е марта 1944 года. звание Героя советского союза присвоено посмертно, в 1944-м, награжден также двумя орденами Ленина.

Однако в жизни разведчика Николая Кузнецова многое до сих пор под грифом «секретно». Помогает снять этот гриф исследователь и историк разведки Теодор Гладков. Он работал с

закрытыми архивами годами, «перелопатил» 300–400 томов. В том числе получил возможность ознакомиться с почти пятьюдесятью томами дела партизанского отряда «Победители», которым командовал другой Герой Советского Союза — Дмитрий Медведев и личного дела самого Кузнецова. Так открывались новые странички в биографии.

— Теодор Кириллович, вроде бы о Николае Ивановиче Кузнецове известно все. Но именно в новом XX веке о нем пишут и рассказывают столько… К уже сложившемуся и устоявшемуся образу безупречного героя добавляются новые черты. Кузнецова обвиняли чуть ли не в стукачестве: до войны, якобы, доносил на своих. Он и холодный убийца, и двойной агент, и обольститель — чуть даже не сводник, подкладывавший балерин из Большого чужим дипломатам.

— Стоп-стоп… Много трепа, ерунды, домыслов, сознательного искажения. Иногда желание приукрасить. Бывает, что и очернить. Но почему такой огромный интерес к Кузнецову? Наверно, и потому, что фигура необычнейшая, совсем для своих времен не типичная. И, это уж точно, не только, бесспорно, героическая, но и во многом трагичная.

Кем на самом деле был разведчик Кузнецов?

Действительно, есть в биографии Кузнецова кое-что неясное, недосказанное, о чем раньше предпочитали как-то умалчивать. Может это, до поры скрываемое, и дало повод к пересудам?

— Теодор Кириллович, в до сих пор заслуженно популяр ной книге Медведева «Сильные духом», написанной в начале 50-х и, наверно, чуть не сотню раз переизданной, автор мимоходом писал, что один из его подчиненных привел к нему Кузнецова в феврале 1942-го. Новый партизанский отряд Медведева как раз готовили к заброске в тыл фашистам, и Николай Иванович, инженер одного уральского завода, был представлен Медведеву как человек, прекрасно владеющий немецким и способный сыграть роль офицера вермахта. Позвольте вопрос прямой: сотрудничал до войны Кузнецов с органами или нет?

— Сотрудничал. Когда партизанский командир Дмитрий Медведев писал книгу «Сильные духом», прославившую и его, и погибшего в 1944-м Кузнецова, он не имел возможности рассказать о разведчике всю правду. «…Отряд Медведева должен был лететь под Ровно, и к ним пришел московский инженер, сказал, что знает немецкий. А через месяц появился Пауль Зиберт…» — написано в книге. Это — сказка для маленьких детей. Разведчики так не рождаются. На самом деле Кузнецов был с 1930-х годов негласным сотрудником службы госбезопасности,

работал на разных предприятиях Урала. А то, что он учился в Индустриальном институте, писал диплом на немецком, — чушь. Только годы спустя, в 1970-х, начальство тогдашнего КГБ впервые разрешило написать, да и то единственной строкой, что Кузнецов «с 1938 года начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности». Из загадочной и ничего, в сущности, не раскрывающей формулировки, следует, что 25 августа 1942 года в немецкий тыл приземлился с парашютом не просто под готовленный на скорую руку инженер с Урала, а достаточно опытный чекист, уже четыре года проработавший в органах. А сравнительно недавно удалось выяснить, что на самом деле к тому времени профессиональный стаж Николая Ивановича исчислялся не четырьмя — десятью годами.

— Но это же опровергает все расхожие и такие привычные представления о Кузнецове.

— Уже с июня 1932-го Николай Кузнецов — специальный агент. Предложение работать в ОГПУ-НКВД принял потому, что был патриотом, да и отчасти благодаря юношескому романтизму.

Первый псевдоним — «Кулик», затем «Ученый», позднее «Колонист». В медведевском отряде действовал под именем красноармейца Николая Васильевича Грачева. А, к примеру, в Свердловске, куда летом 1934 переехал из Кудымкара, он значился статистиком в тресте «Свердлес», чертежником Верх-Исетского завода, наконец, расцеховщиком бюро технического контроля конструкторского отдела. На самом деле числился в негласном штате Свердловского управления ОГПУ-НКВД. За четыре года в качестве маршрутного агента исколесил вдоль и поперек весь Урал. В характеристике того периода отмечалось: «Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

— С кем же Кузнецов завязывал полезные для ОГПУ знакомства?

— На Уралмаше, на других заводах трудилось в те годы много иностранных инженеров и мастеров, особенно из Германии. Собственных-то специалистов не хватало. Одни приехали еще в 1929-м во время кризиса, чтоб заработать — платили им в твердой валюте. Другие искренне хотели помочь Стране Советов. А были и откровенные недруги: шеф-монтер фирмы «Борзиг» демонстративно носил перстень со свастикой. Обаятельный и общительный Кузнецов умел легко сходиться с людьми разными — и по возрасту, и по социальному положению. Встречался с ними на работе и дома, беседовал по-немецки, обменивался книгами, грампластинками. Сестра Лида, тоже

жившая в Свердловске, переживала за брата: такое общение с иностранцами могло ой как аукнуться брату. Но Николай только подсмеивался. О его связи с органами никто из родни так и не догадался — тоже немалое достижение для разведчика. А он стремился, словно чуя, как сложиться дальнейшая судьба, перенять у немцев манеру поведения. Иногда копировал их манеру одеваться, научился носить хорошо отутюженные костюмы, к которым подбирал по цвету рубашки и галстуки, красовался в мягкой, слегка заломленной шляпе. Стремился быть в курсе новинок немецкой литературы, обращая внимание и на научно-техническую, и частенько заглядывал в читальный зал библиотеки Индустриального института. Отсюда, кстати, и миф: Кузнецов закончил этот институт и даже защитил диплом на немецком.

— Хорошо, общался молодой сотрудник Кузнецов с иностранцами, сходился с ними. А какой навар от этого чекистам?

— Как какой? Спецагент Кузнецов без дела не сидел. Представьте тот же «Уралмаш» — центр советской военной промышленности. Там масса иностранцев, в том числе и немцев. Понятно, были и их разведчики, и завербованные ими агенты. Многие уехали, но завербованные — остались. А Кузнецов вел себя, но не явно, не в лоб, с присущим ему актерским талантом, как человек, заинтересованный в знакомстве с иностранцами. Сообщал о настроениях, выявлял агентов. Тут и наводка, и вербовка, и проверка, и установка.

— Сколько специфических терминов.

— Даю прямой ответ на ваш вопрос, и как без специфики. Работал Кузнецов и по сельскому хозяйству: в район, где он трудился в Коми, ссылали кулаков. Конечно, многих в кулаки записывали понапрасну. Но были, были и кулацкие восстания, и убийства активистов, селькоров, настоящее, а не липовое вредительство. Так что таксатор Кузнецов получил право ношения оружия. Не только винтовки, как все лесники. Был у него наган. Человек уходил в лес, а там убивали почтальонов, таксаторов, тех, кто представлял власть.

— Но как же Кузнецов оказался в Москве? Кто конкретно рекомендовал парня с непростой биографией в столицу?

— Сложная история. Отыскал его в Коми новый нарком НКВД, бывший партийный работник Михаил Иванович Журавлев. Отправили его на укрепление чекистских рядов, и быстро дослужился до министра. Звонит он в Москву в Управление контрразведки и докладывает своему учителю Леониду Райхману…

— Тому самому, которого обвиняли в пособничестве Берии?..

— Я отвечаю на ваш вопрос о Кузнецове, не вдаваясь в подробности биографии Райхмана, кстати, одного из бывших мужей знаменитой балерины Ольги Васильевны Лепешинской. Журавлев докладывает: «У меня тут есть парень фантастических актерских и лингвистических способностей. Говорит на нескольких диалектах немецкого, на польском, а здесь выучил коми, да так, что стихи на этом сложнейшем языке пишет». А у Райхмана как раз кто-то из его нелегалов, приехавших из Германии. Соединил с ним по телефону Кузнецова, поговорили, и нелегал не понял: спрашивает у Райхмана, это что, звонили из Берлина? Назначили Кузнецову встречу в Москве. Так и попал в столицу.

— Вот и знакомство с Лубянкой.

— В здании на Лубянке Кузнецов ни единого раза в своей жизни не появлялся.

— Боялись пускать?

— Таких агентов было немного. Их не светили никогда. Могли сфотографировать человека, входящего в здание и конец работе. Первая встреча около памятника первопечатнику Федорову. Потом на конспиративных квартирах, в Парке культуры, в саду имени Баумана. Дали ему жилье на улице Карла Маркса, дом 20 — это Старая Басманная. Квартира была напичкана разной техникой. Все интересующие Лубянку разговоры записывались.

Ловля на живца

— Наверное, сразу отправили новобранца на учебу?

— Какое там. Его поселили под именем Рудольфа Вильгельмовича Шмидта, немца по национальности, 1912 года рождения. На самом деле Кузнецов родился в 1911-м. Выдавал себя за инженера-испытателя Ильюшинского завода и появлялся в форме старшего лейтенанта ВВС Красной Армии.

— Но почему именно старшего лейтенанта?

— Кузнецов сообразил, что его возраст 29–30 лет — как раз для лейтенанта. Легенда, которая притягивала чужих: работает в Филях, на заводе, где выпускают самолеты.

— Удивительно, что на лейтенанта Шмидта так клюнули.

— Удачно придумано — Рудольф Шмидт, то бишь, в переводе на русский, Кузнецов. Говорит по-немецки, родился в Германии. А что если попытаться использовать, разработать? На такую

заманчивую приманку сложно не клюнуть любой разведке. К тому же командир Красной Армии по виду — истинный ариец. И какая выправка. Теперь часто публикуют фото Николая Кузнецова тех времен: он в летном костюме. Но вот что интересно, или даже характерно. Той летной формы ему никто не выдавал. Он рассказывал Райхману, что сам ее достал, придумал легенду и по ней действовал. Ни в какой армии никогда не служил и воинского звания не имел. Но как по-немецки подтянут, по-европейски элегантен. Но мы-то теперь знаем: в собственной стране Кузнецов находился на нелегальном положении.

— Где же он работал или хотя бы к чему был приписан?

— В Москве состоял негласно в штате, получал жалованье непосредственно в германском отделении. У Николая Кузнецова даже должность была неимоверная, единственная в советской спецслужбе: особо засекреченный спецагент НКВД с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. И окладом довольно большим. У него не было ни звания, ни удостоверения. Все видели, что он активно общается иностранцами. Было столько доносов.

— Вы сейчас показали — будто двухтомник.

— Томами не мерил — куча доносов. Читал я их. Ну, скажу я вам, и писали. Самый активный — сосед по его еще коммунальной квартире: иностранцев водит и вообще.

— Хотя, догадываюсь, доносы попадали в одно и то же место.

— Должны были бы, по идее. Но из-за некоторой неразберихи взяла Кузнецова в разработку и наша контрразведка, установила за ним слежку. Даже клички ему давали — одна «Атлет» за мускулистую фигуру, другая — «Франт» за элегантность в одежде. Могли его рано или поздно взять.

— Разве люди из разведки не предупреждали о Кузнецове своих более простых в привычных действиях коллег?

— Никогда. Это было бы для него еще опаснее. Разведчик не имел права назвать свои связи даже соседу по кабинету. Кузнецов был кошкой, которая гуляла сама по себе. Иначе — опасно. Могли, вполне могли и прихватить. Так известного в определенных сферах Ковальского, который завербовал в Париже генерала Скоблина свои же и расстреляли. Хотя и говорил им, кто он. Было это на Украине, а его искал Центр, утративший с ним связь. Кузнецов же из-под наблюдений уходил. Делал свое дело. Вербовал немцев. Добывал секретные документы. Его задача в контрразведке была в том, чтобы на него клюнули иностранцы, в первую очередь агенты немецкой разведки. И генерал Райхман подтверждал: «Мы его ничему не учили». А Кузнецов купил фотоаппарат, и быстренько переснимал передаваемые ему

агентами документы — сам научился. И вождение машины тоже освоил сам. Тут было не до учебы в какой-нибудь разведшколе: к тому времени Кузнецова дважды исключали из комсомола. Сначала за то, что отец якобы, кулак, да еще из бывших. Вранье. Была у Кузнецова и судимость. А потом, скажу я вам, еще через несколько лет, когда уже трудился в органах, новый арест. Не до высшего образования — не дали Николаю даже техникум закончить.

— Про арест в органах давайте чуть позже. Но как он в свои молодые годы умудрился заработать судимость?

— Когда как «сына кулака» выгнали из комсомола, то и из техникума отчислили за семестр до окончания. До конца учебы оставалось всего — ничего, а ему всего лишь справка, что прослушал курсы. И 19-летний Кузнецов от греха подальше рванул по совету своего товарища в Коми-Пермяцкий округ. Куда уж дальше. Служил там лесничим, а кто-то из его прямого начальства проворовался. Кузнецов об этом сам и сообщил в милицию. А ему — за компанию — дали год условно и снова исключили из комсомола.

— Для будущего работника органов биография в те годы, да и по нынешним меркам, складывалась напряженно. Прав я или нет, на той первой судимости его органы и прихватили, завербовали?

— Так обычно и бывает. А с Николаем, к моему удивлению, история несколько иная. Однажды в Коми Кузнецов лихо отбился от напавших на него бандитов. И попал в поле зрения оперуполномоченного Овчинникова. Коми-пермяк по национальности, тот вдруг обнаружил, что недавно приехавший сюда молодой русский не только храбр и силен, но и говорит, причем свободно, на его родном. Да, это он завербовал Кузнецова, быстро поняв, что чисто случайно попал на самородка. А потом в Коми Михаил Иванович Журавлев нашел силы, оторвал такой талант от себя, отдал москвичам. А мог бы Николай до конца дней трудиться в своем далеке.

— Почему все же Кузнецов так и оставался именно самородком, которого и подучить чекистским премудростям не сумели?

— Райхман опасался, что вдруг при поступлении в чекистскую школу кадровики пошлют Кузнецова не на экзамены, а на посадку. А работать надо было сегодня. Ведь в пакт разведчики не верили. Райхман со товарищи даже написали об этом рапорт. Но Меркулов, их тогдашний шеф, бумагу разорвал с напутствием: «Наверху этого не любят, но работайте так, как вы все здесь мне это изложили». Москву наводнила немецкая

агентура. Запустили очень хитрую комбинацию, и на Кузнецова вышли определенные круги. И поехало. Удалось перехватить двух дипкурьеров. Кузнецов сумел вскоре скомпрометировать и завербовать некоего Крно — дипломата, фактически замещавшего посланника Словакии. Тот провозил по дипломатическим каналам целые партии контрабандных часов, а часть выручки от их продажи шла вроде бы на плату агентуре. Кстати, с часами произошла забавная история. Их, разведкой конфискованные, разрешили покупать по себестоимости сотрудникам наших органов Госбезопасности.

А Кузнецов крепко жал на Крно, и информация от того, пропадавшего в немецком посольстве днями и ночами, пошла ценнейшая. Затем благодаря Кузнецову отыскали подходы к военно-морскому и военному атташе Германии. Да, он умел обаять людей. Ухитрился расположить к себе и камердинера немецкого посла, и его жену. Перед войной благодаря Кузнецову проникли в резиденцию посла в Теплом переулке. Вскрывались сейфы, снимались копии с документов, и немецкая агентурная сеть попала в руки сотрудников Лубянки. И в благодарность за все это камердинер немецкого посла, считавший Кузнецова настоящим арийцем, фашистом, подарил ему под последнее предвоенное Рождество значок наци, книгу «Майн Кампф» и пообещал после окончания войны оформить членство в нацистской партии.

— Методы для вербовки чекисты, в том числе и Кузнецов, использовали самые разные.

— Надвигалась война. И методы были всякие.

Разведен, детей нет

— Немало судачат о том, что Кузнецов часто использовал в своей работе прекрасных дам. Простите за грубость, будто бы подкладывал балерин и прочих художниц в постель к иностранцам. Называли даже имя одной народной артистки.

— Было, но, конечно, не в тех гипертрофированных размерах, о которых болтают. Кузнецов — человек красивый, успехом у женщин пользовался. В том числе и у тех, у которых кроме него были и богатенькие поклонники, не только советские. Зарплата у девушек — не очень, а иностранец и чулочки привезет, и тушь из Парижа, и еще что-то подкинет. Так что Кузнецов никому никого не подкладывал. Прекрасные дамы и без него свое дело знали. Да, среди балерин были и его источники, много чего Кузнецову

рассказывавшие. Случился и серьезный роман с дамой-художницей. Было ей тогда под 30, и обитала она рядом с Петровским пассажем. Салон, богема — между прочим, в той квартире Кузнецов познакомился с актером Михаилом Жаровым. А Николай, по-моему, серьезно влюбился в эту светскую львицу с дворянской фамилией, назовем ее Ксаной О. Известен он ей был как Руди Шмидт. Начало 1940-х, и пакт — не пакт, отношение к немцам уже настороженное, могли за близкие связи по головке и не погладить. И Ксана свою любовь, говоря по-современному, взяла и кинула. Кузнецов же, при всем обилии связей, страдал. В партизанском отряде, об этом раньше совсем не писалось, просил Медведева: если погибну, обязательно расскажите обо мне правду Ксане. И Медведев, уже Герой Советского Союза, отыскал в центре Москвы эту самую Ксану О., выполнил волю другого Героя.

— И последовала сцена раскаяния?

— Ничего похожего. Полное равнодушие и безразличие.

— Может, ревновала? Приходилось Кузнецову спать с женщинами разных стран и профессий.

— В оперативных, как говорят в разведке, целях. К примеру с дамой из немецкого посольства — очень красивой и молодой. И, между прочим, технической сотрудницей, имевший доступ к самым разным документам. Пришлось благословлять Николая и на этот роман. В результате — ценнейшая информация прямо из посольства. И навыдавала она ему столько…

— Правда ли, что был Кузнецов когда-то в молодости женат?

— Чистая правда. 4 декабря 1930 года счастливая свадьба, и, бац, уже 4 марта 1931 — развод, не сложилась личная жизнь, и никогда уже не понять почему. Так это и осталось между двумя людьми, судя по всему, в начале совместной жизни любившими друг друга. Бывшая его жена Елена Чуева оказалась женщиной исключительно благородной, достойной. Выпускница медицинского, воевала, спасала раненых и закончила войну в звании майора. Демобилизовалась после победы над Японией. И, знаете, никогда и никому не хвасталась, мол, я — жена Героя, и ничего не просила.

— Пошли какие-то разговоры о детях. Конкретнее — о дочери.

— Детей не было. Слухи о дочери действительно поползли, и их проверили. У Героя отыскалась прямая наследница? Нет, неправда. Остался лишь племянник.

— Сложнейшее предвоенное время, совпало по срокам с началом работы Кузнецова в Москве как разведчика.

— Да, и приходилось ему общаться с людьми разными. Сделался завсегдатаем в знаменитом тогда ювелирном комиссионном магазине в Столешниковом переулке. Заводил там знакомства и с народом благородным, и с нечистым. В артистическом мире знавал многих. Был момент, когда, чтобы легализовать Кузнецова, его даже хотели сделать администратором Большого театра. Наибольшую активность немцы проявляли в 1940-м году, в страшном 1941-м. Как раз в ту пору немецкая разведка развернула в СССР бешеную, пожалуй, мало где виданную деятельность. Вот кто выжал из пакта Молотова — Риббентропа все, что только можно. Какие делегации к нам зачастили. Ну, где такое бывало — человек по 200. И постоянная смена сотрудников — кто работал месяц — три, а кто нагрянул на день — два, выполнил задание — и был таков.

— Но пишется об этом мало да и как-то глухо.

— Не самые удачные времена. Огромный десант немцев на ЗИЛе, множество торговых делегаций. Пойди, уследи. Труднейшие для наших спецслужб годы. Бывало и такое, что среди махровых шпионов вдруг появлялись в Москве и наши агенты, например, Харнак, которому предстояло войти в историю, как одному из руководителей «Красной капеллы». Или наладили воздушное сообщение, полетела в Москву из Берлина и Кенигсберга с посадками в наших городах их «Люфтганза». А вместо девочек с передничками — только бравые ребята — стюарды с отличной выправкой. Но и они менялись: два — три рейса, и другая команда. Это изучали маршруты немецкие штурманы из «Люфтваффе».

— А что наши?

— Наши тоже туда летали. Но маленькими группами. Пока НКВД решит, кому можно лететь, кого выпустят…

— Я бы хотел вас спросить о запутанной истории с советским летчиком Алексеевым, загадочно погибшим при испытаниях новой модели самолета.

— Неразгаданная страница. Была такая немецкая эскадрилья под командованием мирового аса Ровеля, еще при его жизни названная именем командира. И на неимоверных, недоступных для летчиков других стран высотах, совершала она облеты всех стран, на которых впоследствии нападал Гитлер. Так существуют сделанные пилотами Равеля фотоснимки Ленинграда. Но вот появляется наш летчик Алексеев, и на экспериментальных моторах поднимается на высоты, близкие к немецким. И вдруг — погибает. Тут к инженеру-испытателю старшему лейтенанту

Рудольфу Шмидту подкатываются, нет, не немцы, а японцы, которые живо интересуются судьбой Алексеева. Ведь Шмидт по легенде работает в Филях, на заводе, построенном немцами. Их теперь здесь нет, но, кто знает, возможно, и оставили после себя агентов или людей, им чем-то обязанных? По всем признакам через любопытных японцев действую осторожные немцы. Кузнецов сообщает начальству о возникшем интересе, выдает японцам полуправдивую и их устроившую версию. Может, завысил потолок, которого достигал Алексеев? А одного японца-интересанта здорово наказал. Однако, что произошло на самом деле с нашим Алексеевым, как он погиб, мне неизвестно.

А мог бы быть и Никанором

— Теодор Кириллович, а что это за путаница с именами Кузнецова? Опять-таки существует миф, будто придя в разведку, он получил новое имя.

— А вот это не совсем миф, только НКВД здесь не при чем. Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии. При рождении наречен Никанором, по домашнему — Ника. Имя Никанор парню не нравилось, и в 1931 году он сменил его на Николая. Но какая-то путаница, разночтения действительно оставались. Друг юности Кузнецова Федор Белоусов рассказывал мне, что когда родные и однокашники Николая Ивановича узнали о присвоении звания Героя Советского Союза некому Николаю Кузнецову, то думали, речь идет об однофамильце. Даже сестра Лидия и брат Виктор долгое время оставались в неведении. Полагали, будто он пропал без вести. И в Москве истинная биография Кузнецова были настолько засекречены, что Грамота Президиума Верховного Совета о присвоении ему звания Героя так и осталась неврученной. В конце войны она вообще затерялась, и только в 1965 изготовили ее дубликат.

— Некоторые биографы Кузнецова считали, что Николай Иванович, якобы, этнический немец, выходец из немецкой колонии, которых до Великой Отечественной было множество. Этим и объясняли великолепное знание языка.

— Давайте сначала о происхождении. Отец Иван Павлович, как и мать Анна Павловна, люди исконно русские. Служил отец до революции в гренадерском полку в Санкт-Петербурге. За меткую стрельбу был пожалован призом от молодого царя Николая II. Однако никаким дворянином, белым офицером не

был: сражался в Красной Армии у Тухачевского. И не кулак, как утверждают иные бытописатели.

Лингвист от матери-природы

— Откуда у Кузнецова такие способности к языкам?

— А от все той же природы. Мальчик из уральской деревни Зырянка с 84 дворами и 396 жителями, овладел в совершенстве немецким. Лингвистом Николай Иванович Кузнецов был гениальным. Да и повезло ему несказанно с учителями иностранного. Так сложилась судьба — в его глухомань, откуда до ближайшего уездного городка 93 версты, занесло образованных людей, которым бы преподавать в гимназиях, а набирался у них знаний деревенский паренек Ника Кузнецов. В Талицкой школе-семилетке немецкий и французский вела Нина Николаевна Автократова. Образование школьный преподаватель далекого уральского селения получила в свое время в Швейцарии. Увлечение Кузнецова языками считали блажью. И потому загадочной казалось одноклассникам его дружба с преподавателем труда Францем Францевичем Явуреком — бывшим военнопленным, осевшим в тамошних краях. Нахватался разговорной речи, живых фраз и выражений из солдатского лексикона, которых в словаре интеллигентнейшей учительницы и быть не могло. Много болтал с провизором местной аптеки австрийцем Краузе. Когда работал в Кудымкаре, на удивление быстро овладел коми, трудным, как и все языки угро-финской группы. Даже стихи на нем писал, о чем, как вы знаете, проведали вездесущие чекисты. Проучившись всего год в Тюмени, выступил в клуб эсперантистов и перевел на эсперанто свое любимое «Бородино» Лермонтова. Учась в техникуме, наткнулся на немецкую «Энциклопедию лесной науки», которую до него никто и никогда не открывал, и перевел на русский. А уже в Свердловске, где работал как секретный агент, сошелся с актрисой городского театра — полькой по национальности. Результат романа — владение польским языком, который ему тоже пригодился. В партизанском отряде «Победители», действовавшем на Украине, заговорил по-украински. Испанцы, служившие в лесах под Ровно в отряде Медведева, вдруг забеспокоились, доложили командиру: боец Грачев понимает, когда мы говорим на родном, он не тот человек, за которого себя выдает. А это у Кузнецова, с его лингвистическим талантом, открылось и понимание незнакомого до того языка. В немецком

множество диалектов. Помимо классического Кузнецов владел еще пятью — шестью. Это не раз выручало обер-лейтенанта Зиберта при общении с немецкими офицерами. Понятно, что для нелегала Кузнецова, действовавшего под легендированной биографией, встреча с уроженцем того немецкого города, где якобы и родился разведчик, была бы почти что крахом. Кузнецов-Зиберт, быстренько уловив, из какой части Германии родом его собеседник, начинал говорить с легким налетом диалекта земли, расположенной в другом конце страны.

— А возможно, у земляков разговор пошел бы откровенней?

— Самое страшное для разведчика — нелегала как раз нарваться на земляка: а кто у тебя в нашей любимой школе преподавал химию? И вот он провал, совсем близко. В Германии-то Кузнецов никогда не бывал.

— Мы с вами абсолютно откровенно беседуем о Николае Кузнецове. Я бы хотел, чтобы вы вот так же откровенно рассказали об отряде Дмитрия Медведева. Сегодня теория «в партизаны шли только чекисты» набирает популярность. Ну, не совсем же так?

— Партизанские отряды создавались самые разные. Большинство — стихийно, и кто только в них ни сражался. Однако отряд Медведева — это да, чекистский отряд, организованный по системе 4-го управления НКВД. В немецкий тыл засылалось от 20 до 100 человек. Обязательно крепкое чекистское ядро: разведчики, контрразведчики, пограничники плюс строевые командиры, потому что надо было участвовать и в боевых действиях. Потом такие отряды разрастались за счет местных жителей, бежавших военнопленных. Когда в августе 1942 года отряд Медведева забросили в леса под Ровно, у него было 70 человек, потом — около тысячи. Ровно вы брали потому, что немцы превратили городок в столицу оккупированной Украины. Одних штабов всякого рода набралось около 70. Гадюшник для разведки и ее вожделенная цель. Боевые действия в функции отряда совсем не входили. Медведев избегал их как мог. Но приходилось. Люди-то присоединились к нему, чтобы сражаться, а подлинные задачи командиру надо было скрывать. Но самообороной, конечно, занимались, и тогда уж трепали немцев жестоко. А так меняли дислокацию, забрасывали в Ровно, в другие городки своих, вербова ли, уничтожали фашистских главарей.

Явление обер-лейтенанта Зиберта

— Тут и преуспел наш Кузнецов — обер-лейтенант Пауль Зиберт. А как вообще возник этот Зиберт? Из чего объявился?

— Почти год Кузнецов томился у нас в тылу. Возмущался, писал рапорты, просился на фронт. Под видом военнопленного немца просидел вместе с германскими офицерами в советском лагере. Прошел обкатку, нигде не засветился, принимали его фашисты за своего. Но забрасывать в тыл его не торопились. Наконец, включили разведчика в группу Медведева. В начале 42-го под Москвой нашли документы убитых немецких офицеров. Приметы Пауля Зиберта — рост, цвет глаз, волос — ну все сошлось с кузнецовскими. Правда, Зиберт был 13-го года, а Кузнецов на два года моложе. По причине двух ранений он по легенде был «временно не годен к фронтовой службе». Отправляли его на короткий срок. Никто не смел и предположить, что он продержится полтора года. Это уникальный случай, рекорд — выдержать столько с липовыми документами. Ведь глубокая проверка его моментально бы выявила. Он не мог дать и не давал поводов ни для малейшего подозрения. Отправили бы документы в Берлин — и конец эпопеи.

— Как все-таки думаете, почему обер-лейтенанту, а потом и капитану Зиберту, лично уничтожившему немало фашистских бонз, удалось продержаться так долго?

— Он был великим разведчиком. Да, сегодня это кажется невероятным: русский человек, гражданский, ни в какой армии ни дня не служивший и даже воинского звания не имевший, в Германии никогда не бывавший действовал под чужим именем 16 месяцев. А небольшой город Ровно насквозь просматривался гитлеровскими спецслужбами — контрразведкой, тайной полевой полицией, фельджандармерией, местной военной жандармерией, наконец, СД. Кузнецов же не только приводил в исполнение смертные приговоры фашистским палачам, но и постоянно общался с офицерами вермахта, спецслужб, высшими чиновниками оккупационных властей. Сколько ценнейших сведений он передал. Чего стоили одни только данные о готовящемся в Тегеране покушении на Сталина, Рузвельта, Черчилля!

— Встречался с полковником внешней разведки Павлом Георгиевичем Громушкиным, который и выправлял документы для Николая Ивановича. В свои за 90 он отлично помнил Кузнецова — Зиберта, только считал, что раскрывать ту военную страничку пока рановато.

— Его право. Документы были подправлены идеально. Бывший заместитель Дмитрия Медведева по разведке Лукин говорил мне, что по его подсчетам документы Зиберта по самым

разным поводам проверялись больше 70 раз. И о каждом случае Кузнецов докладывал. Никогда ни сам их владелец, ни его зольдбух и всякие справки не вызывали ни малейшего сомнения. Но только не думайте, будто Кузнецов был в Ровно этаким волком-одиночкой. Под его началом действовали разведчики с ним заброшенные и бежавшие из плена бойцы Красной Армии, местные жители. Его надежно прикрывали опытнейшие чекисты из отряда Медведева.

— Вы извините меня за эти мои отступления, но сегодня и с сочувствием пишущие о Кузнецове подчеркивают, что в конце он уж очень уверовал в свою счастливую звезду, потому и погиб.

— В разведке, особенно нелегальной, не верить в свою звезду — значит, провалиться с самого начала. Да, Кузнецов верил. Но был исключительно осторожен. Он же легендированный разведчик, не натурал. Представляете, что такое для него нарваться на земляка, на однополчанина? Один-два вопроса — и арест. А Кузнецов, по роду деятельности своей, должен был знакомиться с людьми разными. Он был и блистательно находчивым человеком. Как-то немецкий офицер из спецслужбы предложил окунуться в речке. Кузнецов быстренько выдумал предлог для отказа.

— Почему?

— У него по легенде два ранения, а на теле — ни единого шрама. Нет, Кузнецов знал, насколько он нужен, расслабляться ему было не дано.

— Но в марте 1944-го Кузнецов был убит бандеровцами. И сколько же самых невероятных версий высказывается по поводу гибели Кузнецова.

— История гибели, которую, как думаю, мне удалось установить, действительно запутана. Давайте придерживаться единственно, на мой взгляд, правдивой версии. Она действительно трагична. Но бывает ли не трагичной война? Отряду Медведева под Ровно делать было уже нечего: немцы оттуда отступали. Кузнецову дали задание выехать во Львов, уничтожить губернатора Галиции. Не получилось, тот заболел, и Кузнецов из автоматического пистолета убивает вице-губернатора Отто Бауэра и высокопоставленного чиновника Генриха Шнайдера… А потом при невыясненных обстоятельствах проникает во львовский штаб военно-воздушных сил, тремя выстрелами в упор уничтожает подполковника Петерса и ефрейтора. Что он делал в том штабе? Выяснить мы не можем, рассказать об этом Кузнецов не успел никому. Видимо, немецкий подполковник умер не сразу, ибо успел сказать, что стрелял в него офицер Зиберт.

То последнее покушение в штабе немецких ВВС не было никем санкционировано. Лукин мне клялся и божился, что этого задания Кузнецову не давали. Может, решил разведчик напоследок хлопнуть дверью? Его обер-лейтенант Зиберт уже вызывал определенные подозрения. Офицера в таком звании искали, проверяли всех поголовно. И тогда доктор Цесарский из отряда Медведева повысил его в звании, вписал в офицерскую книжку «гауптман». Однажды Кузнецов, который чудом избежал ареста после проверки документов, сам, по собственной инициативе «помогал» немцам: требовал документы, задавал вопросы, проявил себя решительным офицером. Кроме того, были подозрения, что его выдала одна арестованная подпольщица.

— Кто же это?

— Нехорошо говорить. Женщины давным-давно нет. А предполагалось, что Кузнецов осядет во Львове. Ничего не получилось. Отсидеться было негде. Резервные адреса, которые ему дали, не работали. Человек или погиб, или арестован, а то и сбежал. Кузнецов совершает другие акты возмездия. Надо уходить, и Кузнецов вырывался из Львова, из сжимавшегося кольца, но надежные документы — только у шофера Ивана Белова, а у его верного друга Яна Каминского, у самого Николая Ивановича — ничего, и взять их абсолютно негде. А его уже ждут на всех выходах, повсюду повальные обыски, засады. В местечке Куровицы — заслон. Впечатление, что ловили именно его: обычным КПП командовал не лейтенант, и не капитан, а майор. Это — ЧП, у немцев такого не бывало. Оставалось — только прорываться. Они рванули через шлагбаум, убили немецкого майора Кантора, уничтожили патруль. Вдогонку им влепили, перебили шины… Проехали метров 200 на спущенных, и — в лес. Машину с простреленными колесами пришлось бросить. Это — март месяц, а фронт под Львовом неожиданно остановился. Что там творилось — наши войска где-то вырвались вперед, где-то остановились, шляются бандеровцы, отряды еврейской самообороны, стихийные отряды из наших окруженцев и партизан. Лес, скитания, их обложили, ну нет выхода.

— Можно же было где-то остановиться, переждать, затаиться.

— Не мог он, уже не мог. Рвался к своим. Они наткнулись на отряд еврейской самообороны. Но оставаться — тоже рискованно: в отряде — тиф. Им выделили проводника — бойца отряда местного парня Самуэля Эрлиха, и повел он вроде бы в нужном направлении, выводя к линии фронта.

— Кузнецов так и шел в немецкой военной форме?

— Да, только отпорол погоны. Страшно боялся погибнуть при переходе линии фронта от пули своих. И приготовил пакет, в

котором — подробнейший отчет и подпись «Пух». Под этим именем в отряде Медведева его не знали. Как Пух был он известен только высшему командованию, точнее — генералу Федотову.

— Тому самому, что соратник еще организатора всей советской разведки Артузова?

— Именно. И Федотов, в конце концов, этот отчет передал в 4-е Управление, и возглавлявшее всю эту партизанскую борьбу на временно захваченных немцами территориях. Но была при переходе сложность мною уже упомянутая: Кузнецов полагал: при переходе его могут убить свои.

— Неужели нельзя предусмотреть каких-то паролей, знаков?

— Но как? Самое наисложнейшее в разведке в военных условиях — это возвращение. Были случаи — гибли на этом последнем этапе. Известный разведчик, писатель Овидий Горчаков рассказывал мне, как его три раза зверски избивали, когда возвращался к своим. Знак, говорите? Он кричал, молил: я — военный разведчик, ребята, что вы делаете? Один раз уже думал — конец, не отдышаться. Так и с Кузнецовым. И вот что мне удалось установить. Вышли они втроем на хутор Борятино и там издалека увидели людей в военной форме. Кузнецов послал Белова к крайней хате. Тот постучался, спросил: войска есть? И ему сказал, что есть, только не ваши, а с зирками, то есть со звездочками.

— Наша Красная Армия?

— Это были бандеровцы. А их Кузнецов и его ребята приняли за своих: бандеровцы были в советской военной форме. Стычка, бой, Николай Кузнецов и двое его ребят были убиты.

— А как же история о том, что, не желая сдаваться в плен, Кузнецов, окруженный бандеровцами, взорвал себя противотанковой гранатой?

— Она меня больше всего угнетает. Ну, представьте себе — как это возможно? Граната должна со страшной силой удариться о броню. Нет, все это вранье.

— А что правда?

— Правда то, что командир отряда Медведев нашел отчет Кузнецова за подписью «Пух» в освобожденном Львове в архивах гестапо. Вернее, копию этого отчета, оригинал начальник тамошнего гестапо переслал в Берлин Мюллеру.

— Тому самому?

— Да, папаше Мюллеру. Ведь пакет с донесением, подписанный «Пух», попал к бандеровцам. И только тогда те поняли, кого они убили. И началась торговля. Сообщили немцам, что разведчик взят полуживым, и в качестве доказательства дали

отчет. Поставили условие: в обмен на Пуха — Зиберта освободить арестованных детей и жену одного из своих главарей Лебедя. Бандера был под арестом, и Лебедь его фактически замещал. В конце концов, немцы согласились их хорошо кормить, и обещание выполнили, улучшили им условия содержания в лагере. Прошла неделя. Кузнецов мертв, а бандеровцы выдают немцам: он убит, причем обратите внимание, гранатой, при попытке к бегству. Как можно убить человека при попытке к бегству? Только пулей. Заварилась вся эта липа. Да они бы Кузнецова держали как драгоценность — он бы был их единственной разменной валютой.

Немцы послали на место боя специальную группу СС и убедились, что Зиберт — Пух и еще двое погибли в бою. Каминского и Белова похоронили в соседней деревне. Поп Ворона, совершавший обряд, рассказывал, что немцы привезли двух людей. Оба — в немецкой форме, но без погон. Видимо, это и были люди Кузнецова.

— Теодор Кириллович, зачем кому-то на Украине потребовалось теперь чернить славное имя Кузнецова, заявляя, будто он дрался не с фашистами, а с украинским народом? Сам видел статейку в одной из газет, где всерьез утверждается, будто Николай Кузнецов, как и весь отряд «Победитель», был заброшен в 1942-м в район Ровно не для борьбы с фашистами, а … для уничтожения «лучших представителей украинского народа».

— Ложь эта вызывает и у меня чувство брезгливости. Вымысел, и грязный. Быть может, уничтоженные Кузнецовым главный немецкий судья Украины Функ, начальник так называемых «Восточных войск» Ильген или вице-губернатор Галиции Бауэр и другие высокопоставленные палачи также принадлежали к «лучшим представителям украинского народа»? Улицам, носившим имя Кузнецова, присвоены совсем иные названия. Памятники Герою в Ровно и Львове демонтированы. Ликвидирована квартира-музей Кузнецова в Ровно. Идет беззастенчивое обеление Бандеры и его пособников. Из них пытаются сделать героев. Но не получается. Точно известно, сколько фашистов уничтожили отряды Ковпака, Вершигоры, Сабурова, Медведева… Но кто и когда видел какой-нибудь документ, из которого было бы ясно, сколько немецких оккупантов уничтожила бандеровская часть? А за Николая Кузнецова говорят его дела. Памятник герою можно, если руки чешутся, снести. Но добрая память о разведчике — это навсегда.

…

ИЗ ДОСЬЕ

Бандера Степан (1908–1959). организатор и идейный вдохновитель банд украинских националистов-террористов — ОУН — во время Второй мировой войны. движение, названное по имени своего вождя бандеровским, было особенно активно в годы войны. Взаимодействуя с фашистами, безжалостно расправлялось с партизанами и всеми сочувствующими советской власти. После войны бандеровцы оказывали сопротивление, особенно на западной Украине, и органам безопасности, и даже регулярным частям советской армии. На их совести тысячи и тысячи убитых. с движением было покончено лишь в середине 1950-х. Руководитель движения, украинский националист Степан Бандера был убит в октябре 1959 года агентом советских органов госбезопасности Богданом Сташинским.

Не щадил врагов. И себя.

— А почему в начале беседы вы назвали Кузнецова личностью «трагической»?

— Тяжело у него складывалась жизнь. Ему везде завидовали. Яркая личность всегда вызывает сложные чувства. Человек ни в каких школах — ни разведывательных, ни диверсионных не учившийся, превратился в одного из величайших мастеров редчайшей своей профессии. Одарен с рождения способностями разведчика. Впитывал все, как губка. А его — дважды гонят из комсомола, исключают с последнего курса техникума. Или эта уже упоминавшаяся история, когда попались на махинациях его начальники, а ему пусть не срок, но условно. Ведь Кузнецов их разоблачил, выдал милиции.

— Ничего себе.

— А вы думали. Им — по четыре-восемь лет, а Кузнецову «всего-навсего» год исправительных по месту работы минус 15 процентов зарплаты. Считается, будто отнесся к этому спокойно — ерунда, формальности. Да нет. Травма на всю жизнь. И судимость на нем оставалась. Еще один арест — уже во время работы негласным агентом. Действительно допустил по неопытности ошибки.

— Об этом я не слышал.

— Но, увы, случилось, могли подвести под жутчайшую в ту пору 58-ю статью — расстрельную. Провел несколько месяцев в подвалах внутренней тюрьмы Свердловского управления НКВД. К

счастью, отыскались смельчаки, добившиеся его освобождения.

— Значит, и Кузнецова сталинские репрессии коснулись. Вот о чем раньше никогда не упоминалось.

— Коснулись. И в душе все это оставалось. И попав в Москву в начале 1940-х, Кузнецов вспоминал не только своих родственников, но и обидчиков. Даже писал злейшему врагу письма: я в столице на особой работе, объездил всю Германию, воевал с финнами. Сплошной вымысел, чистая мистификация. Никогда ни в какую заграницу не выезжал.

— Согласитесь, есть тут признаки авантюризма.

— У многих великих они присутствовали. И, говоря о душевных переживаниях Кузнецова, отмечу: одно то, что его приняли в отряд Медведева, где собрали людей исключительно проверенных, уже свидетельство большого доверия. Подпись под приказом поставил заместитель наркома Меркулов. Но оставалось у Кузнецова после всего пережитого чувство, может, и обиды, желание доказать, что он лучший, что нужен стране. Иногда говорил во сне, причем на русском. И врач партизанского отряда Цесарский, с которым они делили кров, его тормошил, будил. И отучил-таки.

— Читал об этом в ваших книгах.

— Но вот что именно говорил Кузнецов, я узнал у доктора Цесарского сравнительно недавно. Разведчик все время повторял: «Я еще им докажу, кто настоящий патриот». Слово в слово. Сидела в нем эта боль, не давала покоя. И прорывалась вот так. Когда он уходил на задания, вернуться с которых было чудом, оставлял прощальные письма. И командир отряда Медведев однажды сказал: «Николай Иванович, вы знаете (Медведев почти со всеми был на «вы»), с таким похоронным настроением идти на задание нельзя». Одно письмо Медведев даже разорвал. Но во всем этом и был Кузнецов с его трагизмом. Полная готовность к самопожертвованию, мысли о смерти в нем присутствовали. Та, прошлая — его собственная судьба — на нем висела. И вот эта готовность отдать жизнь могла в тяжелейший момент сыграть свою трагическую роль. От себя не щадил.

— Как вы считаете, все ли страницы в биографии Кузнецова раскрыты?

— Основные — пожалуй. Но что все… Нет, я бы пока утверждать такое не рискнул. Если говорить о немецкой стороне, то зная чисто немецкую педантичность, не исключил, что ряд документов, касающихся Кузнецова, хранится в запыленных архивах наших тогдашних союзников американцев. Они захватили их в 1945-м уже на территории Германии. Ведь все, что мы рассказываем о разведчике, это, как говорится, материал с

нашей стороны. А донесения немецких разведчиков о нем из довоенной Москвы? А запись разговоров с ним? Или, может, даже попытки вербовок Руди Шмидта? Ведь есть же у спецслужб США полный и до сих пор не опубликованный отчет о деле «Красной капеллы».

Вести пришли, откуда не ждали

По крайней мере для меня они были неожиданны. Нашел меня по электронной почте исследователь Лев Моносов. Читал он мои материалы, нашел неточность в том, что касалось короткого пребывания Кузнецова в отряде еврейской самообороны. И имя бойца в этой моей книги уже исправлено на правильное. И факт приведу вам, читатели, новый, Кузнецова точно характеризующий. Когда укладывался Кузнецов на нары после мучительного перехода, то забрался на вторую полку. Ему предлагали: «Да вы же замучились совсем, чего вам туда лазить». Но Николай Иванович настоял: «Нет, вы внизу, вы — хозяева. А мы уж наверху. И без этого вас побеспокоили».

Открылись и новые странички деятельности Кузнецова Зиберта в немецком тылу. И на каждый такой факт — ссылка на конкретный источник, известную фамилию, письменное свидетельство или на проверенную исследователями Израиля и России публикацию.

Итак, в период с 1941 по 1943 годы в Ровно фашисты организовали гетто. На Западной Украине выжить удалось нескольким сотням человек, которые, в основном, были спасены партизанами. А в гетто Ровно доставлялись для уничтожения евреи как из захваченных гитлеровцами стран, так и из оккупированных западных областей СССР. К концу 1943-го в Ровно были уничтожены практически все согнанные в гетто — по некоторым оценкам от 80 000 до 100 000 человек, а само гетто было ликвидировано: наступавшие советские войска освободили город 2 февраля 1944 года.

И в пересланных мне Моносовым документах — конкретные факты о том, как Кузнецов спасал на смерть обреченных. Так была включена в его разведгруппу, действовавшую в Ровно, жительница и уроженка города Лисовская Лидия Ивановна. Биография яркой русской красавицы 1910 года рождения полна неожиданных поворотов. Личность одаренная, после окончания гимназии училась в Варшавской консерватории по классу фортепьяно. Свободно говорила на французском и немецком.

Лидию даже приглашали сниматься в Голливуд. А она вышла замуж за польского офицера, который впоследствии пропал без вести при защите Варшавы. Вот и вернулась в 1940-м вместе с матерью Анной Войцеховной Демичанской в Ровно, и установила контакт с советской разведкой.

Лисовская привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микота, которая, по заданию партизан, стала агентом гестапо под псевдонимом «17». Лидия Ивановна принимала активное участие в операции разведгруппы Кузнецова по похищению из Ровно генерал-майора фон Ильгена — командующего восточными армиями особого назначения. Генерал Ильген являлся ключевой фигурой в руководстве вооруженными формированиями националистического толка, состоявшими из бывших граждан СССР, которые перешли на сторону оккупантов и принимали непосредственное участие в массовых казнях населения.

Убежденная антифашистка, Лисовская не только выполняла разведывательные задания Кузнецова, она и оказывала помощь скрывавшимся военнопленным и евреям. Как пишет Лев Моносов, согласно документально подтвержденным показаниям, в октябре 1943 г., когда через город Ровно немцы гнали на казнь евреев, Лидия Ивановна Лисовская вместе с Николаем Ивановичем Кузнецовым спасли и прятали еврейского ребенка. Пауль Зиберт знал от своих знакомых из гестапо о намечавшемся немцами расстреле и заранее решился на такой рискованный шаг. Конечно, роль Кузнецова в спасении девочки была решающей. Одной Лисовской средь бела дня, дело происходило в 12 часов, сделать это было невозможно. Ее немедленно расстреляли бы на месте за помощь евреям. Только Кузнецов в форме немецкого офицера мог беспрепятственно подойти днем к расстрелянным зондеркомандой родителям девочки, взять окровавленного ребенка и вместе со своей дамой — Лисовской — перенести малышку в костел, а вечером отнести на квартиру Лисовской, у которой он якобы снимал комнату. Даже если к Кузнецову и подошел бы патруль с проверкой документов, то наличие формы немецкого офицера, документов и похищенного партизанами гестаповского жетона, дающего неограниченные полномочия его обладателю, снимало бы все вопросы. Украинские полицаи, вспомогательные части и литовские националисты, участвовавшие в расстреле и конвоировании колонны, вообще не имели права проверять документы у немецкого офицера.

Имя девочки — Анита дал Николай Кузнецов. Во время ареста Лисовской гестапо и после ее смерти девочку воспитывала мама Лидии Ивановны. Имя спасенного человека, как пишет мне

Моносов, установлено — Анна Адамовна Зинкевич.

В ноябре 1942 года Лисовская была арестована гестапо. В январе 1944-го последовал второй арест. Последовали жестокие пытки, имитация расстрела. Перед казнью написала в камере на стене кровью прощальное письмо. По счастливой случайности (в день казни находилась в камере без сознания), Лисовской удалось спастись. Но в октябре 1944 года Лидия Ивановна Лисовская и ее сестра Мария Макаровна Микота были зверски убиты украинскими националистами. Лисовская посмертно награждена Орденом Отечественной войны I степени.

Приблизительно в октябре-ноябре 1943 года Кузнецов спас от уничтожения в гетто четырехлетнего еврейского мальчика, родителей которого убили фашисты. Разведчик доставил ребенка в партизанский отряд. И по просьбе Кузнецова, мальчика отправили самолетом в Москву. По некоторым данным, по крайней мере, так утверждает Моносов, Кузнецов просил усыновить мальчишку. И это еще не все. При проведении разведывательных операций в Ровно и окрестностях, Кузнецов прятал евреев, помогал отправлять их в партизанский отряд.

Что ж, теперь и об этих благородных деяниях Кузнецова становится известно.

Бомба на блюдечке

Нелегалы Моррис и Лона Коэны считаются одной из самых результативных семейных пар в советской разведке.

Во многом именно благодаря им и добыты секреты американской атомной бомбы. Звание Героев России Лоне и Моррису было присвоено уже посмертно, но с Моррисом Коэном, Питером Крогером, Санчесом, Израэлем Ольтманном, Бриггсом, Луисом …, едином в бледном своем лице мне удалось встретиться незадолго до его кончины. Пожалуй, я единственный русский журналист, которому так повезло, Наша беседа летом 1994-го длилась часа четыре, и помогла понять многое в весьма сложной и запутанной истории их жизни.

…

ИЗ ДОСЬЕ

Моррис Коэн (1910–1995) — разведчик — нелегал, Герой России.

Лона Коэн (1913–1993) — супруга Морриса, разведчик — нелегал, Герой России.

В США руководили агентурной сетью, получившей название «Волонтеры». Во время войны добывали чертежи и образцы современнейшего оружия. Это в их группу входила чета Розенбергов, впоследствии казненных. В Штатах трудились с шестью советскими связниками, в том числе с легендарным Абелем. Роль Коэнов в добыче атомных секретов неоценима. Чтобы избежать провала, были вывезены советской разведкой из США.

После трехгодичной учебы в Москве были посланы в Англию в качестве помощников советского нелегала Конона Молодого, он же Гордон Лонсдейл. Арестованы в результате предательства польского разведчика — перебежчика. После девяти лет в тюрьмах ее величества обменены. Получили советское гражданство и до конца дней жили в центре Москвы. Несмотря на кажущееся обилие материалов о Коэнах, их деятельность в разведке

раскрыта не до конца. Никоторые не известные раньше детали — в этой книге.

Мне почему-то казалось, что Моррис живет где-то в дачном поселке за высоким забором или на какой-то специальной квартире далеко от центра. Выяснилось, мы почти соседи. Большой дом на Патриарших прудах, нелюбопытный лифтер, крепенькая медсестра, тактично поддерживающая под локоток прихрамывающего, седого как лунь старичка с палочкой.

Его русскому языку далеко до совершенства, хотя объясниться с окружающей обслугой Моррис со страшным акцентом, но вполне может. Впрочем, прикрепленный к нему офицер Службы внешней разведки, навещающий Коэна несколько раз в неделю, безупречно говорит на английском. Да и со мной Моррис предпочел общаться на этом, своем родном — и совсем не забытом, легким, весьма интеллигентном. Если уж мы изредка переходили на русский, то Моррис обращался ко мне на «ты». Впрочем, и медсестрам, и остальным он говорил только «ты».

Экскурсия по уютно, но без излишеств обставленной трехкомнатной квартире не дает забыть, у кого в гостях находишься. На видных местах фото двух наших разведчиков-нелегалов — Фишера-Абеля и Молодого-Лонсдейла. Так уж сложилась судьба, что с обоими Коэнам довелось поработать. С первым в США, со вторым — в Великобритании. Рядом в рамочке фотография Юрия Андропова, он в свою бытность Председателя КГБ СССР заглядывал в эту квартиру. Портреты Морриса и Лоны, написанные, как объясняет мне хозяин, «товарищем из нашей службы». Знаю-знаю, что это за товарищ. Кому как не полковнику СВР и заслуженному работнику культуры, художнику Павлу Георгиевичу Громушкину было разрешено и доверено создать целую не короткую серию портретов наших героев-нелегалов.

А рядом — некоторым диссонансом с этим официозом — веселые и цветастые стенные газеты, открытки, написанные подчас крупным детским почерком. Нет, не забывали Морриса внуки и правнуки российских чекистов, вместе с которыми Моррис и Лона рисковали за кордоном. Чуть суховатая, несколько академическая квартира согревается теплом. Мне рассказывали, что после смерти Лоны от рака в 1993-м этого тепла Моррису очень не хватало. Он грустил, и заботливые «прикрепленные» офицеры из СВР не давали впасть в депрессию.

Помимо фотографий о редкой профессии хозяина говорили и книги. Для большинства читателей — в них история разведки, для Морриса — его собственная. Тяжело опираясь на палку, привычно достает фолиант, сразу же открывает на нужной

странице: «Вот англичане пишут, будто я сделал то-то. Не совсем так». Или: «В США до сих пор верят, что… Пусть они остаются при своих заблуждениях».

А в коридоре большой рисунок типично испанского дома с колоннами, около которого Моррис, приехавший в ту страну под именем Израэля Ольтманна, надолго задерживается: «Приглядитесь к особняку, какие колонны, а? Я потом вам объясню». И пошли воспоминания о гражданской войне в Испании, о товарищах, которые уже ушли. Характеристики точны, я бы сказал, резки, хлестки, о некоторых трепачах Коэн отзывается без всякого уважения, особенно о парочке болтливых французов. А несколько человек из Интербригады в то время еще были живы. Кое с кем мой гид вел переписку из Москвы: создавался музей памяти интернационалистов, и Моррису было что в него передать. Один друг, с ним Моррис сражался в гражданскую бок о бок, хотел было приехать, вроде и формальности уладили, но внезапно замолчал, пропал. У Морриса, едва ли не в первый и последний раз за нашу встречу, на глазах слезы. Похоже, друга больше нет. Они воевали в Испании, ходили в атаку. Интербригады, Франко, фашизм…

Именно фашизм подтолкнул тогда многих, даже от марксизма далеких, в объятия страны Советов. Гражданская война в Испании — первое и открытое столкновение с оружием в руках с нарождающейся коричневой угрозой — объединила и сплотила тысячи антифашистов, невольно превратив их в огромный подготовительно-отборочный класс советской разведшколы. Оттуда, из Испании, в ряды тайных бойцов шагнули десятки, если не сотни, наипреданнейших. Среди них был и Моррис Коэн.

Он прошел по всем ступеням, ведущим в друзья СССР. Член Лиги молодых коммунистов, еще в детстве слышавший на нью-йоркской Таймс-Сквер Джона Рида и до последних дней считавший его «лучшим оратором в моей жизни». Ночами студент-агитатор Коэн расклеивал листовки в студенческом кампусе. Потом превратился в распространителя коммунистической печати и партийного организатора. Вопреки придиркам преподавателей, пытавшихся на всех экзаменах завалить молодого и настырного коммуниста, он получил диплом учителя истории. А практический курс исторических истин отправился добровольно осваивать на гражданской в Испанию, где сражался под именем Израиля Ольтманна.

Ему везло и не везло. Командовал взводом, стрелял, не промахивался, но в сражении при Фуэнтес д’Эбро был серьезно ранен: прострелены обе ноги. В барселонском госпитале его

лечили почти четыре месяца. Он уже сам помогал выхаживать лежачих, вместе с ним проклинавших Франко с тем большей яростью, чем чаще одерживал победы проклятый генерал. Грустно, но, кажется, битва приближала к концу — и совсем для них несчастливому.

Наверно, понимали это не только добровольцы из Интербригад, но и советские советники, их опекавшие. Благоприятного для вербовки момента упускать было никак нельзя. Где потом разыщешь и соберешь такую разношерстную, зато поголовно поддерживающую Советы массу.

И вот тут-то, в 1938-м, советник из СССР отправил прямо на грузовике выздоравливающих числом в 50–60 в двухэтажный особняк, вид которого Моррис с непонятной мне в тот момент настойчивостью и демонстрировал в прихожей. Особнячок, сколько же, интересно, людей через него прошло, и довел Коэна до Москвы.

Он был третьим из американцев, которого пригласили «на интервью». Не все, с кем говорили и кому предлагали, согласились идти в разведку. А Моррис без колебаний сказал «да!».

Некоторые авторы книг настаивают: Коэн — это последняя перед побегом в США и наиудачнейшая вербовка резидента Александра Орлова. Однако Моррис в разговоре со мною версию об Орлове решительно высмеял. Был другой человек и другая беседа в том особнячке с четырьмя колоннами. Но результат тот же: в 1939 году, когда развернулась в Нью-Йорке международная выставка, в кафе неподалеку от нее к Коэну подсел приехавший из Москвы молодой паренек. По виду — явный, как и Коэн, еврей. Подозреваю, что в твердой транскрипции фамилия Морриса звучала бы скорее как Коган. А настоящее имя встретившегося с ним сотрудника советских органов безопасности — Семенов Семен Маркович. Одесский мальчик из бедной еврейской семьи, окончил Московский текстильный институт и с 1937-го служил в НКВД. В США успевал делать сразу два важных дела. Учиться в Массачусетском университете, диплом которого впоследствии и получил, а также активнейше работать в резидентуре советской внешней разведки под псевдонимом Твен.

Два соотечественника и почти что одногодка понравились друг другу. Коэн пригласил заглянуть к нему домой. Там, в скромном жилище Морриса, а не в кафе на глазах у всех, Твен и протянул новому знакомцу сломанную расческу. «Вещественный пароль», как говорят в разведке, точь-в-точь пришелся к половинке расчески, захваченной Моррисом из Барселоны. Твен и стал первым — из шести — советским куратором, который

приступил к работе с Луисом. Такой оперативный псевдоним присвоили Моррису в Центре. В 1941-м, женившись, он, Луис, завербовал, конечно же, с разрешения Москвы, и жену Леонтину или коротко Лону, которая получила кодовое имя Лесли.

В двух-трех довольно солидных, по крайней мере, пухлых, зарубежных изданиях Коэна с определенной долей сомнения называют американцем, а вот Лону зачислили в советские разведчицы: нелегально заброшенная в Штаты, Леонтина вышла замуж за Морриса фиктивно. Ерунда. Леонтина Тереза Петке родилась в 1913-м в Массачусетсе. Родители эмигрировали в Америку из Польши, и в жилах ее действительно текла славянская кровь. Член компартии США, профсоюзная активистка, она познакомилась с будущим супругом там, где и должна была по логике познакомиться: на антифашистском митинге. Догадывалась о связях мужа с русскими, а затем, когда ему разрешили раскрыться перед женой, сразу же согласилась работать на них из тех же бескорыстных побуждений. Истинно бескорыстных, ибо как рассказывал мне один из шестерых российских разведчиков-кураторов Коэнов, любая попытка вручить им вознаграждение вызывала решительный отпор. В конце концов, договорились, что «Волонтеры», так по вполне понятным соображениям, но без ведома Морриса, окрестили его группу в Москве, будут принимать деньги не за добытые сведения, а исключительно на оперативные нужды: покупку пленок, фотоаппаратов, поездки на поездах и на такси. Так однажды Моррис на пару с Лоной вывезли с военного завода новейший пулемет. Этот эпизод из их разведдеятельности запомнился Моррису потому, что ствол был тяжелый, длинный и никак не помещался в нанятый кэб. Пришлось втискивать его в багажник машины с дипломатическим номером, догадайтесь, пожалуйста, какой страны.

— Зато сэкономили на такси, — пошутил Моррис, и мы рассмеялись.

Кстати, пулемет в полном сборе «достала» Лона-Лесли. Это — одно из ее многочисленных свершений в нелегальной разведке. Незадолго до кончины СВР России помогло осуществить одной из ценнейших своих героинь предсмертную мечту: в Москву из США приезжала родная сестра Леонтины. Собиралась приехать еще… Формально въезд в Штаты не был закрыт и для миссис Коэн. Ни против нее, ни против мужа никаких официальных обвинений не выдвигалось.

Правда, когда в 1957 году в Нью-Йорке арестовали советского разведчика под именем Абель, в вещах его нашли две фотографии — прямо на паспорт — супругов. Агенты ФБР осведомились у

соседей, к тому времени уже сгинувших в неизвестность Коэнов, не видели ли они когда-нибудь этого русского полковника. Соседи искренне колебались. Кажется, однажды под Рождество этот скромно одетый человек наведывался к Моррису и Лоне. Но сказать точно — «да, он», не рискнули.

Добравшись до СССР, Коэны приняли советское подданство, и Моррис с гордостью продемонстрировал мне свой довольно-таки заношенный паспорт, сказав, что он такой же гражданин России, как и я, попросив в придачу никогда больше не называть его мистером. Или товарищ, или просто Моррис, ну, Питер. Тут, замечу, он и сам слегка путался в собственных именах, и, рассказывая о жене, называл ее всякий раз по-разному — Лесли, Лона, Леонтина, Хелен. Один разок прорвалось и совсем необычное имя, называть которое мне, по понятным причинам, не стоит.

Детей у супругов не было, и о причинах догадаться несложно. Хотя есть и другая версия. Играя в американский футбол, Моррис получил страшный удар ногой в пах. И вот тут начинается забавная история. Статистика любимой в США игры ведется безукоризненно. И во многом благодаря этому самому футболу американцы раскопали, что Моррис Коэн действительно свой, коренной, а не какой-то из СССР засланный. В колледже, а не в университете, этот игрок, родившийся в Нью-Йорке в 1910-м, выступал за студенческую сборную и даже получал спортивную стипендию. Моррис подтвердил мне, что играл, не жалея себя. Особенно в юные годы: «Может, поэтому у меня до сих пор болит и ноет по ночам разбитая на игре в Миссисипи коленка. А еще в одной схватке меня так саданули прямо между ног, что с поля унесли на носилках. Долго лечили…» И тяжелый вздох.

Почти что за год до кончины Коэн не знал, остались ли у него в США родственники. Отец откуда-то из-под Киева, мать родилась в Вильно, а жили в Нью-Йорке в страшной бедности в районе Ист-Сайда. По-русски, вспоминает Моррис, никогда не разговаривали, и у меня есть все основания в этом не сомневаться.

Люди, знавшие чету Коэнов достаточно близко по их московскому и окончательному периоду, как и полковник Юрий Сергеевич Соколов, один из их шести связников, работавших с ними в США, утверждают: у разведчиков-нелегалов была идеальная совместимость. Верховодила, вроде бы, Лона, однако решения принимал как в США, так потом и в Англии, и в Москве молчаливый Моррис. Лона щебетала по-русски, он погружался в книги на английском. Правда, во время встречи признался мне, что теперь долго читать не может — болят усталые глаза.

На длиннющий список моих напечатанных по-английски

вопросов смотрел через огромную лупу. На многие из них ответов так и не последовало. Несмотря на возраст, показал себя большим мастером уходов в сторону. Повествование о трудном нью-йоркском детстве, рассказы об отце — сначала уборщике, потом торговце овощами. Здесь, я, между прочим, понял, что многие конспиративные встречи проходили именно в папиной зеленной лавке. Видимо, отец не только догадывался и знал, но даже иногда и помогал.

С удовольствием вспоминал лишь о хрестоматийном эпизоде с вывозом чертежей из засекреченной атомной лаборатории в Лос-Аламосе, где так отличилась Лесли. Не могу его не привести, несмотря на то, что подвиг описан во многих книгах и вошел во многие учебники разведки разных стран, как пример не только мужества нелегального разведчика, но и его находчивости и невиданного хладнокровия.

Шла война, и в июне 1942-го Коэна мобилизовали. Служил в разных местах, даже где-то на Аляске. Так что из армии было не выбраться. Вот и пришлось Джонни — еще один связник группы «Волонтеров», он же легальный советский разведчик Анатолий Яцков, посылать на встречу с неведомым агентом Персеем в неблизкий от Нью-Йорка Лос-Аламос, Лону Коэн. Она должна была взять у незнакомого молодого человека, трудившегося в секретной атомной лаборатории, «что-то» и передать это «что-то» Яцкову или, как говорит Моррис, «нашим» в Нью-Йорке. Лона, по признанию Морриса, не слишком догадывалась, за чем именно едет.

Получила с трудом отпуск, ведь работала на военном заводе, и чуть обезопасилась свидетельством нью-йоркского врача: отправляется на курорт Альбукерк подлечить легкие. А это недалеко от Лос-Аламоса или Карфагена, как называли его в Центре. Но и в Альбукерке за приезжими тоже приглядывали, поэтому Лона и поселилась в Лас-Вегасе, городке, название которого абсолютно схоже с именем мировой столицы светящихся и разорительных казино. Снимала комнатенку у какого-то железнодорожника и лечилась, принимая процедуры. Перед отъездом ей показали неясное фото агента, вошедшего затем в историю под именем Персей.

Даже тех, кто работал в атомной лаборатории, из закрытой зоны в город выпускали лишь раз в месяц по воскресеньям. В этот день они с Лоной и обязаны были встретиться в Альбукерке на оживленной площади у храма. Признаться, здесь, на мой непросвещенный взгляд, накрутили чересчур много всякой чертовщины. Помимо пароля, юный Персей должен был держать в правой руке журнал, в левой — обязательно желтую сумку, из

которой торчал бы рыбий хвост. И не просто рыбий, а сома. Если сумка повернута к Лесли лицевой стороной с рисунком, то к Персею можно подходить смело: слежки нет, обмен паролями и передача сумки.

Лесли пришлось изрядно понервничать. У нее уже заканчивался отпуск, а Персей все не приходил. Говорят, что даже удачная, но рискованная конспиративная встреча отнимает у разведчика месяц жизни. А Персей объявился только на четвертое воскресенье. Журнал он держал не в руке, а в сумке. Молодой парень подзабыл и пароль, затем с ходу признался Лесли, что запутался, в какой же день должна был состояться встреча.

Но нервные клетки были потрачены не напрасно. Между рыбиной, это действительно был сом, и журналом, лежали полторы сотни документов. От себя добавлю: важность и значительность их были таковы, что уже сравнительно скоро об их содержании творец советской атомной бомбы доложил отвечавшему за создание атомного оружия Берии, а тот — Сталину.

Сообщил мне Моррис и деталь, которая за годы прошедшие с нашей с ним встречи так и осталась неразгаданной подробностью. Оказалось, что то был не единственный раз, когда Лесли отправлялась в рискованный путь именно в те края.

Да и первое путешествие чуть не завершилось провалом. Ни Лесли, что понятно, да и резидентура, что обидно, даже не подозревали: все уезжающие из городков поблизости от Лос-Аламоса, обыскиваются на вокзале. Слава Богу, уж неважно какому, Лесли обнаружила это еще на подходе к железнодорожной станции. Сознательно замешкалась, выскочила на платформу с тяжеленным чемоданом за несколько минут до отхода поезда и ринулась к своему вагону. Наглядно демонстрируя всю степень собственной беззащитности обратилась прямо к сотруднику спецслужбы, досматривавшего вещи пассажиров. Разыграла сценку потери билета, всучила ему в руки коробочку из-под бумажных платков, в которой и были запрятаны полторы сотни атомных документов. Поезд уже тронулся, когда Лесли, наконец, «нашла» билет. Обыскивавший ее сотрудник еще держал коробочку, так никогда и не узнав, что за драгоценность была намеренно всунута ему «рассеянной» дамочкой. Он еле успел отдать на ходу пассажирке бесполезную коробку.

Лесли чудом избежала провала. А мы, кто знает, могли бы в срок и не изготовить собственную атомную бомбу: ниточка обязательно потянулась бы к Персею, и один из ценнейших наших атомных агентов был бы обезврежен.

Моррис Коэн знал настоящее имя этого человека. Тот сам обратился к нему с просьбой вывести его на русских, зная, что Коэн работает в «Амторге». Моррису поручили провести с парнем прямой разговор. Встретились в ресторане «Александерс», продолжили, как я понял, в лавке отца. И началось сотрудничество Персея с советской разведкой.

Но о том, чтобы раскрыть имя агента — ну даже ни намека. Тогда в 1994-м Моррис лишь сухо заметил, что во всей Службе внешней разведки осталось двое, ну, трое людей, которые могут припомнить истинное имя Персея — молодого гениального ученого. Одно упоминание о вознаграждении приводило этого паренька, по словам Морриса, в ярость. Он работал бескорыстно, как и вся группа Морриса. Замыкался на нем, Коэне, и еще на одном «нашем товарище». Теперь, когда Морриса нет, удалось выяснить и имя этого «товарища» — это американский журналист Курнаков, работавший на ту же разведку. Цепочка довольно короткая. Предатели Персея не знали, арестованные разведчики, если и догадывались о его существовании, то не выдали. А в конце разговора Коэн меня ошарашил, сказав: «Надеюсь, что Персей и сейчас живет в США тихой, мирной жизнью. Ему есть чем гордиться».

Теперь, годы спустя, конечно, понимаю, что Коэн знал о судьбе Персея, на что дал мне не свойственный для себя толстый намек. Был уверен, что имя ценнейшего добытчика уникальных сведений никогда не откроют. Но и великий Коэн ошибся. Настоящая фамилия добровольного помощника — Теодор (Тед) Холл. После войны отошел от сотрудничества с советской разведкой. До 1962 года жил в США, затем переехал в Англию, где работал в Кевиндишской лаборатории и сделал несколько выдающихся открытий в области биофизики. Тяжело заболел, и последние дни провел в вилле на французском побережье напротив Британии. О его деятельности «в пользу русских» стало известно из-за предательства ничтожного человечка, архивариуса Митрохина, сбежавшего из России заграницу. Но Холл, который вместе с женой и в старости придерживался левых взглядов, был неуклонно тверд. На вопросы журналистов, как и на открытые обвинения в шпионаже в пользу Советов, гордо не отвечал. Умер от рака в 1998 году, напоследок признавшись, что «не будь у СССР и США ядерного паритета дело могло закончиться атомной войной. Если я помог избежать этого сценария, то соглашусь принять обвинения в предательстве».

Заканчивая рассказ об американском периоде работы Коэнов, замечу, что, по всей видимости, в его группу с так и не признаваемым самим Моррисом названием «Волонтеры» входили

и казненные потом супруги Розенберги, и талантливый ученый Джоэл Барр, и многие-многие другие американцы, обогатившие Советский Союз ценнейшими сведениями, не буду уточнять какого порядка.

Леонтина и Моррис продержались в США на своих немыслимо дерзких ролях около двенадцати лет. Импульсивная эмоциональность Лоны, ее любовь к риску достойно уравновешивались его холодной рассудительностью, осторожностью. К тому же работавшие с ними русские берегли эту пару не только с профессиональной, но и с душевной ответственностью.

Однако благодаря операции «Венона» американская разведка расшифровала послания КГБ военных лет. И в Центре поняли: «Волонтеры» — под угрозой. В 1950 году их стали потихоньку выводить из игры. О достижениях дешифровальщиков США, в Москве, понятно, не догадывались, но другой, такой же ценный агент как Персей — немец Фукс уже был арестован в Англии.

И вот связник полковника Абеля Юрий Сергеевич Соколов, работавший под дипломатической крышей, в один далеко не прекрасный день пришел прямо домой к Коэнам. Нарушив все разведывательные заповеди, он долго убеждал Морриса и Лону: надо уезжать. Боялись прослушки и вели громкий разговор о чем-то постороннем, при этом переписываясь на бумаге. Лона жгла исписанные листы в ванной комнате, наполнившейся в конце затянувшейся беседы клубами дыма.

Моррис убеждал, что как раз-то сейчас, когда работа налажена, уезжать глупо. Они столько могут сделать и если надо, перейдут ради этого на нелегальное положение, используя чужие паспорта. Соколов уговаривал не рисковать. И когда Моррис вывел на бумаге: «Это приказ?», ответом ему было короткое, твердо написанное «Да!» И тогда Коэн написал: «Значит, нечего дискутировать. Мы согласны».

Летом 1950-го они вовсю готовились к отъезду. Для друзей была создана целая легенда. Она была столь похожа на истину, так переплеталась с жизнью, которую они вели, что подозрений не возникло даже у близких. Коэн делал дело, которым очень гордился и которое ему приходилось вот так решительно бросать. Что ждало его и Лону? Ему предстояло покинуть страну и родной Нью-Йорк, который, он сам мне в этом признался, «изучил, как свои пять пальцев». К тому же они слышали о жестокости Сталина.

Да и бежать надо было быстро. Вскоре у них появились паспорта на имя супругов Санчес. Кстати, и здесь провидение подсказывало: надо сматываться — и срочно. Ведь Клода-

Соколова, случайно нарушившего правила и проехавшего на красный свет, чуть не арестовали. А на руках у него — их паспорта с новыми фамилиями.

Многих путешествие на пароходе по маршруту Нью-Йорк — мексиканский порт Веракрус, да еще за чужой счет обрадовало бы. Но только не их. При прощании с отцом, это рассказал мне в Москве Моррис, он «эмоционально не выдержал, чуть не опоздал на судно. Отец тоже понял, что нам больше никогда не увидеться. Один из тяжелейших моментов моей жизни».

Так бесследно исчезли из квартиры на 71-й нью-йоркской Ист-стрит Лона и Моррис Коэны. Выждав, как и договаривались некоторое время, отец со вздохом сообщил знакомым, что сын с женою покинули Штаты, чтобы попытать счастья в иных краях, и закрыли свой банковский счет. По-американски сие обозначало уплыть с концами…

А они после парохода добирались до Москвы не путем не самым коротким. Сначала Мексика и конспиративная квартира советской внешней разведки. Затем Франция, Германия, Швейцария, Чехословакия и конечный пункт — Москва.

Отрезок Женева — Прага оказался наиболее опасным. Рейсы в столицу социалистической Чехословакии — раз в неделю, билеты проданы, а давить, требовать места им было никак нельзя. Да и паспортный контроль в аэропортах уже тогда был обеспечен. В поездах в те годы его иногда удавалось избежать. Хелен-Лона была на пределе. Гонка по странам давила на психику. И они решили рискнуть, перебираться в Прагу через германскую границу.

И тут ждала сложность. В ту пору для редких американцев, направлявшихся в страны коммунистического блока, требовался маленький вкладыш в паспорт. Он выдавался в государственном департаменте или в консульствах США заграницей. В них-то Коэнам, странствующим под еще одной новой фамилией — супруги Бриггс, — обращаться хотелось меньше всего. За время не короткого путешествия могло произойти что угодно. Что если их уже разыскивали по всему миру?

Двинулись поездом, без вкладыша. Надеялись, пронесет. Но нарвались на проверку документов. Немцы высадили из поезда, и строгий офицер отдал приказ: «Следуйте за мной!». Задержали их в ночь на субботу, и старательный немец тотчас принялся названивать в ближайшее американское консульство. К счастью, телефон не отвечал: уик-энд для дипломатов — святое.

Глупо было попасться вот так, после всего того, что они сделали и после стольких миль пути. Впрочем, супругов Бриггс могли тормознуть и в аэропорту. Еще не арест, но очень и очень

рядом. Надо было действовать, что-то предпринимать, и миссис Бриггс подняла типичный американский скандал — орала на немцев: «Кто, в конце концов, выиграл войну — Штаты или вы? Не имеете права задерживать американскую делегацию». Делегация была еще та. Но это типично в стиле Лоны: чем труднее ситуация, тем быстрее она ориентировалась и решительнее действовала. А уж голос в те годы звучал громко.

И испуганные пограничники слегка дрогнули, привели какого-то заспанного малого — сержанта американской армии. Тот спросонья быстро вошел в положение соотечественников, ссаженных с поезда «этими немцами». Оно, впрочем, было еще более нелегким, чем ему представлялось. Парень тут же, при Бриггсах обратился по телефону к своему военному начальству. Но и там ответили, что генерал, от которого все зависело, приедет к девяти утра.

Сержант явно сочувствовал милой паре, притащил откуда-то вино «Либе фрау Мильх», и Бриггсы принялись отмечать с ним свой идиотский арест или нечто вроде того. Лона, сменив гнев на милость, пригласила на рюмку и двух задержавших ее с мужем немецких офицеров. Лона разошлась, «Либе фрау» поглощалось пятеркой странного состава все быстрее — одна бутылка за другой. Однако генерала, которому сержант, несмотря ни на что дисциплинированно названивал, не было ни в девять утра, ни в десять. Может, тоже загулял? И сержант, желая помочь своим, попытался запросить насчет бедных Бриггсов кого-то в Мюнхене. Кажется, мышеловка захлопывалась.

И вдруг пришел он, шанс. Каждый разведчик всегда его ждет, а шанс изредка появляется, но чаще всего — нет. Однако тут он возник. Во-первых, закончилось вино. Во-вторых, сержант торопился на свидание к незнакомой Гретхен, и спасшей Коэнов. В-третьих, немецкие офицеры-пограничники напились и по команде младшего по званию американца с трудом поставили свои неразборчивые закорючки в паспорта таких компанейских супругов-американцев. И, в-четвертых, почему-то как раз подоспел поезд на Прагу. Рыжий сержант любезно посадил в него новых знакомых. Он даже забросил на полки их чемоданы. Короче, 7 ноября 1950 года Коэны отмечали уже в Праге.

Правда, в чешской столице что-то не сработало, и никто их там, вопреки всем обусловленным в тщательно продуманной операции деталям, совсем не ждал. Тогда 7 ноября праздновали и в Праге, связаться с кем-либо — сложно. В гостинице они чувствовали себя в безопасности. Их напугал было страшный стук в дверь, но то была всего лишь горничная, вежливо осведомившаяся, не нужен ли телефон американского посольства.

Хелен ответила, что нет.

В Праге в силу разных сложных и пока не понятных обстоятельств им пришлось провести месяц. И все равно ждать отправки в Москву там, нежели чем в каком-нибудь Париже или Берлине, супругам было гораздо приятнее.

Прибытие в аэропорт Внуково их немало расстроило и даже испугало: опять никто не встречал. В голову лезли мысли: «Что если Сталин арестовал товарищей, с которыми мы работали?» Прошли паспортный контроль, таможню — никого. Заметив смятение болтавшихся у выхода иностранцев, шофер автобуса на площади предложил подбросить их все туда же — в американское посольство. Далось же это посольство и чехам, и русским. Отмахнувшись от назойливых предложений, они попросили довезти до единственной московской гостиницы, о которой слышали. В «Национале», только годы спустя они поняли свое страшное везение, их сразу и без брони поселили в неплохом номере.

Наступал вечер, русских рублей у них не было, а от долларов в гостинице отказывались, будто на них симпатичные американцы хотели закупить советские военные секреты. С некоторыми усилиями удалось заказать в комнату чай с сухим печеньем. И тут в комнату к ним ворвались друзья из их Службы. Теперь Лесли и Луис были дома и пили нечто покрепче хрупкой «Фрау Мильх».

Дальше в биографии Коэнов — трехгодичный провал, который Моррис так и не захотел восполнить. Придется сделать это мне, объяснив, что после короткого отдыха они штудировали с советскими преподавателями то, чему двенадцать лет на практике обучались «на курсах самоподготовки» в США, а именно — работу разведчика-нелегала.

Как бы то ни было, под Рождество 1954 года в доме № 18 по Пендерри Райз в Кэтфорде, что на юго-востоке Лондона, обосновалась приятная семейная пара. Питер и Хелен Крогеры приехали в Великобританию из Новой Зеландии. 44-летний глава семьи приобрел небольшой букинистический магазинчик поблизости.

Дело у него поначалу двигалось вяловато. Иногда путался не в книгах — здесь он как раз был силен, а в финансах. Соседи и те поняли, что интеллигентный, мягкий Питер — букинист из начинающих. Резидент-нелегал Конон Молодый, он же бизнесмен Гордон Лонсдейл, хорошо знакомый им по работе в США под кличкой Бен, придерживался прямо противоположного мнения. У него появилась пара надежных связников-радистов. За шесть лет в Лондоне трио успело немало.

Он проработали до 1961 года. Арест застал их врасплох, хотя за несколько дней до провала и почувствовали слежку. Столько шпионских принадлежностей сразу, сколько отыскали в домике на Пендерри Райз, британская контрразведка еще не видела. Они уже отсиживали свой срок, а в саду, в доме то и дело натыкались на запрятанные, закопанные предметы, в предназначении которых никаких сомнений не возникало.

Причина ареста трагически банальна — предательство. Продал разведчик дружественной нам тогда Польши. Суд продолжался лишь восемь дней. Дружище Бен — Лонсдейл получил 25 лет. Он мужественно взял всю вину на себя, всячески выгораживая Крогеров. А те, вопреки пудовым уликам в виде радиопередатчиков и прочего, настаивали на своей невиновности и не выдали ни единой фразой связи с советской разведкой.

Не всплыли ни их настоящая фамилия, ни то, чем Коэны-Крогеры занимались двенадцать лет в Соединенных Штатах. А ведь уже отсиживал свое в американской тюрьме русский полковник, взявший при аресте фамилию Абель. Человек, которому они в Нью-Йорке передавали секретнейшую информацию. Тут видится мне какая-то необъяснимая неувязка. Неужели американские спецслужбы не сотрудничали с коллегами-англичанами, не обменивались сведениями? Нет, что-то здесь не так и, уверен, со временем это «что-то» тоже выплывет наружу.

В Англии же вся троица наотрез отказалась сотрудничать и с судом, и с британской контрразведкой, а Крогеры даже не захотели обсуждать предложение о смене фамилии и вывозе из страны в обмен на понятно что. Может, и поэтому приговор вынесли суровый: Хелен — 20 лет, Питеру и Бену — по 25. Это решение было воспринято всеми тремя, по крайней мере, внешне, с профессионально сыгранным безразличием. Они сохраняли его все девять лет мотаний по тюрьмам Ее Величества.

Морриса переводили из камеры в камеру, перевозили с места на место. Боялись, убежит или разложит своими идеями заключенных. Сидел и с уголовниками: сотрудники спецслужб надеялись, что сокамерники сломают русского шпиона и уж тогда… Но Коэн находил с ними общий язык. В уголке большой комнаты его квартиры на Патриарших прудах примостился здоровенный медведь в голубом плюше. Тюремный подарок на день рожденья от знаменитого налетчика, совершившего «ограбление века» — банда увела из почтового вагона миллион фунтов стерлингов наличными.

Сотрудника британской Сикрет Интеллидженс Сервис Джорджа Блейка, долгие годы передававшего ее секреты

советской разведке, судили в том же 1961-м и приговорили к 42-м годам. И вдруг каким-то чудом или по недосмотру они оказались вместе в лондонской тюрьме Скрабс. Стали с Питером-Моррисом друзьями до конца жизни. Говорили обо всем на свете и находили общий язык, словно сиамские близнецы. Но даже от ближайшего друга Блейк скрывал приготовления к побегу.

— Джордж сбежал, — широко улыбается Моррис. — Ничего другого не оставалась.

А его, еще не успевшего ничего узнать о вечернем побеге Блейка, наутро перевели из Скрабс в тюрьму на остров Уайт. Отсюда никто никогда не убегал и не убежит — от острова до ближайшей сухой точки миль 30. Режим суровейший, климат мерзкий, еда отвратительная. И если бы не книги и не любовь, он мог бы сойти с ума.

Да, любовь — не значившийся в их досье ни на этой, ни на той стороне компонент, помогла вынести девять лет заточения. Они с Хелен писали друг другу письма, и это глушило боль и унижение. Ожидание маленьких конвертиков, где количество страничек сурово ограничивалось Законом, было тревожным, подчас тягостным. Получение заветной вести от любимого человека превращалось в праздник для обоих. Переписывались они и с Беном. Но это уже другие письма и другая история. Как же только не называл Морис свою Леонтину — и Мат, и Сардж, и моя дорогая, и моя возлюбленная, и милая моя голубушка… Нежность в каждом слове и каждой букве. Лона отвечает тем же.

Они встречались редко и только под надзором тюремщиков. Потом он писал ей об этих встречах, вспоминая каждый миг и каждую секунду. Жили надеждами, поддерживали друг друга, как могли. Наверное, благодаря письмам он и выдержал тяжелые болезни, замучившие в тюремной камере.

Однако в посланиях не только любовь с суровой тюремной обыденщиной. Философские рассуждения. Обращения к далекой истории. И вера в себя, в российских друзей. Чего стоят хотя бы эти строки Морриса о советской Службе внешней разведки, обращенные к Хелен: «У меня нет сомнений, что если они не передвигают небо и землю ради нас, то они колотят и руками, и ногами в дверь Господа Бога». Но ведь не мог же Моррис действительно знать, какие усилия предпринимаются в Москве, чтобы добиться их освобождения? Или чувствовал? Верил?

Нет, не зря Служба внешней разведки России разрешила обнародовать свыше 700 страниц переписки супругов Конона, а также Конона Молодого. Наверное, еще никогда разведчики-нелегалы не представали перед публикой в жанре сугубо эпистолярном, как в этих двух серьезных томах.

Какая же это любовь! Когда мы встретились с Моррисом, Хелен уже давно не было. Однако иногда казалась, что она ушла только что и вот-вот вернется из булочной на Бронной. Даже вещи ее оставались в комнате и лежали на своих привычных для нее и Морриса местах, дожидаясь на часок отлучившейся хозяйки. Портреты и фотографии Хелен. Хозяин квартиры все время вспоминал ее как живую: «Хелен говорит… Хелен считает… Вы же знаете, какая рисковая Хелен…» Он не был подкаблучником или безнадежно влюбленным. Объединяло глубокое, светлое чувство.

После девяти лет тюрьмы Коэнов-Крогеров обменяли на британского разведчика Джеральда Брука. Громаднейшие были преграды: КГБ не мог признать их своими. Пришлось действовать через поляков. И из Лондона под вспышки фотокамер они улетали в Варшаву. В Москве, осенью 1969-го, их ждал Молодый-Лонсдейл, еще в 1964-м обмененный на англичанина Гревилла Винна — связника предателя Пеньковского.

Что делали они, вернувшись на вторую Родину? Много чего. Помимо того, что учили молодых последователей, Лона совершила одно (или совсем не одно?) долгое и рискованное путешествие вместе с важным начальником — генералом. Объездили на важном для советской разведки континенте страны, где обосновались наши нелегалы. Предлог был придуман удачный. Богатый антиквар в сопровождении супруги высматривает ценные экспонаты для собственной коллекции.

Были и еще путешествия. Но о них — полный молчок.

Моррис убеждал меня, что именно здесь, в России, он, советский гражданин, у себя дома. На мой вопрос, не скучно ли ему здесь без соотечественников, без родного английского, обиделся:

— Я же встречаюсь с Джорджем Блейком. Человек высочайшего интеллекта. Еще неизвестно, были бы у меня знакомые такого класса, останься мы с Лоной в Нью-Йорке. Мы дружили со всеми теми, кто работал с нами в Штатах и Англии. И когда оказались в Москве, эта личная, замешанная на общем деле и чувствах дружба переросла в семейную. Бена уже нет, а его жена Зина меня навещает. И жена Джонни тоже. И Клод — Юрий Соколов. Милт (Абель-Фишер. — *Н.Д* .) умер, но мы видимся с его дочерью Эвелин. Мы были волею судьбы друзьями там. Собственной волей оставались друзьями и здесь.

От себя все же добавлю, что встречи, к примеру, с Блейком, да и с другими, стали, по-моему, более частыми в последние годы жизни. Тогда живущие в Москве Коэны постепенно отходили от работы в своем суперзасекреченном Управлении СВР. А до того

круг общения Лесли и Луиса был, кажется, определенным образом ограничен. Все-таки хотелось бы мне знать, чем занимались они в штаб-квартире российской внешней разведки…

Коэны дружили в Москве и с равной им по содеянному супружеской парой разведчиков-нелегалов. Это Герой Советского Союза Геворк Андреевич и его супруга Гоар Левоновна. Вартанян отозвался о Коэнах как об одних из самых преданных России людях. Тут обязан заметить, что, несмотря на суровую реальность своей профессии, во всех них проглядывают черты, несколько нами подзабытые. Вартаняны, Коэны, Абель, Соколов, да и Джордж Блейк в какой-то мере идеалисты. Свято верили в идею, в безукоризненную правоту выбранного Страной Советов пути, в светлые идеалы. При первой и, увы, последней нашей встрече, Моррис убеждал меня, что коммунистические идеалы все равно вернутся, а сегодня безупречное общество не удалось построить только потому, что мы сами просто пока не были, как следует, готовы к этому. Что ж, любовь действительно творит чудеса. Любовь к родине, к женщине, к делу, которому служишь.

Моррис Коэн скончался в начале июля 1995 года в московском госпитале без названия. Даже среди наших соотечественников найдется совсем немного людей, любивших Россию столь страстно и оптимистично, как любил ее Моррис. Коэн столько знал и столько унес с собой. В его квартире на Патриарших я спросил, когда же еще хоть что-нибудь из всего тайного и доброго им с Лонной для России сделанного станет явным. Моррис, не задумываясь, ответил: «Never» — никогда.

Траурная процессия чинно двигалась по Ново-Кунцевскому кладбищу. Последний путь Морриса Коэна к Лоне, похороненной здесь же, по земле, с которой он сроднился уж точно навеки. Он столько сделал. И так мало рассказал. Мне однажды довелось увидеть съемки Морриса, сделанные, как бы это объяснить, для сугубо служебного пользования. Но даже там купюра за купюрой. Создается впечатление, будто Крогеры успели поработать и в еще одной стране, на еще одном континенте. Но… Что ж, он умел добывать и молчать. В этом и заключается железная логика разведки? Похоже, что действительно, «never».

Уроки Барковского

Курчатов «рожал» атомную бомбу, а разведка, словно акушерка, принимала роды.

Полковник Службы внешней разведки, Герой России Владимир Борисович Барковский — один из немногих, кто не только назубок знает историю создания советской атомной бомбы. Он и его агенты вписали в ее историю несколько славных страниц.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Барковский Владимир Борисович (1913–2003). Герой России — это звание присвоено полковнику службы внешней разведки в 1996 году. В разведку пришел в 1939-м. После годичного обучения в специальной школе в 1940-м приступил к работе в Лондоне под дипломатическим прикрытием. По окончании Второй мировой войны был командирован в США, где работал по линии научно-технической разведки. Лично завербовал несколько ценных агентов. И в Англии, и в США участвовал в ответственных операциях по добыче атомных секретов. долгие годы трудился в центральном аппарате службы внешней разведки. Вел преподавательскую работу. Входил в группу консультантов при директоре СВР по линии научно-технической разведки. Автор опубликованных в открытой печати статей по истории создания советской атомной бомбы. Увлекался планеризмом и многими другими видами спорта. отличный теннисист — до 75 лет был завсегдатаем кортов на Петровке.

Оттуда и приходил пешком ко мне на Тверскую, таща пару ракеток и маленькую спортивную сумку. Мы вели долгие разговоры без магнитофона и записей. Я — человек со стороны в 1993-м всерьез заинтересовался историей разведки, и, судя по всему, мои материалы в больших газетах не остались незамеченными. Было в них, теперь-то это понятно и мне, немало наивностей, неточных формулировок, невольных домыслов. И образовывать настойчивого автора взялся сам Барковский. Он

много чего рассказывал, особенно об атомной разведке, проводя ту самую линию, которая и находит отражение в моих книгах и сценариях. Иногда звонят — пишут неизвестные, порой и не слишком доброжелательные читатели — зрители — радиослушатели, быть может, бывшие сослуживцы Владимира Борисовича: «Почему излагаете события точно в трактовке Барковского? Он и лекции в Академии читал в таком же духе».

Про лекции не знаю, ибо «Академиев не кончал». А тем, что смотрю на события, в разведке происходившие, глазами ушедшего Барковского, искренне горжусь. Кстати, как-то обмолвился Владимир Борисович: был и в Главном разведывательном Управлении ценнейший наш разведчик, единственный в своем роде. Он много чего передал прямо из секретной лаборатории Лос-Аламоса. И ту штуковину, которая как раз инициирует атомный взрыв — тоже. Но в ГРУ порядки еще посуровей, чем в Службе внешней разведки, и вряд ли имя выплывет. Но и великий Барковский, к счастью, ошибся. Имя рядового Советской армии Жоржа (Георгия) Коваля было рассекречено, звание Героя России, хоть и посмертно, но присвоено.

А коллеги Барковского по СВР величали его легендой разведки. «Легенда» в свои далеко за 75 лет почти каждое утро мчалась от станции метро «Сокол» в неблизкое Ясенево и вкалывала наравне с юными питомцами чекистского гнезда. Полковнику было поручено написать истинную, без всяких политических прикрас, историю Службы внешней разведки, и он с удовольствием выполнял приказ.

Увы, его трудам никак не суждено превратиться в бестселлеры. На десятки, если не больше лет, многие главы обречены на существование под грифом «Совершенно секретно». Но некоторые любопытные эпизоды, кое-какие важные факты, да и несколько неведомых раньше имен полковник Барковский в долгих беседах со мной обнародовать согласился. Ведь о первой нашей атомной бомбе ходит и по сей день столько небылиц. Вот короткая запись наших бесконечных разговоров.

Мой собеседник был сухощав, подвижен и на все вопросы реагировал с быстротой необыкновенной. Легко называл даты, мгновенно и безо всяких усилий вспоминал фамилии русские и гораздо более сложные иностранные.

Отыщется ли в мире государство без секретов? В любой нормальной, уважающей себя стране наиболее талантливые и почти всегда самые высокооплачиваемые ученые, конструкторы корпят над разработками, призванными обеспечить приоритет в военной, хотите, — оборонной, промышленности. Подходы к

таким людям, естественно, затруднены. Общение с иностранцами им если не запрещено, то мгновенно привлекает внимание местных спецслужб. Элита оберегаема, она защищена, подстрахована и изолирована от излишнего назойливого любопытства.

Но почему же тогда чужие тайны все же выдаются и покупаются? У моего собеседника на это особый взгляд. Как-никак больше шестидесяти лет работы в научно-технической разведке:

— Да, мы всегда очень пристально наблюдаем за теми, кого называем «вербовочным контингентом», то есть за кругом лиц, среди которых разведка может подобрать помощников. Понятно, изучаем подобный контингент среди ученого мира. И вывод тверд. Чем выше место ученого в научной иерархии, тем затруднительнее к нему вербовочный подход. Корифеи науки, а среди них раньше встречалось немало левонастроенных либералов, могли симпатизировать СССР, интересоваться нами и потому вроде бы идти на сближение. Но, как правило, контакты ограничивались праздной болтовней. Великие очень ревностно относятся к собственному положению: не дай Бог чем-то себя запятнать. От уже занимающихся секретными исследованиями и знающих цену своей деятельности никакой отдачи ожидать нельзя. Инстинкт самосохранения у них гораздо сильнее мотивов сотрудничества. Берегут себя даже чисто психологически, а через это не перешагнуть. Поэтому мы старались выявить людей, работавших вместе с ними, около них и близких к нам по духу, идее. Задача — найти таких, на которых реально можно было бы положиться. Может быть, в науке они и не хватали звезд с неба. Однако вся агентура, с которой сотрудничали, была совсем недалеко от высших сфер. Легитимно знала все, что происходит в области ее деятельности. Непосредственно участвовала в исследованиях — теоретических и прикладных, наиболее важных и значительных. Только была немножко, на определенный уровень, ниже светил.

«Пятерка» из Кембриджа добралась до атомных секретов первой

«Кембриджская пятерка» — классический и крупнейший, по крайней мере, из открытых миру триумфов советской внешней разведки. Ким Филби, Гай Берджесс, Дональд Маклин, Энтони Блант, а также относительно недавно официально признанный

пятым номером Джон Кэрнкросс. Поговаривают, будто бы, возможно, не исключено… имелся и шестой. А я уверен: и седьмой, и …надцатый. Однако если на публичную выдачу Кэрнкроссу почетного (или не очень?) билета в этот разведклуб у Москвы ушло около полувека, то имени номера шесть не назовут уже никогда. Жив ли он? Вряд ли. Всплывают время от времени фамилии каких-то англичан, поселившихся во Франции и якобы сотрудничавших с Филби. Кто-то еще вроде сбежал, но не в Москву — куда подальше от Британских островов… Шестого, если он существовал, не вычислить.

Отдает примитивной арифметикой, однако есть основания утверждать: в Москву первый сигнал о начале работ над атомной бомбой в Великобритании и США поступил где-то в середине осени 1940 года от все той же «пятерки». Джон Кэрнкросс трудился личным секретарем у некоего лорда — руководителя Комитета по науке. И стихийно, без всяких заданий Центра, наверное, не особенно осознавая важность информации, все же передал предупреждение.

Какова была реакция? Узнать не дано. Недаром Владимир Борисович Барковский упорно повторял: архивные материалы не сохранились. Почему? Вопрос как бы в пустоту.

Блуждает, правда, байка, будто вывезли архивы в совсем сибирский город. И далеко, и холодно, и где вообще сейчас все эти покрывшиеся полувековой пылью секреты.

Но тогда, в начале Великой Отечественной, приблизительно к ноябрю 1941-го Москва встрепенулась. По всем иностранным резидентурам разослали директиву: добывать любые сведения об атомном оружии! И срочно! И резидент в Лондоне Анатолий Горский дал задание все тем же ребятам из «пятерки». Первым откликнулся Маклин. Притащил протокол заседаний английского Уранового комитета. Выходило, что идея создания атомной бомбы успела получить одобрение Объединенного комитета начальников штабов. Больше того, генералы торопили: дайте ее нам через два года. Маклин добыл вполне конкретные данные о том, какой видели для себя англичане конструкцию атомного оружия. На документах — четкие схемы, формулы, цифры.

— Владимир Борисович, а вы общались с Филби, Маклином?

— Нет, это делал Горский. Я туда не вмешивался. Но принес Горский материалы, а в них — технические термины, выкладки и прочая чертовщина. И он мне говорит: «Ты инженер. Разберись. Подготовь для обзорной телеграммы». А там 60 страниц. Я всю ночь корпел, но обзор составил.

— Я правильно понял, Маклин принес оригинал?

— Именно. Один из экземпляров Уранового комитета. То

было наше первое соприкосновение с атомной проблематикой. Должен признаться, я тогда не отдавал себе отчета, с чем мы имеем дело. Для меня это была обычная техническая информация, как, скажем, радиолокация или реактивная авиация. Потом, когда я в проблему влез, как следует, и уже появились у меня специализированные источники, я стал понимать.

— Владимир Борисович, ну неужели британская контрразведка настолько бездарно проморгала пятерых таких асов? Утечка-то была жуткая! Ведь посты эти пятеро занимали ключевые.

— Эта утечка у них незаметна до тех пор, пока не начнется утечка у нас. А у нас все было очень здорово организовано. Конспирация соблюдалась как святой завет, чтобы никто не смел догадаться, чем мы занимаемся, что имеем. Могу утверждать: до взрыва нашей атомной бомбы в 1949 году в СССР они не имели ясного представления, что у нас эта работа ведется и где, что конкретно у нас делается, и на какой стадии мы находимся. Предполагать же могли что угодно. Английские и американские физики отдавали должное нашим — Харитону, Флерову, Зельдовичу. Считали их крупными фигурами. Знали, что советская ядерная физика развивается успешно, и какие-то намерения в отношении атомного оружия мы тоже имеем. Но они многое списывали на войну: трудности, безденежье, некогда русским этим заниматься.

Первый взрыв нашей атомной бомбы 29 августа 1949 года был трагедией для их политиков и, понятно, разведчиков. По всем статьям проморгали.

О первом задании — рассказ от первого лица

— Видите ли, я — кондовый научно-технический разведчик. Но как все случилось. Я и не помышлял ни о какой разведке, закончил в Москве Станко-инструментальный, и вдруг совершенно неожиданно приглашают на Старую площадь. Мурыжат долго-долго. Всякие комиссии, разговоры, заполнение анкет, ждите-приходите. А в июне 1939 года приглашают в какое-то укромное место, отвозят в спецшколу и только там сообщают: вы будете разведчиком.

Тогда система подготовки была не такая, как сейчас. Академии и всего прочего не существовало. Маленькие деревянные избушки, разбросанные по всей Московской области. Принималось в спецшколу человек по 15–20. На моем объекте

обучались 18 человек, четыре языковые группы — по 4–5 слушателей в каждой. Группки крошечные, и друг друга мы совсем не знали. Да, такая вот конспирация. Она себя здорово оправдывала. Я, например, учился в одно время с Феклисовым и Яцковым. (Знаменитые разведчики, приложившие руку к похищению секретов немирного атома, оба Герои России — *Н.Д.*) Но познакомились мы уже после возвращения из своих первых и весьма долгосрочных загранкомандировок. К чему лишние разговоры, лишние встречи?

Вскоре мы поняли, что нас принялись резко подгонять. Целый ряд предметов был снят, и засели мы только за язык. Занимались совершенно по-зверски. Каждый день — шесть часов английского с преподавателем плюс три-четыре часа на домашние задания.

Не успел я отгулять отпуск, как меня — в английское отделение госбезопасности. Месяц стажировки в МИДе, а в ноябре меня уже откомандировали в Англию. Спешка страшная. Европа воюет, а английской резидентуры как бы и нет. В 1939 году по указанию Берии ее закрыли как гнездо «врагов народа». Отозвали из Лондона всех и агентуру забросили. Только в 1940-м поехал туда резидентом Анатолий Горский. Приказ простой: срочно восстановить связи, отыскать Филби, обеспечить немедленное поступление информации. А на помощь Горскому отправили двух молоденьких сосунков — меня и еще одного парнишку из таких же недавних выпускников.

В Англию я уехал в ноябре 1940-го. Нас в резидентуре — только трое, а работы… О первом соприкосновении с атомной проблематикой я вам уже рассказывал. Горский решил, теперь понимаю, абсолютно верно, что мне, инженеру по образованию, и заниматься научной разведкой. А ведь еще за год до этого о такой специализации у нас и не думали.

Хотя к концу 1940 года в Службе внешней разведки в Москве уже сформировалась маленькая группа из четырех человек во главе с Леонидом Квасниковым (тоже в будущем Герое России. Все названные Барковским коллеги, занимались именно атомной разведкой — *Н.Д.*). Инженер-химик, выпускник Московского института машиностроения, он имел представление о ядерной физике. Следил за событиями в этой области и, конечно, не мог не заметить, что статьи по ядерной проблематике вдруг, как по команде, исчезли из зарубежных научных журналов.

Идея создания атомного оружия витала в воздухе. Над ней задумывались и в США, и в Англии, и в Германии, да и у нас тоже. Но там дело поставили на государственные рельсы: им занимались специально созданные правительственные организации. В СССР ограничились учреждением

неправительственной Урановой комиссии в системе Академии наук. Ее задачей стало изучение свойств ядерного горючего — и все. С началом войны комиссия прекратила существование. Между ней и разведкой никаких контактов не было.

Квасников не знал, что есть Урановая комиссия, комиссия и не подозревала, что существует новорожденная научно-техническая разведка. Зато он знал о работах наших ученых, о тенденциях в странах Запада. Выстраивалась стройная система: пора браться за атомную разведку. И родилась директива, на которую откликнулись люди из «Кембриджской пятерки».

Таким было начало. Задания технического профиля резидент Горский передавал уже мне.

Англичане шли в ГПУ добровольно.

— Владимир Борисович, а нельзя ли узнать о ваших личных контактах с агентами поконкретнее? Вы завербовали ученых-атомщиков? Как? Кем были эти люди?

— Ну, не все было так примитивно. Обрабатывая доклад Маклина, я впервые столкнулся с атомной проблематикой, это и заставило меня засесть за учебники. Я принял на связь человека, который пришел к нам сам, безо всякой вербовки, желая помочь и исправить несправедливость.

— Коммунист? Борец за социальные права? Ведь по вашим правилам работать разведчикам с членами компартий было запрещено.

— Коммунист, но в войну было не до этих самых правил! А несправедливость, по его мнению, заключалась в том, что от русских союзников утаивались очень важные работы оборонного значения. На первой встрече он мне начал с таким воодушевлением что-то объяснять, а я лишь имел представление о строении ядерного ядра и, пожалуй, не более.

— Это был Фукс, который потом и выдал все атомные секреты?

— Нет, не Фукс. Совсем другой человек. И спрашивает он меня: «Вижу, из того, что я говорю, вы ничего не понимаете?» Признаюсь: «Ну, совершенно ничего». Мне вопрос: «А как вы думаете со мной работать?» И тут мне показалось, что я выдал гениальный по простоте вариант: «Буду передавать вам вопросы наших физиков, вы будете готовить ответы, а я — отправлять их в Москву». И здесь я получил: «Так, мой юный друг, не пойдет, потому что я хочу в вашем лице видеть человека, который понимает хоть что-то из сведений, которые я передаю, и может их со мной обсудить. Идите, — приказывает мне, — в такой-то книжный магазин, купите там американский учебник «Прикладная ядерная физика», мы с вами его пройдем, и вам

будет после этого значительно легче иметь со мной дело». Я тоже иного выхода не видел. На мне висели все мои заботы, как кружева, но за учебники я засел. И когда уже вскоре этот человек мне сказал, что со мной можно иметь серьезные дела, я был счастлив.

— Насколько понимаю, информация передавалась бесплатно?

— Абсолютно. Он не только сообщал мне технические данные, но еще и втолковывал смысл, чтобы я уразумел, о чем идет речь. Я составил собственный словарик, который страшно пригодился. Термины все были новые, неслыханные. А люди эти не стоили казне ни фунта — народ инициативный, мужественный, считал помощь Советам моральным и политическим долгом. Касается это, понятно, не одних атомщиков. Когда принимал на связь первого человека, то знал: он радиоинженер. Но как вести себя с ним, как наладить контакт? Однако мы сразу поняли друг друга. Он представления не имел, кто я и о чем собираюсь просить. Рассказал мне: «У нас в Королевском морском флоте создана специальная антимагнитная система для защиты судов от немецких мин. Перед вами встанет такая же проблема, и я принес подробную информацию, как это делается, из каких материалов. А вот схемы, чертежи…» И со всеми людьми, нам помогавшими, отношения были хорошие, чисто человеческие.

— И никто не брал денег?

— Ну, говорю же вам. У меня на связи было… человека (число, по договоренности с собеседником, не называю, но оно совсем немалое. — *Н.Д.*) Правда, не все сразу, а в общей сложности. Но бывало, что человек 15–18 в одно время.

— Владимир Борисович, а тот человек, который сам пришел к вам и просветил нашу разведку и Курчатова относительно секретов немирного атома, — он так и останется для нас мистером Икс?

— Даю стопроцентную гарантию. Имен наших агентов не называли и называть не будем. А тех, кто вышел, как мы говорим, на поверхность, пожалуйста. И добавлю, Курчатов был и без мистера Икс ученым исключительно просвещенным.

— А Икс? Он был известным ученым?

— Не очень. Но непосредственно участником важных исследований. Атомную проблему решали крупнейшие университеты — Эдинбург, Ливерпуль… Да, Икс был в курсе.

— А после войны он сотрудничал с вами?

— С нами. Работал, работал.

— И так же безвозмездно?

— Так же.

— Долго?

— Ну, еще годика три. Затем перешел на преподавательскую работу и некоторые свои возможности потерял. Поддерживал с нами контакты время от времени, однако отдачи от него уже практически не было.

Вот такой получился Фукс

Дело советского атомного шпиона, вернее, агента-помощника, разведчика Клауса Фукса выбивается из общего ряда. Немецкий антифашист и ученый-атомщик передавал ядерные секреты откуда только мог. А судьба забрасывала его, сбежавшего из фашистской Германии, и в американскую атомную колыбель Лос-Аламос, и в британские ядерные центры. Ему не хватало гениальности Оппенгеймера, Бора или Теллера, однако сведения Фукса оказались бесценны. Их ущерб и наш выигрыш в деньгах, а также во времени не измерить никакими миллиардами.

Но, попав в 1950 году в английскую тюрьму, Фукс был оставлен, точнее, брошен, на произвол судьбы. Отсидев девять лет из щедро «отпущенных» ему британской Фемидой четырнадцати, Фукс был освобожден в июне 1959-го за примерное поведение, тотчас уехал в Германию, совсем не Западную. Англичане предлагали Фуксу остаться работать у них. Он же попросил отвезти его прямо из тюрьмы в аэропорт и рванул в Восточный Берлин. Ему шел 49-й год. Но и в дружественной нам ГДР советские товарищи за все годы ни разу не пытались хоть чем-то отблагодарить героя.

Первым это сделал соратник Барковского, тогда уже отставной полковник Феклисов в 1989 году (!). По собственной инициативе и, увы, после смерти ученого. А немец ждал, как рассказала его вдова Маргарита Фукс, до последнего. И еще оправдывал русских друзей, объясняя супруге, а может, и себе, что никого из советских, с кем сотрудничал, в живых, наверное, не осталось… Что же произошло?

Барковский знает. У него своя версия. Я лишь изредка перебивал Владимира Борисовича. Он профессионал, практик и историк. Я — писатель, старающийся разобраться в запутаннейшем лабиринте советской атомной разведки. Что мое мнение по сравнению с его? И все-таки здесь наши точки зрения не всегда совпадали.

Но слово Барковскому:

— Фукс действительно фигура выдающаяся. Причем,

сделайте себе обязательную пометку, не всегда и не во всем понятная. Его судьба, вы правы, трагична. Меня лично, детальнейше анализировавшего это дело, берет досада. Знаком с Фуксом не был, но изучал его по сообщениям моего товарища, долго с ним работавшего, читал донесения, документы, книги. И потому считаю, что в провале Фукса мы сами сыграли какую-то роль, которая привела его к признанию.

Он сын лютеранского священника, защитника страждущих и угнетенных. Приход отца был в рабочем районе. Понятно, Фукс вступил в соцпартию, затем разочаровался и перешел к коммунистам. Активно работал, но засветился и оказался на грани ареста. Компартия ему приказала: уезжай и учись, становись ученым, ты понадобишься будущей Германии. Там фашизм, концлагеря, а ему — о будущем. Он уехал и сам решил помогать нам, исправлять несправедливость.

— Несколько абстрактно. Кто же, где и как, если говорить конкретно, завербовал Фукса?

— Вербовки в принципе не потребовалось. Фукс, осевший в Англии, посоветовался со своим другом. Был такой антифашист Кучински — юрист и экономист по профессии. В советском посольстве его знали очень хорошо. Активист Общества англо-советской дружбы, приглашался к нам на приемы, общался с дипломатами. Ему не составило труда прийти прямо к послу Майскому и предложить: есть ученый-атомщик, который будет вас информировать. Майский пригласил военного атташе и приказал им заняться. И на встречу с Фуксом послали помощника военного атташе Семена Кремера. Интеллигентный, квалифицированный военный разведчик, выделявшийся среди всех остальных сотоварищей из ГРУ. Поддерживал прекрасные отношения со всеми не по долгу службы, а искренне, душевно. Кстати, когда в 1943 году закончилась его командировка, он пошел не в центральный разведывательный аппарат, а попросился на фронт. Закончил войну командиром крупного танкового подразделения, генерал-лейтенантом.

Так Фукс пришел в советскую разведку. Много делал для нас в Англии, и в США поехал уже готовым агентом. Сначала работал в Чикаго, затем в Нью-Йорке и, наконец, добрался до секретнейшей лаборатории в Лос-Аламосе, где творили атомную бомбу.

— Владимир Борисович, а Клаус Фукс — это все-таки не тот таинственный «Персей»?

— Нет, «Персей» — американец. Фукс — немец, работавший под именем «Чарльз». После войны он вернулся в английский ядерный центр Хауэлл, сотрудничал с нами еще года четыре

вплоть до ареста. В Хауэлле вокруг него сложилась тяжелая психологическая атмосфера. В 1946 году провалился английский ученый Алан Мэй, выданный предателем. И тут многих англичан-атомщиков начали прощупывать. Американцам казалось, что как раз из группы английских исследователей исходит утечка информации. Едва ли не все они попали под подозрение. Понятно, зацепили Фукса, бывшего, как было американцам известно, социалиста. Есть у нас смутные подозрения, будто то ли в Гамбурге, то ли Бремене американцы наткнулись на гестаповский архив и нашли там дело подпольного коммуниста Фукса. Но эти сведения, ни в каких судебных материалах не фигурировали. И все равно тучи над ним сгущались. Конкретных данных на Фукса, поводов для глумления не было. Неясные подозрения. Я имею право это сказать совершенно четко. Зато травили, прощупывали его почти в открытую, так что и другие ученые заметили. Коллеги сочувствовали, добросердечно сообщали Клаусу: «Тебя в чем-то подозревают, но мы в тебя верим, и будем защищать до последнего». Человека, по существу, приперли к стенке. Не доказательствами — психологически. Сломали и выдавили из Фукса признание: «Я пользуюсь таким доверием со стороны моих английских друзей. Если бы меня разоблачили, в их глазах я выглядел бы предателем. И чтобы остаться верным им и науке, я решил признаться».

Служил ли Нильс Бор советским шпионом?

Что ж, с кем работали и на кого опирались, понятно. Но как тогда быть с набравшей недавно популярность теорией: секреты атомной бомбы выдали Советскому Союзу не середнячки, не простые исполнители, а конгениальные ученые? В книге покойного генерала Судоплатова, имевшего прямое отношение к атомным проектам, названы имена великого Оппенгеймера и Нильса Бора.

…

Нильс Бор (1885–1962)

Выдающийся датский физик. создал теорию атома. Автор научных работ по теории атомного ядра и ядерных

реакций. Нобелевская премия (1922). Участвовал на стороне союзников по антигитлеровской коалиции в создании атомной бомбы. с симпатией относился к советскому союзу.

…

Роберт Оппенгеймер (1904–1967)

Выдающийся американский физик, автор трудов по физике атомного ядра, в 1943–1945 гг. фактически руководил работами по созданию атомной бомбы. После Второй мировой войны возглавил Институт фундаментальных исследований в Принстоне. В 1953 году выступил с протестом против работ по водородной бомбе. Тогда же обвинен в «нелояльности» и отстранен от секретных работ. К советскому союзу и его ученым относился с глубоким уважением.

Из монолога Барковского:

— Вот здесь и заблуждение Судоплатова. Бред это. Хотя вполне в стиле Судоплатова. Типичная сталинская подоплека о сотрудничестве иностранных знаменитостей с советской властью. Не шли они на такое.

Короче, после того как американцы испытали свою атомную бомбу и отбомбили Хиросиму и Нагасаки, Сталин принял решение перевести все наши атомные работы на гораздо более высокий уровень. При Государственном комитете по обороне создали Специальное управление № 1 под председательством Берии. А при нем — Технический совет, которым руководил министр боеприпасов Ванников. В НКВД организовали отдел «С» — по фамилии Судоплатова. Он вел партизанские дела, но война закончилась, и генерала надо было куда-то пристраивать. В задачу отдела «С» входила обработка всей информации, которую добывала разведка по атомной проблематике, включая и данные от военных из ГРУ. Раньше все эти секреты известны были одному Курчатову. Но даже он только делал себе заметочки, а самих текстов не имел. Теперь же информация пропускалась как бы по второму кругу: переводили, анализировали, доводили до сведения курчатовских помощников. В принципе решение абсолютно верное.

Второе задание отделу «С» сформулировали так: искать в

Европе ученых — физиков, радиолокаторщиков…, которые бы пошли на контакт с нами. Либо приглашать их в Советский Союз, либо договариваться о сотрудничестве там, на месте. И вот это уже — из области мифологии. Европа была опустошена, обсосана американскими и английскими спецгруппами, которые раньше нас принялись за дело: заманить светлейшие европейские умы к себе, поселить в Штатах, использовать в собственных целях обнищавших светил. А не удастся — так за какие угодно деньги буквально перекупать любую атомную информацию. Из советской зоны оккупации Германии все находившиеся в ней ученые моментально перебрались на Запад. Ушли даже с нами до того сотрудничавшие. Правду, горсточку людей все же перевезли из Восточной Германии в Подмосковье. Но Судоплатову надо было как-то оправдывать существование свое и отдела «С». Требовались акции, почины, громкие имена. Так родилась безумная идея с Нильсом Бором. С высочайшего дозволения и по подсказке лично Берии, решили отправить к нему целую делегацию работников отдела «С». Узнали, что Бор вернулся в Данию, и поехали.

К собственному удивлению, возглавил группу только-только в отдел призванный доктор наук физик Терлецкий, знавший в определенных пределах английский, особенно технические термины. Работал с развединформацией как профессионал-ученый: сортировал, комплектовал, обобщал.

Но вопросы Нильсу Бору придумал даже не он. Сформулировали их настолько элементарно, были они так просты, что я никак не могу понять, зачем вообще все это затевалось. Преподнести себя повыгоднее Сталину?

Бор, человек деликатный, интеллигентный, к СССР хорошо относившийся, не мог отказать во встрече. Беседы в Копенгагене состоялись. О том, что такими вот рандеву рискуют подставить Бора, Судоплатов, конечно, не думал. А Терлецкий стеснялся, нервничал. Он-то понимал, с какой величиной имел дело. Однако этика этикой, а отказаться выполнить личное задание Берии не осмелился. Вопросы задал через приставленного к нему судоплатовского переводчика. Разговорным английским Терлецкий владел неважно.

Насколько же перекрывался нашей развединформацией этот список вопросов Судоплатова, и говорить нечего. Бор ничего ценного не сказал. Отвечал в общих направлениях. Да еще сообщил своей службе безопасности о визите. Понятно, хотел подстраховаться.

Результат миссии — нулевой. Зато из отдела «С» к Сталину пошло бравурное сообщение об умело выполненной операции. Понятно, что ответы Нильса Бора передали Курчатову. И он,

досконально в проблеме разбиравшийся, дал всей этой показушной шумихе очень скромненькую оценку. Еще раз твердо повторю: поездка получилась пустой.

Никакой помощи от Бора, Оппенгеймера и других столь же великих ни Курчатов, ни разведка никогда не имели. Давайте расстанемся с мифами.

Полковник Абель и «Персей»

— Владимир Борисович, как у вас сложилась жизнь после Англии, где вы работали дальше в годы войны?

— Жизнь сложилась нормально. Я же говорил вам, я кондовый научно-технический разведчик. В 1948–1950 годах работал в США.

— Почему так недолго?

— Жена заболела. Пришлось ехать в Союз на операцию. С 1956 года — резидент в США.

— То есть возглавляли всю советскую разведсеть в Штатах?

— Легальную. Шесть лет.

— Ого! Почему все-таки вы не генерал?

— В мое время нам генералов не присваивали.

— И трудились в Штатах по тому же атомному делу?

— И по тому же, и не только по этой проблематике. А атомными вопросами мы и сейчас занимаемся. Ставятся новые опыты в ядерной физике, появляются другие виды бое головок, совершенствуются средства доставки… Надо знать, что делается.

— В США?

— Да везде.

— Вторая мировая закончилась. Энтузиазм друзей-коммунистов угас.

— Согласен. Работать стало намного труднее.

— Бескорыстные и идейные, наверное, перевелись?

— К сожалению, да. И все же приходится искать, нанимать и оплачивать. Вера угасла, появился страх перед нами и своей контрразведкой.

— Но и мы сами немало сделали, чтобы от себя отвадить.

— Мы много для этого сделали. Признаюсь прямо, поиски помощников затруднены. Но бросать из-за этого работать никто не собирается. Жизнь внесла поправки в методы, и существенные.

— Покупаете?

— Приходится.

— Зашел разговор на современную тему, и что-то вы, Владимир Борисович, не слишком многословны.

— А как иначе? Ниточки-то тянутся.

— Хорошо. А в первый заезд в Штаты вы должны были застать полковника Абеля?

— Ему полковника тогда еще не присвоили. Понимаете, я был помощником резидента по линии научно-технической разведки. А нелегальная разведка всегда была и остается табу для всех. Как правило, Центр поддерживает контакт со своими нелегалами самостоятельно. У них собственные каналы связи. Только руководители нелегальной резидентуры знают о том, что есть конкретно такой нелегал. Единственное, что мне было известно: с человеком, которого вы называете Абель, есть запасная связь на тот случай, если основная оборвется. Остальное до поры до времени меня касаться было не должно.

— И то же самое относилось к Коэнам? Тем, что во время войны вывезли из Лос-Аламоса атомные чертежи от агента «Персея»?

— Я знал, чем они занимаются, пока Коэны были в сети легальной разведки. Публика эта мне была великолепно известна, и что она делала, и на что была способна. Настоящие разведчики. Сколько же они для нас всего добыли! Но я напрямую с Коэнами в контакт не вступал, хотя непосредственно руководил деятельностью этой группы через моего сотрудника Соколова. Когда Соколов, известный Коэнам под именем «Клод», шел на встречи с ними, он докладывал мне. Мы познакомили Коэнов с Абелем, который принял руководство над всей этой группой. Но к тому времени Коэнам пора было спешно покидать Америку, и сотрудничество их с Абелем было недолгим. Бежать в Мексику им помог непосредственно «Клод».

— А как развивалось сотрудничество с Абелем?

— Да, пожалуй, никак. Я работал в Штатах до 1962 года. Арест его произошел при мне. Но к этому времени он на нас уже не замыкался, непосредственно на Центр. Иногда, очень редко, поддерживали с ним связь. Были кое-какие каналы. Передавали деньги, документы — и все. Не виделся я с ним там ни разу. Мне бы не хотелось развивать дальше всю эту тему. Мои представления несколько отличаются от популярных. Я испытываю к Вильяму Фишеру, взявшему при аресте имя Абель, огромное уважение. Боготворю нелегалов-разведчиков. На риск они идут страшный. Любой из них для меня, если хотите, образец.

— А тот сотрудник КГБ Абель, фамилией которого назвался Фишер, в Штатах не работал?

— Нет. С ним Вильям Фишер познакомился еще до войны в одной из своих долгосрочных нелегальных командировок.

Барковского помнят. В декабре 2010-го на скромном доме № 9 по улице Красная Горка в подмосковном Красногорске установлена Мемориальная доска. Здесь до войны и жил будущий

Герой России, атомный разведчик Владимир Барковский. А на Первом канале снят и фильм о нем, в главной роли — актер Евгений Стычкин.

Награда нашла героев спустя всего полвека

Атомным разведчикам присвоили, пусть и с опозданием, звание Героев России. В июне 1996 года вышел президентский указ. Леонид Квасников, Анатолий Яцков, Леонтина Коэн удостоены этого звания посмертно. Мой постоянный собеседник Владимир Барковский, без которого, быть может, не было бы и советской атомной бомбы, и его коллега Александр Феклисов дожили до нежданного дня. Еще в 1995 году звание Героя России присвоено Моррису Коэну. Правда, тоже посмертно. Моррис так и не подержал в руках заветную звездочку. Барковский ушел в 2003-м году, Феклисов — в 2007-м.

Подвиги вершились тихо

В 1962-м резидент советской разведки в Вашингтоне Александр Феклисов сумел предотвратить начало Третьей мировой войны.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Феклисов Александр Семенович (1914–2007). Полковник, Герой России, родился в Москве. После окончания в 1939-м Института инженеров связи, приглашен в органы безопасности. затем последовала учеба в специальной школе и уже в 1941 году быстрый отъезд в США, где до 1946-го Феклисов работал в легальной резидентуре по линии научно-технической разведки. основная проблематика — атомная. с 1947-го по 1950-го — командировка в Лондон, где на связи у Феклисова был ценнейший атомный агент Клаус Фукс. с 1960 по 1964-й Феклисов под фамилией Фомин — резидент в Вашингтоне. Во многом именно благодаря Феклисову и был разрешен Карибский кризис, едва не завершившейся III Мировой войной.

Герой России, он умер 26 октября 2007 года — день в день с самым главным своим подвигом. А 26 октября 1962-го бойня была уже даже не на пороге: на кончиках пальцев генералов, готовых по приказу президента США Джона Кеннеди нажать на кнопку — и понеслось бы по всему миру. Советские ракеты на Кубе, и что делать одураченным американцам, как не наказать этих русских и кубинского лидера Фиделя. А тот потрясал бородой: «Патрия о муэрте — Родина или смерть» и готов был драться именно до смерти. И Хрущев тоже уперся облысевшим своим рогом — никаких уступок. Хотя десятилетия спустя один из его родственников, пусть не кровных, зато доверенных, царство ему небесное, поведает мне за не первым бокалом «Бордо» в Париже: «А ведь он знал, что в той войне хоть и потреплем Штаты, но вот выйдем ли победителями…»

А сложилось так, что посол в США Добрынин делал все от себя и посольства зависящее, дабы предотвратить и избежать. Но

уже мало что оставалось во власти хитроумной дипломатии. Тогда мир попал в цейтнот, война и только война могла разрешить планетарный, с тех пор ни разу и близко не испытываемый в таких масштабах кризис, окрещенный карибским. И требовалось уже нечто иное, не традиционное, не государственно-дипломатическое, чтобы отвести надвигающийся крах.

И вот на мировой арене появился резидент Первого главного управления — внешней разведки — в Вашингтоне Александр Фомин: так в непонятных для меня конспиративных целях звался тогда с 1960 по 1964 годы в Штатах Александр Семенович Феклисов. Скромный полковник, которому так никогда и не дали стать генералом, хотя ох как заслуживал и заслужил. Ненавижу пафос, но есть еще, черт подери, люди, которые движут историю.

Я познакомился с ним уже седовласым, вечно возящимся с неизменно садящимся и здорово его подводящим слуховым аппаратом. В маленькой квартирке недалеко от Белорусского вокзала ему поставили телефон, озарявшийся при звонках ярким сиянием. Иногда хозяин квартиры опирался на палочку. Но человек был высок и статен, галстуки всегда подходили к хорошо отглаженным темно-синим костюмам, а память Александра Семеновича работала с легкостью неимоверной: в свои тогда за 75 он буквально щелкал именами, датами, событиями. Я, признаться, сначала проверял по словарям и энциклопедиям: мой собеседник ни разу не ошибся. Ко второй жене Маргарите, намного его моложе, он относился не просто с благодарной любовью хорошо ухоженного пенсионера-отставника, а с явным и твердым мужским чувством. Увы, она нежданно ушла раньше него.

Мы встречались у Феклисова дома сначала с пирожками от Маргариты, потом — без них и уже без нее. Иногда Александр Семенович приезжал ко мне на работу: довелось не только беседовать с ним часами для моих книг, но и изредка помогать ему в литературной работе, за которую Феклисов взялся рьяно.

Гуляли — ходили от Белорусской, по, как он говорил, Горького и до Кремля. Пару раз в Дни Победы ездили на Поклонную гору. Тогда ему уже присвоили звание Героя России, и народ все теребил видного ветерана: за что, ну за что звездочка? И хотя Героя он получил с многолетним опозданием в 1996-м за то, что добыл кучу атомных секретов, Александр Семенович неизменно отвечал: за атомную бомбу и за карибский кризис.

В разгар этого кризиса 1962-го года он встретился с Джоном Скали. Известный тележурналист из Эй-Би-Си был близок к клану

Кеннеди, а с младшим из Кеннеди бойз — министром юстиции Робертом дружил. И я не раз и не три допытывался у Феклисова: неужели не был Скали нашим агентом или хотя бы агентом влияния? Ну как иначе решился б на вас выйти, знал же наверняка, что имеет дело с главным в Штатах легальным русским разведчиком. Александр Семенович, который немало чего мне рассказывал, всякую причастность Скали к разведке, по крайней мере, советской, отрицал. Соглашался: могли меня вычислить, но у младшего Кеннеди руки были не то что развязаны, но посвободнее, чем у старшего — президента. И американцы тоже решили действовать нестандартно, иного-то выхода не находилось, на уровне разведок. Вот и выпустили хитрого Скали. Обе стороны выложили карты на стол: еще пару дней и сдавать было б нечего.

О его встречах со Скали, Феклисов знал это твердо, докладывалось Хрущеву и Кеннеди-младшему. Министр тут же доводил содержание разговора до брата-президента.

А 26-го октября в ресторане «Оксидентал» Скали непрозрачно сообщил, что их военные настаивают на немедленном вторжении на Кубу, и если Хрущев считает Кеннеди неопытным, нерешительным политиком, то скоро у него будет шанс убедиться в обратном.

— И тут в моей душе что-то произошло, какой-то порыв, — каждый раз, когда Феклисов рассказывал мне об этом, на него, обычно выдержанно-хладнокровного, сходило некое озарение. — Никто не уполномочивал меня говорить Скали об этом, но я решился: «Вряд ли нашим дивизиям потребуется больше 24 часов, чтобы с помощью войск ГДР сломить сопротивление американского, английского и французского гарнизона. Мы захватим Западный Берлин». Скали явно такого не ожидал. А я не ожидал, что часа через два, ну, три, Скали передаст мне в том же ресторане компромиссные условия по урегулированию карибского кризиса, по моей просьбе уточнив, что они исходят от Джона Фитцджеральда Кеннеди — президента Соединенных Штатов Америки.

Но наш посол Добрынин, потратив минимум часа три на изучение проекта подробнейшей и срочнейшей телеграммы в Москву, составленной резидентом, не захотел ее подписывать: МИД не давал дипломатам полномочий на ведение таких переговоров. В кабинете посла произошла обидная для Феклисова-Фомина сцена. Про нее мне писать Александр Семенович запрещал. С горечью, бранных слов он никогда не употреблял, повторяя: «Сделали из меня мальчика». И «Фомин» повернулся, рванул к себе, в резидентуру. Здесь, наплевав ради

дела, на все дипломатические тонкости, он от собственного имени отправил через своего шифровальщика телеграмму на имя начальника разведки. И вскоре члены Политбюро во главе с Хрущевым, уже находившиеся в преддверии войны на казарменном положении в Кремле, эту записку изучали.

Тут я попросил бы читателей, вспомнить, в какие годы происходил последний акт разыгрывающейся трагедии. Хрущевская оттепель завершена, бюрократия и чиноподчинение — полные, а уж тем более — заграницей, где любой посол считался если и не помазанником Божьим, то хрущевским — точно.

27 октября Скали вновь встретился с Феклисовым, а Роберт Кеннеди дважды — с послом Добрыниным. Пошел обмен официальными посланиями. Удовлетворивший обе стороны ответ Хрущева пришел утром 28-го октября.

Но Феклисов явил смелость, проницательность и решительность не только во время карибского кризиса. Не стану рассказывать, как с помощью разведки и агентуры добывал он во время войны в США и после нее в Англии секреты немирного атома. Билась в нем какая-то упорная, строжайшей дисциплиной так и не заглушенная жилка, если хотите, назовем ее чувством вины. Это с ним был в Великую Отечественную на связи в Штатах Юлиус Розенберг. Единственный в американской истории агент, казненный вместе с женой Этель в 1953-м, в разгул маккартизма, на электрическом стуле. Но даже после разряда в две тысячи вольт Этель была еще жива. Потребовался второй разряд, третий… Само небо, казалось, противилось этой невинной жертве.

Наши, всячески борясь за отмену смертной казни, тем не менее, не признавали Розенберга своим агентом. А Феклисов — сам, без согласований, на склоне жизни публично признал: Джулиус — был. Но объяснил доходчиво, с доказательствами, так что ему и у нас, и там поверили: эти двое никогда не выдавали секретов, связанных с изготовлением бомбы. А Этель вообще не имела отношения к разведке: болела, едва управлялась с двумя маленькими сыновьями. Да, как и муж, руководитель ячейки и истовый коммунист, она верила в светлые идеалы, однако не более того. Возможно, Джулиус посвящал ее в свои дела, а, может, и нет. Феклисов не был с ней даже знаком, сообщал в Центр: домашняя хозяйка, больна, нигде не работает. Говорил мне на своем разведжаргоне: «Мы к ней — ни единого подхода».

И в 83 года Феклисов отправился в США, снялся в главной роли в фильме Эй-би-си «Дело Розенбергов». Прокричал: казнив двух невинных, американская разведка хоть так попыталась

рассчитаться с советской за жесточайшие провалы в битве спецслужб. «Да, нарушил правила, чтоб о Джулиусе и Этель узнали правду. У нас нельзя, просто не принято говорить, кто на СССР работал. Но Бог и разведка должны меня простить. Надеюсь, с годами меня оправдают, но, главное, оправдают супругов Розенбергов». Фильм вышел на экраны всего мира, и у нас тоже.

И еще раз он нарушил твердо принятый в его профессии свод неписаных законов. Вы уже знаете, что в годы войны и аж до 1950-го передавал СССР секретнейшие сведения об атомной бомбе сначала из Великобритании, а потом из США, затем снова из Англии бесценный агент — гениальный ученый, немецкий антифашист Клаус Фукс. В 1950-м его приговорили в Британии к 14 годам заключения. Отсидев девять лет, Фукс возглавлял в ГДР Институт ядерных исследований, приезжал в СССР как выдающийся ученый. Вот только факт его героического сотрудничества с разведкой до распада СССР у нас не признавался.

И тогда в 1989, через год после смерти Фукса, отставной полковник Александр Феклисов, бывший в Англии на связи с ним, по собственной инициативе поехал в Берлин. Отыскал вдову Фукса, тепло благодарил ее, положил цветы на могилу. А Фукс, как рассказала Александру Семеновичу его супруга Маргарита Фукс, ждал до последнего дня. И еще оправдывал русских друзей, втолковывая жене, что, быть может, никого из советских, с кем сотрудничал ради сохранения паритета, в живых не осталось. Тогда Александр Семенович взял вину на себя.

Феклисов был необычным человеком, нарушавшим законы разведки ради ее и нашего блага. Помню высокий, несколько на последних годах дрожащий голос: «Да что вы, Николай Михайлович, нам еще о своих Героях столько рассказывать и рассказывать». Передавал мне блокноты с записями от руки главок о своей жизни, чтоб дал я ему отзыв: Феклисов писал книги сам. Но в них только о том, что известно, и о чем можно говорить. Вольности он допускал лишь трижды — во время карибского кризиса, выручая нас с вами и остальным миром, и в делах Розенбергов и Фукса.

О нем трогательно заботились. В самом конце жизни большую часть времени проводил он среди своих, в тихом, неприметном загородном местечке, где разведка окружает теплом, таких же, как он. Феклисов — один из последних остававшихся в живых атомных разведчиков, которому в 1996-м было присвоено звание Героя.

Троим из шести эта честь была оказана посмертно. А троих я знал, с двоими, включая Александра Семеновича Феклисова и

Владимира Борисовича Барковского, множество раз встречался. Может, не взирая на разницу в возрасте и совсем разные профессии, даже дружил? По крайней мере, как же легко мы друг друга понимали.

В Штатах часто пишут, что это Феклисов вместе со Скали сумели во многом предотвратить казавшуюся неминуемой неизбежностью войну. У нас его подвиги оцениваются как-то скромнее. Неординарность Феклисова находит понимание не у всех. О некоторых операциях, задуманных Александром Семеновичем, еще только предстоит рассказать.

Он ушел, успев написать две книги, и все же в душе моей грусть. Понимаем ли мы, осознаем ли: от нас уходит родная история. Никакие архивы не расскажут того, что могли бы, но не досказали, эти светлые, без нашего ведома, нас столько раз спасавшие люди. Так хочется взять и докопаться до окончательной истины — как же все это было. Пока нельзя. Меня, историка разведки, часто спрашивают: а когда истекают сроки хранения государственной тайны? Но нет здесь конкретных и намертво определенных сроков давности.

За гранью возможного

О Жорже (Георгии) Ковале пока написано немного. Между тем, ему единственному из всех советских разведчиков удалось самому поработать в засекреченной американской лаборатории, где и изготовлялась первая американская атомная бомба.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Георгий (Жорж), Джо Коваль (1913–2006). звание Героя России присвоено в 2007 году. Награды Коваля были торжественно переданы в Главное разведывательное управление (ГРУ) осенью того же года. Восемь, а по некоторым сведениям, девять лет Коваль проработал в США. Блестяще владел английским. Прекрасно играл в типично американский бейсбол. сначала работал в США под чужим именем, а затем служил в армии под своим собственным. Выехав из Штатов, поселился в Москве, стал известным ученым. до конца дней был страстным футбольным болельщиком.

Его биография несколько напоминает жизненную историю коллеги по опасному ремеслу Абеля — Фишера. Оба родились заграницей, вернулись на историческую родину, а затем вновь рисковое возвращение в зарубежье, но уже в качестве нелегалов. Разве только Абеля по наводке предателя арестовали, а Ковалю, оказавшемуся на грани провала, удалось скрыться. Правда, более известный народу Абель трудился во внешней разведке, а Коваль в ГРУ.

Жорж, или Георгий Коваль родился в США в 1913 году в городе Су-Сити, куда семья выехала из России в поисках лучшей жизни. Таковой не отыскалось, да еще наступило время, известное как Великая Депрессия. И в 1932-м Эбрахам (по-простому Абрам) и Этель Коваль с детьми вернулись из штата Айова в СССР. Отец семейства придерживался сугубо левых взглядов и свято верил, что в Биробиджане отец народов Сталин создаст рай для евреев.

Но раем что-то не пахло, и сын Жорж перебрался в Москву. В 1934-м смышленый парень поступил в МХТИ (Московский

химико-технологический институт) и закончил его, кто бы сомневался, с отличием. Тут молодого человека с необычной судьбой и приметила разведка. Только учиться на разведчика было некогда, ибо грянула война.

И «Дельмара», такой оперативный псевдоним присвоили Ковалю, отправили обратно в Штаты. Предполагается, что в 1940-м он и приступил к работе. Сначала пытался устроиться в той, в принципе знакомой ему американской жизни, под вымышленным именем. Довольно быстро от разведчика-химика пошла информация о производстве токсинов. После Первой мировой многие опасались, что химическое оружие превратиться в средство массового уничтожения. Хотя вскоре стало понятно: нет, главным оружием будет оружие атомное.

Получилось так, что подготовленные в Главном разведывательном управлении Красной Армии документы «не прошли». И Коваль решил рискнуть, устроиться на военный объект под собственным именем. Хвала предусмотрительности Жоржа: все бумаги, выданные еще до 1932-го в США, сохранились. И тут, как иногда случается с людьми не только рисковыми, но и инициативными, ему повезло.

Да и прикрытие в принципе оказалось отличным. Его хорошо помнили старые приятели по спорту. Великолепный бейсболист был всегда безукоризненно вежлив на поле. Говорил на безупречном английском. И, если опять проводить параллели с тем же Абелем, у которого вдруг прорывался некий акцент, то родным Ковалю был именно английский в американской версии. Ни разу он не дал никакого повода усомниться, что в армию призван настоящий американец. В его открытом поведении и светлом взгляде было нечто притягивающее. И скорее случайно, однако с определенной долей закономерности, он попал на объект, определенным образом связанный с изготовлением атомной бомбы.

Вот где пригодился опыт, накопленный в «Менделеевке». Видно, в Москве учили неплохо. И технически подготовленный, легко сходящийся с людьми, на лету все схватывающий парень оказался востребованным. Он получил допуск на атомные предприятия в секретных городках. Именно армия дала возможность совершенствовать знания в Сити колледже на Манхэттене. Аполитичный, сдержанный он тратил время лишь на учебу, явно сторонясь политических разговоров.

Иногда товарищи по учебе удивлялись: их армейского друга никто и никогда не навещал. Впрочем, Джо успокоил любопытных. Откуда родственники у круглого сироты. А военным требовались свои люди на секретных объектах. Так сержант Джо

Коваль превратился в своего и в Дейтоне, и в Оук-Ридже, где для бомбы готовили топливо и все составляющие. Поле его деятельности не было строго ограничено запретами в передвижении. Наоборот, в его задачу как раз и входило перемещение по различным цехам: сержант следил за тем, чтобы уровень радиации ни в коем случае не нарушал допустимый. Это он пекся о здоровье соотечественников, работающих с ядерными веществами.

Изредка вырываясь в отпуск, он превращался в того, кем и был на самом деле: военного разведчика «Дельмара». Используя служебный джип, добирался до заранее условленного места. Там его уже поджидал прямой начальник. Вот о ком известно лишь одно — оперативное имя «Фарадей». Зато известно другое. «Фарадею» и передавал «Дельмар» данные о производстве ядерных материалов — плутонии, уране. И еще о том инициаторе, благодаря которому и происходит атомный взрыв.

Но счастье — в данном случае для советской разведки — не могло длиться вечно. Оно и так продолжалось долго. По одним сведениям, восемь лет, по другим — целых десять. Был риск напороться на кого-то из штата Айова, знавшего, что семья Абрама Коваля, страстно верившего в коммунизм и презиравшего все американское, рванула в 1932-м в Советский Союз. Нет, здесь-то повезло.

Зато подвело совсем другое, вроде бы малозначащее, до обидного мелкое, что и губит обычно всех разведчиков, не только наших. В руки американской контрразведки попал довоенный советский журнал. В нем — репортаж и фото счастливой еврейской семьи, избежавшей тягот капиталистического рая благодаря переезду в Биробиджан.

И Коваля быстренько вывезли из США. С такими способностями мог бы дослужиться и до более высоких чинов и званий. Но предположительно в 1950-м или чуть раньше Георгий Коваль появился в Менделеевском институте. Его дождалась терпеливая жена, вновь пошла тихая и незаметная преподавательская жизнь.

Студенты его любили, он отвечал им тем же. Однажды, как рассказывают, выяснилось, что единственный из советских разведчиков — нелегалов, в сержантском звании самолично добывавший информацию непосредственно с американских ядерных объектов, у себя дома дослужился лишь до рядового. Его это нисколько не коробило. В ГРУ никогда не любили шума.

Но думать, будто заслуги Коваля в деле ускорения создания советской атомной бомбы были никому неизвестны, ошибочно. Знаю это точно. Ибо как-то на стадионе «Динамо» патриарх —

основатель московского «Спартака» вдруг показал мне на пожилого человека, сидящего на трибуне. «Наш многолетний верный болельщик. Ученый, то ли физик, или, кажется, химик».

Я поначалу не понял: «И что здесь удивительного?» Мой старинный наставник улыбнулся: «Ему бы за «Динамо», а он, видите, за нас. Хоть и разведчик».

Белое пятно

Если Коваля все же рассекретили через лет 56 после возвращения из Штатов, то другому нелегалу это не грозит. Его имя никогда не будет названо.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Нет даже портрета. есть лишь короткая фамилия на рамке того, что должно быть портретом, да белое пятно. Полная безвестность.

Он начинал фактически с нуля. Унылое побережье, где его то ли вышвырнуло на берег, то ли доставлен он был туда на веслах ли, подводной лодкой… Скромная одежда, припрятанная в камнях, отыскалась им быстро. И странник пошел по новой своей жизни. Так нелегала вывезли в чужую страну.

Ушло 17 лет на то, чтобы построить биографию совершенно другого человека. Из безработного превратить в почетного гражданина города.

То был не просто героический человек — настоящий стоик. В свое время разведка привозили ему сына в одну из стран Западной Европы, куда он выезжал в командировку из своего постоянного места пребывания. Надо было, чтобы мальчик видел, какой у него достойный отец. Они встретились, говорили.

Но случилась непоправимая беда. Сын, отдыхая в лагере, утонул. И отец был на похоронах день. Всего лишь один день. Собрался и вновь уехал туда. Когда в период, назовем его близким к перестройке, ему вручали Звезду Героя Советского Союза, было торжество. 17 лет службы в полной темноте. Он был отлучен и от жены. Нельзя их было использовать вместе. Не пошел у нее сложный иностранный язык. Да и характер не тот. К тому же внешность — славянская внешность. Но Герой знал, какие у него возможности, что нужно делать. И благополучно вернулся. Он умер здесь странной смертью. Попал под машину… Недавно умерла и жена.

В разведке — больше века

Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян и его супруга Гоар Левоновна широкой публике известны в основном лишь тем, что в 1943-м предотвратили покушение на «Большую тройку» — Сталина, Черчилля и Рузвельта, участвовавших в Тегеранской конференции.

В этой книге, с разрешения Геворка Андреевича, мы подробно рассказываем не только о тегеранском периоде, но и о дальнейшей жизни двух нелегалов.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Геворк Андреевич и Гоар Левоновна Вартаняны — семейная пара нелегалов, считающаяся самой результативной в истории современной разведки. Во многом благодаря этим людям, в 1943 в Тегеране удалось предотвратить покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля. А потом несколько десятилетий нелегальной работы по всему миру, присвоение в 1984-м звания Героя советского союза и только через несколько лет — возвращение на Родину. Горжусь тем, что в 2000-м мне первому довелось слегка «рассекретить» героев, рассказав о суровых годах в Тегеране.

Хотя подробный рассказ об их деяниях, в том числе и относительно недавних, постараемся опубликовать к середине этого, пока еще нового столетия. По масштабам совершенного, Вартанян в числе первых двух-трех выдающихся наших разведчиков. Здесь лишь некоторые странички фантастической, длившейся десятилетиями карьеры.

Мы познакомились в 2000-м. Сколько же лет Вартаняну? А его жене? Да простит меня супружеская пара, но к дому в районе проспекта Мира приближался с чувством трепетным. Как бы не разволновать людей наверняка весьма и весьма почтенного возраста, да еще и непривычных к журналистским расспросам. И сразу — приятный сюрприз. Красивая, моложавая женщина в модном платье, на высоких каблуках:

— Здравствуйте, я — Гоар Левоновна.

Высокий, с бесшумными, мягкими движениями хозяин по-европейски элегантен:

— Вартанян Геворк Андреевич, — и рукопожатие молодое, крепкое.

Итак, разрешено поведать о Тегеране. Неужели немецкая разведка действительно пыталась уничтожить в 1943 году «Большую тройку»? Ведь еще в конце августа 41-го в Иран вошли с севера наши войска, с юга — английские. Реза-Шах обещанного нейтралитета не соблюдал, вовсю помогал Гитлеру. Вот и пришлось…

— В то время в Иране находилось около 20 тысяч немцев, — с едва заметными, однако, все же пробивающимися восточными интонациями объясняет Вартанян. — Военные инструкторы, разведчики под видом всяких торговцев, бизнесменов, инженеров.

— Геворк Андреевич, сколько же вам было в 1943-м?

— 19.

— Выглядите гораздо моложе своих лет.

— Это, наверное, профессия заставляет держаться. Ведь я сознательно и обдуманно в 16 лет начал работать на советскую разведку. Мне присвоили имя Амир. Под ним и работал в Иране до 1951-го. Да, с февраля 1940-го все и пошло.

Почему не получилось «Длинного прыжка»

В истории мировых спецслужб такого не бывало. И благодаря относительному мировому политическому потеплению вряд ли уж и будет. Гитлер одним махом намеревался покончить сразу с тремя лидерами «Большой тройки». А всю операцию по физическому устранению глав трех государств немцы назвали «Длинным прыжком». И об этом, и о Тегеранской конференции написаны десятки книг. Но детали готовящегося покушения и, главное, как удалось предотвратить его — все это оставалось в каком-то тумане. Правда ли, что первую весть о готовящемся теракте действительно подал из лесов под Ровно разведчик Николай Кузнецов?

Передаю слово Амиру — Геворку Вартаняну:

— Все — правда. Первое донесение пришло от Николая Кузнецова. В Ровно ему удалось разговорить штурмбанфюрера СС Ульриха фон Ортеля. Коньяк и дружелюбие щедрого друга Пауля Зиберта развязали язык. Сначала эсэсовец пообещал вернуть денежный долг обер-лейтенанту коврами. А потом не только выболтал Паулю об операции в Тегеране, но и предложил в ней

участвовать. И Николай Иванович сразу передал в Центр: в Тегеране возможна попытка покушения на глав трех государств.

Сам Ортель был переведен в Иран вместе с группой эсэсовцев. В Москве здорово встревожились. Резидентура начала принимать все меры, работала с напряжением немыслимым. Подключила и нашу группу. Мы очень активно взялись.

В Иран, в район Кумского озера, в конце лета 1943-го немцы сбросили Отто Скорцени с командой проверенных в деле парашютистов-диверсантов. Доверили операцию лично любимцу Гитлера. У него был богатый опыт. Именно Корце-ИИ — человек со шрамом — убил в 1934-м канцлера Австрии Дольфуса, а в 1943 вместе со 106 бандитами отбил дуче Муссолини у итальянских партизан. Но об этом мы узнали позже. Скорцени в дело вступить так и не дали. А вот шестерых радистов-парашютистов, которых немцы сбросили недалеко от Тегерана, поблизости от города Кум, обнаружили мы.

— Но Кум — городок небольшой, весь в мечетях. Засветиться можно мгновенно. Я в тех краях бывал: на каждого европейца глядят с заведомым подозрением.

— Там у фашистов была могучая агентура. Существовало мощное прикрытие, советской разведкой еще не разгром ленное. Доступа мы туда не имели. А насчет европейцев — в Куме немцы переоделись в местные одежды. Перекрасились. Они хну в Иране во всю использовали. Кто-то с перекрашен ной бородой даже под муллу работал.

Так начался их «Длинный прыжок». Немцы на десяти верблюдах начали передвигаться к Тегерану. Везли с собой рацию, оружие, снаряжение. Осторожничали и путь длиной километров в сто прошли за десять дней. Около Тегерана пересели на грузовик и добрались-таки до города. Засели там на конспиративной вилле, прямо на одной из центральных улиц — Надери, недалеко от посольств СССР и Великобритании. Агентура им все здорово подготовила.

— Эти шестеро и должны были убить Рузвельта и Сталина с Черчиллем?

— Нет. Задача той передовой группы радистов — установить контакт с Берлином. И затем, с помощью иранской агентуры, которую мы не добили, подготовить условия для высадки десанта террористов. Радиосвязь с Берлином они установили. Только попали в пеленгацию. И нашей группе поставили конкретную цель найти в огромном Тегеране эту радиостанцию. Задание мы выполнили. Нашли.

— Именно ваша «легкая кавалерия»?

— Да. Отыскали, где эта группа находится.

— Но как?

— День и ночь по 14–16 часов по улицам бегали. Я домой уходила, только когда совсем темно, — решительно вступает Гоар Левоновна. — Холодно, жарко, страшно — все равно искали.

— Гоар — молодец, — посмеивается Геворк Андреевич. — Такая была девочка с косичками, а смелая. И мы немцев-радистов нашли. Так что потом они работали уже «под колпаком» нашей разведки и английской: передавали в Берлин сведения под чужую диктовку. Но не стоит думать, что немцы — такие простаки. Кому-то из их радистов удалось передать в эфир условный знак: работаем под контролем. В Германии поняли, что операция началась с сокрушительной неудачи. Основную группу во главе со Скорцени посылать на верный провал немцы не решились. Так что никакого «Длинного прыжка» не получилось.

— Так все-таки был Скорцени в Тегеране?

— И под Кумом, и в Тегеране, но до того. Он и сам это признал уже где-то в середине семидесятых в одном из интервью: должен был, выполняя приказ Гитлера, уничтожить «Большую тройку». Изучал обстановку, крутился около посольств Великобритании и СССР. Они рядом, в центре. И особенно около американского, что гораздо дальше, в пустынном тогда месте.

— Правильно ли я понял: наибольшему риску из-за этой отдаленности подвергался как раз президент США?

— Он должен был, как и полагается по протоколу, остановиться в своем посольстве. Но потом согласился с предложением Сталина: безопаснее пожить в советском.

— Это предложение было сделано благодаря вашей группе?

— Конечно. Мы подсказали, что если террористический акт так или иначе готовится, то в американское посольство, которое охранять очень сложно, ехать никак нельзя. Сталин и наша разведка сумели в этом Рузвельта убедить.

— Еще несколько вопросов. Вы наверняка смотрели фильм «Тегеран-43» с Аленом Делоном в главной роли?

— Смотрели.

— Как там насчет правды жизни?

— Есть в картине правдивый момент: диверсанты собирались проникнуть в английское посольство через водоканал и совершить теракт как раз в день рождения Черчилля — 30 ноября. Действительно через старинную систему каналов это было возможно. Остальное здорово накручено: Ален Делон, Париж, бандиты и красавицы…

Гоар Левоновна:

— Как-то встречались с Игорем Костолевским — он играл главную роль в «Тегеране — 43». Актер прекрасный, человек —

милый, не знал, что за встречу готовят ему в театре. Когда нас увидел, сразу встал, обнял. Так хорошо поговорили. Но я спросила, почему у вас Тегеран, гостиница такие обшарпанные? В ту пору был красивый город. И Костолевский ответил, что снимали в Баку. Я ему: но и в Баку могли подобрать что-то поприличнее.

Геворк Андреевич:

— А я заметил не Костолевскому, а для истины, что зря он там все время стрелял. Разведчик перестает быть разведчиком, если начинает применять оружие.

— Иногда рассказывают, что в подсобном помещении одного из посольств обезвредили бомбу.

— Такого мы никогда не слышали. А вот то, что между посольствами СССР и Великобритании, которые находились совсем рядом, наши с англичанами пробили стенку, правда. Натянули шестиметровое брезентовое полотно, устроили нечто вроде коридора. Там лежали их и наши автоматчики, пулеметчики: всем участникам Тегеранской конференции безопасность перехода туда и обратно была обеспечена.

— Если можно, то все-таки поконкретнее. Как вам удалось выйти на тех шестерых радистов?

— Кузнецову спасибо за раннее предупреждение о возможном покушении. И одновременно в Тегеране активизировались немецкие агенты-иранцы. Начались бурные встречи, выходы на иранских военных. Ну, просто чувствовалось: что-то готовится. Стали пресекать. Однажды пришлось брать агента прямо на свадьбе. Были сведения, что в покушении может быть замешан именно он.

— Это кто же? Немец?

— Иранец. Нам тихонько подсказали, что у него уже есть опыт участия в терактах. Тут вступила в дело военная разведка. Довольно часто наши с ГРУ сотрудничали.

— И каким же образом?

— В ГРУ работали иногда очень жестко, — в один голос выговорили мои собеседники. А Геворк Андреевич продолжил: — Пошел я на эту свадьбу. Собираюсь как-нибудь незаметно вызвать опасного, а может и вооруженного человека. Постучал, открывают мне дверь: заходи. И тут вдруг наш капитан, да прямо в форме, как свистнул. На свист прибегает взвод автоматчиков. Они чуть не впрыгивают во двор, а там гуляет свадьба — человек двести. Поднимается жуткая кутерьма. Зачем? Я бы этого бандита незаметно увел. А у него, как я и думал, пистолет. Начинают выкручивать ему руки, с головы у какого-то солдата падает шапка, и я ее подбираю. Забрасывают эту личность в грузовик

«Студебеккер», везут в военную комендатуру… И чуть ли не вся свадьба за нами: люди возбуждены, требуют освободить гостя. Что и кому тут объяснять? Я стою в толпе, наблюдаю. В руках у меня чужая шапка. И так продолжается до двух часов ночи. Хорошо, что взяли потенциального участника теракта. Но не так, не так же…

— Если говорить языком современным, то к Тегеранской конференции проводилась решительная зачистка? Извините за термин из другой эпохи.

— Мы должны были все это расчистить. Работали вместе с агентурой, искали подходы. Появлялось малейшее подозрение — человека временно арестовывали. Не подтверждались сомнения, и после Тегеранской конференции его отпускали. А до конференции, во время ее мы работали день и ночь.

Иногда кое-что не удавалось. Надо было брать в городе Казвине опасного человека. Он в терактах участвовал, в поджогах. Пытался вербовать наших солдат. Долго его наши искали, а адрес установил мой отец. Поехал я в Казвин. Два дня вертелся около дома этого агента — и ничего. Тут меня и задержали.

— Иранцы?

— Наши. В городе полно советских военных, а рядом крутится какой-то парень в гражданской одежде. День просидел под арестом. Как говорится, до выяснения обстоятельств.

Дядюшка Джо все же побывал на седьмом небе

Здесь позволю себе на короткое время отвлечься от истории Вартанянов. Обращу скромный взор на одного из самых сильных мира того — Иосифа Сталина. Единственного из «Большой тройки», знавшего обо всем, что происходит в Тегеране: и о Скорцени с его диверсантами, и о мерах безопасности, предпринимаемых чекистами. Вот для кого Тегеранская конференция превратилась в адово испытание. Малейшая оплошность с их стороны — и полетело бы столько голов…

Похоже, Сталин все же твердо верил в свою госбезопасность. А ее руководители — в собственных сотрудников и агентов. Иначе бы Иосиф Виссарионович не принял решение: несмотря ни на что — обязательно ехать. Или иного выхода не было?

До сих пор спорят: неужели Сталин, никогда не летавший, все же рискнул совершить аж два перелета: Баку — Тегеран и Тегеран — Баку. В спецслужбах, куда я обратился, архивных документов не сохранилось.

Да и не могло сохраниться. Причина веская. Абсолютно все данные о передвижениях первых лиц государства, начиная со Сталина и до Ельцина, спецслужбы обязаны передавать в архив, который именуется сейчас президентским. И не важно, в какой стране или республике, городе побывал генсек Брежнев или Президент СССР Горбачев. Так что, к примеру, все подробности так поразившего мир путешествия Бориса Николаевича из Штатов в ирландский Шэннон и в Москву, похоже, надежно хранятся именно там, а архиве.

Вдруг всплыл и другой любопытный факт. Возможно, и зря мы подозревали Иосифа Виссарионовича в трусости: ведь всю жизнь он передвигался по необъятной стране только на поездах, да на автомобилях. Всему свое объяснение. 22 марта 1925 года в авиакатастрофе погиб, как пишет Большая Советская Энциклопедия, «верный ученик Ленина» Александр Федорович Мясников. Смерть 39-летнего члена Реввоенсовета и Президиума ЦИК потрясла Сталина. Собрав соратников, он объявил решение, приравненное к приказу. Видным партийным руководителям и просто крупным начальникам летать на самолетах категорически запрещалось. Однажды в Белоруссии завет вождя нарушил Анастас Микоян — полетал над аэродромом на военном самолете. И, пишет писатель Николай Зенькович, не успел Анастас вернуться в Москву, как Сталину уже все сообщили. Ослушнику был объявлен выговор за недисциплинированное поведение.

Но когда уж грянуло в июне 1941-го, стало не до устаревших формальностей. Вынужден был пересесть с поезда на самолет и сам блюститель строжайшей безопасности.

До Баку спешащая в Тегеран делегация во главе со Сталиным дотащилась на поезде. Оттуда в иранскую столицу — уже на самолете.

Впрочем, как Сталин доехал до конференции и обратно, существует несколько версий. Мне бы в них, противоречивых, не разобраться, если бы сотрудники Пресс-бюро СВР не вывели на профессора Юрия Львовича Кузнеца. Автор подробнейшей книги о Тегеранской конференции «Длинный прыжок» в никуда» изучал архивы долго и тщательно. И хотя в его вышедшей в 1996-м книге о методах сталинского передвижения пишется немного, профессор дал мне детальную консультацию.

Сначала действительно предполагалось, что от Баку до Тегерана Хозяина повезут на его обычном «Паккарде» в большом автокортеже. Но и такой путь представлялся опасным. Мало ли кто мог предпринять попытку покончить с дядюшкой Джо одним ударом. Да и дорога в районе Астуры была труднопроходимой.

Вот и решилось: самолет все-таки надежнее.

В своих мемуарах Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов вспоминает, что он сам предложил себя в качестве пилота. Сталин вежливо отказался, пригласив маршала просто сопровождать его. Даже отвесил Голованову комплимент.

Подтверждается сказанное профессором Кузнецом и в книге личного сталинского переводчика Валентина Бережкова «Тегеран, 1943». Правда, в Тегеран Бережков добирался самостоятельно. А вот обратно в Баку вылетали на нескольких двухмоторных и, как пишет Бережков, «пассажирских самолетах». Сначала улетела группа военных. На второй машине в воздух подняли Сталина.

В Баку, пишет Бережков, Сталин «стоял перед аэровокзалом уже не в маршальском облачении, а в простой солдатской шинели и в фуражке без знаков различия». Подъехали лимузины, главного пассажира поместили во второй: рядом с шофером, а сзади — охрана. На железнодорожном вокзале кортеж уже ждал «специальный поезд из длинных и тяжелых салон-вагонов» Баку — Москва.

Да, иногда удивляешься и скудности архивных материалов, и той атмосфере секретности, что окружала вождя и тирана. Сколько еще не выплыло, да и никогда не выплывет из тайников. Что говорить, если о Тегеранской конференции, продолжавшейся четыре дня, советскому народу дали узнать только после ее окончания. А теперь, снова к Вартанянам.

Как приходят в разведку

Тема деликатная. Говорить об этом не совсем принято, да иногда и нельзя. Но вот небольшой парадокс. В суперзасекреченной жизни Вартаняна как раз здесь-то — относительная ясность. Его отец Андрей Васильевич Вартанян в коммунистах никогда не состоял. Но когда в 1930 году бывший директор маслобойного завода, оказавшийся каким-то не совсем понятным образом иранским подданным, выезжал из станицы Степной в Иран, он уже был тесно связан с советской внешней разведкой. И связь эта сохранялась до самого его отъезда из Тегерана в Ереван, куда он вернулся в 1953-м, благополучно прослужив в соседней стране 23 года. А дома, в Союзе, еще долго трудился на сугубо официальной гражданской должности. Впрочем, пенсию получал как офицер-чекист.

Да, жизнь Вартаняна-отца — это уже другая, своя собственная история. Все же упомяну некоторые важные штрихи биографии.

Первые шесть лет в Табризе. Там Андрею Васильевичу приходилось тяжко. Поначалу подозревали его в связях с советской разведкой. Несколько раз иранцы засаживали в тюрьму. Только доказать ничего не могли. А большая семья мучилась; и за отца страшно, и безденежье жуткое. Тогда на помощь спешила советская резидентура в Иране. Мать, прихватив совсем маленького тогда сынишку Геворка, выходила на тайные встречи. Их подбадривали, подбрасывали денег.

В конце концов, от Вартаняна отвязались. И в 1936-м он с семейством перебрался в Тегеран. Постепенно превратился в коммерсанта со связями и с довольно-таки высоким положением в обществе. Крыша для разведчика надежная. Вербовки, выполнение заданий по прикрытию засланных в Иран нелегалов, приобретение «железных» документов… Было еще много чего, за что, кстати, Центр в Москве практически не платил ни копейки: зачем они преуспевающему владельцу кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями. Вся 200-тысячная армянская диаспора уважала его искренне.

Сын видел, чем занимается отец. Приходили и потом исчезали куда-то люди. Иногда Геворк выполнял мелкие поручения — отнести, встретить, что-то припрятать.

И отец тоже знал: сын встал на его путь. Но закон профессии суров. Никаких советов и обменов мнениями. Конспирация не позволяла, у каждого собственная работа. Хотя, как вспоминает Гоар Левоновна, Вартанян-старший все же изредка давал волю чувствам. Иногда, видно понимая, что сын выполняет рискованное задание, вышагивал часами около дома, бывало, до самой ночи поджидая Геворка. Но только слышались шаги сына, шуршание шин его велосипеда, и Андрей Васильевич спешил домой: к чему мальчику знать, что отец волнуется, переживает.

Однажды, много лет спустя, когда Геворк Андреевич и Гоар работали уже в совсем другой стране, столкнулись они с человеком, у которого оказались документы, приобретенные еще Вартаняном-старшим. Сообщили в Центр: здесь появился такой-то, использует паспорт, выданный в Тегеране. Из Москвы успокоили — работайте спокойно, все в порядке. Значит, наш?

— Но до чего же маленький этот шарик, — удивляется Геворк Андреевич. — Когда мы приехали как-то в Москву, то вдруг увидели того самого человека прямо на проспекте Мира. Идет он прямо навстречу нам с Гоар. Проходит не поздоровавшись. Мы — тоже. Двинулись дальше, оглянулись. Оглянулся и он. Такое вот рандеву. Короче, документы те мой отец добывал для этого человека совсем не зря.

Военного звания у Андрея Васильевича не было, но кадровым

разведчиком считать его можно твердо.

— На этот путь меня поставил отец, — повторяет Геворк Андреевич. — Нас было два брата и две сестры. Потом все вернулись в Союз, кроме одной из сестер. Она вышла там замуж и, увы, рано ушла. И все родственники знали, все помогали. Советский Союз был Родиной. Ради него мы были готовы на все. Так нас воспитал отец. Но профессиональным разведчиком стал только я. Было мне тогда 16 лет.

Монолог от первого лица

4 февраля 1940 я впервые вышел на встречу с советским резидентом. Это потом я узнал, что Агаянц Иван Иванович — легендарный советский разведчик. Был он человеком строгим и в то же время добрым, теплым. Долго я с ним работал, до конца войны, пока не уехал он в 1945-м во Францию резидентом. И разведчика из меня сделал он. Занят был, но встречался со мною, натаскивал.

А первое задание — создать группу единомышленников. И я быстренько завербовал семерых ребят. Иранцев среди нас не было. Потом, правда, стали их вербовать, но только как агентов. Все мы, семеро, примерно моего возраста — армяне, лезгин, ассирийцы… Общались между собой на русском и на фарси, который учили в школе. Сплошной интернационал. И все — выходцы из СССР. Помните 1937-й? Родителей почти всех этих ребят из Советского Союза или выслали, или они сами вынуждены были уехать. Но такая тяга, любовь к Родине. Давали согласие и подключались к группе без вознаграждений за работу — вербовал на чисто идейной основе. Никакой оперативной подготовки у нас не было, и старшим товарищам из резидентуры приходилось образовывать ребятню на ходу. Умело научили вести наружное наблюдение.

В 1941-м к нам подключилась симпатичная такая школьница. Ее брат был моим другом. Я года полтора к ней присматривался, очень она мне нравилась. Это Гоар — моя будущая жена. Смелая, ни от каких заданий не отказывалась. А в разведку ее, думаю, привела скорее всего любовь. Тогда ей не было и шестнадцати. Пацаны, мальчишки-девчонки. Кто только в школу ходил, кто учебу уже заканчивал. Кстати, все мы, включая мою Гоар, знали фарси — тоже помогало.

И Агаянц не побоялся дать нам непростое задание: следить и выявлять фашистскую агентуру. Руководил у них резидентурой

Франц Майер. До этого работал в СССР, знал русский и на фарси говорил прекрасно. Типичный немец — рослый, голубоглазый майор из военной разведки. Начали «работать за ним»… До августа 1941-го, ввода наших войск в Иран, держали его плотно. Хотя он, чтоб сбить с толку, и бороду отпускал, и одежду менял постоянно. Несколько раз вышагивал прямо по центру Тегерана в форме офицера генштаба иранской армии. Или выходит из его квартиры какой-то незнакомый человек, но мы-то знаем — Майер. Обличье новое, а походку — как ее изменишь. Но потом он все-таки исчез. Мы отыскали его уже после 1943-го. Отрастил бороду, покрасил хной волосы, трудился могильщиком на армянском кладбище. Немцы вообще часто маскировались под иранцев. Те, кто хорошо владел языками, выдавали себя за англичан, американцев, иногда даже за русских. А Майера мы должны были взять. Ребята мои стояли вокруг него прямо стеной. Конечно, интересовались им и англичане, тоже шли за ним по пятам. Люди из посольства, из группы захвата были наготове. Но пока наши запрашивали Центр, арестовали немецкого разведчика не мы — англичане. Где-то промедлили, ошиблись. Обидно было страшно.

Агаянц в шутку прозвал нас «Легкой кавалерией». Так это название к моей группе и прилепилось. Ну ничего у нас не было. Разве велосипеды. Потом в 1942-м дали нам уже на восьмерых один трофейный мотоцикл «Зюндаб». И я на нем гонял, и Гоар тоже. Это как в песне пелось — 16 винтовок на весь батальон и в каждой винтовке — последний патрон. Часто немцы от нас уходили — садились на свои машины, а ребятки голыми пятками на педали… Но фанатики мы были страшные. И очень упорные.

Когда наши два парня в 1941 году чуть постарше подсветились в одном остром мероприятии, меня арестовали. Все тогда оказалось серьезно. Было нами точно установлено: один из руководителей группы азербайджанских экстремистов ведет активную подрывную деятельность против СССР, устраивает теракты. Какие-либо разговоры-уговоры бесполезны, о перевербовке и речи нет. Выход такой — террориста убрать, именно ликвидировать, чтоб другим неповадно было, а не вывезти потихоньку куда-то и потом изолировать, как частенько делалось.

Вызвались двое моих товарищей-добровольцев чуть нас постарше. Задание выполнили, но кое-какие следы оставили. И я попал под подозрение: ребята-то были из нашей группы. Возвращаюсь себе вечером на велосипеде, вдруг останавливают: велосипед краденый, в полицию! Я сразу, еще до того как меня начали лупить, понял, в чем дело. Бросили в тюрьму. Подвал

темный, дело восточное, и потому били здорово: знал же убийц, говори. Это вам не Европа, где с арестованными обращаются все-таки почеловечнее. Я чистосердечно признался, что знаком с этими ребятами, но даже не догадывался, какие же они плохие. Выпустите — и я быстренько помогу их отыскать. К тому времени девочка с косичками Гоар уже носила мне в тюрьму передачи и ухитрилась сообщить, что эти двое наших ребят вывезены в безопасное место — в Советский Союз. Мы вообще с Гоар друг друга с детства понимали даже не с полуслова — с полувзгляда. Я держался своей легенды, обнаглел, стал просить освободить. Известный тегеранский коммерсант-кондитер Вартанян требовал отпустить невинно арестованного сына. Роптали богатые и бедные армяне — за что посадили? И меня, 17-летнего паренька, поддав на прощанье ногой, после трех месяцев отсидки выкинули на улицу. Конечно, иранский таминат — тайная полиция — пыталась нас контролировать, но с ней «легкая кавалерия» справлялась.

Но вот почему мы уходили от немцев? Сейчас, как сугубо профессиональный разведчик-нелегал, я на сто процентов уверен, что они не могли не засечь «наружки». Против нас — лучшие кадры абвера, а мы — мальчики, некоторые еще без усиков, а уж что без опыта… Наверное, потому всерьез немцы этой слежки, этого нашего «колпака» не воспринимали. То появляются какие-то мальчишки, то исчезают. Правда, мы быстро чередовались, меняли друг друга, чтобы уж очень не примелькаться. И связи постоянно расширяли. Немцы же на нас плевали. А разведка — дело решительно серьезное. За свое пренебрежение их разведчики поплатились. Только за полтора года одной нашей работы четыре сотни провалов сотрудников и агентов. В основном это были иранцы — министры, полицейские, чиновники. Немало предпринимателей. Некоторые выходили из шахского дворца — и прямо на встречу с немецкой резидентурой.

Часть арестованных перевербовывали вместе с англичанами еще в Тегеране. Когда вошли советские войска, некоторых депортировали в СССР, и потом их, видимо, уже в Москве перевербованных, мы снова встречали в Тегеране. Интересный процесс: работа на одних, арест, «перевоспитание» и бывшие враги превращались в твоих же агентов.

Это было немножко как в Голливуде

Случались с нами невероятные истории. Никак в ГРУ не

могли понять, чем занимается немецкий разведчик Фармацевт. Идут агентурные сведения, что он проник в иранскую верхушку, проводит встречи с генералами, а доказательств — ноль. Целый месяц «наружка» за Фармацевтом ходит и не обнаруживает за ним ну просто ничего. Бродит по Тегерану, часами на базаре или чаи в кафе пьет. И тогда наши военные разведчики обратились к Агаянцу, а он — к нам.

Работаем по Фармацевту — ничего интересного, но агентура-то сообщает: снова провел встречу с иранцем из Генштаба. Решили посмотреть, чем он занимается у себя на вилле ранним утром, еще до ухода. Это в Северной части Тегерана, где живут в основном люди обеспеченные. Все крыши соседних домов облазили, пока не нашли идеальной точки обзора. Вдруг с чердака видим: сидят у бассейна два абсолютно, как две капли воды, похожих друг на друга человека и спокойненько беседуют. Понимаете? Немцы использовали близнецов. Прием в разведке не слишком новый, но все наши на него попадались. Брат-близнец демонстративно уходит из дома, уводит цепляющуюся за ним «наружку», а второй брат — Фармацевт — спокойно отправляется на встречи с агентурой. Прямо какой-то Голливуд. Мы на несколько дней к братишкам буквально приклеились. И быстро поняли, что тот, кто уходит первым, — чистое прикрытие, нам не нужен. А вот второй… Немцы тоже здесь ошиблись. Могли бы хоть изредка менять порядок ухода, чтобы подбросить наружке побольше сложностей. Но оказались они людьми уж слишком дисциплинированными, и потому Фармацевт, всегда выходивший за братом, быстренько вывел нас на всю свою агентуру.

Или тоже история из не совсем типичных. Иранский генерал завербован и передает советской резидентуре за большие деньги материалы с грифом «Совершенно секретно» прямо из генерального штаба. Хорошее вроде бы дело, но только уж очень много передает. И подтверждается не совсем все.

Агаянц к нам: срочно проверить. Мы, как всегда, «наружку». Нет, кроме наших, ни с кем не общается. Идет себе на работу, возвращается и, пожалуйста, вручает людям из резидентуры пакет с информацией. В квартиру к нему забраться никак нельзя. Пришлось по строительным лесам залезать в строящийся напротив генеральской виллы трехэтажный дом. Прихватили бинокль, наблюдаем: достает генерал из папки, которую с собой всегда таскает, чистые бланки с грифом «Секретно» и с удовольствием набивает на пишущей машинке свои сообщения. Передавал он нам долгое время по существу дезинформацию. Так что пришлось этого генерала… Короче, наши его забрали.

— Геворк Андреевич, вам приходилось заниматься и исключительно суровой работой?

— Мы всю жизнь на острие. И дальше мне бы комментировать не хотелось.

— К вашим донесениям всегда относились серьезно?

— Да.

— И даже несмотря на юный возраст?

— Лишь однажды, когда была передана дата нападения Гитлера на Советский Союз, сообщение резидентуры проигнорировали. Написали: «Материал интереса не представляет». А ведь о сроках сообщали не только мы.

— И все-таки в те ваши юные годы у вас же совсем не было опыта.

— Но нам приходилось его быстро набирать, — почему-то улыбается Вартанян. — Иногда и с помощью англичан. — Ага, теперь понятно, почему улыбка. — Я закончил их разведывательную школу.

— Геворк Андреевич, не могу ли я попросить: пожалуйста, поподробнее.

— Наша разведка была в очень плотном контакте с английской — ведь союзники же. Потому совместные действия и разработки. И, тем не менее, англичане с их резидентом Спенсером всегда вели собственную игру. Агаянцу стало известно: 1942-й год, война в разгаре, а люди полковника Спенсера открыли прямо в Тегеране, под крышей радиоклуба, свою разведшколу. Набирали туда молодых людей, знавших русский. Так что направление работы вполне понятно. Мне приказ: внедриться. Пришлось искать подходы, проходить собеседование у их экзаменаторов.

По-русски я говорил неплохо. Да и пареньком им показался смышленым. А вот то, что просидел я в 1941-м три месяца в тюрьме, они явно прохлопали, иначе какая там разведшкола. Помогло, что мой отец был человеком состоятельным. Вообще англичане всегда принимали во внимание набор таких благостных стереотипов — не беден, в общении приятен, владеет несколькими языками. Им понравилось и то, что на собеседовании я «честно» признался, что иду к ним ради хорошего заработка.

Зато конспирация в школе — строжайшая, обучение парами, чтобы будущие агенты не знали друг друга. Армян готовили к заброске в Армению, таджиков — в Таджикистан… Мне удалось познакомиться с шестью соучениками. Установочные данные на

них были переданы в Центр.

В школе прекрасная, профессионально поставленная подготовка. Английские агенты работали с нами не жалея сил. Шесть месяцев меня учили, как проводить вербовки, шифровки и дешифровки, тайниковые операции. Двусторонняя связь, радиосвязь… Курс напряженнейший, ускоренный. Пожалуй, в те годы я бы нигде не смог получить такой подготовки. Англичане формировали настоящих диверсантов. Мне это здорово помогло в дальнейшем. Такие давали навыки. Я англичанам до сих пор благодарен.

Но, как вы понимаете, после моей учебы у школы возникли определенные сложности. После шести месяцев обучения агентов посылали в Индию. Там они тренировались еще полгода, учились прыгать с парашютом. Мне это уже мало чего бы дало, и отправки в Индию удалось избежать, не доехал я туда. А вот всю эту публику, на которую потратили столько времени и денег, сбрасывали в республики Средней Азии и Закавказья. Однако английских агентов в СССР почему-то быстро ловили. А некоторые, как оказалось, были уже и перевербованы.

— Вами?

— И другими тоже. Короче, пришлось англичанам лавочку закрывать. Да еще наш Агаянц окончательно добил Спенсера. Напрямую сообщил ему: мы знаем о школе.

— Это зачем же? Ведь английские шпионы шли нашим прямо в руки.

— Могли перенести школу в другой город. Но Агаянц действовал дипломатично. Когда Спенсер попытался было убедить его, что школа — фашистская и агентуру готовят недобитые немцы, то Иван Иванович с ним вроде бы и согласился: если немцы прямо на наших с вами глазах готовят диверсантов, то «радиоклуб» необходимо поскорее ликвидировать. И полковнику Спенсеру ничего не оставалось, кроме как согласиться с русским коллегой-союзником.

Англичане в течение стольких лет — самые тяжелые оппоненты. Но должен вам сказать, что наша разведка — впереди. На протяжении десятков лет с какими только спецслужбами я не встречался. И одно то, что мы спокойно вернулись, уже говорит само за себя. Я уверенно могу заявить, что наша разведка — самая лучшая. Никак и никому с ней не справиться. Службы как у нас, ни у кого в мире нет. И не будет. Счастливы, что отдали нашей профессии всю свою жизнь. И, знаете, эта любовь к Родине, чувство, что за нами мощная, громадная страна, которая никогда не оставляла и не оставит, давали нам силы. Сколько было трудностей — но мы справились, преодолели.

Что было после Тегерана

— Геворк Андреевич, после Тегерана вы приехали в Советский Союз в 1951-м?

— Не ошибаетесь. После войны, в 1946-м, мы с Гоар поженились и работали в Иране еще пять лет. Попросили у нашего руководства разрешения вернуться на Родину, Хотелось получить высшее образование. И в 1951-м в Ереване взялись за учебу в институте иностранных языков.

— И сколько же языков вы знаете?

— Для нас этот простой вопрос сложен.

— Извините. Я слышал, как свободно говорили вы с внучкой Черчилля на английском.

— Ну, не очень. Все же два десятков лет здесь. Но языки сидят в нас с Гоар крепко.

Гоар Левоновна: — Иногда я предлагаю: давай поговорим на других языках, чтоб не забыть. Не соглашается.

— Надоели они мне. Хочется на своих. Родных много. Русский, армянский, фарси — на этом языке я говорил 21 год, и мне его не забыть. Хотя я и армянин, но до 1936-го жили мы в Ростове-на-Дону, так что армянский с фарси я выучил в Тегеране. Плюс английский, итальянский… Другие тоже. Языков семь — восемь набирается. Фарси по-прежнему хороший. Я знал достаточно языков, чтобы жить в самых разных странах мира и вести работу разведчика.

— Сколько же лет вы находились на нелегальной работе? И когда вернулись?

— По нашим меркам не так давно — во второй половине 1980-х. А дома нас не было в общей сложности лет 45.

Гоар работала совсем не за награды

Гоар Левоновна улыбается мне даже с каким-то чувством извинения или сочувствия к неудовлетворенному писательскому любопытству. Многому, видимо, пока суждено так и остаться недосказанным. И она старается разрядить несколько напряженную обстановку нашей долгой беседы:

— За эти годы я трижды выходила замуж. Первый раз в Тегеране, а потом в законный брак пришлось вступать еще

дважды. Как-то я рассказала об этом на встрече с молодыми разведчиками, и зал вдруг затих: ничего себе работенка, три раза меняла мужей. Пришлось добавить, что всегда сочеталась с одним и тем же человеком — Геворком. Только под разными именами и в разных странах. А единственное, о чем жалеем — не было возможности завести детей. Зато друзей у нас столько — и в Москве, и в Ереване, куда приехали из Тегерана, как уже рассказал вам муж, в 1951-м.

— А сейчас наведываетесь в Армению?

— А как же! Мы же армяне. Раз в год обязательно отправляемся в Ереван. Там наши родные — брат, его жена, их дочка. Всех их очень любим, особенно племянницу Маргольку. Она у нас и в Москве часто бывает. В Армении с друзьями нам всегда тепло. С некоторыми ровно полвека вместе. Мы с Геворком любим и в гости ходить, и у себя дома близких людей принимать.

— Гоар Левоновна, вы, как и муж, тоже родом из Ростова?

— Из Ленинакана, мои родители выехали оттуда в Иран, когда мне было пять лет. Я, когда в Тегеран приехала, по-русски не говорила. А Геворк не знал армянского. Но постепенно выучились, хотя в начале знакомства общались чаще на фарси. Жили мы в самом центре Тегерана, там, где селились тогда армяне. Были мы ребятами общительными, знакомых у нас хватало.

— Но все-таки вы с Геворком были совсем молодыми, юными. Как удавалось вести наблюдение и выходить на фашистских агентов — понятно. Но вот как вы добывали важнейшие секретные сведения? Например, о точной дате нападения Гитлера на СССР?

— Относительно точной — вторая половина июня 1941-го. В Тегеран в 1940-м понаехало столько немцев. Большинство из них трудилось на разведку. А уютные, чистые квартиры, виллы, комнаты многие снимали у наших армян. Бывало, что отношения с хозяевами у постояльцев складывались доверительные. И у некоторых тут начиналась своя работа. У нас — с ними, а у них — с нами. Немцы всячески перетягивали на собственную сторону, заигрывали: не беспокойтесь, скоро не станет этих Советов. Мы приходили в гости к приятелям, соседям. Знакомились с их постояльцами. И как тут не задать наивный вопрос: «Ах, герр майор, скорей бы! Но почему вы так уверенны в этом?» И получить вполне аргументированный ответ: все произойдет летом 1941-го и закончится очень быстро — блицкригом. Если беседа складывалась, можно было осторожно копнуть и чуть глубже, осведомиться, почему не сейчас, не зимой? Нам терпеливо объясняли, что в жуткий мороз цивилизованные государства не

воюют, и потому Германский рейх предпочитает покончить с русскими летом. Некоторые, которые уж очень любили прихвастнуть собственной осведомленностью, называли даже более конкретные даты — третья декада июня. Всей этой информацией мы обменивались с нашими друзьями, а затем передавали по назначению. Жаль, в Центре именно на эти предупреждения реагировали слабовато. Впрочем, об этом мы узнали гораздо позже.

— А как вы общались с немцами? Ведь с языками у них обычно не слишком.

— Только не у тех образованных, профессионально подготовленных людей, которые наводнили Тегеран в 1940-м и 1941-м. Многие говорили на английском, фарси, даже на русском. Да тут и не обязательно быть первоклассным лингвистом. Даже объяснений на ломаном языке, иногда на пальцах вполне хватало. Некоторые любят поговорить. Разведчик обязан слушать, поддерживать беседу и анализировать.

— Гоар Левоновна, а какими наградами награждены вы за это умение?

— Несколькими. Но не только за это. Любимая награда — орден Боевого Красного Знамени. Есть орден Отечественной войны II степени, боевые медали…

— Не припомните какой-нибудь эпизод из прошлого? И, если возможно, не иранского.

— Ну, как-то в одной стране приглашают нас с мужем на большой прием. И вдруг вижу, стоит там дама, с которой я встречалась 30 лет назад. Но у меня-то теперь уже совсем другая легенда, фамилия. Что делать? Я мгновенно поворачиваюсь — и на улицу. За мной сеньор, который нас всех и пригласил: «Куда же вы?» Я отвечаю, что мне плохо, разболелась голова, зуб… А он меня тащит в квартиру, уверяя: посидите в другой комнате, вам полегчает. Но я твердо стою на своем, добираюсь до машины и тут уж по газам. Какой прием. Или еще из той же серии. В одной стране… (Вы, я вижу, больше не удивляетесь, когда я говорю «в одной стране», не правда ли?..) высокопоставленный иранский военный в силу разных обстоятельств понимает, что значительную часть жизни мы провели именно в Тегеране, Возникает неловкость для него и опасность провала — для нас. Ведь по новой легенде Ираном и не пахнет. Но в данном случае бросить все и уехать никак нельзя. Приходится наводить генерала на разные варианты. И его самого посещает мысль, что мы неким образом принадлежим к запрещенной тогда в Тегеране компартии — Туде, — потому покинули Иран и теперь никак своих связей с этой страной не афишируем. Военный наш намек

проглатывает и хранит молчание. Теперь вы понимаете, провал в разведке может произойти и по не зависящим от нелегала причинам. Но очень часто мне припоминается случай, скорее эпизод, впрямую с разведкой не связанный. 1943-й год. Идем мы с Геворком мимо советского посольства в Тегеране, и вдруг оттуда выходит худенький паренек, совсем мальчишечка в солдатской форме. Лет ему максимум 14, вся голова перебинтована, а на гимнастерке — Звезда Героя. Мы все восхищались, гадали, что же можно в этом возрасте сделать, чтоб получить такую награду. Тогда в Тегеран на отдых привозили раненых бойцов Красной Армии — отдохнуть, подлечиться. И гордились мы этим парнем, и восхищались. И мысли нас посещали: вот, люди еще моложе нас, совершают подвиги, а мы в свои 18… Так хотелось к этому мальчику подойти, поговорить. Только никак нельзя. Потом нам рассказали, что где-то в партизанском тылу он взорвал немецкий штаб с шестью генералами.

— А другая мысль, может, и слегка крамольная, вам в голову не приходила? Подвиг, действительно смелый, рисковый, даже героический поступок можно совершить раз, ну, два в жизни, а ваша работа на самом острие длилась больше четырех десятилетий.

— Срок у нас действительно длительный. Помню, сообщение о присвоении звания Героя я получила шифровкой по радио. Побледнела. Протянула мужу. А там — и про мой орден. Наверное, счастливейший и достойнейший день нашей жизни.

Им с нами никогда не справиться

Геворк Андреевич весь в разговоре. Иногда его мимолетный взгляд, чуть приметный жест, пойманный Гоар Левоновной, и тотчас беседа переходит в несколько иное, более отвлеченное русло. И хотя фамилии, точных дат и географических названий мы договорились не упоминать, все же пытаюсь узнать мнение моих компетентнейших собеседников о разведке сегодняшней. Делаю далекий заход: ведь не совсем понятно, когда присвоено звание Героя. И, насколько понимаю, не только за Иран, за предотвращение покушения на «Большую тройку» осенью 1943-го?

— Нет, конечно, — довольно сухо соглашается Геворк Андреевич, — об Указе нам сообщили в 1984-м. Но мы находились еще вдалеке, и потому документы о награждении были выписаны на другую фамилию. И только после возвращения

все встало на свои места.

— А где, если не секрет, вам вручали Героя?

— Уже дома, годы спустя. И ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и другие тоже.

— И все эти награды разрешено надевать? Или не совсем рекомендуется?

— Нет, можно. Но ношу, как правило, только мою «Звездочку», а Гоар — орден Боевого Красного Знамени. Это когда мы встречаемся с молодежью.

— Часто такое бывает?

— Почему нет? Выступаем перед слушателями Академии имени Андропова, Академии ФСБ. Встречи эти, сами понимаете, закрытые. Иногда выезжаем в регионы. Был однажды забавный случай в Сочи. Проводилось там еще при советской власти в 1991 году кустовое совещание. А потом нас пригласила к себе местная администрация. И набросилась тут с упреками на разведчиков сочинская дама-руководительница. До чего занудистая: и деньги налогоплательщиков мы проедаем, и не нужна сейчас, когда наступила общемировая дружба, никакая разведка. Я ей спокойно так объясняю, что мы для граждан своей страны зарабатываем миллионы. Не легал может действительно потратить 100 тысяч долларов на приобретение сведений по научной информации, по технике, а чтобы сделать такое изобретение, понадобились бы миллионы и миллионы. Так что даем чистую прибыль. Все равно не убедил. И дама опять вопрос: почему тогда у англичан, у американцев не было нелегальной разведки? Тут я оппонентке своей признаюсь. Готовьтесь, сейчас выдам государственную тайну. Не было у них нелегалов потому, что ни один американец больше года советской жизни выдержать не смог бы. Смех, атмосфера не такая напряженная, и даже моя собеседница-упрямица осталась довольна, преподнесла букет сочинских роз.

— В каждой шутки есть доля шутки. А если их в сторону? Как вам жилось в Стране Советов, когда вас, как подозреваю, вывозили из зарубежья на отдых в СССР? Ведь там вы были людьми, если правильно понимаю, состоятельными, обеспеченными. А здесь — дефицит. Поход с кошелками за продуктами. Очереди.

— Приезжали домой, и это уже был глоток чистого воздуха. Скажу, что стоять в очереди приятно, все равно не поверите. Не принимали мы такие неудобства близко к сердцу. Приспосабливались. Мы в своей стране, на Родине. Было спокойно на душе. Ей-богу, о бытовых неудобствах как-то не задумывались. Не в них дело.

— Вы оба вообще производите впечатление людей спокойных и исключительно уравновешенных.

— Как разведчику без хороших нервов? Мы оба спокойны. И знаете почему? Никогда не хотим и не вспоминаем плохого. Вы же понимаете, что кроме успехов случались и неудачи. А сколько было переживаний. Но мы отбрасываем все плохое. Живем хорошим. Это тоже рецепт выживания. Наверняка такой здоровый, естественный, а совсем не бодряческий оптимизм помог продержаться нам больше четырех десятилетий. И, конечно, повторяю, не боясь высоких слов, патриотизм, вера в Родину.

— Вы этих слов не боитесь, но сегодня они далеко не всеми воспринимаются с энтузиазмом.

— Я часто задумываюсь: почему у нас в Иране, где сеть агентуры была такой разветвленной, почти не случалось провалов, предательств, которые в основном и губят разведчиков? Там десятки вербовок проводились на идейной основе. К нам шли на работу и помогали с гордостью, довольно часто обижаясь на предложение принять в качестве благодарности деньги. Наша легальная резидентура действовала активно: люди передавали сведения добровольно, сами искали встреч, предлагали свои услуги.

— Может, чтобы избежать знакомств, за которыми может последовать провал, есть сегодня смысл ограничиться только использованием чисто технических средств?

— Радио, спутники, компьютеры… — все это действует и успешно. Но без человеческого фактора, назовем это так, разведки не было и никогда не будет. То, что можем мы, разведчики, одной техникой не получить. У представителя нашей профессии должно быть отличное обаяние, аура. Он должен уметь расположить к себе. Нет этих качеств — значит, трудно приобрести связи. Очень часто нужный тебе человек, носитель секретной информации, на вербовку не идет. Но благодаря установившимся личным отношениям она может и не потребоваться. Столько он всего понарасскажет, что и деньги тратить не надо.

— В вашей практике такое было?

— Конечно. Человеческий фактор играет очень большую роль. Техника будет модернизироваться, совершенствоваться, а это остается навечно. Ведь если даже вербуешь на материальной основе, ты должен убедить, расположить к себе. Иначе может не довериться, побояться провокации. Иногда, когда проводишь вербовку, человек не сразу сознает — куда, кто, зачем и чего от него хотят? Случается, что потом все становится на свои места, но

будет прикидываться, что не понял. Так некоторым легче. Часто, если агент почувствовал, что работает за хорошее денежное вознаграждение, то сам старается больше принести, чтобы и больше получать.

— А как вы передавали информацию в Центр?

— Через тайники. Использовали связь — радио и электронную. У нас связь была четко налажена и никогда не прерывалась. Потому что разведчик без связи — это никакой не разведчик.

Мы страну не подводим

— Геворк Андреевич, значит, Страна Советов распалась, за идеи иностранные ваши агенты рисковать не собираются, а разведка, несмотря ни на что, благополучно здравствует?

— Тут громадная заслуга руководства Службы внешней разведки. Сумели достойно выдержать все нападки, особенно в 1992—1993-м. И выстояли, сохранили костяк. А уж как нападали на разведку!

— Как вы все-таки думаете, почему?

— Да потому, что американцам, англичанам, да и другим, она сидит костью поперек горла. Не могут они с нашей разведкой справиться. И как же жали, чтобы с нами покончить. И даже в некоторые периоды недавней российской истории выходили на МИД, на наших послов: кончайте с этой вашей разведкой, закрывайте резидентуры. Сейчас с этим поутихло, теперь спокойнее, поняли, что не получается. Но была, была такая работа. Для меня все это объяснимо: действительно, технические возможности сейчас безграничные.

— В каком смысле? У разведчиков? Поясните, пожалуйста.

— Но и у контрразведчиков тоже. И резидентуре работать стало исключительно сложно. Она все время «под колпаком» и очень мощным. Но, если разведчик соблюдает все правила конспирации, если у него безукоризненное поведение и он успешно выполняет все свои обязанности по прикрытию, контрразведке установить его непросто.

Кто первый в битве разведок?

— Геворк Андреевич, вы полагаете, в России действуют их нелегалы? Несмотря на все ваши шутки, что больше года им у нас не протянуть?

— Тут уж шутки в сторону. Думаю, такие чужие люди у нас есть. А вот такой службы, какой была наша нелегальная разведка,

созданная еще в 1922-м, ни у кого нет. Может, израильский МОССАД здесь в определенном смысле исключение. У них практически во всех странах очень сплоченная диаспора. Могут ее использовать. На практике это выглядит так: МОССАД вербует своего соплеменника, и в этой зарубежной стране он уже как бы нелегал.

— А есть ли нечто подобное в других разведках? У англичан, к примеру, колонии были разбросаны по всему миру. Связи же наверняка остаются.

— Насколько мне известно, западные спецслужбы используют своих нелегалов в основном для выполнения разовых заданий. Посадят его на три месяца, ну, на шесть — и все. А наши десятилетиями работали, мы оседали надолго. Потому и результаты получали. Служба была очень толково поставлена. Про англичан вы правильно спросили. У них разведка всегда была сильной и сегодня такой же остается. Пожалуй, они после нас вторые. Мы — впереди. Я вам честно признаюсь, что Гоар и мне со многими спецслужбами приходилось встречаться. Одно то, что мы спокойно вернулись нераскрытыми, о многом говорит.

— А американцы?

— Что американцы? У них на разведку тратят миллиарды долларов. Этим во многом и берут.

— Геворк Андреевич, я задам вам вопрос, ответ на который предугадать довольно несложно: в чем тогда причины провала наших разведчиков и их агентов?

Кто виноват в провалах?

Прежде чем перейти к болезненной этой теме, приведу и мнение одного из руководителей Службы нашей внешней разведки. Так вот, он, десятилетия работавший и в штаб-квартире, и, как говорят разведчики, в поле, не сомневается. Причина большинства провалов — в «кротах», которые пробрались и в святая святых. Не предъявляя юридических обвинений экс-генералу Калугину, он тем не менее почти полностью уверен, что тот сыграл зловещую роль в деле суперагента Эймса. Да и в делах менее громких тоже. Потому и интересно мне было узнать, что же думают по этому поводу люди, на себе испытавшие все тяготы жизни разведчика. И свидетельство Героя Советского Союза Геворка Вартаняна здесь исключительно ценно. Итак, ему слово:

— Конечно, причина в предательстве.

— И Эймса тоже предали?

— Безусловно.

— Кто бы рассказал, как наша разведка вообще на него вышла.

— Выходят. Без таких агентов никак нельзя ни им, ни нам. Жаль, что пока нельзя рассказать о том, как это происходит. Давайте вернемся к теме предательства. Пока существуют разведки, такие люди как Гордиевский и Калугин есть в этом ряду и будут.

— Геворк Андреевич, Вы ставите Калугина в один ряд с Гордиевским?

— Без сомнений. Он — явный предатель. И не надо было его последний раз отпускать в США. Не исключено, что и в дело Эймса он тоже приложил руку. Но предатели — существа отпетые. В спецслужбах, куда перебежали, на них тоже смотрят как на людей второго сорта. Раньше пытались из себя делать борцов против коммунизма, мол, выдавали своих на идейной основе. Сейчас эта мода ушла, под кого теперь окрашиваться? И оправдываться-то нечем. Я только одно скажу: среди нелегалов предателей практически не было.

— Как же «не было»? А подполковник Вик Хейханен, который жил в США и предал Фишера-Абеля?

— А, тот пьяница и разложившийся человек? Его нелегалом можно назвать с огромной натяжкой. Разведчик должен чувствовать, если его помощник, агент встает на дорожку, которая может привести к печальным, трагическим последствиям. Абель это понял, просил об отзыве Вика. Центр менял связника, но человек, отправлявшийся на смену, до места не доехал: произошел несчастный случай, трагическое и редчайшее стечение обстоятельств, обернувшееся трагедией и для Абеля. И ни в коем случае нельзя держать при себе ничего компрометирующего. Всегда помнить, что если у вас даже при случайном обыске найдут письма на чужом языке, то это — почти провал.

— Геворк Андреевич, но ведь когда человек годами в отрыве от Родины, от любимых и близких. И если уж раз в году на чужбину тебе пишут отец с матерью или сын, дочка, что, такую весточку нельзя сохранить, носить, простите за сентиментальность, на сердце?

Гоар Левоновна хмурится осуждающе:

— Ни в коем случае, никогда! Мы читали и перечитывали письмо дважды, трижды и сразу же сжигали. Правила такие. Жалко? Даже больно, но сделать ничего нельзя и все тут. Это чувство надо в себе воспитывать и уметь справляться с иными позывами и желаниями. Иначе сразу ставишь под удар и себя, и

других. Маленькие, ничтожные вещи способны нанести ущерб непоправимый. Береженого Бог бережет. Нас он сберег.

Своя жизнь после чужой

— Геворк Андреевич, судя по вашему рабочему телефону, вы от дел не отходите?

— Тружусь.

— И ездите на работу каждый день?

— Стараюсь.

— Так далеко ведь.

— Не так уж. Отъезд на работу каждое утро — в девять, и минут через 40 уже на месте. Вот обратно иногда на час — полтора в пробке. А на работе — все свои, обстановка и деловая, и дружеская. Пока приношу пользу, мне самому приятно. И помогает держать форму. У меня свой праздник: 4 февраля. С этого дня — 4 февраля 1940 года и по сегодняшний день я в разведке. 45 лет, считая иранский период, в нелегальной разведке в зарубежье. Со льготами, которые полагаются, выходит за 120 лет с лишни.

Гоар Левоновна: — А я в разведке на два года меньше. Вокруг нас все помоложе, говорят, мы еще не родились, а вы уже работали.

— Геворк Андреевич, вы — полковник?

— Полковник. Поздно получил. Это в 1968-м. Мне тогда уже 44 года было. Я до этого вопрос поднимал, чтоб звание присвоили. Но кадровик не понял, говорит: «Зачем вам звание? Ходите свободно». Обидно! Спасибо, Андропов присвоил.

— Гоар Левоновна, а вы по званию кто?

— А я так и не была аттестована. Председатель КГБ Чебриков, правда, в 1986 году, когда я формально на пенсию выходила, назначил мне пенсию полковника — 250 рублей, по тем временам немало. Но сейчас, понятно, обыкновенную пенсию получаю. Плюс дотацию небольшую. Работником сейчас не считаюсь. Помогаю, чем могу.

— Позвольте вопрос, возможно, и не совсем деликатный. Столько десятилетий в зарубежье и на такой смертельно опасной работе. Вы материально хотя бы обеспечены нормально? Ведь там нажитое, догадываюсь, ушло безвозвратно, а здесь есть хоть что-то? Может, осталось от отца?

— У него был большой дом в Ростове, — Геворк Андреевич даже показывает мне фотографию особняка. — И купчая

отцовская сохранилась. Теперь в этом двухэтажном доме живут 12 семей. Мы с Гоар ездили, смотрели. Естественно, на дом мы не претендуем. Когда вся семья вернулась в начале 50-х из Тегерана, нам хотели дать квартиру в Ереване. Но отец отказался. Сказал, что мы — люди относительно обеспеченные, построим все сами, и квартиру попросил дать нуждающимся. Только вот дали или не дали — этого я вам уже не скажу.

— Вы считаете себя людьми обеспеченными?

— По нашим меркам, конечно.

— Дача, машина?

— Дачу несколько лет назад подарила разведка. Машину — продали. Да и была она у нас тут в солидном двадцатилетнем возрасте. Счастье-то совсем не в том. Мы сделали все, что только могли и вернулись домой, на Родину. Вот в этом — счастье.

— Если можно, в общих словах, чем сейчас занимаетесь?

— В общих: с молодежью встречаюсь, готовим их к такой же работе, как наша. Плюс много езжу по России, и один, и с Гоар, стараемся не отказывать, когда приглашают. Недавно был в Астане.

— До Казахстана часа четыре лета — тяжело.

— Когда видишь, как люди ждут, о тяжестях не вспоминаешь. Бываю не только в специальных наших вузах. Недавно снова заглянул в московскую финансово-экономическую академию: выступал в ней года два назад. Теперь студенты музей открыли, есть наши с женой фотографии, стенды.

— После стольких лет безвестности — такая популярность. Вас, наверное, и на улице узнают? Не давит?

— Узнают и в Ереване, мы туда стараемся пару раз в год обязательно выбраться, и дома, в Москве.

— Вы же со звездочкой.

Гоар Левоновна: — Нет, Жора со звездочкой редко.

— Подходят: «Извините, вы тот разведчик — Вартанян? Позвольте пожать вашу руку, спасибо за то, что сделали, гордимся вами…» Конечно, никак не давит. Приятная популярность. Ощущаешь, что какой-то след мы с Гоар оставили.

— Геворк Андреевич, если работаете с молодыми ребятами, значит, есть продолжатели вашего дела? Та часть разведки, к которой принадлежите вы, остается?

— Конечно. И дает результаты. Люди, которых мы годы назад готовили, возвращаются с боевого поста. Хорошие ребята — у нас отличная смена.

— Догадываюсь, вы с ними сегодня занимаетесь не языками…

— Нет. Просто напутствия, пожелания. Иногда у них

возникают вопросы — отвечаю. А так — есть у нас, можно сказать, тренеры, которые дают им все, что надо.

— Знаком со многими разведчиками, и радовался их долголетию. Герой России Алексей Николаевич Ботян в 92 года снялся в фильме, по субботам играет в волейбол, а на премьере своей картины как же тактично, но отбрил иностранного журналиста, задававшего некорректные вопросы. Джордж Блейк накануне 85-летия написал книгу. Корифеи разведки Гудзь, Мукасей, Старинов ушли, когда им было за 100! Гудзю, когда ему уже стукнула сотня, я помогал выбирать лыжные палки. У 100-летнего Мукасея память была поразительная. Расскажет мне эпизод-другой, и наутро звонок: давайте эту деталь исключим, еще не время, а вот эту прибавим. Долгую жизнь прожили Герои России и светлейшие головы Феклисов, Барковский, до конца дней остававшийся потрясающим собеседником. В свои солиднейшие годы поражали глубочайшей культурой американец Коэн, немец Вольф, наши Судоплатов, Соколов, Зарубина… Это только те, кого я знал. Ну, неслучайно такое. В чем-то же, но есть секрет плодотворного долголетия?

— Ответ простой. Наша работа, она увлекательная. Тебе хочется жить, чтобы работать, работать. Видишь: приносит пользу, значит, нельзя останавливаться. Сомневаюсь, что долгий отдых идет на пользу. Вот, я уже говорил, Служба сделала нам с Гоар отличный подарок: построила дачу. Никогда у нас здесь ее не было. Но за три года надолго — на неделю — выбрались лишь однажды. И хватит. Десять дней зимних каникул: кажется, многовато. Надо держаться в тонусе. И нельзя давать себе расслабляться. Ни в коем случае!

— Иногда в книгах даже ваших бывших начальников проскальзывали какие-то намеки на вашу работу — ту, что вы вели после Тегерана. Но эта стадия — без сроков давности?

— Есть вещи, дорогой Николай, которых вообще не откроют — никогда. Кое-что, быть может, чуть-чуть. Даже в операциях по Тегерану, о котором мы с вами подробно в свое время беседовали, столько всего, о чем не сказано и что совсем не тронуто… Хотя сняты фильмы, написаны книги.

— И вы с этим живете. Но разве не хотелось бы кому-нибудь рассказать, поведать?

— Мы к этому привыкли. Лишнее — не говорим.

— А воспоминания не для публики — для будущих учеников, для истории, извините за пафос, для вечности? Берете магнитофон, наговариваете. Представляю, что вы можете рассказать.

— А если каким-то образом попадет в чужие руки? Такое

исключить нельзя. Скольких людей подставим. Ну, что-то, понятно, для пользы дела пишем. Вернувшись очень и очень давно из, скажем так, одной страны, Гоар по просьбе Службы написала некое пособие. Как себя в этом не совсем обычном государстве вести, о традициях, манерах, способах общения. Столько лет прошло, а коротким этим путеводителем до сих пор пользуются. А дела наши, и подробнейше, в архивах. Так надежнее. Но что-то выходит, вылезает. Вот вам — о последнем эпизоде. После съемок английского телефильма о покушении на «Большую тройку», их вела в Москве внучка Черчилля, с которой мы познакомились, появилось в прессе немало статей. И семья, с которой мы общались в одной из далеких дальневосточных стран и не виделись с 1960-го, нас отыскала, прочитав эти материалы. Мы выехали из Ирана под своей фамилией — Вартаняны, и они нас по ней знали. Сейчас они живут в Лондоне, и увидели в газете фото — мы в ту пору и сегодня. Обращались они к знакомым армянам, искали номер нашего телефона, и мы с Гоар решили: пусть звонят. Тут же через неделю приехали со слезами на глазах в Москву всей семьей, и мы провели с ними целую неделю. Теплые люди, горевали, думали, мы погибли.

— Знали, чем вы по-настоящему занимались?

— Даже не догадывались. А сейчас — не спрашивали.

Гоар Левоновна: — Но прорвалось все-таки: «Кто бы мог подумать».

— Они наши друзья. Почему у разведчика-нелегала не может быть в чужой стране близких друзей, с его работой никак не связанных? У нас по всему миру много знакомых, товарищей.

— И они помогали вам в работе?

— Не в оперативной. Понимаете, мы всегда чувствовали себя надежно в компании нормальных людей. Но и в их обществе нельзя терять чувства осторожности. Потому что и среди вроде бы своих могут попадаться провокаторы. Надо распознавать людей, ведь сама профессия заставляет быть психологами. А когда приходилось уезжать, то наверняка друзья потом интересовались: куда же эта пара пропала, исчезла? Не думаю, что и сегодня они знают, где мы сейчас, кем были. Если только видели фильмы, читали статьи. Здесь нет цинизма, но это — жизнь разведчика, и нам важно было иметь такое вот окружение. Потому что если полиция вдруг проявляет заинтересованность, то начинает всегда с твоих близких… А друзья всегда отзываются о тебе хорошо.

— Догадываюсь, что многие были из армянских общин.

— Вы правы. Но частично. Нельзя долго держаться только в армянской общине. Скорее, наши соотечественники на первых порах в какой-то стране давали нам выход на других людей, на

иные сферы. Мы завязывали знакомства и потихоньку, постепенно от этой диаспоры уходили.

— Но почему?

— Опасно: мы, армяне, очень любопытны, у нас — связи по всему земному шару. И если слишком вживаться, с корнями вписываться в какую-либо армянскую диаспору, то могут заинтересоваться, проверить. Сработает лучше, чем контрразведка.

— Вы всегда работали под армянскими фамилиями?

— Под разными. В зависимости от обстановки.

Гоар Левоновна: — Вы так говорите, что я с вами сижу и слушаю. А надо чай принести.

— Геворк Андреевич, вот и Гоар Левоновне интересно. Может, еще что-то из нерассказанного?

— О случайных встречах, которые для нелегалов смертельны, мы говорили. Но вот еще об одной. В 1970-й выбираемся в отпуск из нашего нелегального зарубежья — и отдыхаем в Ереване. Вдруг прямо на нас идут знакомые. Объятия, поцелуи искренние, люди-то хорошие. Ясно, не догадывались, кто мы. Помогли нам в том государстве легализоваться. Их дом — как наш родной. Через них мы создали свое окружение, вошли в общество. Когда мы покидали ту страну, то уезжали, с ними не попрощавшись. Такова жизнь нелегала. И вот в Ереване пошли вопросы: где вы, как вы? Почему из такой-то страны уехали? Мы искали вас по банкам, но так, чтоб не вызвать подозрения.

— По банкам, это потому что в них подробные данные?

— И нас, как и их, селят в гостиницу. Мы с чемоданами, и со всеми необходимыми атрибутами. Товарищи по Службе быстренько предоставили и оберегали нас, как только могли.

Гоар Левоновна: — И мы неделю — с ними. В Ереване тогда пришлось трудно. Всюду знакомые, ведь мы там после Тегерана учились, могли при них подойти, расспросить.

— Но были и друзья иного рода?

— Те, которые помогали или были завербованы. Или не были завербованы, но все равно, как у нас говорят, из которых «качали информацию». Некоторые делились ценными для нас новостями просто на доверительных началах. Это уже чисто человеческий фактор. Когда есть что рассказать и найден хороший внимательный собеседник, хочется излить душу. А если вы вовремя задаете еще и наводящий вопрос, то не надо никакой вербовки. Бывает достаточно знакомства с компетентным человеком. Да и вообще вербовка дело тонкое. Если я вербую кого-то, значит, я себя раскрываю. Откуда у меня полная уверенность, что завтра он меня не выдаст? Когда мы работали в

Иране, то к нам на идейной основе приходили десятки. Но вы заговорили о случаях, об эпизодах, и мне припомнилось, что однажды в одной стране…

— О, эта одна страна…

— Так именно в ней, далекой или близкой, похитили опять-таки одного руководителя. И все силы были брошены на поиски преступников. Остановили и меня: откройте багажник. Посмотрели, и я поехал дальше. Следующий пост: выходите из машины! Мы вышли, снова открыли багажник: а там — автомат. Меня спрашивают: это чей? Спокойно говорю, что это вы туда бросили, не мой же. Но ситуация, сами понимаете, напряженная. Похищен государственный чиновник, его ищут… И тут на мотоцикле нас догоняет тот, первый полицейский, который при осмотре забыл свой, понимаете, свой автомат в моем багажнике. Вопиющая полицейская небрежность: забыть оружие, когда шуровал при досмотре. Случай — анекдотичный. Но сначала подумал, что разыгрывают провокацию. Вот где можно было засыпаться. Правда, потом мы бы доказали свою непричастность. Но сколько нервов, времени, и какое к нам бы тогда внимание.

— А бывало, что, грубо говоря, приходилось смываться?

— Нет, если смоешься — то уже все. Но вот что произошло в другой стране, где в ту пору находились серьезные военные учреждения. Мы в том городе работали и не безрезультатно. Были у меня на связи важные персоны. И вдруг наши меня вызывают на встречу. Говорят: за вами увязалась «наружка». Надо срочно в Москву. Ваш захват произойдет в таком-то аэропорту такого-то числа. И когда он назвал дату, то сердце мое екнуло. Потому что именно на этот день у меня и был заказан билет. Думаю, скажу ему про это, он вообще перепугается — хана. Надо же какие в жизни бывают совпадения. И спокойно, поверьте, исключительно спокойно объясняю нашему товарищу, что два раза в день проверяюсь, никакой «наружки» нет, произошла ошибка. Прошу передать в Москву, что это какая-то путаница, недоразумение. Нельзя из-за нее бросать налаженное дело и, как вы, Николай, говорите, смываться. С трудом, однако убеждаю в этом. Проверяюсь, все чисто, за мной не следят, прихожу в скромную свою гостиницу, и тут администратор передает мне повестку: завтра в 10 часов утра меня вызывают в полицию. И тут у меня от сердца отлегло.

— Как отлегло? Вызывают в полицию!

— Если бы действительно решили брать, то уж в полицию точно не вызывали. Пошел в полицию, а там мелкая формальность, которую быстро уладил.

— Но откуда тогда такое беспокойство за вашу жизнь? И

почему решили, что вы под колпаком?

— Если коротко, то удалось выяснить что за восточным человеком моего возраста, роста и наружности действительно ходит «наружка». Кто он и что наделал, так и останется неизвестным. И подумали, что это я, и хотели меня обезопасить, срочно спасать. Если бы в тот раз нервы сдали, мы бы много чего не сделали. А так еще долгое-долгое время очень неплохо работали. Но мы терпели все это спокойно. Потом привыкли. С годами пришел опыт, появилась натренированность.

— Приходилось ли сталкиваться, общаться с разведчиками других государств?

— Всякое бывало. Тут и легальные разведчики под прикрытием сотрудников посольств. И официальные представители ФБР, ЦРУ. Мы бывали с ними в компаниях, и когда они начинали спорить, иногда сталкиваться в разговоре между собой, то и вопросов задавать не приходилось. Надо было только слушать — спокойно слушать. Иногда ко мне, вполне легализированному в этой стране, скажем, бизнесмену, делались подходы. Что ж, черт с ними, и я мог что-то дать им по экономике, по бизнесу. Чаще всего мне задавали вопросы по инвестированию денег. Ты советуешь, но и тебе дают прогнозы, ведь эти ребята имеют в стране влияние, а в результате получаешь исключительно ценную информацию.

— Вы с Гоар Левоновной рассказывали, что приезжали домой в отпуск. А это не рискованно? Пересечение границ, показ документов. Момент деликатный.

— Технически это не очень опасно. Но тогда, Николай, это было сложнее: не было такого потока людей. И внимания на всех хватало. А мы всегда смотрели, к какому окошку идти. Видишь же, как человек работает. Быстро схватываешь: этот придирается. Потихоньку переходишь в другую очередь. Опытный работник тебя пропускает быстро. А молодые — скрупулезно. Так что у приезжающего есть свобода выбора. И оценки тоже.

— Даже такие мелочи?

— Из них тоже состоит жизнь нелегала.

— Теперь все настолько компьютеризировано.

— Да, кое в чем стало сложнее. Но против всякого нововведения есть и противоядие.

— Но теперь вводится биометрия. Ее же не обманешь?

Гоар Левоновна:

— Геворк, и как же тогда?

— Выход есть. Наука, техника работают, развиваются. Но давайте о другом: если ты становишься гражданином этой страны, значит, ты прошел всю проверку — и специальных служб

тоже. Тебе нечего бояться. У нас официальное гражданство и документы — совершенно официальные, никакой липы.

— Однажды даже мэр города давал.

— Мы гражданство получали, когда нужно было.

— Но я повторюсь: а если нажатие на кнопку компьютера?

— Пусть они хоть на двадцать кнопок нажмут. У тебя же все правильно. Бывали случаи, что какое-то время приходилось работать и по липовым паспортам. Но у нас все умеют дело очень красиво и качественно. Тут учитывается все.

Гоар Левоновна:

— Случалось, надо было быстро менять паспорта.

— Но это уже техника.

— Вы вообще считали страны, в которых пришлось побывать?

— Доходит, наверно, до ста. Но это не значит, что в каждой из них мы работали. Бывали проездом, или неделю, пару, месяц. Но под сотню за 45 лет — точно. Основная работа была в нескольких десятках стран.

— В тех, где я вновь выходила за мужа замуж. Когда вместе с группой женщин мы встречались с Владимиром Владимировичем Путиным под 8-е Марта, он задал мне вопрос: в каких странах вы были? Я честно ответила: во многих. И он, мгновенно все поняв, посмотрел, засмеялся.

— Геворк Андреевич и Гоар Левоновна, вы оптимисты, но были же и трудные моменты, которые переживались тяжело.

Гоар Левоновна:

— Когда первый раз после Тегерана мы уехали далеко и надолго, мне не давало покоя то, что расстались с родителями. Я очень любила маму, без нее тосковала. Чтоб обидеть ее, сказать что-то не так — в жизни моей даже близко не было. Но три года мама моя плакала из-за нас. И у Жоры отец тоже мучился. Переживал и каждый день ходил к моей маме.

— Но мой отец знал нашу работу. Хотя каждые два — три года вырывались в отпуск.

Гоар Левоновна:

— И письма им мы издалека писали. Но какие. Одно и то же: чувствуем себя хорошо, не волнуйтесь, у нас все нормально, желаем, чтобы у вас тоже все было хорошо. Вот и все. Потом уже сами над собой начали смеяться. И решили, что больше посылать этих писем не будем: ну что мы пишем?

— А что получали в ответ?

— Ответ по радио получали такой: дома у вас все нормально.

Гоар Левоновна:

— Я вам рассказывала: у нас в Ереване живет племянница — дочь моего брата. Ее дочка — нам как внучка. Мы наших

младших любим — они наши дети, так мы их воспринимаем.

— Они все о вас знали и знают?

Гоар Левоновна:

— Ну, что-то и знают, многого — нет. Конечно, жить вдали от близких — очень непросто.

— И все-таки почему вы решили возвратиться: устали, требовался отдых?

— В 1984 году мне первому из Службы внешней разведки присвоили в мирное время звание Героя Советского Союза. Выдали даже здесь, в Москве, на другие документы, чтобы никуда не просачивалось. Но в 1985–1986 годах были уже и предательства. И мы с Гоар подумали, что проработали столько лет. Перешагнули за 60 годков. Мы не то что устали, но решили, что хватит скитаться, когда подходит такой возраст. Что если пожить спокойно? И получить звание Героя — высшее счастье. Весть эта как-то все же могла просочиться. Неизвестный Герой-нелегал — кто он, откуда, что это за шишка? Контрразведка любой страны могла начать искать, наводить справки. И во время очередного отпуска, когда мы приехали сюда в 1984-м, попросили о том, чтобы потихоньку возвратиться. Тогда во главе разведки стояли Чебриков, Крючков, Дроздов. Нам разрешили, дали пару лет на спокойное завершение дел. И мы вернулись. Работать можно было еще лет десять. Потому что нам везло: не было вокруг предателей. И мы, не разрушая мостов, приехали. Прошло еще полтора десятка лет. Никто нами не интересовался, не искал. И только в конце 2000-го года появилась ваша статья о нашем тегеранском периоде, пошли телепередачи. По словам многолетнего руководителя нелегальной разведки Дроздова, «все эти цереушники и контрразведчики, которые дружили с вами десятки лет, не пойдут и не скажут, какие же мы дураки. Эти советские разведчики работали у нас под носом».

— А позвольте житейский вопрос. Все, что было нажито там, в чужих странах — это все осталось по ту сторону?

— Мы вернулись с двумя туристическими чемоданами.

Гоар Левоновна:

— Все вещи, нажитые честным трудом, там — и машины, и телевизоры, и обстановка. Виллы у нас не было: два — три года в одной стране, и нужно было уже ехать в другую. А из Тегерана в 1951-м мы кое-что привезли, потому что возвращались официально. Посмотрите, эти воспоминания молодости — они с нами. Вот подстаканники, из которых мы с вами пьем чай — свадебный подарок. Шесть штук с подносом. Скоро будет 65 лет со дня нашей свадьбы.

— Геворк Андреевич, академик Евгений Примаков, бывший

директор Службы внешней разведки, шутил, что лучшая вербовка вашей жизни — это, конечно, жена Гоар. Спасибо вам обоим за беседу.

— И я вас благодарю за внимание. Посмотрим, что из этого нашего хорошего разговора можно будет опубликовать.

Посмотрели. И часть разговора, впервые пошедшего гораздо дальше тегеранских дел, перед вами, читатель.

…

АНЕКДОТ ОТ ВАРТАНЯНА

Людей возраста солидного спрашивают: что лучше маразм или склероз? Ответ: конечно, склероз. Но почему? Да потому, что не помнишь, что уже наступил маразм.

Как спасали «Льва» и «Медведя»

Познакомилась с Геворком Андреевичем Вартаняном и внучка сэра Уинстона Черчилля Селия Сандерс.

Английская телекомпания «Биг Эйп Медиа» и «ТВ Центр» снимали многосерийный документальный сериал об истории российско-британских отношений на протяжении четырех столетий. Одной из основных фигур в фильме «Лев и медведь» и стала Селия Сандерс. Кому как не ей быть в центре ленты то о многолетнем противостоянии, затем о плодотворном взаимодействии во время Второй мировой, а потом, после речи в Фултоне, о нескрываемой вражде между Сталиным и ее родным дедушкой, Уинстоном Черчиллем. Сандерс как никто чтит память деда. Она основательница Программы «Лидерство имени Черчилля», а своем родственнике говорит так: «Мудрость моего деда актуальна сегодня, как и раньше. Принципы Уинстона Черчилля продолжают служить людям».

Да, если тогда, во время Тегеранской конференции 1943 года, сэра Уинстона Черчилля взяли под твердую охрану свои спецслужбы, то Фрэнклину Рузвельту пришлось труднее. Вышло так, что охрану президента США американцы обеспечить не смогли. Пришлось нарушить, может, единственный раз в истории, твердо устоявшийся протокол. После долгих уговоров Рузвельт

неохотно, но согласился жить в посольстве советском. Наши его безопасность, в отличие от своих, гарантировали.

Пришлось как следует потрудиться. Но хлопоты не пропали зря. О Тегеранской конференции миру сообщили уже после того, как она успешно завершилась. Разведчик Агаянц и английский полковник-резидент Спенсер поработали дружно и неплохо. Никаких разногласий не возникало. Американцы охраняли Рузвельта в советском посольстве, действуя в соответствие с требованиями советских коллег.

...

ИЗ ДОСЬЕ

На Тегеранской конференции принята декларация о совместных действиях в войне против Германии, об открытии второго фронта в Европе не позднее 1 мая 1944-го и о послевоенном сотрудничестве трех держав. Сталину удалось многое, но и ему пришлось прислушаться к пожеланиям англичан и американцев. После разгрома фашистов СССР обязался объявить войну Японии, что и было сделано.

Сандерс брала интервью у Вартаняна, а я — у нее.

— Скажите, вы действительно не знали деталей той военной истории?

— Нет, но вы присутствовали при съемках и слышали, как подробно рассказал мне о ней Геворк Вартанян, чья группа и сорвала планы немцев. Я искренне благодарна господину Вартаняну, его друзьям, русской разведке за то, что они спасли жизнь моего деда. Покушение, как рассказал мой собеседник, готовилось на 30 ноября. Хороший же подарок готовился ко дню рождения дедушки. Да, не будь Вартаняна, мы бы вряд ли встретились сегодня в этом уютном старинном здании. Кстати, а как называется этот офис?

— Пресс-бюро Службы внешней разведки Российской Федерации.

— Здесь работают очень вежливые люди, а Геворк Вартанян преподнес мне красивый букет. И армянское бренди, которое мы с ним после съемок выпили, мне тоже очень понравилось.

— Рассказывают, ваш дед тоже его любил. Сталин присылал ему этот напиток в Лондон довольно регулярно.

— Но женская половина семейства редко видела, как ее мужчины наслаждаются питием. Моя бабушка Климантина всегда уводила слабую часть человечества в другие покои, давая мужчинам самостоятельно предаваться их удовольствиям — поглощению напитков и курению сигар.

— Когда Уинстон Черчилль скончался, вам было уже 22. А как складывались ваши с ним отношения?

— Должна признаться, что тут мне повезло. В детстве почти все свои каникулы я проводила у дедушки с бабушкой. А потом с годами он старел, а я взрослела, и мы становились интереснее и интереснее друг другу.

— А как сэр Уинстон вас называл, может, придумал какое-то ласковое имя?

— Он-то называл меня просто Силия, а ласковое имя придумала я: Гранд-папа. Он на него с удовольствием отзывался.

— Ну, а какие бы черты премьер-министра Уинстона Черчилля вы бы выделили особо?

— Во все долгие годы его правления наиболее характерной чертой оставалась отвага. Это важнейшая черта для любого политика. Без нее ничего не сработает. Именно отвага позволяет руководителю страны принимать важные и часто непопулярные решения. Иногда вы должны быть жестки, идти на меры, в которых вы не до конца уверены и которые могут не сработать. И вы обязаны сохранять отвагу ради высокой морали и для того, чтобы противостоять людям, стремящимся проводить политику нечестную, корыстную.

— Позвольте задать вам вопрос совсем непростой. Многие полагают, что именно его речь в Фултоне и положила начало холодной войне. Согласны?

— Это не было началом. Он сказал то, что думал, что было ослепительно очевидно для многих. Дед еще до окончания войны знал, что история будет двигаться в таком направлении. И это его печалило, угнетало. Вспомните, что произошло уже после Тегерана-43 на Конференции в Ялте, где его как бы отодвинули в сторону. Возможно, больше всего в жизни он сожалел о том, что так и не увидит окончания этой холодной войны. Он был бы счастлив, если бы события в мире пошли иным чередом, но… Да и речь в Фултоне я не считаю чем-то уж таким особым. Просто президент Трумэн попросил деда выступить с речью. И он выступил с тем, что у него действительно наболело.

— Как по-вашему, в чем долгие годы был секрет его популярности?

— В великолепном чувстве юмора. Иногда это чувство выручало его в весьма неприятных ситуациях. Дед был женат на

протяжении полувека и был исключительно счастлив в семейной жизни. И вот одна дама, член парламента, леди Астор, постоянно на него нападала. Однажды она заявила: если бы вы были моим мужем, я бы подбросила в ваш кофе яду. На что дед ответил: если бы вы были моей женой, я бы этот кофе выпил.

— А как ваш дед перенес неожиданное поражение на выборах 1945 года? Война выиграна, а его не выбирают в премьеры.

— Он отправился домой на выборы прямо из Потсдама. И не думаю, будто предполагал, что люди не проголосуют за победителя такой войны. Но у нас выбирают скорее не премьера, а партию. Его консервативная партия была очень непопулярна перед войной, а во время создалась коалиция. И он не вел предвыборную кампанию, он вел войну. А тут лейбористы заявили: мы скоро вернем наших солдат домой. И военные, их матери, жены и подруги, дочери проголосовали за это. А деда признавали победителем, но не более. Он был исключительно подавлен. И когда моя бабушка попыталась утешить его тем, что это стало тщательно запрятанным благословением с небес, то дед ответил, что если это и благословение, то действительно очень и очень тщательно запрятанное. Но я думаю, что для него эти годы отдыха были спасительны. Он был истощен войной. И сели б ему пришлось бороться еще и против всех тех тягот, которые выпали на первые послевоенные годы, не знаю, чтоб с ним стало.

— Но ведь потом Черчилль снова был избран премьером. А видите ли вы в западном мире политиков равных ему по масштабу?

— Я все время вглядывалась в старые и новые лица, И до сих пор продолжаю вглядываться. Не правда ли было бы здорово, если б мы нашли кого-нибудь такого же масштаба? Ведь они так нам нужны. Мой дед был из тех, кто мог встать во весь рост и громко сказать, что думает.

— Это ваш первый приезд в Россию?

— Да, первый приезд в Москву. И сразу же приятная встреча в господином Вартаняном — одним из героев фильма, который я снимаю.

— А как вы относитесь к тому, что сегодня российско-британские отношения развиваются не совсем так, как хотелось бы?

— За четыре века наших отношений они бывали и холодными, и теплыми. Думаю, вскоре снова потеплеет. Надеюсь, этому поможет и фильм, который мы снимаем.

— Позвольте вопрос сугубо личный.

— Попробуйте.

— Как сложилась ваша жизнь? Далеко не у всех детей

великих она протекала благополучно.

— Господин Вартанян поразил меня, рассказав, что они с супругой в браке — и счастливом — уже больше шестидесяти лет! Я замужем 42 года. Но у меня три разных мужа и три ребенка — от каждого из них. Основала тренинговую компанию, возглавила «Программу имени Черчилля», снимаю фильмы, написала книгу о путешествиях деда — часто рискованных. Жаль, что встретилась с Вартаняном после ее выхода. Хотя и знала, что дед рисковал, отправляясь в 1943 в Тегеран: даже едва ли не впервые взял тогда с собой личного телохранителя.

— Скажите, а с вашей Сикрет Интеллидженс Сервис вы обо всей этой тегеранской истории не говорили?

— Нет, там я не была — не приглашали.

По пятницам меня водили на казни

Алексей Михайлович Козлов — один из немногих людей, принадлежащих к малочисленному всемирному клану Разведки, которым суждено прожить сразу несколько жизней. При этом каждая полна опасностей и невероятных событий и по большей части лишена главных человеческих радостей — дома и нормальной семьи. Эти люди не жалуются на судьбу, которую когда-то выбрали сами или силою обстоятельств. И очень резко имеют возможность или желание поделиться с окружающими хотя бы немногими эпизодами из своей бурной жизни. Но все же иногда волею руководства разведки такая возможность все же выпадает.

Я был первым из журналистов, с кем было дано побеседовать Алексею Михайловичу. И признаться, мы долго притирались друг к другу. Мои вопросы казались ему чересчур уж если не назойливыми, то прямыми. Как бы тут не сказать чего лишнего. Однако потом мы прекрасно нашли общий язык. Жаль только, что не все из рассказанного войдет в эту книгу. Проживем еще лет 20, и откровения Героя России Алексея Козлова, возможно, обретут более конкретные черты. Впрочем, совсем не факт. Хотя и рассказанного вполне достаточно, чтобы представить, что же переживает человек, которого несколько месяцев подряд каждую пятницу водили на казни.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Козлов Алексей Михайлович — полковник службы внешней разведки, Герой России, награжден орденом Красной звезды, кавалер ордена «за заслуги перед отечеством».

— Родился я в 1934 году в Кировской области в селе Опарино, Опаринского района, — рассказывает Алексей Михайлович. — Правда, села этого не помню, потому что в полтора года бабушка забрала меня у родителей, и с 1936-го я жил в Вологде. Там и окончил десять классов. Так уж сложилось, что воспитывался я у бабушки с дедом, потому что мать с отцом были очень молоды и растили кроме меня еще троих. Мама

работала бухгалтером в колхозе. А отец в 1941 году ушел в армию, во время войны был комиссаром танкового батальона в Пятой гвардейской армии генерала Ротмистрова, участвовал в битве на Курской дуге.

Ну а я в 1943-м поступил в школу. Был у меня прекрасный учитель немецкого языка — Зельман Шмулевич Щерцовский. В 1939 году, когда Польшу оккупировала Германия, он бежал в Советский Союз от нацистов. Здесь отправили молодого парня в Вологду на поселение. Закончил пединститут и преподавал у нас немецкий. Знал его в совершенстве и с нас много требовал. У меня с ним сложились замечательные отношения. Именно он очень помог мне при подготовке в институт.

Школу я закончил с серебряной медалью — и в столицу. Прибыл на Ярославский вокзал с деревянным чемоданчиком и висячим замком. В Москве до того ни разу не был. Первое, о чем спросил в справочном бюро вокзала: «Где находится Институт международных отношений?» Мне назвали адрес: Метростроевская, 53. Сейчас в этом здании Дипломатическая академия. Вступительные сдал на «отлично».

В институте изучал датский и немецкий. И в декабре 1958-го отправили меня на практику в Данию в консульский отдел посольства. Когда вернулся, предложили пойти на работу в органы государственной безопасности. Почему? Об этом надо спросить отдел кадров МГИМО. Конечно, не все выпускники шли в органы. К примеру, со мной в группе учился Юлий Квицинский — будущий первый заместитель министра иностранных дел СССР, будущие известные послы. Но, помню, когда в 1984-м я впервые после долгих лет работы в зарубежье попал в Ясенево (штаб-квартира Службы внешней разведки. — *Н.Д* .), чуть не каждого там встреченного обнимал и приветствовал, потому что знал по учебе в институте.

Итак, в 1959-м меня в первый и в последний раз вызвали на Лубянку — тогда улицу Дзержинского, дом 2. Спросили: где бы ты хотел работать? Я ответил: только на оперативной работе — чтобы никаких писулек. Предложили стать разведчиком-нелегалом. Только вот я и сейчас могу похвастаться одной шишкой — на пальце. Никогда мне не приходилось писать столько, сколько на этой несчастной оперативной работе.

Технический чертежник

— Но разве для нелегальной работы не требуется знание

иностранного как родного?

— Немецкий у меня к тому времени был хороший. Датский изучал в институте и во время практики. Взяли меня на подготовку. Причем была она очень короткой. Пришел учиться 1 августа 1959 года, а уже 2 октября 1962-го выехал на боевую работу в одну западную страну. Предварительно готовился в ГДР. Тогда это нам здорово помогало. Хотя и не всегда. Потому что подхватил в Лейпциге саксонский диалект. И никогда не забуду, как вскоре, уже в Западной Германии, совершенно случайно разговорился в кафе с сотрудником криминальной позиции. И вдруг он меня спрашивает: вы, говорит, не отсюда, не из Брауншвайга? Нет, отвечаю, я — австриец. Он качает головой: странно, голову бы дал на отсечение, что вы — саксонец. Пришлось убеждать его, что мама моя — саксонка, отец — австриец. К счастью, моего соседа по столику, парня молодого, в тот момент больше интересовали сидящие рядом барышни.

Потом была Дания.

— И чем вы там занимались, помимо своего основного дела, конечно?

— Каждый разведчик-нелегал должен иметь какую-то профессию прикрытия. У нас в Москве в тот момент меня могли сделать слесарем по ремонту автомашин, мастером по починке холодильников или телевизоров и тому подобное. Сделали техническим чертежником. Я эту профессию ненавидел всеми фибрами души, потому что по складу — гуманитарий. Но пришлось согласиться. Да и профессия — чистая, хоть под машину не нужно лазить. В Копенгагене пришел в один технический институт, где в числе прочих готовили чертежников. Нужно было учиться три года. Сказал ректору, что хочу закончить за три месяца. Тот посмотрел на меня ошалело, но я спокойно объяснил, что чертить умею и нужен мне только диплом. Он пригласил какого-то преподавателя, поговорили. И они решили так: мне придется заплатить за все три года обучения, но если у меня получится сдать все экзамены за три месяца, выдадут мне сразу диплом. Я ходил в институт каждый день и по нескольку раз. Выполнял все задания и получил-таки датский диплом.

— А какой у вас был паспорт?

— Немцем я был. А паспорт — западногерманский, правда, липовый. Предстояло совершить обкатку по нескольким странам, выбрать какое-то государство, в котором я якобы жил многие годы и где мог, по легенде, заработать достаточно денег, как иностранец. Сначала мне предложили выехать в Ливан. Плыл туда на теплоходе из Неаполя. В пути познакомился с девушкой, очень хорошо знавшей английский. Она меня потом шесть

месяцев обучала, и довольно неплохо.

В Ливане выяснилось, что ливанцы-арабы очень любят немцев. Что касается Дании, откуда я приехал, то о существовании королевства Датского там мало кто догадывался.

Потом по заданию Центра выехал в Алжир. Предстояло устроиться на длительное оседание там. В Алжире еще стояли французские войска, но президентом был уже Ахмед Бен Белла.

В этой стране никто не знал ни английского, ни немецкого, ни уж тем более, датского. Через знакомого француза, говорившего по-немецки, точнее, через его приятелей, устроился на работу техническим чертежником. Все инженеры и архитекторы там были швейцарцы, а уж они говорят по-английски, по-немецки, по-французски и по-итальянски. А в Алжире в то время даже многие арабы говорили только по-французски. Доходило до курьезов. Когда Бен Белла решил переименовать все улицы и их названия вывели арабской вязью, беспорядок начался потрясающий. В общем, пришлось мне в Алжире выучить и французский, а впоследствии, много позже, еще и итальянский. До сих пор нормально говорю на всех этих языках.

В Алжир приехала ко мне жена.

— Как же вы сумели объяснить ее приезд местным?

— Поженились мы в Москве перед самой командировкой. В Союзе она находилась на подготовке. А когда приехала, мы нашли для нее соответствующую легенду. У меня были знакомые пожилые французы. Кто-то из них уехал, кто-то умер. Зато у нас был адрес, по которому жена теоретически могла в свое время жить. Приехала она, конечно же, как немка, а французский выучила уже в Алжире. В этой стране мне повезло: спустя два года после получения независимости алжирцы стали уничтожать документацию на всех иностранцев, живших там до этого. Потом я запросто мог говорить в других государствах, что 20 лет прожил в Алжире, где зарабатывал много денег.

А жена забеременела, и нам было предложено выехать в Западную Германию, чтобы там уже окончательно задокументировать свою женитьбу. Ведь паспорта у нас обоих были липовые. Сначала заехали в Тунис, затем в Голландию, потом во Францию. После этого я поехал в город Штутгарт. А жену оставил на границе во французском Страсбурге.

— Почему вы въехали в ФРГ в одиночестве?

— Не мог я ее взять, потому что не знал, как у меня повернутся дела.

Я, как вы помните, технический чертежник, и мне надо было искать работу, чтобы где-то в ФРГ поселиться. Штутгарт — город

большой, в нем — десятки учреждений. Но попал я туда в августе в разгар летних отпусков. Пришлось устроиться чернорабочим в химчистку: только туда и взяли. Причем обещали платить как квалифицированному рабочему и, если буду трудиться добросовестно, через три месяца в таковые и перевести. Так оно и произошло. Был тогда в этом городе довольно свободный режим. Поэтому мы без труда получили внутренние удостоверения личности и официально поженились. Вскоре переехали в Мюнхен, где я снова устроился на работу в химчистку. Там у нас родился сын, потом дочь. После рождения детей получили вместо наших прежних внутренних удостоверений настоящие западногерманские загранпаспорта.

Агент из химчистки

Через некоторое время нас вызвали обратно в Россию. Дома провели пару месяцев. И я получил задание выехать на длительное оседание в одну из стран Бенилюкса. Поселился я в столице. Искал работу — и как чертежник, и как рабочий химчистки. Ушло на это шесть месяцев, трудно было устроиться. В конце концов, попал я в крупную гостиницу, в подразделение химчистки и прачечной. Кстати говоря, был я действительно рабочим квалифицированным, и вскоре сделали меня руководителем этого сектора. Я нашел квартиру, и ко мне приехала жена с двумя детьми.

— А дети не догадывались, из какой они страны?

— Нет. Сын пошел в детский сад, дочь мы устроили в ясли. Между собой они говорили только по-французски, а с нами — только по-немецки.

— Русского не знали?

— Откуда же?

— А два месяца дома в России?

— Не давали им русский язык выучить. Не знали они его совсем.

По приезде ко мне жена устроилась в столице преподавателем немецкого языка в школу, которая была аккредитована при НАТО. Там учились дети натовских сотрудников. Сначала занималась с ними частным образом, потом учила их в школе немецкому.

Мне же предложили должность генерального директора одной крупной химчистки.

— Бенилюкс, НАТО — наверняка вы добывали сведения об

этом военном блоке?

— Шла оперативная информация.

— Помогало, что супруга преподавала в натовской школе?

— Естественно. Вообще, даже работая в химчистке, можно добывать актуальную информацию.

— У нас были свои агенты?

— Нет, агентуры у меня не было. Я там был один. Но в 1970 году жена тяжело заболела, и пришлось возвращаться на Родину. Потом она умерла. А мне предложили работать одному по кризисным точкам.

С двумя паспортами

— Что это такое?

— В тех странах, с которыми мы не имели дипотношений и где возникали кризисные ситуации. В 1970—е годы это в основном Ближний и Средний Восток — Израиль и арабские государства. Легализовался на жительство в Италии. У меня установились хорошие связи с фирмами, выпускавшими материалы для химчисток — химикаты, машины. И мне предложили быть их представителем во всех странах мира, кроме самой Италии. Меня это устраивало. Был прописан в Риме, но бывал там по два-три месяца. Разъезжать приходилось по другому региону — Египет, Иордания, Израиль, Кувейт, Ливан. Затем Саудовская Аравия и много еще чего.

— Вас во все эти места легко пускали? А как с визами?

— Тут такая история. Если в то время у человека в паспорте были израильские отметки, проставленные на КПП о въезде туда, его не пустили бы ни в одну арабскую страну. Пришлось идти в западногерманское посольство: «Что же мне делать, друзья?» Они говорят, получай новый паспорт, дубликат. И с этим дубликатом западногерманского паспорта я разъезжал по арабскому Востоку. То есть один паспорт был для Израиля, другой — для арабского мира. В регионе у меня были полезные связи — родственники министров, в том числе и в Ливане, офицеры израильской армии, политики в Израиле и в Египте.

Однажды в Иерусалиме случился курьез. Захожу вечером в кафе. Беру 50 граммов водки, вернее, 40 — у них такая двойная порция. И кружку пива. Огляделся вокруг, смотрю, сидят три старичка: все места заняты. А у них — одно свободное. Подхожу, по-немецки спрашиваю: можно с вами присесть? Евреи в основном все немецкий знают. Говорят: пожалуйста. Спрашивают

меня: немец? Отвечаю: «да». И один из них мне рассказывает: «Знаешь, во время войны я служил в советской военной разведке, и меня однажды забросили в немецкий тыл». И я, говорит, вам, сволочам, во как дал прикурить. И с такой гордостью он это сказал, с такой ностальгией, с таким уважением к советской разведке…

Но разведчику-нелегалу всегда приходится приспосабливаться. Как-то захожу в ресторанчик в Тель-Авиве часов в пять пообедать. Заказал гуляш и кружку пива. Рядом со мной усаживается парень в джинсах, в ковбойке, видно, что их клиент, потому что несут ему без заказа 200-граммовый графинчик со светлой жидкостью из холодильника, которая сразу начинает запотевать. Потом ставят перед ним тарелку с двумя кусками черного хлеба и еще одну — с мелко нарезано селедочкой и все это под кружочками белого лучка. И так эта сволочь начала аппетитно хрустеть всем этим над моим ухом…

— Ваше пребывание на Ближнем Востоке было успешным?

— Пребывание было небесполезным. Многого удалось тогда добиться, о чем до сих пор не имею права рассказывать. Получил я орден Красной Звезды за это дело.

С 1974 года бывал я и в Иране. Пришлось заезжать туда еще при шахе. Иран нас очень интересовал. По этой стране я совершенно спокойно ездил, и была у меня там масса друзей — и среди полиции, и в других кругах.

— Там же была жуткая служба безопасности — САВАК…

— Что делать. Кстати, был я в Иране, естественно, не по советскому паспорту.

— А как вы переправляли информацию на Родину?

— Как-как? В основном через тайники в виде не проявленной пленки. А самую жгучую — в письмах, в тайнописи на определенные адреса, которые мне давали в Центре. Три-четыре дня — и письмо там, куда я его посылал. Потом придумал другую вещь. Маленькие блокнотики, как керамическая плитка, — там до 50 страниц текста, все это я прекрасно отправлял.

— И все это время вы были один?

— Естественно. Но у меня была масса друзей среди арабов и евреев. Причем это были настоящие друзья, которые не знали, кто я такой, но которые доверяли мне, а я — им…

Я говорил вам о кризисных ситуациях. До 1974 года, когда в Португалии совершилась революция, у нас с этой страной не было дипотношений. А мне еще при фашистском режиме Каэтано пришлось побывать там и собрать тоже очень интересную информацию. Когда началась революция «красных гвоздик», я вернулся и прожил там пару месяцев. Объездил всю страну.

— С кем-то из соотечественников вы встречались?

— Раз в два года приезжал в отпуск. Жена тогда уже была в больнице. Дети жили в интернате. И я в отпуске проводил все время с ними. Иногда приходила из больницы жена. А так — никаких встреч.

Что же касается пребывания за рубежом, у нас очень редко бывали личные встречи. Например, в Италии за десять лет всего две. Приезжали из Центра. Вообще же личные встречи проходили, что называется, на нейтральной почве. Однажды как раз под Новый год, накануне возвращения на Родину — отпуск у меня начинался в январе, — прилетел я их Тегерана в Копенгаген, встречаюсь с резидентом. Обменялись мы паспортами. Я дал ему свой «железный», с которым все время ездил, он мне — другой, который потом можно было уничтожить. Резидент поздравляет меня с Новым годом и с награждением «Знаком почетного чекиста». И добавляет: поздравляет тебя еще один общий знакомый, который здесь. Я его спрашиваю, кто же этот общий знакомый? Он говорит: Олег Гордиевский. Я спрашиваю его, откуда Олег Гордиевский знает, что я здесь? Ты, что ли, ему сказал? Или показал вот этот мой новый паспорт? А Гордиевский был тогда его заместителем. Это я к тому, что нельзя нелегалу, если нет на то крайней необходимости, общаться со своими коллегами из резидентуры.

— А радио у вас было?

— Конечно. Обычный радиоприемник. Раз в неделю слушал сообщения из Центра. Выполнял его указания и потом переправлял письма в тайнописи на адреса в Европе или же передавал информацию через тайники.

— И никогда у ваших знакомых не возникало никаких подозрений?

— А какие подозрения?

— Что вы постоянно в разъездах, мотаетесь по миру…

— Но я же продавал машины, химчистки. Кстати, у меня было много контактов по делам фирмы, которую я представлял. И где-то в Гонконге или на Тайване я посещал все учреждения химчистки.

— Но кто обеспечивал вас деньгами?

— Центр, естественно.

— А ваши хозяева из Рима не понукали? Давай активнее, продавай больше…

— Все проще: продашь, получишь комиссионные, не продашь, ничего не получишь. Какие хозяева? У меня их и не было. Я был свободный представитель.

— Эти поездки никогда не настораживали? Когда человек

столько ездит…

— В жизни не слышал, чтобы люди привлекали к себе внимание, потому что ездят. Я же был европейцем, немцем, вход которому открыт везде.

— Однако сложности начались…

Бомба из ЮАР

— В 1977 году мне впервые поручили выехать в ЮАР — тогда страну апартеида. На всех скамейках в парках, на улицах надписи: «только для белых». Магазины — только для белых, для черных ничего нет. Черные в 6 часов вечера садятся и уезжают в свои тауншипы. Для меня это было дико. Тогда Советский Союз помогал Африканскому национальному конгрессу. Разведку же больше интересовало другое: тайные связи ЮАР с Западом. Когда я в первый раз посетил Намибию, это была немецкая Юго-Западная Африка, колония ЮАР. Объездил всю страну. Везде нужны были контакты.

Там уран добывался уже обогащенный на 80 процентов. И весь этот уран шел в Америку. А ведь официально США, Англия и другие западные страны к тому времени объявили ЮАР экономический бойкот. В Намибии я говорил только по-немецки. Потому что там даже черные говорили по-немецки не хуже самих немцев. А немцев там было очень много. Гостиницы все немецкие. Названия отелей — чисто немецкие. И везде немцы-фермеры.

В 1978 году я сам предложил совершить поездку по приграничным, прифронтовым государствам — Замбия, Ботсвана, Малави. Они вроде бы помогали Южноафриканскому конгрессу, но все равно экономикой там заправляли юаровцы. В Ботсване, к примеру, алмазные копи находились в руках «Де Бирс».

— А что еще интересовало советскую разведку в ЮАР?

— Есть там все-таки атомная бомба или нет. В научно-исследовательской лаборатории. Пелендаба велись исследования в ядерной области. И у нас, и у американцев были подозрения, что там создается атомная бомба. Потому что однажды в 1978 году удалось зафиксировать похожую на атомный взрыв вспышку в южном полушарии неподалеку от Кейптауна. Тогда я и включил Малави в свою поездку, ведь это было единственное африканское государство, установившее с ЮАР дипломатические отношения. Приехал в город Блантайр. Все белые в этих государствах очень быстро между собой сходятся. Появляется свежий европеец, тем более немец, тебя с удовольствием примут и поведают абсолютно все. Как-то разговорились про атомную бомбу. Я и говорю, надо

же, думали, будто ЮАР ее имеет, а оказалось, нет. И вдруг одна пожилая женщина оживляется: как это нет, мы же в декабре 1976-го обмывали ее изготовление шампанским.

— Это официально установлено?

— Я тут же сообщил в Центр. Как мне потом рассказывали, ночью вызвали даже начальников управлений, отдела и обсуждали мою информацию. Но документально это нельзя было доказать. Кстати, женщина эта мне представилась, сообщила, что работала секретаршей генерального директора базы Пелендаба, ушла на пенсию и переехала в Малави.

— А потом это нашло подтверждение?

— Нашло.

Исчезновение

В 1980-м году меня опять отправили в ЮАР. Прилетел я туда. Потом — в Намибию. И вот в Виндхуке заметил за собой наружное наблюдение.

— Впервые за все время?

— Да. Деться оттуда некуда. Только лететь в ЮАР. Приземляемся в Йоханнесбурге, смотрю — черная машина направляется к нашему самолету прямо к трапу. Предъявили мне документ юаровской контрразведки, надели наручники, отвели в аэропорт, в специальную комнату, заставили раздеться до трусов. Затем притащили мои вещи, одели и повезли в Преторию. Месяц провел во внутренней тюрьме полиции безопасности — это контрразведка ЮАР. Допросы — день и ночь. В первую неделю спать не давали ни секунды. Засыпал прямо стоя, иногда даже падал. Кстати, у моего следователя в кабинете висел портрет Гитлера. А сам он был поклонник Эрнста Кальтенбруннера. Допросы велись в основном в подвале. В общем, было хреново.

— Вас пытали?

— А куда от этого денешься? Через неделю вдруг решили дать выспаться. Однако камера, где я должен был спать, наполнялась звуками человеческих голосов. Как будто кого-то пытали рядом со мной. Люди орали, скрежетали зубами, плакали, словно их избивали. Я понимал, что это запись. Но от жуткой какофонии некуда было деться. Через каждый полчаса ко мне заходила охрана и смотрела. Я должен был перед ними вставать. Однажды привели на допрос. Сидят два человека. Один из ведомства по охране конституции Западной Германии, другой из службы разведки — БНД.

— Допрашивали на немецком или на английском?

— На английском. Помню, открыли чемодан. Достали мой радиоприемник, такой в любом магазине можно было купить. Но сразу радостные возгласы — а! Вынули блокнот, в котором были копировальные листы. Но я же не сказал ничего, они должны были проверить и, кстати говоря, давленку обнаружили на одном. А давленка была по-русски. Но дело даже не в этом. Сидят эти двое из Западной Германии и спрашивают: а почему вы не потребовали кого-нибудь из запад ногерманского консульства? Я говорю: все время требую и не знаю, почему никто никого не приглашает. Они меня спрашивают: а вы знаете, почему вас арестовали? Отвечаю: не знаю, я ничего не сделал. И дают они мне фото жены: посмотрите, вам знакома эта фотография, а потом мою фотографию. Перевернул ее, а на обороте вижу: «А. М. Козлов». После этого сказал: да, я советский офицер, советский разведчик. И все. Больше я ни черта не сказал за два года, что бы они там со мной ни делали.

Полгода в камере смертников

— Через месяц меня перевели в центральную тюрьму в Претории. Посадили в камеру смертников. Было там несколько отсеков, так называемого звездного типа. И в каждом — по 13 камер. Но в том, куда меня поместили, оказался я совершенно один. Другие камеры — все пустые. А рядом — виселица. По пятницам в пять утра там проходили казни. Несколько раз меня специально водили посмотреть, как это делается. Виселица находилась на втором этаже. В тюрьме, между прочим, тоже был апартеид: тюрьма для черных, тюрьма для белых. Только вешали и тех и других вместе. Но и то делали различие. На последний завтрак перед казнью черному давали половину зажаренного цыпленка, белому — целого. Казнили на втором этаже, потом люк опускался, казненный падал туда. А внизу стоял величайший мерзавец доктор Мальхеба. Он делал последний укол в сердце повешенному, чтобы человек умер окончательно. Потом его выносили. Однажды этот доктор осматривал и меня.

Самым страшным для меня было то, что Центр не знал, где я. Оказывается, они еще три месяца посылали мне радиограммы.

Шесть месяцев провел я в камере смертников. Параша, кровать и стул. Комната — три шага на четыре. На стенах нацарапаны последние слова прощания тех, кто там сидел и кого вешали до меня. Единственное, что приносили мне, — еду. Завтрак — в 5.30 утра: кружка жидкости, напоминавшая то ли кофе, то ли чай, а чаще воду, в которой мыли посуду, два куска

хлеба и миска каши. Обед — в 11 часов; ужин — в 3 часа дня. В общей сложности 4 куска хлеба, кусочек маргарина, джема и тарелка супа. Свет выключали в 22. К этому времени от голода у меня аж видения начинались. Вспомнил про отварную картошечку с паром, про помидорчики, огурчики. Помню, когда освобождали и взвесили, во мне оказалось 59 килограммов или 58. А было под 90. Никаких газет, радио — ничего. Я не знал, что творится в мире. Никаких прогулок.

— На допросы уже не водили?

— Иногда возили.

— А в чем они обвиняли конкретно?

— Сказали, что я посажен по закону о терроризме, статья девятая. Это означало, что причину ареста мне сообщать не обязаны. Была у меня просто отметка, что я не имею права на адвоката, на общение с внешним миром. Только статья девятая закона о терроризме. Больше ничего. Хотя у меня никакого оружия и вообще ничего подобного не было. И вот, наконец, 1 декабря 1981 года, через 6 месяцев, пришел ко мне начальник тюрьмы и заявил, что премьер-министр Бота официально объявил по телевидению и радио, что я нахожусь под арестом.

— И как вас объявили — русский разведчик?

— Да. Алексей Козлов. Советский разведчик. Начальник тюрьмы сказал, что после официального сообщения Боты о моем деле мне теперь положено полчаса прогулок под охраной по тюремному двору. Разрешили наконец-то курить. Я не курил вообще два месяца. А так курю по две с половиной пачки в день.

— А что немецкое консульство? Они к вам приезжали?

— Сначала немцы приезжали на допросы раз в три месяца. Потом раз в полгода. Приедут, помямлят, посмотрят растерянно и уйдут. Что им еще остается делать?

А я все продолжал сидеть в той самой камере. И где-то к концу 81-го года у меня начала лопаться кожа на руках. Позвали этого доктора Мальхебу. Он мне: дышите. Я дышу. Так, еще дышите, глубже. Я дышу. Он говорит: дыхание у вас хорошее. Я говорю: а как вы можете сказать, что дыхание у меня хорошее, если вы меня не слушаете? У него стетоскоп-то висел на шее, он его даже в уши не вставил. И так он разорался… Дали мне перчатки из искусственной кожи. А моя кожа все равно лопается. Позвали все-таки начальника тюремного госпиталя. Был такой майор, Ван Роен. Он посмотрел и сказал, что это недостаток хлорофилла. Дело в том, что у меня было одно-единственное окошечко под самым потолком. Туда свет никогда не заходил. Он говорит: только если солнце будет, хлорофилл появится, и это пройдет. И меня через полтора года после начала отсидки

поселили в штрафное отделение тюрьмы Претории.

— Почему в штрафное?

— Потому что туда сажали в основном заключенных, нарушивших тюремный режим. Кто-то у кого-то что-то украл, подрался, покурил марихуану, которую им поставляли те же самые надзиратели. Тоже одиночные камеры, но там я хоть был не один. В других камерах находились люди, которые ругались, смеялись, матерились. У меня — та же параша, тот же топчан, зато всегда солнце. Кожа стала проходить.

Так я просидел до мая 1982 года. Однажды пришел начальник тюрьмы, принес костюм, довольно приличный, по моему размеру, и рубашку, галстук. А до этого сняли мерку, я все не мог понять, для чего. Повезли к заместителю начальника контрразведки генерал-майору Бродерику. Сидел передо мною интересный такой, вальяжный мужик. Он мне сказал сразу: передаем тебя для обмена. И предупредил: тебя передадут нашей национальной разведывательной службе. После этого мой следователь, полковник Глой, о котором я рассказывал, крепко пожал мне руку и сказал: ты извини за то, что с тобой произошло здесь; теперь мы знаем, что ты нормальный мужик и настоящий парень. Пожал руку, и там оказался значок. Я разглядел его уже в самолете. Это был значок полиции безопасности ЮАР с правом ареста…

Одиннадцать за одного

— И как же повели себя сотрудники разведки?

— Привезли меня на огромную скалу, там, где монумент первопроходцам ЮАР — бурам, рядом с местом кровавой битвы между зулусами и белыми. Здесь, говорят, тебя и расстреляем. Ну, я постоял. Потом запихнули в машину и повезли в аэропорт. В Боинге-747 «Джумбо» нас летело восемь человек: я и моя охрана. Прибыли во Франкфурт-на-Майне.

Пересадили меня в вертолет Ведомства по охране границ Западной Германии. Приземлились около КПП «Херлесхаузен». Там и проводился обмен.

Сначала привезли тех, на кого меня должны были обменять. Одиннадцать человек — 10 немцев и один офицер армии ЮАР, в свое время попавший в плен в Анголе во время рейда туда южноафриканской армии. Все одиннадцать с чемоданами. А мне вещей не отдали: у меня маленький кулечек, где кусочек зеленого мыла. Зачем я его взял из тюрьмы, так и не знаю. Потом еще ремень матерчатый от тюремных брюк. Я его свернул и положил в

кулек, когда меня из тюрьмы выводили. Единственное, что там для меня было ценного, это машинка для свертывания сигарет, мне ее подарили юаровские заключенные.

Доставили меня к какому-то ангару. Смотрю, внутри маячат две фигуры — Виктор Михайлович Нагаев, ныне генерал-майор в отставке, и Борис Алексеевич Соловов, начальник отдела безопасности, бывший. Ну, расцеловались, конечно. Посадили меня в машину и поехали в Берлин. Километров 30 проехали в гробовом молчании. Подъехали к городу Айзенах. Молчим. Я говорю: Виктор Михайлович, я же вернулся на Родину. Он соглашается: «Да, ну и что?» Я ему: «Как ну и что? А отметить-то это дело надо». Он как шлепнет себя по лысине: «А я не могу понять, чего же не хватает и почему мы молчим». И водителю: «Ну-ка, давай в первую попавшуюся харчевню по сто грамм, по кружке пива». Как только шарахнули, так после этого до Берлина уже не молчали.

В Берлине мне товарищи стол хороший приготовили: икорочка, семга. Но я всю отварную картошку смолотил и всю селедку. Мне потом представитель наш, Василий Тимофеевич Шумилов, ныне покойный, сказал: «Ты, Лешка, сожрал у нас весь представительский запас селедки…»

И еще дали мне ребята денег, чтобы я купил что-то детям. Долго меня дома не было.

И десять лет в придачу

— И все-таки давайте вернемся к вопросу, как вас вычислили.

— Долгое время никто не мог понять, почему меня арестовали. Обменяли в 1982 году. Когда в 1985-м сбежал Олег Гордиевский, все и прояснилось. Был он исполняющим обязанности резидента в Лондоне. Это генеральская должность, простите. А с Олегом я вместе учился в МГИМО. Он был на два курса младше, вместе работали в комитете комсомола. Я-то закончил раньше его, и он не знал, где я. Но потом он работал в нашем документальном отделе — потому так и получилось. В предательстве все дело.

— И история с паспортом, который вы меняли в Дании, и привет от Гордиевского были не случайны…

— Да меня бы раньше взяли, хотя и трудно было взять. Я, кстати, спросил немцев, которые меня допрашивали: это вы специально устроили, чтобы арестовали здесь, в ЮАР? Они мне прямо ответили: конечно. Сидели бы в какой-нибудь Франции

или Италии, показалось бы курортом.

— А после возвращения?

— Приехал домой, отдохнул пару месяцев, и за работу. Четыре года — здесь, в Центре. Потом позвонил Юрию Ивановичу Дроздову (тогдашнему начальнику Управления нелегальной разведки. — *Н.Д* .) и сказал, что больше так не могу. Дроздов — мне: «И как ты, собственно, это себе представляешь? Ты всем известен. Как можно тебя снова куда-то посылать?» Затем поразмышлял, и говорит: «Вообще-то ты же нигде не числишься в розыске, потому что нам тебя отдали. И потом, какой дурак подумает, что человек, только-только вынув голову из петли, опять собирается туда сунуть. Поезжай». Дали мне паспорт. Раньше был немецкий. На этот раз получил документ другой европейской страны. После этого еще десять лет работал вдали от дома… А в 97-м году вернулся уже насовсем. Но до сих пор работаю. Встречаюсь с молодежью. Побывал ровно в 30 регионах России — Владивосток и Находка, Мурманск и Омск, Томск, Новосибирск, Красноярск, Благовещенск, Хабаровск… У меня по 5–6 командировок в год.

— А Героя когда вам присвоили?

— Это еще в 2000 году.

— И за что, с какой формулировкой?

— Там было написано так: за мужество и героизм при выполнении специальных заданий.

Часть вторая. Разведка в особых условиях

Работа в особых условиях — так называют нелегальную разведку. Святая святых в любой спецслужбе. О нелегалах известно мало. Их имена и подвиги десятилетиями хранились в строжайшей государственной тайне. И, похоже, наша Служба Внешней разведки свято соблюдает сроки давности. А они — даже не на десятилетия. Здесь я рассказываю о нелегальных разведчиках, имена которых мне удалось открыть сравнительно недавно. В этой книге лишь малая толика ими совершенного. Об остальном — в веке XXII и никак не раньше.

Командир нелегалов

...

ИЗ ДОСЬЕ

Дроздов Юрий Иванович — в 1979–1991 годы возглавлял самое закрытое Управление нашей разведки. Руководил нелегалами. Был резидентом в США и Китае.

Юрий Дроздов успел прожить несколько жизней. Был кузеном Дривсом у легендарного Абеля. завзятым нацистом бароном фон Хоэнштейном, инспектором Кляйнертом… Это он предложил создать отряд специального назначения «Вымпел» и вместе с ним штурмовал кабульский дворец Амина в декабре 1979-го…

Сейчас генерал-майор дроздов — директор информационно-аналитического Агентства «НАМАКОН». Юрий Иванович — автор нескольких интереснейших книг.

Мы говорили с бывшим начальником советской, российской нелегальной разведки о его корнях, нелегальной работе, о выдающихся наших разведчиках. И о страшной беде любой разведслужбы — предателях. Вот уж про кого не скажешь: «меньше знаешь, крепче спишь». Юрий Иванович Дроздов знал всех нелегалов, работавших в советской внешней разведке.

— Юрий Иванович, с удовольствием прочитал новую вашу книгу «Операция «Президент». От «холодной войны» до «перезагрузки». Вам за 85, а вы по-прежнему в работе.

— Меня жена до сих пор уговаривает: хватит, уходи. И я неизменно отвечаю чистой правдой: если уйду, то умру. По-прежнему руковожу НАМАКОНом. И книги пишу.

— Серьезные, касающиеся истории, политики, стратегического развития России. Но мне бы все же хотелось поговорить с вами …

— Я же о разведке все, что разрешили, рассказал. Или почти все.

— Почти все и признались: кое о чем и через 100 лет — нельзя, а о некотором, быть может, лет через пять — десять и можно. Года пробежали незаметно.

— Мы можем почерпнуть для себя из истории много новой информации. Хорошо, попробуем. Людей через мои руки прошло много.

— А если начать с самого начала?

Истоки.

Мой отец белорус, мать русская, а жили мы в Минске.

И в нашей семье о Белоруссии всегда вспоминают с большим чувством теплоты. Наш дом до сих пор стоит на Советской: второй подъезд, первая квартира направо на первом этаже.

Я из потомственных военных. Мой отец из зажиточной крестьянской семьи, окончил школу прапорщиков и стал офицером. Рассказывал, как ночью в школе юнкеров их будил дежурный офицер: «Юнкер, вам что, вечером было плохо, какое-то расстройство? Иначе чем объяснить, что ремень повесили не в том углу». Так учили собранности. Воевал в Первую мировую. В Гражданскую перешел к красным и был одним из командиров артиллерии в дивизии Чапаева. Знал и Василия Ивановича, и Фурманова. А после учил будущих офицеров меткой стрельбе.

С матерью познакомились во время похода Красной армии на Варшаву. Было это в районе Лепина. Там отец служил вместе с Жуковым и Рокоссовским. А мама после Гражданской работала машинисткой в секретариате тогдашнего НКВД в Белоруссии.

Мне очень повезло с женой. Мы не расстаемся вот уже пять десятилетий. И сыновья выросли такими, как хотелось. Оба дослужились в Службе внешней разведки до полковников. Прошли через нашу высшую школу. В общей сложности у нас в семье пять языков. Младший знает фарси, старший — урду. Судьба выдалась неплохая.

Кто поднял «Вымпел»

— Юрий Иванович, вы целых 12 лет возглавляли абсолютно закрытое Управление нашей внешней разведки: руководили нелегалами. И в то же время вы один из главных создателей «Вымпела» — секретного отряда специального назначения, задачей которого было проведение операций за пределами СССР в особый период. Но ведь такие ваши коллеги по нелегальной работе, как знаменитые Абель-Фишер и Лонсдейл-Молодый, утверждали, что разведка заканчивается там, где начинается стрельба, рукопашный бой и прочие действия, связанные с применением мускульной системы. Нельзя совмещать несовместимое.

— Почему же несовместимое? Иногда приходится кое-что и совмещать. Мы даже придумали термин для обозначения такой деятельности — «разведчик специального назначения». Он объясняет различия между обязанностями обычного разведчика, работающего, скажем, под прикрытием дипломата или журналиста и никогда не привлекающегося к выполнению острых разведзаданий, и разведчика-диверсанта. Вот тот действует в особых условиях, потому и знаний, навыков ему требуется больше. Иначе острых, как мы говорим, задач ему не решить.

— Давайте попробуем обратиться к конкретному примеру. В декабре 1979 ваш «Вымпел» штурмовал в Кабуле дворец Амина…

— Подождите-подождите, тогда и названия такого не было, «Вымпел» только формировался. А вот в состав Управления «С» — нелегальной разведки — действительно входили неструктурные подразделения специального назначения.

— То есть это были люди из внешней разведки?

— Да, я был их руководителем. И в конце 1979-го меня вызвали и сказали, что надо съездить в Афганистан, посмотреть, как они там поживают. Я съездил, посмотрел, приняв участие и в штурме дворца Амина. А 31 декабря, уже после этих событий, на встрече с Председателем КГБ Андроповым мы доложили: оценивая афганский опыт, надо подумать о создании специального кадрового подразделения в системе нашей госбезопасности. В 1980-м началась работа, и в августе 1981-го появился, конечно же, секретно, но официально отряд «Вымпел».

— Кстати, откуда такое название?

— Первым его командиром стал капитан I ранга, Герой Советского Союза, участник того самого штурма Эвальд Козлов. Он из морских частей КГБ. Потому и дали отряду имя слегка морское — по ассоциации с адмиральским вымпелом на мачте. А официально именовался он скучновато — Отдельный учебный центр КГБ СССР.

— И кто же в нем учился?

— Люди 32 национальностей. Некоторые из них до того уже успели пройти обучение даже в спецназах некоторых стран НАТО.

— Каким образом это удалось? Не по студенческому же обмену.

— Очень просто. Существует агентурная работа, есть и работа нелегальная. Суть нелегальной деятельности в том, чтобы тебя за рубежом считали своим. А уж если тебя там принимают за своего, то призовут в армию. Можешь служить где угодно и попытаться проникнуть в элитные спецслужбы.

— То есть в «Вымпеле» были люди, которые до того служили в натовских спецподразделениях?

— А как же. Почему бы не использовать и чужой опыт.

— Но в таком случае это должны быть молодые, физически крепкие ребята лет 25–30. А как же их внедряли в чужие страны? Ведь тут требуется и легенда, и время на вживание в чужую среду, и язык нужно знать не хуже родного.

— Я и говорил вам: в нелегальной разведке служили представители 32 национальностей. Начинали у нас в молодом возрасте. Были даже 18-летние девушки. Народ всякий, отбирали мы его тщательнейшим образом. Это обычное явление: чем моложе человек, тем он более склонен к смелой и решительной работе.

— И всех вы знали лично?

— Конечно. Я с каждым встречался: и здесь, в Москве, и выезжал за границу, ставил перед ними задачи. Они — мои боевые товарищи, меня, как и каждого из бойцов, могли уничтожить, ну, к примеру, во время штурма дворца Амина. Есть две профессии, которые подставляют грудь противнику раньше других: разведчики и солдаты. Естественно, это рождает отношения особого рода.

— Юрий Иванович, а чем тогда объяснить, что вы — генерал Дроздов, выступали в Кабуле под фамилией капитана Лебедева?

— В разведке не принято на серьезные операции ездить под собственным именем. У меня в свое время было несколько фамилий.

— И паспортов, прочих документов тоже?

— Да. К тому же, в старой русской армии, потом и в советской, и в сегодняшней российской существует хорошая традиция называть людей, которые руководят крупными операциями, условными именами. Полководец Жуков подписывался Константиновым, Сталин — Александровым. Да и операциям давали имена чисто условные.

Картина от Абеля

— Юрий Иванович, как вы знаете, меня интересует все, связанное с Рудольфом Абелем, он же Вилли Фишер. А вы вызволяли полковника из плена под именем его кузена Юргена Дривса.

— Прекрасный был человек. И, между прочим, хороший художник. Он мне подарил свою картину. До сих пор висит дома прямо около кресла. Я чувствовал, чем этот ваш приход обернется. Вот, держите, приготовил вам объявление из

Интернета. Видели? «Продам в Москве рисунки разведчика Абеля за 120 000 руб.»

— Ничего себе бизнес. Да это же его рисунок из Атланты. Сейчас очень много чего вокруг Абеля крутится и рассказывается. К примеру, фактически на смену арестованного Абеля отправился другой наш нелегал Георгий. Но если вернуться к Абелю, то могли бы сегодня оценить сделанное им в США? Превзошел ли его тот же Георгий?

— Не совсем так поставлен вопрос. У них — разные направления работы. Абель в какой-то степени — работал по атомной тематике. Тяжелейший период мировой истории — конец 1940-х — 1950-е — разгул маккартизма. И Абель восстанавливал в США то, что могло быть частично потеряно. Восстановить практически все — нет, не удалось, не получилось. На это требовалось куда больше времени, чем оказалось у него. Но были новые вербовки, приобретение новой агентуры. Многое он спас. Работы шла и по линии легальной резидентуры, и через нелегалов. Все это делалось, решалось в результате продолжительных усилий на протяжении долгих лет. Да и на подготовку нелегала для активной работы уходило почти годков пять — семь. Лет через пять после обмена Абеля мы встретились с ним в нашей столовой. Подошли, тепло поговорили. Очень светлый был человек.

— Общались?

— Не пришлось. Он мне: я вас так и не поблагодарил, а надо бы. Но, знаете как у нас… Уезжал я через пару дней резидентом в Китай. Только та картина и осталась на память.

Легальный нелегал.

— Юрий Иванович, судя по нашему разговору, вы часто отправлялись за границу. Уверен, что спецслужбы и МИДы стран, в которые вы ехали, принимали вас совсем не с распростертыми объятиями: к нам едет начальник Управления «С». Встреч с преподносящими вам цветы пионерами или бойскаутами не устраивали. Как удавалось проникать в чужие веси?

— Я знаю немецкий, английский, понимаю испанский. А въезжал я по официальной линии и неофициально.

— Но ведь могли и прихватить. А вы знаете всех разведчиков-нелегалов. Мероприятие рискованнейшее. Опасно!

— Приходилось немножко смотреть по сторонам, слышать, думать. Мероприятие действительно серьезнейшее, которое обеспечивается и средствами маскировки, и техническими возможностями. Потом вы все время говорите о въезде. Заверяю вас, что выезд иногда не менее сложен. Но каждый раз все и происходит по-разному. Скажем, на одну операцию я поехал как

советник посольства.

— Это в ФРГ?

— А затем отдал все документы и остался вообще без оных. Только с немецким языком и соответствующей внешностью. Зато в окружении своих помощников. И приступил к нелегальной работе. Такое тоже бывает.

— Помогала агентура из зарубежных граждан?

— Да. И не только.

— Вопрос, который для меня совершенно непонятен: как можно внедриться в чужую страну, если в полиции, в спецслужбе, да просто при найме на работу требуется столько всяческих бумаг, подтверждающих и гражданство, и открытие счетов в банке, и сертификат о здоровье… А теперь, когда чуть не каждый житель этой планеты значится в компьютерных картотеках, проникнуть в какую-нибудь Германию стало наверняка просто невозможно.

— Серьезно затруднено. Но ведь в компьютеры попадают лишь те, которых туда заносят. А если данные не вложены в базу, то ты просто тихо прозябаешь, и мало кто о тебе знает. Однако и в период существования двух Германий в ФРГ, чтобы бороться против агентуры Восточного блока, была разработана так называемая система признаков. Любой человек, прибывший на территорию Западной Германии, брался под подозрение автоматически. Все, кто проходил через лагеря переселенцев, становились на учет в полиции… Эта система успешно действует по сегодняшний день. И если есть такие, кто искренне считает, что на Западе четко соблюдают права человека, то я бы позволил себе их в этом разуверить.

Инспектор Кляйнерт прожил две недели

— В ФРГ вы, нелегал, одно время выступали в образе истинного наци, барона фон Хоэнштейна, борющегося за возрождение фашизма. Одна дворянская приставка «фон» и та, уверен, привлекала внимание.

— И прекрасно. Потому что как раз эта фамилия проходит по списку немецкого дворянства.

— Однако вы были и инспектором Клейнертом. Именно этому скромному западногерманскому госслужащему удалось каким-то непонятным образом «выправить» бумаги на советского нелегала Георгия, который благодаря им проник в США. Действовал там чуть не 15 лет и так и не был разоблачен. Как вы

сделались инспектором? И как получилось, что, совершив задуманное, куда-то исчезли, не вызвав подозрений, несмотря на всю систему признаков?

— Мы очень старались, чтобы получалось. Ну, вот сейчас мы с вами встретились, затрагиваем темы довольно деликатные. А до этого мне позвонил наш общий знакомый, который, судя по всему, к вам хорошо относится, и попросил меня принять Николая Долгополова. Почему вы думаете, что приблизительно такое невозможно и в Германии? Мы с вами сидим, работаем. Или, чтоб вам было еще понятнее: вышестоящий московский начальник налогового управления присылает своего представителя в какую-нибудь подчиняющуюся ему организацию другого город. Вот также и в случае с инспектором Клейнертом. Был соответствующий разговор, необходимая переписка и, наконец, приезд на пару месяцев.

— Но в привычной для коллег герра Клейнерта среде появился человек им незнакомый. Одно это вызывает настороженность.

— Я был соответствующим образом подготовлен. Обеспечен надежными документами. Получил требуемое направление. Понимаете, надо было, чтобы пара советских нелегалов — Георгий и его дама — попали в США. Вот и появился бывший нацист аристократического происхождения Хоэнштейн, и инспектор Кляйнерт тоже. Было очень трудно на определенном этапе заинтересовать Запад личностью Георгия. И мы обсуждали это с одним из руководителей управления нашего берлинского аппарата, у которого и родилась смелая идея. Поехали мы вместе к восточным немцам в их управление. Это была своего рода проверка моего знания немецкого языка. Долго мы проговорили, в том числе коснулись и одного из местечек, куда мне, возможно, и нужно было выехать, чтобы создать ситуацию для отправки Георгия на Запад, чтобы она для них сделалась очевидной. Прямо висела в воздухе. Закончился весь этот тест тем, что под конец наш руководитель аппарата спрашивает: «Ну как, сойдет он за немца?» И немецкий генерал из ГДР женил меня на внедрение в этот пункт пересылки корреспонденции, сказав: «Пусть идет».

— Пункт пересылки — в ГДР?

— Нет, это было уже там. Обеспечили все это, и я проработал ровно две недели. В чем эти 14 дней состояли: мне надо было увидеть, что документы на Георгия поступили, посмотреть, как они выглядят. Хотя я сам на раннем этапе принимал участие в их подготовке. И переправить документы дальше, проконтролировать, что они ушли в нужный концерн. Все это удалось сделать.

— Концерн — американский?

— Нет, западногерманский. И приняли меня, на новое место прибывшего, тепло. Сел и принялся за свою новую работу. Ходил вместе со всеми, дежурил. Удалось при том еще и завязать хорошие контакты с людьми, работавшими в этом пункте, контролировавшимся их спецслужбами. Потом, когда сделал свое дело и пришло время уезжать, я даже устроил отходную. Посидели, пивца попили. Немцы, как и я, любят повеселиться.

И все нормально. Дрожь в сердце была, конечно. Не дай бог, сорвется. Но что поделать? Все получилось. Ситуация была разыграна правильно. Потом, после того, как был перехвачен ответ о том, что «ожидаем вашего приезда», начали уже решать вопросы следующего этапа. Приезд Георгия на работу в этот концерн и дальнейшего прыжка в США. С начала работы там это заняло у него примерно года полтора.

— А почему уехали вы? Такая была легенда?

— Уехал в связи с окончанием служебной командировки.

— Вас же могли проверить.

— Если бы я где-то ошибся, то наверняка. А я очень старался. Знаете, к вам просьба: хватит про меня.

Есть в стране неизвестные герои

— Юрий Иванович, если хватит про вас, то позвольте об этом самом Георгии — сменщике полковника Абеля.

— Боюсь, вы слишком буквально понимаете слово «сменщик». Тут проделали огромную по объему работу. Что ж, Георгий приехал туда уже человеком в возрасте.

— О нем в соответствующей литературе упоминается как-то вскользь. Известно только, что проработал лет 15 в США, создал там какое-то предприятие и в конце пребывания сделался чуть ли не главой или даже хозяином некого суперсекретного предприятия. И еще из прежних разговоров я понял, что был он советским подданным, но иностранцем.

— Нет, наш нормальный российский мужик. Действительно в годах и с серьезными ошибками в немецком языке. Его еще надо было сделать иностранцем. Приходилось Георгию все время на эти вещи указывать, и он заверял: все будет устранено и сделано так, как надо. Так что работу мы упорно продолжали, тем более, что был Георгий хорошим специалистом в своей области.

— Разве не законный вопрос я вам сейчас задам: в какой?

— Он был техник. Тесно связан с тем, что сегодня именуется

инновациями. С учетом его особенностей и состояния немецкого языка потребовалось ему найти помощницу. И женщина-немка, довольно интересная, смелая, с хорошим, скажем так, местным произношением, ею и стала, прикрывая изъяны в его языке.

— Но западные немцы, вы сами рассказывали, умело раскалывали всех к ним приезжающих по определенным признакам.

— И поэтому нам приходилось работать. Начинали мы с ней, объясняли некоторые моменты, а она тебе на немецком: «Это комично». Она привязывала это все к публикациям в литературе, к событиям, происходившим давным-давно. Принимались довольные интересные меры безопасности, условные сигналы, и она все это понимала. А потом, когда пришла пора, мы их познакомили. Смотрели внимательно, придирчиво, настороженно. И, знаете, на первых порах они ссорились. Но затем благодаря некоторым моим усилиям, она перестала смотреть на разведку скептически, как в ранней молодости. Оказалась ему идеальной помощницей, и все это переросло совсем в иное, что продолжалось весь их период пребывания там.

— Извините, они, как я понимаю, жили вместе? Детей не было?

— Нет. Не обязательно же и потом оставаться вместе.

— Здесь его кто-то ждал?

— И жена, и сын.

— Наверное, все это перенести было жутко сложно.

— Конечно, хотя случаются в жизни нелегалов вещи посерьезнее. Совсем незадолго до краха ГДР ко мне обратились немецкие друзья: ты такую-то знаешь? Ответил, что знаю, и хорошо. Немецкие друзья сказали, что они предлагали ей вернуться на разведывательную работу. Она ответила: буду работать, но только с ним.

— Разве не знала, что Георгий умер?

— Как видите. Узнав, отказалась, сказав, что с ним пошла бы, а с другими — нет.

— Эта женщина жива?

— Если жива, то уже дама в возрасте.

— У нее был муж?

— Нет. Она не была замужем. У него в России оставались родные — семья. Но это не самое страшное, что случается в жизни нелегалов. Он вернулся к ним. И умер в Питере — дома. Поехал — и перитонит. Столько лет выдержать там… А с ней было очень интересно. Вижу прямо как живую. Симпатичная женщина, выше среднего роста.

— И, конечно, блондинка, фрау Эльза.

— Не блондинка, была она темно-русая. Но самая что ни на есть фрау Эльза. Домашняя, именно такая, которая была нужна Георгию под его внешний вид. Способная девчонка. Я когда работал в Нью-Йорке, иногда бывал около их дома. Проеду мимо окон, посмотрю…

— Но не заглядывали, не встречались?

— Боже упаси. Этого еще не хватало. Я сторонник того, что при работе с нелегалами вообще никто и ни с кем не должен встречаться. А тем временем Георгий рос, руководил предприятием, выпускающим американские ракеты «Трайдент».

— А по этому вашему уточнению, личность Георгия нельзя вычислить?

— Никоим образом. В создании ракеты участвовало около двух тысяч фирм. Как жаль, что он так рано ушел…

— Вы до сих пор говорите об этом с болью.

— Мы были большими друзьями. Он — человек необыкновенной смелости.

— Английский Георгий знал?

— Нет, только немецкий. Но тут тоже был элемент риска. Когда мы сидели с ним в Берлине и прощались, я подметил в его немецком целую кучу ошибок — и политических, и прочих. Сказал ему: запоминай свои ошибки, а он мне бросил такую фразу: «Слушай, мы же оба из Верхней Силезии, у нас могут быть ошибки. И теперь выживу. Она поддержит». С этим и уехал.

— Смелость граничила с бесшабашностью?

— С выверенной осторожностью. И еще помогало ему искусство. Потому и проработал там 15 лет.

— Я не совсем понял: Георгий не был профессиональным разведчиком?

— Профессиональным. Подготовленным нами разведчиком. А так по своей специальности был он хорошим, грамотным инженером. Как раз в то время в СССР решали вопросы о новейшей электронике. И поэтому нам надо было, чтобы он там находился. Память о нем осталась до сей поры. Некоторые свои приборы — прочтение микроточек и всего прочего, он оставил мне. И я их потом отдал. Они должны быть где-то в нашем музее Службы внешней разведки. Да, способный человек Георгий. И к фотографии его тянуло, прекраснейший был фотограф. Только не все его в Штатах любили, не все. Жена его мне рассказывала: в Нью-Йорке считался он одним из бывших нацистов. Во всяком случае, работу для страны он проделал большую. Материалы были очень полезными.

— Георгий как бы стал преемником Абеля?

— По совершенному его можно поставить в тот же ряд. Если

не выше. Да, если не выше.

— Были такие советские агенты — Питер и Лона Крогер, по существу, доставившие советской разведке чертежи атомной бомбы. Георгий сделал нечто похожее?

— Да, примерно уровня Крогеров. Но только действовал уже в более поздний период.

— А Героя ему не присвоили?

— Тогда Героев Советского Союза разведчикам еще не давали. Да, в нашем управлении встречались интересные люди. Вот вас заинтересовало, что он пробыл за границей полтора десятка лет. Есть и те, кто проработал в нелегальной разведке там 45 лет. А в 1912-м или, боюсь ошибиться, в 1913 году, как мне рассказывали, второе бюро генерального штаба российской армии забросило в Юго-Восточную Азию двух молоденьких офицеров с задачей проникновения в Тибет. Началась Первая мировая война, потом — Вторая. Ну, и после восстановились у СССР отношения, скажем, с Бирмой. И однажды представителя нашего посольства вызывают на встречу. Он приходит, а ждут его два монаха. Убеждаются, что перед ними разведчик. И докладывают: были введены для проникновения в Тибет. Задачу эту решили, соответствующее место в существующей буддистской иерархии заняли. Из-за революций и войн по не зависящим от нас причинам связи не было, войти в контакт не могли. Возможность появилась только сейчас. И два монаха просят: мы бы хотели доложить нашему российскому командованию о ходе выполнения задания.

— И монахов выслушали?

— Еще бы! Это были уже старики, а как с ними работали. Дали эти разведчики очень интересную информацию. К сожалению, они, по-моему, немножко попали в зону внимания англичан.

— Вы что, анализировали информацию двух тибетских монахов?

— Естественно. Англичане интересовались чуть ли не всеми, кто занимал хоть какое-то место в буддистской иерархии. Двое наших выдержали. Я вам рассказал не просто не обычный эпизод. Эта история о традиционной верности присяге, раз и навсегда избранному долгу.

— Вы упомянули английскую разведку. Это один из серьезнейших соперников?

— Много крови портит. Был такой предатель Гордиевский. Он к ним и сбежал. Первыми, кого предал, были два наших нелегала супруги Т. и Г. Они приехали в одну из стран и столкнулись с ситуацией, которой там никогда не бывало. Для

нас это оказалось в какой-то степени непонятным. Изучение законодательства показало, что никаких изменений нет и не было. Значит, это только одно — произошла какая-то утечка. Г. заметил слежку, но напряжение, боязнь за двоих детей, за беременную жену были столь велики, что у нелегала началось психическое расстройство. Человек сломался.

— Он был из нелегалов-новичков?

— Г. почувствовал за собой наблюдение, оснований для которого нет. Естественно, начинается анализ: как, почему, из-за чего? Конечно, все это сказалось на нелегале, много лет там проработавшем.

— Много лет?

— Много, он приносил большую пользу. И тогда Т. взяла все на себя.

— Она же была беременной.

— На девятом месяце. Т. прекратила всю оперативную работу, уничтожила улики. Ей надо было разыграть соответствующую ситуацию, чтобы они смогли уйти через третью страну. И Т. увезла заболевшего мужа лечиться — якобы на юг. А сама сумела перевезти всю семью в другое государство. Мужа положила в клинику, сама — в роддом. Родила третьего ребенка и вскоре нашла силы перебраться к нам: и больного супруга, и трех детей вывезла, спасла.

— Фантастика. Г. выздоровел? Ну, эту неведомую Т. хоть наградили чем-то?

— Г., к счастью, выздоровел, а Т. наградили. Очень и очень скромно.

— Юрий Иванович, я понимаю так, что засекли Т. и Г. в Англии?

— Допустим, вы не ошибаетесь. Но не собираюсь вводить вас в заблуждение. Неплохо трудятся и контрразведки других стран.

— Каких именно?

— Ну, например, в результате изучения иностранцев в Канаде был прихвачен наш нелегал.

— Где-то ошибся?

— Нет, все было правильно. В результате хорошей работы контрразведки человека взяли под наблюдение. И с профилактической целью задержали. Просидел он полгода за использование чужих документов и затем был выдворен из страны.

— История с благополучным концом.

— Которая едва не закончилась трагически. Канадские инспектора уже были в квартире нашего нелегала, когда туда вдруг пришла его невеста Люси.

— Тоже из вашей службы?

— Правильно догадались. И неизвестно, как бы развивались события, если бы взяли и ее.

— К задержанному приходит невеста, и ее вот так отпускают?

— Женское обаяние и доставшееся в наследство от бабушки-разведчицы хладнокровие позволили разыграть искреннюю сцену из цикла «ревность». Растроганные контрразведчики отпустили девушку.

— И кто же бабушка вашей Люси?

— О бабушке умолчим. И так я сказал достаточно. А ее «жених» вернулся в страну, из которой в Канаду въехал, и мы помогли ему спокойно вернуться домой.

— В чем все-таки основная причина провала разведчиков — и работающих под крышей и нелегальных?

— В предательстве.

Предателям нет прощения

— Знаете, как они там впервые обо мне узнали?

— Откуда ж.

— Был такой Кирилл Хенкин. Из СССР уехал и написал на Западе книгу «Охотник вверх ногами».

— Слышал. Об Абеле.

— Так меня он представил там, как разведчика с английской внешностью. Сидел, пишет он, рядом с человеком, исполнявшим в свое время в Германии роль двоюродного брата Абеля герра Дривса.

— Сидел — рядом, на работе?

— Какая работа. На поминках по Абелю. Действительно оказался рядом, и когда очередь дошла до меня, я выступал, говорил о работе с Абелем, о наших встречах. Хенкин в своем «Охотнике» написал, что никогда не думал, будто я мог во всем этом участвовать. Но я участвовал. Маленький, узенький, однако важный эпизод в моей жизни.

— Здесь вы затронули тему сложнейшую. Ведь вы только что сами подтвердили, что чаще всего разведчиков, и нелегалов в том числе, выдают как раз свои, бывшие свои, перебежавшие на ту сторону. Известно, что, работая в середине 70-х резидентом в США, вы одним из первых заподозрили в предательстве не кого-нибудь, а заместителя генерального секретаря ООН, тогда еще советского гражданина Шевченко. Как все-таки вычисляется предатель в собственной среде? Ведь внутри колонии за рубежом

существуют какие-то отношения, традиции, знакомства.

— На последнем этапе своей работы, уже будучи начальником управления, я ввел такой порядок: существуют только безличная связь. И никаких контактов с нелегалами, никаких. После долгой работы этой пары, минуя промежуточные отделы и подразделения, их доклады поступали только ко мне. Это для того, чтобы полностью обеспечить их безопасность. Со мной согласились, хотя некоторые и начали на меня коситься, обижаться. Даже самые сильные наши аналитики, да и другие. Но были у меня основания беречь нелегалов, потому что вышли они на результативную работу, пошли серьезные разработки. А время то было уже опасным. Период, который на нашем служебном языке именуется «нарушением правил проживания советских служащих в Соединенных Штатах». И мы, несмотря на запреты сверху, вели работу по самым высоким дипломатам, потому что люди, которые нарушают правила нормального поведения, сами себя разоблачают. Общаешься с человеком, и его поведение показывает искренность или лживость.

— Но ведь неприятно же, когда тебя проверяют, щупают.

— Я на основании собственных наблюдений твердо знаю, что американцы лишь в редких случаях позволяют соотечественникам отклоняться от предписанной им за границей линии поведения. Наблюдение за своими за кордоном поставлено у них очень серьезно. Так работают многие, и мы с американцами здесь совсем не исключение. И когда появились эти нарушения, я отправлял материалы в Москву. Да, был среди нарушавших и заместитель Генсекретаря ООН Шевченко.

— Который там и попросил политического убежища, успев на американцев немного поработать.

— Но его, человека близкого к министру иностранных дел Громыко, несмотря на все сигналы не трогали. А когда попросил политического убежища и что на это ответил Громыко, я даже не помню. Нечто вроде того, что, быть может, и был у меня такой помощник, но я всех помощников помнить не могу. Какой помощник, когда их жены практически наладили товарооборот. И Шевченко совершенно сознательно брал Громыко на обеспечение. Вот Андрею Андреевичу нужно найти в США то-то и то-то. Шевченко находил. Конечно, Громыко было неудобно. Наверное, в связи с этим Андропов мне тогда и сказал: никто тебя наказывать не будет, но и Громыко мы снимать не можем. А судя по откровениям в некоторых российских и зарубежных изданиях, есть сейчас российские люди рангом и повыше Шевченко, которых можно подозревать.

— Вы, наверное, имеете в виду так называемых агентов

влияния? Полагаете, что они и сегодня пребывают у нас на важных должностях?

— Да. Я просто-напросто анализирую поведение людей здесь и за границей, пользу и вред их высказываний, отдельных действий для нашей страны. И анализ, а не какие-то мои подозрения, подтверждают, что подобные лица имеются на самом серьезном уровне. Недаром же американцы, бывшие сотрудники спецслужб, как-то слегка размягчившись после щедрого московского приема, бросили фразу: «Подождите, если когда-нибудь все будет рассекречено, то вы ахнете, когда узнаете, какая была у нас агентура у вас наверху».

— Действительно будет от чего ахнуть?

— Ну, а разве не от чего? Почему руководитель политической фракции Госдумы вывозит основной состав фракции в зарубежье и проводит там заседание в присутствии иностранных деятелей? Никто не спрашивает, почему у видного политического деятеля весьма крупный доход состоит из выплаченного ему иностранными фирмами?

— Что вы имеете в виду?

— Хотя бы чтение лекций, издание книг. Причем платят, и очень здорово, не их государственные учреждения. Если бы наши госдеятели хотя бы ради любопытства познакомились даже с открытыми мемуарами, публикациями некоторых американских специалистов по работе с зарубежными странами, то узнали бы, что директивы, одобренные конгрессом США, предписывают их госорганам никогда не выступать плательщиками, а использовать для этого частные фонды и организации.

— Коли уж мы заговорили о предательстве, как не вспомнить генерала Калугина. Он сейчас в США, издает книги, занимается бизнесом. Некоторые ваши коллеги записали в изменники и его.

— У меня сомнений нет. Анализируя целый ряд событий с участием Калугина, с которыми приходилось соприкасаться и мне, растет моя уверенность в том, что обвиняющие в предательстве правы. Если бы позволяли условия конспирации и безопасности (не хватало только подставить агентов, наших разведчиков), я бы задал ему еще не один вопрос.

— Вы знакомы?

— Я с ним знаком. Как-то проводили мероприятие по переброске нелегалов в одну страну. А по существовавшим тогда правилам мы визировали телеграмму об этом у начальника управления внешней контрразведки Калугина. Ничего вроде бы в телеграмме сказано не было. Но по ошибке были упомянуты профессии нелегалов, и какие языки они знают. Этого оказалось достаточно, чтобы их вычислить: американцы в течение шести

месяцев вели поиск и нашли. Поймите, утверждения Калугина, что в своих книгах он рассказывает только эпизоды, не называя фамилий и стран, не выдерживают никакой критики. Я вам приведу массу примеров, когда по самым крошечным зацепкам можно, с учетом сегодняшних возможностей, которые существуют в мире, отыскать любого человека. Более того, мы находили лиц, которые годами считались бесследно пропавшими. Надо только внимательно изучать чужие законодательства и особенности перемещения людей по странам и континентам. Сверхтрудностей здесь нет. Требуется лишь обычное розыскное терпение.

— Вы сказали «терпение», и я невольно вспомнил об аресте в США полковника американской армии в отставке Джорджа Трофимофф. О том, что он, русский по происхождению, связан с нашими спецслужбами, журнал «Фокус» сообщил еще в августе 1995. А в тюрьму его посадили летом 2000-го… Чего ждали американцы ровно пять лет?

— Иногда аресты производятся исходя из политической необходимости. В Штатах решили, что момент пришел. Но, припомнив ту публикацию в «Фокусе», вы не обратили внимания на ключевой момент статьи. По сведениям из осведомленных источников, поводом для заведения проверочного дела в отношении Трофимофф, явились публикации Калугина. С этими компетентными немецкими источниками я знаком лично. И вот что интересно: все его откровения прозвучали там, в безопасных условиях. Ответственности ни перед кем нести уже не приходилось. Без всего этого не дали бы Калугину грин-карту и давно бы выдворили из Штатов. А так американцы создали для него специальный фонд, разрушив в США одно российское предприятие. Сделали там Калугина первым лицом.

— Откуда такие подробности, с миром разведки никак не связанные?

— Этот мир сегодня настолько маленький, что почти семь миллиардов, которые его населяют, постоянно трутся плечами и обо всем друг другу рассказывают. Недавно сюда ко мне на Полянку пришли русские люди, которые в США жили, работали: «Юрий Иванович, хотим излить душу». И рассказали, как разрушили их фирму, изменили устав, соотношение капитала. Да собственно говоря, обанкротили их и все передали Калугину. И еще история. К моему старшему сыну, в прошлом сотруднику Управления, где работал Калугин, пришли в Бангкоке коллеги-американцы: «Юра, — говорят, — мы теперь все про Калугина знаем». Этот человек является предателем. Ни у кого в разведке это сомнений не вызывает.

— Юрий Иванович, понимаю, что бережу неприятные

воспоминания, но очень хотелось бы спросить вас о Юрченко. Полковник, занимавший важный пост в советской резидентуре в США, то ли перешел к американцам, то ли был ими похищен. А потом несколько непонятным образом сбежал от охраны в магазине, добрался до посольства СССР и с 1985 года тихо проживает в Москве, никому не показываясь. И если с Калугиным все понятно, то здесь история темная. Юрченко тоже был предателем?

— Я с ним работал, встречался в Штатах. Мы здоровались, иногда сидели рядом в столовой. Мое отношение к Юрченко отрицательное. Может, у других оно иное. Но, зная возможности американцев и все прочее, многие его объяснения представляются мне неправдоподобными.

— Но дело его до сих пор осталось как бы подвешенным?

— Подвешенных дел в жизни всегда очень много. Только каждое ждет своего часа.

— Опять вспомним о терпении? Когда в вашем ведомстве о нем возвестят?

— В нашем ведомстве, быть может, подвешены дела на несколько сотен людей. А одно досье, по-моему, на нашего шведского агента, было рассекречено русской разведкой где-то лет через 400.

— Ну а если все же вернутся к Юрченко? Ведь урон, который он нанес или мог бы нанести, грандиозен.

— Естественно. В исключительно сложную ситуацию поставил себя человек своими поступками. Он боится ответить на какие-то прямо поставленные вопросы. Значит, совесть у него не чиста. В разведке случаются сложнейшие ситуации. Например, с полковником Максимовым, который по нашему заданию дал «завербовать» себя канадской разведке. Когда его дело расследовалось, он был совершенно спокоен.

— А с чего ему было волноваться?

— Положение-то очень непростое, такие вещи даются тяжело. После той операции Максимову на определенном этапе жизни пришлось пройти через немалые трудности.

— Но это ж было ваше задание: внедриться, вступить в контакт с их спецслужбами. Максимов рисковал головой и всеми остальными частями тела, а потом еще и попал под подозрение у своих же?

— Подобное бывает, и тогда людям говорят: все понимаем, но надо потерпеть. Иногда наши разведчики попадают в еще более двусмысленное положение. После предательства Гордиевского нашего нелегала Мартынова бросили в тюрьму. Сидел и у американцев, и у аргентинцев. Когда вернулся в Союз,

ему даже жить пришлось в другом городе. Здесь на его проверку ушло около десяти лет.

— Срок длиннющий! Ведь дело-то происходило во времена совсем недавние. Неужели нельзя было как-то побыстрее?

— «Как-то» — можно. Только в разведке «как-то» не бывает. У нас с ним работали, выслушивали. Ну, представьте, где-то на полтора года нелегал выпал из поля зрения. Да, нелегал вместе с женой и двумя детьми сбежал из американской конспиративной квартиры, где его держали. Разве это не настораживает? Человек оказался внутри охраняемой конспиративной квартиры. Значит, их спецслужбы с ним ежедневно работали, склоняли к сотрудничеству, выдавливали сведения. Пришлось проверять. Потом мы восстановили Мартынова на работе, вернули все воинские награды. Выплатили полностью все деньги — и в рублях, и в валюте. Но до того необходимо было снять подозрения, убедиться, что наш вернувшийся сотрудник не перевербован.

— Юрий Иванович, ей-богу, не представлял, что предательство одних может вот так, в таком кривом изгибе, изуродовать жизнь других людей. Ладно, допустим, человек предал, сбежал, получил их гражданство и скрывается под чужим именем. Вы же ищете его? Стараетесь установить, где, в какой стране и городе живет? Ведь такие, как Гордиевский, приговорены к смертной казни.

— Мы ищем и всегда находим. Кстати, здесь часто используются как раз наши нелегалы. Но мы — не исполнители смертных приговоров. Не наша задача. Пусть этим занимаются те, кому положено.

— А кому положено?

— И в прошлые времена, и сегодня существует институт судебных исполнителей. Однако кроме всего этого возникает серьезнейшая дилемма: чтобы карать, кто-то должен взять на себя ответственность. Пока же кара никого не настигла. Я, например, знаю, что ни один из тех трех генеральных секретарей ЦК, что сменились за 12 лет моей работы на посту начальника Управления «С», никогда об этом разговора не поднимал. Не принято ни единого решения. Ибо такой поворот влечет за собой серьезнейшие последствия. А вот о наших тогдашних противниках по «холодной войне» такого не скажешь.

— Что, казнили своих?

— Не только карали, но и с жестокостью: удаляли внутренние органы, чтобы скрыть использование ядов. При отравлении яд проникает в костную ткань. Кости-то из трупа не изымешь.

— А я все-таки припоминаю, что подполковник Вик Хейханен,

выдавший Абеля, вскоре после суда погиб странной смертью.

— Что там странного. Опустившийся пьяница. Сидел пьяный за рулем, а в США в таких районах, где живут совсем небогатые люди, в длиннющий трейлер врезаться немудрено. Погиб смертью, которую сам себе уготовил. Или возьмите другого перебежчика — Кузичкина. Я разговаривал с людьми, которые с ним встречались. Он сейчас в Англии. Совершенно спившийся человек. Судьба многих предателей.

— Но не всех. Калугина и Гордиевского пьяницами не назовешь.

— Эти двое — иная статья. Оказались в ситуации, сознательно ими выстроенной. А Кузичкин, некоторые другие — жертвы обстоятельств.

— Вы считаете, тут есть какая-то разница?

— Есть. И большая. Но хватит о предателях. Мы говорили с вами и долго, и откровенно. Выводы делать не только вам — читателю этой книги — тоже.

Разведка вечна

— Каким вам видится будущее разведки? И есть ли у нее в век компьютеров это будущее?

— На будущее разведки я смотрю оптимистично. Потому что за все историю существования мира, человек всегда занимался разведкой. Когда ребенок в первый раз заглянул в замочную скважину, то уже начал заниматься разведкой. И поэтому без разведки, если перечитывать библейские источники, общество жить не может. Разведка нужна в любом государстве. Что касается нашего государства, то нам она обязательно нужна. Мы же хотим правильно строить наши отношения с миром, двигаться вперед. Для этого бы обязаны обладать и хорошо оснащенной, всесторонне подготовленной нелегальной разведкой.

— Говорят, что теперь это не нужно, потому что компьютеры, открытые средства…

— Конечно, все это существует. Но многое работает и на чужие разведки. Почему же нам отказываться от того, чем пользуются все мощные державы. Надо иметь полную картину политического ландшафта, прорабатывать будущую стратегию. Разве это возможно без разведки?

— И в конце очень серьезный вопрос. Было очень много такого в период смены эпох и формаций, о чем иностранные спецслужбы узнавали. Имею в виду не только сведения о наших

технических разработках, но и данные стратегического характера. Каким образом это удавалось?

— В одном из разговоров с тогдашним начальником разведки Крючковым я обронил такую фразу: знаете, Владимир Александрович, нам нужно как можно больше проявлять осторожности в работе с нашими материалами. В понедельник вы знакомитесь с документами из такой-то страны, во вторник — из такой-то, среда…, четверг. В пятницу, субботу, воскресенье — все отдыхают, а мы работаем, обрабатываем то, что получили. А на следующей неделе идет та же работа, но этого никто не должен знать.

— Вы опасались предательства?

— Так оно действительно и было. Появились некоторые люди в высших эшелонах власти, которые знать обо всем этом, о наших результатах ни в коем случае не должны. Так называемый «Список Крючкова» с именами этих людей из американской агентуры не был высосан из пальца.

— Вы считаете, такие люди были?…

— Я не считаю, я уверен в этом. Подтверждением — наши агентурные материалы.

— Юрий Иванович, давайте все же завершим наш откровенный разговор на ноте более мажорной. А были у нас в стране и совсем пока не известные героические люди, о которых пока — полное молчание?

— Да, были.

— Спасибо за беседу. Может, новые пять — десять лет, и гриф секретности снимут еще с каких-нибудь эпизодов. Тогда, верю, расскажете нам еще много неизвестного.

Мы вас заждались, полковник Абель

Переполненный пригодный поезд тащился от его родной Челюскинской до Москвы. Вильям Генрихович Фишер всегда выезжал на работу на свой радиозавод пораньше. Уволенный 31 декабря 1938-го из органов бывший разведчик-нелегал вообще отличался необычайной педантичностью. А уж в начале сентября 1941-го, когда немцы совсем подобрались к Москве, и каждое опоздание могло караться чем угодно — от лишения премии до ГУЛАГА, и вовсе штурмовал электричку пораньше. Где-то поблизости от столицы, страстный курильщик вышел в тамбур и глубоко затянулся, корежа уже тогда нездоровые легкие дешевой папиросиной. И привычно, что тут сделаешь, так уж сложилась судьба, прислушался к разговору дымящих рядом. Двое русопятых пареньков, опрятно одетых, неприметных, потягивая «Беломор», негромко переговаривались. Общий смысл пустяшного разговора сводился к тому, что надо, мол, выйти б за станцию — другую до города, а то поезд возьмет и проскочит Москву, придется пересаживаться, возвращаться.

Зевнув, инженер Фишер бросил, тем не менее, внимательный взгляд на парнишек и неспешно покинул тамбур. На счастье разыскиваемый им военный патруль оказался в соседнем вагоне и двух немецких диверсантов сразу же арестовали. Почему взяли тех двоих? Как распознал в них Вильям Генрихович чужих и опасных, быстренько на Лубянке признавшихся, что перешли недалекую линию фронта с заданием взорвать в Москве несколько важных объектов? Так и не удалось мне твердо вычислить, бывал ли наш нелегал в Германии — не бывал, но откуда-то знал, что именно в Берлине электрички проезжают через город, продолжая путь в других направлениях. Но ведь говорили парни на чистом русском, никакого акцента. А как еще могли общаться между собой дети русских эмигрантов — и притом с отличием закончивших разведшколу Абвера под Берлином? Не повезло им в тот раз, так и не поняли, почему их взяли и где прокололись. Но и адрес конспиративной квартиры в Подмосковье, где хранилась взрывчатка, и имена — приметы других курсантов, вместе с ними заброшенных, тут же выдали не церемонившимся с ними суровым следователям. Откуда им было уразуметь, что натолкнулись они в тамбуре на человека, которому суждено было стать легендой советской, да и не только советской, разведки.

А легенда уже после обмена в 1962-м году на американского летчика — шпиона Пауэрса щеголяла в Москве в единственном,

хоть всегда отглаженном костюме, а когда товарищи по Службе внешней разведки предложили купить новый, Вилли, как его звали, удивился: «А зачем? У меня уже один есть». И, быть может, в этой неприметной скромности и не покидавшего его ни на минуту въедливого интереса ко всему окружающему и кроется главный секрет полковника Фишера Вильяма Генриховича, взявшего в 1957 году при аресте в Нью-Йорке имя старинного друга и тоже нелегала Рудольфа Ивановича Абеля. Это он подал знак своим: я — арестован, и я — молчу. И в Центре его поняли.

Или вот еще один совсем «не оперативный эпизод», как говорят в Службе, в которой Фишер протрудился с 1927-го и до самой своей смерти от рака в 1971-м. В конце 1960-х заболел и попал в реанимацию Склифосовского режиссер Владимир Вайншток, написавший в 1968-м сценарий культового фильма «Мертвый сезон», в коротеньком прологе которого полковнику Абелю — Фишеру разрешили, или предложили, сняться. Кстати, там его здорово загримировали. Наученные бдительности советские граждане все поняли: чтобы не узнали враги. Сценарист Вайншток только посмеивался: в ту пору лысины в кино демонстрировать запрещалось, вот и наклеили полковнику здоровенную нашлепку. Так вот о визите в больницу. В Москве грипп, в Склифе — карантин, да и кого пустят в реанимацию. Лысоватый же человек, роста выше среднего, одетый в демисезонное пальто советского покроя, прошел. В авоське он принес больному в двух бутылках из-под плодоовощного вина самолично изготовленный смородиновый сок и какие-то фрукты. Посидел, поговорил, утешил, распрощался. А потом началось расследование: кто пустил? Старшая сестра реанимации уверяла, что к их больному приходил профессор — консультант из другого отделения. Сиделки утверждали: да нет, это как раз тот самый врач, который и делал операцию. Доктора уверяли, будто визитер как две капли воды похож на кардиолога с нижнего этажа, который осматривал больного по долгу службы, и причем тут они. А Вайншток, между прочим, попил-попил принесенного сочку, да и выздоровел.

Или картиночка прямо идиллическая. Такую не сыграешь — не поставишь, потому что птички и животные — это вам не мы, люди, которых можно взять и обмануть всякими кэгэбэшными фокусами. Режиссер, недавно снимавший фильма об Абеле, выкинул эту аккуратно мною выписанную и вполне реальную сцену из сценария: чересчур неправдоподобно. Но ведь было, ибо в семье Фишера всегда любили животных. Даже в первые две нелегальные командировки Вильям Генрихович отправлялся не только с женой Еленой, которую никто кроме как Элей не

называл, дочкой Эвелиной и обязательно с собакой с кошкой. Любил животных, всегда писал в своих письмах «передайте привет животам», заводил заграницей ежиков и кошек. Только в США, куда отправился один добывать атомные секреты никого из «животов» не прихватил: нечего было рисковать любимой прирученной живностью. И уже после возвращения из американской тюрьмы семейству Фишеров соседи по даче подкинули вороненка со сломанным крылом. Хозяин окрестил его Карлушей, долго лечил крылышко, терпеливо привязывал его тоненькой ниточкой к аккуратно обструганной палочке. И Карлуша снова замахал крыльями. Когда полковник возвращался протоптанными тропинками со станции на дачу со своей Лубянки, ворон начинал проявлять признаки волнения, подлетать к окну, стучать клювом по стеклу. Его выпускали, и в доме Карлуша появлялся, уже сидя на плече хозяина.

Вот таким он и был, этот полковник Абель — скромным, незаметным человеком, проходившим сквозь стены, приручавшим людей и животных.

Замес из кровей и языков прямо по рецепту из ЧК

В последние годы почему-то разгорелись споры по поводу национальности разведчика, известного под именем Абель: то ли англичанин, то ли немец, а в недавно разгулялась и новая версия — да он же еврей: потому что похож, ой как похож, особенно на свадебной фотографии. Я позволю себе разочаровать или, не знаю уж, наоборот обрадовать спорщиков. Вильям Генрихович Фишер — из обрусевших немцев. Дедушка Генрих Август Фишер перебрался в поместье князей Волконских в Ярославской губернии из Тюрингии в середине XIX века, девичья фамилия родившейся в Берлине бабушки — Эмилия Винклер. А отец, будущий пламенный революционер-большевик, один из основателей Союза за освобождение рабочего класса, родился в 1871-м и имел сразу три имени — Генрих, Маттеус и Матвей, но с удовольствием откликался на простое русское Андрей, ибо первые два местные крестьяне никак не могли произнести. Мать Фишера — русская, Любовь Васильевна Корнеева из города Хвалынска. Любопытно, что при аресте в Штатах Фишер почему-то не соврал, и назвал в ЦРУ лишь одну подлинную фамилию — материнскую. Он любил смешивать фамилии, сваливать в кучу временные отрезки и менять в рассказах порядок событий, сам и давая тому объяснение: это не вранье, это — чисто

профессиональное.

Другое дело, что в семействе обрусевших немцев всегда происходила некая путаница с именами. Отец писал в 1923-м прошение в Коминтерн, имея в виду Вильяма: «Прошу выделить путевку в санаторий моему сыну Вильгельму». И младшенький сын Вилли, появившийся на свет в Англии в 1903-м, тоже вносил в фамильную игру с именами посильную личную лепту, обращаясь в письмах к отцу с матерью только по имени отчеству — Любовь Васильевна и почему-то… Андрей Матвеевич.

Семья действительно обрусела, хотя от немецких корней не отказывалась. И когда я спрашивал дочь Фишеров, почему ее нарекли Эвелиной, она обижалась: дед — Генрих, отец Вильям, а я что — Дуня? И за день — два до кончины отец действительно, к удивлению Эвелины, вдруг сказал ей: «Помни, что мы, так или иначе немцы». Только говорил почему-то по-английски: «Don't forget that we are Germans anyway». Правда, что он имел в виду, Эвелина Вильямовна так и не поняла.

Обрусевший немец, говорящий на нескольких языках и родившийся в Англии, вернувшийся в 1920-м в Россию с британским паспортом сын старых большевиков, сразу вступивший в комсомол и на кулаках бившийся с троцкистами. Да еще отличный радист, прослуживший больше года в 1-м радиотелеграфном полку Московского военного округа. Да могла ли разведка мечтать о лучшем материале для последующей нелегальной работы?

Почему не погиб Вилли

Я тоже раньше читал кем-то, только не им самим, состряпанную официальную биографию «полковника Абеля». В ней много о долге, о совести, о комсомольской чести, и позвавшей в разведку. Фишер был по-настоящему человеком высочайшего долга и кристально чистой совести. Только в разведку позвали не из райкома комсомола. И направил туда даже не отец, работавший в Коминтерне, где трудилось немало будущих асов советского разведывательного дела.

Сложилось все прозаичнее, зато гораздо логичнее. Рекомендовала в отдел переводов старшая сестра жены Эли — Серафима Степановна, по-домашнему — Морэн. Она и сама там уже трудилась, и Вилли, который после армии никак не мог найти работу, туда же пристроила.

Можно сказать, что Вильяму деваться было особо некуда. Он

поступил в художественное училище, нынешнюю Строгановку, но душа не принимала новых форм современного революционного искусства, который с энтузиазмом проповедовали передовые преподаватели. Он был сугубым реалистом, и, несмотря на тягу к живописи, быстро покинул институт. А другой, где изучал почему-то Индустан — закрылся: арестовали как сталинского оппозиционера его ректора. Так что высшего образования, в отличие от всего, что о Фишере-Абеле пишется, он не получил. Собирался даже завербоваться радистом и поехать на зимовку к полярникам. Но как тогда с любовью? Он же женился 7-го апреля 1927-го, и оставлять молодую жену ой как не хотелось. Еще предлагали в научно-исследовательский институт радио, но на такую грошовую зарплату…

Отношения с родителями складывались сложно. Особенно с суровой матерью. Был в его жизни эпизод, перевернувший многие представления о семейном счастье. Летом 1921-го шумной компанией отправились дети вернувшихся издалека революционеров купаться на подмосковную речку Учу. И Вилли — с ними, хотя плавать не умел. Как-то еще в Англии отец и старший брат Гарри, он же Генри, кинули его, упиравшегося, в английскую речонку, чтобы научился плавать. Он выплыл. Но такой появился страх, что больше в воду никогда не входил, загорал, читаю книжки, на берегу. А Гарри — первенец и любимец семьи плавал прекрасно. И когда маленькая девчушечка, с ними приехавшая, начала тонуть, сразу бросился на помощь. Отличный пловец девочку спас, а сам утонул, не выбрался из омута. Его вытащили и Вилли не растерялся, делал брату дыхание рот в рот, не отдавал тело… Добравшись до дома, до Кремля, где жила тогда семья, со слезами сообщил о гибели брата маме. И та, потеряв самообладание, чуть слышно, но выдохнула: «Почему не Вилли?» И Вилли это «почему?» услышал, осталось оно с ним на всю жизнь трагическим и безответным. А когда безработный, никак не находивший себя в советской жизни Вильям женился, то мать, да и отец тоже, без всяких предупредили: тебя-то еще тянули, ну а жену… И у Вилли было на это что ответить. Со 2-го мая 1927-го он уже работал в ОГПУ. Хотя выяснилось, что и водятся за сыном старого большевика, лично знавшего Ленина, некие грешки. Армейская характеристика, предоставленная в ЧК, пестрела записями нелестными. Ладно, что однажды уроженец Ньюкасла-на-Тайне потряс всю казарму, явившись на утреннее построение в пижаме. Строгий ротный простил, понимая, что более способных учеников, чем этот то ли немец, то ли англичанин да еще Эрнст Кренкель (будущий Герой Советского Союза, радист экспедиции

челюскинцев — авт.) у него нет. Следили за Фишером пристально и писали черным по белому: «Требует внимательного руководства. Легко поддается влиянию окружающих товарищей». Ну, да это ладно, было еще нечто похуже: «Служа в Красной Армии, общался и переписывался со своими друзьями из Англии и Германии. К нему в батальон во Владимире даже приезжал член Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи». Но уж очень лакомым он был объектом для разведки. И после личной беседы, точнее собеседования, с начальником ИНО (аналог нынешнего директора Службы внешней разведки) Мейером (Михаилом) Трилиссером в органы все же взяли.

Вот и первое заданье

Первая должность — помощник уполномоченного Восьмого отделения. В переводе на современный русский Фишер сразу попал в научно-техническую разведку. Приметили его необыкновенное умение мастерить из всего, что только попадалось поду руку, радиоприемники, разные сложные приспособления. Хотя и корпел над переводами, да составлением отчетов по британской прессе, но эдаким «белым воротничком разведки» никогда не оставался. В ту пору существовала в Чрезвычайной комиссии практика посылать всех своих независимо от специальности на боевые задания. Однажды Вилли, как начальнику группы, выпало делать обыск в подмосковном городке. По агентурным сведениям предполагалась, будто местный богатей прячет от Родины запасы драгоценных металлов. Провозившись целый день с обыском под уверения хозяина: «Богом клянусь — ничего нет, ваши все еще в революцию отобрали», под вечер раздосадованный Фишер с приданным в его распоряжение младшим командиром и двумя курсантами забрались отдохнуть на сложенную у дома поленницу. Под их тяжестью она и развалилась, да еще рассыпалась серебристой россыпью монет. Фишер с группой собрали урожай в пять пудов серебра. Богатство реквизировали, а Фишеру была объявлена первая за работу в Чрезвычайке благодарность.

Он рос, и характеристики приобрели тон иной. «Товарищ Фишер — хороший тех. работник, очень добросовестный и аккуратный. Используется не только как переводчик, но и как пом. референта». И вывод исключительно благоприятный для карьерного, как бы сейчас сказали, роста: «Работник

перспективный. Партийно активен… Много работает над своим образованием».

С этим обнадеживающим его перевели в Первое отделение ИНО. Именно так называлась в ту пору нелегальная разведка». Он тщательно изучал или припоминал жизнь на той стороне. Читал знакомые с британских времен газеты, составляя по ним отчеты, направлявшиеся неизвестно куда и кому.

Но главной задачей было совершенствование в радиоделе. Хотя здесь-то его мгновенно зачислили в асы. Но учили работать, хлопая во время сеанса по столу книжками и что-то выкрикивая под ухом. Готовили радистом к «закордонной работе». Он и сам это понимал, видя вокруг себя множество людей с биографиями схожими: верные партии иностранцы или, как и он свои, но «оттуда» возвратившиеся, познавшие «ту» жизнь не по лекциям и не по учебникам.

Народ из его отделения, которым командовал Яков Серебрянский, «дядя Яши», как его звали в ИНО, жил и трудился по своим законам, иногда не стесняясь заскакивать даже на чужую территорию. Иными словами вели ребятки «закордонную разведку».

Замаячила где-то на горизонте первая закордонная командировка. В нее Фишер и отправился в 1930-м году вместе с женой, крошечной Эвелиной и животными. Тут очень пригодилось то ли благоразумие, то ли талант предвидения старого подпольщика Генриха Фишера. Приехав в СССР, Фишеры предусмотрительно не отказались от британского подданства. И молодой безработный, а совсем не сотрудник ИНО Вильям Фишер, обратился в консульство Великобритании с просьбой вернуть ему паспорт № 20739. Ведь родился-то в Ньюкасле-он-Тайне 11 июля 1903 года и не по его же вине допустили родители роковую ошибку, приехав в Совдепию. А тут жена, ребенок — плюс подозрительное отношение со стороны властей и отсутствие перспектив. В консульстве все тщательно взвесили и скоро Вильям с молодой женой и дочерью по вполне легальным, абсолютно подлинным документам перебрались в Норвегию. Почему-то долгие годы место той, первой нелегальной командировки, долго скрывалось. Якобы оставались какие-то связи, обязательства перед друзьями СССР на нас работавшими. Потом запрет сняли и теперь я могу смело написать, что в Осло, а также в других крупных городах Скандинавии радист нелегальной резидентуры Фишер, которому был присвоен оперативный псевдоним Фрэнк, открыл немало подпольных радиоточек, исправно снабжавших советскую разведку оперативной информацию. Фрэнк действовал под

правдоподобным прикрытием радиоинженера, пытавшегося наладить свой маленький бизнес.

С бизнесом, кстати, получалось неважно. Коммерсант из Фишера не получался ни в одной стране мира, зато радистом, разведчиком был отличным. Дочь Эвелина вспоминала, как однажды уже после войны у их домработницы украли все продуктовые карточки, и отец с матерью решили заработать на хлеб продажей спелых и сочных дачных яблок. Уложили одно яблочко к одному в привезенный еще из Норвегии кожаный чемодан, повезли на местный базар. Тут, почуяв неопытность продавцов, и налетела толпа. Яблоки мгновенно исчезли, а выручки — почти никакой. Пришлось питаться несколько дней одними яблоками с деревьев, запивая их молоком, которое давала сердобольная молочница за скошенное на их участке сено. А между тем на попечении Фишера еще с довоенных времен находились жена — арфистка, ее мама Капиталина и две дочери — родная Эвелина и приемная — Лидушка, Лидуся, Лида, отец которой — брат жены Эли, пил, а мать — умерла. Эля и Вилли взяли этот груз на себя. Лидия Борисовна Боярская, с которой время от времени вижусь, объясняет это просто: такие были светлые люди. И Вильям Фишер все это семейство тянул в основном подрабатывая переводами, иногда изобретениями.

Ничего путного не получалось с бизнесом и заграницей. Фишер в будущем даже легенды подбирал себе никак с ведением финансовых дел не связанные.

В Англии, куда семья Фишеров отправилась в свою вторую командировку, он пытался открыть нечто вроде магазина по продаже радиодеталей и фото принадлежностей. Доходов не приносило никаких, однако ни Фишер, ни главное Центр, по этому поводу не переживали. Дел хватало и без того. Радист Фрэнк был занят по горло. Еще бы. Ему выпала нелегкая задача: передавать материалы, в том числе — от Кембриджской пятерки. Им с руководителем всей нелегальной резидентуры Александром Орловым приходила масса ценнейших сведений от Кима Филби и его друзей. Однако вскоре Орлов уехал в сражающуюся с фашистами Испанию, а Фишера в 1937 вдруг срочно отозвали в Москву. Вроде бы им остались довольны, присвоили высокое по тем временам звание старшего лейтенанта безопасности, И вдруг 31 декабря уволили с работы. Вызвали во второй половине дня в отдел кадров, где ни какой-либо высокий чин, а молоденькая и сама ничего не понимающая кадровичка сообщила, что в органах он больше не работает. Кстати, похожая картина случилась уже к концу жизни: он всенародно прославленный пришел за несколько дней до отпуска в отдел кадров за листком для полагающегося

медосмотра. И улыбчивая молодая дама из кадров огорошила: «А вам медосмотра не надо. Вас же — в отставку». Полковник вернулся на дачу мрачнее тучи.

А тогда, в 1939-м, полгода Фишер ходил без дела. Обивал пороги заводов, бюро переводов, но стоило заполнить анкету, и собиравшиеся принять на работу ужасались: родился в Англии, служил в органах, теперь вот уволен, нет уж, лучше от греха подальше.

Не бросил Капица разведчика в беде

И только один-единственный человек — знаменитый ученый Петр Леонидович Капица не бросил в беде, бесстрашно (по тем временам), снабжая переводами. С ним Фишер встречался в Англии и, без сомнения, сыграл в жизни научного светила роль особую. Петр Леонидович, возможно, быстрее других разобрался в том, куда ведет страну Иосиф Виссарионович и быстренько уехал в Англии. Молодой талантище понравился великому физику Резерфорду. И Нобелевский лауреат, один из создателей теории о радиоактивности и строении атомов взял русского к себе в лабораторию в Кембридж. Так пошла-поехала многообещающая карьера.

Тут и решил вернуть его во что бы то ни стало на Родину Сталин. Не думаю, будто сыграло роль предвидение о необходимости создания своей атомной бомбы. Все-таки в середине 1930-х в СССР о ней не задумывались. Но гонцов Сталин в Англию засылал. Они встречались с набиравшим всемирную славу ученым, уговаривали вернуться, суля золотые сталинские горы. Но возвращаться Капица и не собирался.

И в роли уговорщика приказали выступить Вилли Фишеру. Вообще-то для разведки это было нарушением всех существующих правил. Не имеет права нелегал встречаться со своим. А что если тот же Капица дрогнет, сообщит в Скотланд Ярд, в контрразведку?

Но встретились и несколько раз. Фишер рассказывал об этом без всякой гордости дочери Эвелине, уже под конец жизни, сидя дома на диване и признаваясь, что, цитирую дословно, «взял я грех на душу, уговорил».

В изложении Капицы это выглядело несколько по-иному. Молодой инженер, поживший и в Англии, и в Советском Союзе незаметно внушил ему, что в СССР будет работаться лучше. И Капица, не поддававшийся на уговоры других, с Вильямом

Фишером согласился.

Когда у Фишера наступили трудные времена, то Капица постоянно подкидывал ему переводы. Никого он не боялся, и, понятно, обиды на Вильяма Генриховича не затаил. Так до сентября 1941-го в семье Фишера фамилия Капицы возникала и произносилась с чувством благодарности.

Если Капица был великим ученым, то Фишер — действительно великим уговорщиком. Есть в разведке такой термин, и я к нему еще разок вернусь чуть ниже. Только уговаривать на сей раз пришлось уже американского агента — гениального американского ученого под оперативным псевдонимом Персей.

И снова добро пожаловать в ЧК

Во второй половине сентября 1941-го, когда немец стоял под Москвой, некоторых не потерявших ценность для страны специалистов было решено вернуть из тюрем — лагерей прямо на работу. Требовалось поручительство высоких чинов, лучше сталинских наркомов или к ним по рангу близких. Так прямо их казематов Лубянки очутился в своем кабинете бывший начальник Фишера Яков Серебрянский. Вернули с подмосковной дачи попавшего в опалу за честность будущего Героя Советского Союза и партизанского командира Дмитрия Медведева, открывшего позднее весь советский детективный жанр книгой «Это было под Ровно», записанной в те годы впоследствии прославившимся киносценаристом Анатолием Гребневым. Дозволили занять пост под начальством генерала Павла Судоплатова настоящему Рудольфу Ивановичу Абелю — тоже радисту, подрывнику, открывшему специальную разведшколу для обучения редкой профессии диверсанта в городке Серноводске под Куйбышевым.

И Вильяму Генриховичу Фишеру тоже милостиво разрешили возвратиться. Говорят, по просьбе Судоплатова за него просил сам Берия. И так было во всех отраслях — военных ли, гражданских. Только вот тех, кого не вернули, за кого не поручились или поручительства не приняли — расстреляли. Немцы были близко, и Сталин не желал рисковать. Вдруг стали бы работать против него.

Фишера простили, ибо его резидент Александр Орлов, сбежавший прямо из сражающейся с фашистами Испании в Штаты, вроде бы никого не выдал. А радист — нелегал Фишер, знавший к тому же немецкий, был страшно нужен.

Он вдохновлял на подвиги Гейне

Одним из блистательных его дел стала подготовка агента Александра Демьянова, которого наши отправляли в немецкий тыл под псевдонимом Гейне, а в Абвере приняли под кличкой Макс. Разведка давно положила глаз на потомственного дворянина, прямого родственника первого атамана кубанского казачества Антона Головатого. Его завербовали в 1930-х, подбросив оружие, так что пришлось выпускнику казачьей школы, отказавшемуся в свое время эмигрировать во Францию, согласиться на сотрудничество — не садиться же…

Принялись готовить Демьянова — Гейне на случай войны с немцами. Он еще до июня 1941-го сумел заинтересовать Абвер, и там готовились к его вербовке. А нашим из-за быстрого наступления немцев пришлось подготовку Гейне резко ускорить. Вильям Фишер обучал будущих радистов в школе на улице Веснина в двухэтажном доме на углу улицы Луначарского. Под руководством Фишера Александр научился быстро разбирать и собирать радиоприемники и радиопередатчики. Ему давалась работа на ключе. В твердо назначенные часы выходил на радиосвязь с другими курсантами. Обычно сеансы проходили по утрам, когда Фишер бывал а разведывательном управлении. Иногда шли они и во время немецких бомбежек. Бывало, Фишер прямо над ухом Демьянова хлопал толстенной книгой, мешал приему громким разговором. Но натаскал здорово. А еще подолгу беседовал с Демьяновым: был уверен, что немцы сразу не поверят перебежчику, будут допрашивать и с пристрастием. Все так и получилось.

Но помог и просто фантастический переход фронта. Ехать в декабре 1941-го далеко не пришлось: выбрали участок совсем приблизившегося к столице фронта под Гжатском. Фишер довел воспитанника до той самой тропинки, по которой Гейне — Макс и отправился в свой рискованный путь. Настолько рискованный, что командование даже и предположить не могло. Оказалось, что шел Демьянов прямо по минному полю почему-то не обозначенному на наших картах. Мины рвались прямо рядом. Но случилось чудо. Демьянова даже не ранило. И хотя потом, в Абвере, перебежчика били, выводили на расстрел, требуя признания, он не дрогнул, да и переход через минное поле убеждал немцев: у них в руках потенциально сильный агент и исключительно ценный. Потом в школе Абвера, куда зачислили

Демьянова, труднее всего ему давались уроки радиодела. После школы Фишера нелегко было скрывать ему свое умение. Короче, Демьянову немцы поверили, по их заданию и с помощью советской разведки он превратился в офицера Генштаба, служил у маршалов — сначала Шапошникова, потом — Рокоссовского. До конца войны передавал такую дезинформацию, которой верили. И до такой степени, что сам Черчилль, благодаря перехваченным и расшифрованным своими спецслужбами телеграммам немцев однажды великодушно предупредил Сталина: у вас в Генштабе предатель. Интересно, можно ли воспользовавшись принятым штампом написать, что Иосиф Виссарионович только усмехнулся в усы. И после войны немцы твердо верили, что у них в Генштабе Красной, а потом и Советской армии был собственный и очень результативный агент. Об этом писал в изданных — переизданных мемуарах генерал Шеленберг, занимавший пост аналогичный начальнику нашей внешней разведки.

А еще Фишер сыграл важную роль в операции «Березино», когда благодаря затеянной нашими разведслужбами радиоигре, немцы поверили, что попавшая в окружение и давно сдавшаяся группировка вермахта, сковывает в котле умелыми действиями целые дивизии наступающей Советской армии. Фишеру, как видно, приходилась в те месяцы выступать в роли немецкого офицера, наряжаясь в чужую форму и встречая транспорты с подкреплением, амуницией и многочисленными диверсантами. Уже совершил самоубийство Гитлер, наши взяли Берлин, а немцы все посылали сообщения Фишеру откуда-то из Германии. В последнем, от 4-го мая 1945-го, просили больше не ждать подкреплений, а уповать на помощь Божью.

Отсюда и пошла легенда, будто во время Великой Отечественной Фишер под именем Абеля действовал в глубоком немецком тылу, добираясь до Берлина. Серьезных подтверждений сему я за 17 лет поисков нигде не обнаружил. Хотя один из авторитетных собеседников клялся, что Вильям Генрихович рассказывал, будто служил в немецком штабе, которым сначала командовал Гальдер, а потом — Йодль. То есть, в оперативном штабе сухопутных сил рейха. А еще Фишер якобы говорил, что мог вытащить бумажник из кармана Гитлера, которого видел вблизи в среднем раз в месяц.

Ничему подобному подтверждений я не нашел. Да и по временным военным отрезкам не оставалось у Фишера долгих месяцев на столь глубокое внедрение.

Зато в переписке с домашними, которая велась из темных белорусских лесов, Фишер называл их «дебрями», довольно откровенные жалобы на всякую мучившую живность, которая

выжигалась только калением, да рассказ о замечательном враче и прославленном бегуне Знаменском. В честь братьев— бегунов до сегодняшнего дня у нас десятилетиями проводятся официальные международные состязания. Вот отрывочек из письма Фишера жене Эле: «… Я тебе писал, что здесь славный врач, известный спортсмен Знаменский. Он из простой крестьянской семьи, своим упорством добился докторского диплома и немалых результатов, как спортсмен». А дочери не раз рассказывал, как «сам Знаменский» делал ему операцию, избавив от боли. Ничего страшного, никаких ранений, просто вскочил фурункул, который Знаменский и удалил. За войну Фишер не получил никаких ранений. Да и неизвестно, стрелял ли хоть когда-то из револьвера или другого боевого оружия. Любил Вильям Генрихович повторять: «Когда начинается стрельба и погоня, разведка заканчивается». Но пистолет был, кажется, ТТ, и заботливый отец Фишер учил вернувшуюся из эвакуации дочь Эвелину его чистить и собирать — разбирать, очень гордясь, что у него самого получалось быстро и ловко. Пришлось маме Эле предусмотрительно спрятать ТТ подальше.

Именно за военные подвиги, а не за работу в нелегальной разведке, не за годы в американской тюрьме и даже не за добытые в США секреты атомной бомбы Вильям Генрихович Фишер и получил свою наивысшую награду — орден Ленина. Хотя за совершенное в США заслуживал и звания Героя. Но…

Но могу рассказать, как отказали внешней разведки в представлении на Героя. Предполагалось наградить после возвращения из плена двух героических нелегалов — Фишера и Бена — Гордона Лонсдейла, он же полковник Конон Молодый. Оба много чего добыли, никого не выдали, а сэр Лонсдейл даже взял всю вину своей группы на себя. Отсидели в тюрьмах, Бен — в английской, были обменены, добросовестно передавали опыт юным. И в один прекрасный день документы, должным образом оформленные, легли на стол серого кардинала, второго секретаря ЦК товарища Суслова. Тот не раздумывая, отказал: не заслужили. Покоробило человека, если так можно классифицировать это серое и бесцветное существо, во многом и заправлявшее советской жизнью, то, что оба были пойманы. А как — черствого Суслова, о котором ни разу и НИ ОТ КОГО не услышал НИ ЕДИНОГО доброго слова, не интересовало. В семье Фишера об этом даже не вспоминали. Вильяму Генриховичу было искренне чуждо тщеславие. А вот звание генерала он, по некоторым отзывам, был бы получить не прочь. Прожил по различным легендам пять (!) чужих жизней, так почему бы не сделаться генералом в шестой — своей собственной. Было, как признавался

мне начальник Фишера полковник Тарасов представление на генерала: «Но не успели, опоздали… Да и вообще разведчикам тогда Героев и генералов не давали». И это, свидетельствую, чистая правда.

Спец по немирному атому

Многое в нашей современной жизни подвергается переоценке и переосмыслению. Так и деятельность Фишера, работавшего в США под именами Кайотиса, Гольдфуса, Коллинза, Марка, Арача и т. д., попытались свести к роли радиста, почтового ящика, изготовителя фальшивых документов. Хорошо хоть не подвергали сомнению его мужество, проявленное после ареста в 1957-м. Но тут уж трудно было поспорить. Человек, назвавшийся полковником Абелем, не назвал американцам ни единого нужного им имени.

И чтобы понять, что свершил разведчик в Штатах, я перечислю лишь основное из им сделанного. Во-первых, он успешно, особенно в первые годы пребывания, начиная с 1948-го, руководил довольно разветвленной сетью тех, кого в США потом окрестили «советскими атомными шпионами». Это и было главнейшей задачей его нелегальной резидентуры.

Во-вторых, в Москву не только из Нью-Йорка, но и с побережья шли сигналы о передвижении боевой техники США. Теперь, когда угроза военного конфликта сведена до случайности или до минимума, это не выглядит столь серьезно, как в годы холодной войны, когда военный конфликт между бывшими союзниками мог разгореться по любому поводу, да и без повода.

Далее, наш герой был на постоянной связи с советскими разведчиками — нелегалами, осевшими в Латинской Америке. Прошедшие школу кровавой партизанской войны нелегалы Гринченко, Филоненко, Африка де Лас Эрас были готовы в любую минуту по команде резидента Марка взорвать с помощью завербованных ими местных груженые оружием железнодорожные составы и военные корабли США, разгорись вдруг Третья мировая.

В-четвертых, Марк воспользовался знанием немецкого, и установил связи с немцами — эмигрантами, сражавшимися еще с Гитлером и обосновавшимися на Востоке Соединенных Штатов. А среди них были и известные боевики, к тому же получившие доступ к секретной информации, которой они с резидентом Марком щедро делились.

Однако именно атомная разведка оставалась целью наиглавнейшей. Тонны книг, и килограммы моих тоже, написаны о подвигах американской группы «Волонтеры», возглавлявшейся будущими Героями России Моррисом и Лонной Коэнами. Это Лона вывезла еще в годы войны из городка Альбукерка в далекий от него Нью-Йорк наисекретнейшие материалы из атомной лаборатории Лос-Аламоса. Их передал ей неведомый юный физик-американец — оперативные псевдонимы Млад и Персей. Но мало кто знает, что благодаря приезду 14 ноября в США из Канады некого американского гражданина Эндрю Кайотиса работа «Волонтеров» по добыче атомных секретов возобновилась. Тут новому резиденту по имени Марк пришлось сразу же проявить не всем членам группы понравившуюся решительность. Хорошими ребятами были Коэнами — азартными, особенно Лона, решительными, мужественными, иногда даже чересчур. И Марк понял: необходимо подстраховаться. Всю связь с атомными агентами, в том числе и с наиценнейшим Персеем — Младом, замкнул на себя. Легкие отголоски той ревности я почувствовал в разговоре с Моррисом Коэном в 1994-м. Но Марк в конечном итоге оказался прав. Коэнов срочно пришлось вывозить из США сначала в Мексику, а потом длинным окольным путем в Москву. И Млад вдруг закапризничал: война закончилась, атомный паритет установлен. Ведь русские взорвали в 1949-м — во многом и благодаря ему — свою атомную бомбу. И он решил отойти от дел. Да и в мире все больше говорили о диктаторстве дядюшки Джо — Сталина, а тиранов тогда все еще юный Персей ненавидел.

И снова Фишеру пришлось выступить в роли уговорщика. Тут было еще сложнее, чем с капризным, однако все же своим Капицей. Резидент Марк убеждал, настаивал, по-человечески просил юного физика, «ты же ценнейший агент», поработать на русскую разведку еще год-другой. И уломал. Вскоре Персей исчез, чтобы за год-полтора до смерти всплыть уже в английских водах под настоящим именем американского физика Тео — Теодора Холла и в 1998 году оставшегося верным другом страны, некогда звавшейся СССР. Он умер от рака, не сказав и толики того, что знал. А Младом оказался лишь потому, что начал по собственной инициативе сотрудничать с прозвавшими его так русскими товарищами в 17 лет. Таким был этот мальчик — гений, которого в школьном возрасте призвал для работы над атомной бомбой в Лос-Аламос сам Оппенгеймер. Великий физик и большущий друг Советского Союза, ни единого атомного секрета стране Советов, как сейчас подтверждено, так и не выдавший. И вот этого необычного, не от мира сего паренька, ходившего по лаборатории Лос-Аламоса в нарушение всех норм в чем-то напоминавшем

ермолку, и уговорил Марк, он же подполковник Фишер, по-прежнему оставаться с нами.

Смерть предателям!

Полковника Марка, он же Вильям Фишер, выдал американцам в 1957-м его связник Рейно Хейханен — он же Вик. Личность столь низкая и мелкая по сравнению с Фишером, что хотя бы исходя из этого вопиющего контраста, заслуживает в качестве трагического парадокса некоего обозначения, рассказа. Почему рядом с гениями разведки появляются такие абсолютно ничтожные персонажи? Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян утверждает, что людей его профессии — разведчиков — нелегалов — всегда поджидают два испытания, против которых бессильны и наиболее искусные. Первое — случайная встреча на чужой земле со старыми знакомыми, знавшими под другим именем и в иной обстановке. Второе — предательство. Их с женой Гоар, проработавших в разных частях света больше сорока лет, Бог миловал. Фишера — нет.

Нога и выдавшего его американцам этнического карела, называвшего себя финном, не должна была вступать на землю США. Марк ждал прибытия, точнее приплытия, связника Роберта, с которым раньше работал в других странах. Тот благополучно прошел первую на пути в США близкую границу, сел на корабль… И исчез. Напрасно в Нью-Йорке связник Марка молоденький лейтенант Юрий Соколов рисовал крестики на мосту одной из станций нью-йоркского метро, а потом, мчась в подземке, впивался взглядом в мост, ожидая увидеть ответный условный знак: «Прибыл, к встрече готов». Снесли даже мост, а Роберт все не появлялся. Потом выяснилось: его корабль попав в шторм, затонул в Балтийском море.

И прислали Хейханена. Я все допытывался у рассказчиков без имени: ну как могли послать в Штаты бездельника и пьяницу? Но меня терпеливо и довольно убедительно заверяли. Не пошло у Вика с самого начала. Запсиховал, занервничал и стал прикладываться к бутылке, чтобы снять напряжение, только в США. К тому же, пишу без шуток, затянул, по мнению собеседников, «чужой образ жизни». Хейханен, он же Вик, он же по легенде Юджин Маки получил в генеральном консульстве США в Хельсинки подлинный американский паспорт, сумев в качестве доказательства предоставить подлинную выписку из регистрации о рождении.

Ему не удавалось ничего. Марк и держал связника подальше от себя. По нашим источникам, он лишь однажды попал в квартал, где и обосновался его начальник. По собственной версии Вика, полковник все-таки разок привел его в свое обиталище на Фултон-стрит. И я склонен здесь больше верить мерзавцу, ибо полуспившийся, плохо ориентирующийся и безобразно говоривший по-английски Вик вряд ли бы относительно точно вывел американцев на квартиру полковника, не побывай он в ней хоть однажды.

До этого Хейханен успел совершить кражу государственных денег. Когда Фишер отправлялся в отпуск летом 1955-го, то оставил ему 5 тысяч долларов для попавшего в тюрьме агента — требовалось поддержать родственников, нанять хорошего адвоката. Положение американца, помогавшего в добыче атомных секретов, не виделось безнадежным, и с деньгами, тогда немалыми, появлялась некая надежда. Но переданные Вику тысячи бесследно исчезли. Он их банально пропил вместе с новой женой — блондинкой. Хейханен с ней и дрался, и получал от красотки удары ножом, заставляя соседей вызывать полицию. А когда резидент уехал на несколько месяцев, то ушел в глубочайший запой.

Марк и до отпуска, и во время него занимался несвойственным делом. Просил начальство о выводе спившегося связника. Его понимали, обещали, но слишком долго искали предлог, чтобы заманить Вика домой. И нашли. Хейханену присвоили звание подполковника и вызывали в СССР, якобы, для вручения награды. Практика обычная, никак она не должна была насторожить Вик. Однако он всячески тянул время, и лишь в апреле 1957-го отправился в Париж, откуда должен был вылететь в Москву. Встретился с людьми из советского посольства, и те благополучно отрапортовали в Центр: на днях Вик возвращается домой. Но вместо этого тот отправился в посольство США, где рассказал о разведчике — нелегале Марке, которому недавно, сам передавал ему расшифрованный текст радиограммы, присвоили полковника.

Вику не поверили. Психиатры поставили диагноз: спившийся тип, да еще склонный к самоубийству. На несколько дней даже допрашивать прекратили. Но потом все же рискнули, когда он припомнил некую, еще несколько лет назад ФБР насторожившую монетку — никель с полым отверстием. Ее, Хейханеном потерянную, нашел бдительный американский мальчик, прямо пионер, и отнес в полицию. Кстати, осенью 1957-го подросший мальчуган выступал свидетелем обвинения на процессе полковника Абеля против Соединенных Штатов Америки.

Хейханена доставили в Нью-Йорк. И времени, сил, средств и людей на поимку русского шпиона не жалели. В операции по поиску полковника участвовало несколько десятков натасканных детективов, все-таки отыскавших с помощью не отрывавшегося от бутылки Вика запертую квартиру. Не давать пить было уже нельзя, когда приближалось к перебору, безжалостно били по рукам. Ничтожный патологический алкаш и вывел на гениального разведчика: «Именно Вик дал ключ к тайне Абеля», — признавался потом директор ФБР Гувер. Работали его подопечные профессионально. На 12-м этаже отеля напортив дома № 252 на Фултон установили постоянный пост. С окон комнаты № 505 не сводили глаз и бинокля с десятикратным увеличением. Работала рация, и когда ночью в окне квартиры на короткое время зажегся свет, то посетителя зафиксировали. «Наружка» довела до отеля «Латам», на улице сфотографировали и показали предателю. Тот радостно кивнул: «Вы нашли его».

В 38 лет Хейханен с выкрашенными в темно-черный цвет волосами выглядел гораздо старше. Его показания в суде на убогом английском все равно звучали убийственно для человека, которого он знал лишь по имени Марк, а теперь вот Абель. Если бы не адвокат Джеймс Донован, могло бы закончиться и электрическим стулом. Однако и 30 лет, полученных 54-летним советским полковником, скорее походили на пожизненное заключение. Кто доживал в тюрьме до 84-х?

Но и Хейханен закончил так, как и должен был завершить свою бесцельную жизнь махровый предатель. Он погиб в феврале 1964-го. По известной американской версии его легковушку раздавил огромный грузовик — трейлер. Видимо, водитель Хейханен был пьян.

Советская разведка категорически отрицает причастность к смерти перебежчика. Слишком ничтожна фигура, кроме полковника Абеля никого не знавшая. Да и к тому времени в Службе уже не существовало подразделения, раньше действительно каравшего предателей.

Вторая версия выглядит несколько более правдоподобно. Американцы сами и расправились с опостылевшим Виком. Он пил, его надо было кормить, содержать, да еще следить, как бы чего не выкинул. Вот они его и…

Однако существует версия № 3, которая невольно напрашивается не в результате простого прочтения традиционного бытописания о полковнике Абеле и его связнике-предателе, но и некоторого анализа, расследования исчезновения, скажем так, Хейханена.

После всего случившегося жил он в Нью-Гемпшире. Погиб 17

февраля 1964 года. Но ни единого визуального свидетельства о его кончине нет. Газеты расписывали дорогу, на которой произошла авария. Но тогда почему на ней как раз 17 февраля не зафиксировано ни единого дорожного происшествия? Следов наезда в указанном месте не обнаружено. Жена тоже не подавала голоса, не убивалась о бессрочно ушедшем муже-собутыльнике.

Так что же это было? Возмездие? Кажется, нет. Несчастный случай? Возможно, хотя какой же странный. Шаг ФБР, скинувший с себя тяжелую ношу? Не исключено. Быть может, чужие спецслужбы именно подобным образом увели Юджина Маки от ответственности за предательство? В США существует и действует программа по защите свидетелей. Объявили о катастрофе, а сами перевезли Вика в другой штат. Ему-то было все равно где заглатывать свое дармовое виски. Боюсь, ответа на все эти вопросы мы не найдем никогда.

За такого одного дают троих

Просидев четыре с лишним года в тюрьме, полковник Абель был обменян на летчика — шпиона Гарри Пауэрса, сбитого 1 мая советской ракетой над Свердловском. Это — очередная легенда и в очередной раз не до конца верная. Дочь Эвелина Вильямовна, поехавшая с матерью и начальством в Берлин на обмен, довольно быстро поняла, что ее отца собираются менять совсем не на один на одного. Попыталась намекнуть об этом высоким кураторам во время переговоров с адвокатом отца Джеймсом Донованом, но руководители как-то не среагировали. И только во время заключительных переговоров выяснилось: американцы собираются менять даже не на двоих, с чем наши были в принципе согласны, а на троих. Не на берлинском мосту Глинике, где и должен был состояться обмен Пауэрса на Абеля, а у контрольно-пропускного пункта Чарли ждал освобождения Фредерик Прайор. Американского студента из Университета Йеля арестовали за шпионаж в Восточном Берлине в августе 1961-го. А тут возникла расплывчатая фигура еще одного университетского персонажа — Марвина Макинена из Пенсильвании. Он и не подозревал о готовящемся обмене, отбывая 8-летний срок за распространение антисоветской литературы в городе Киеве. Недопонимание грозило превратиться в преграду. Донован, и возглавлявший по поручению президента Джона Кеннеди всю процедуру обмена, уперся и твердо. Лишь один Никита Сергеевич Хрущев мог разрешить возникшую проблему, дав добро и на

обмен третьего — никому кроме своей мамы не нужного пенсильванского студента. Однако, как на зло, Никита укатил в отпуск и, зная крутой его нрав, беспокоить вождя побаивались. Обмен грозил затянуться, американцы стояли на своем, наши выжидали.

И, как это часто случается в сказках и в жизни, нашелся все же какой-то смельчак-россиянин, который решился позвонить Хрущеву. Всегда непредсказуемая реакция автора лозунга «Догоним и перегоним Америку!» была на тот раз доброжелательной: черт с ними, меняйте. Очень хотелось мне установить, кто же тогда отыскался такой смелый, взял, да позвонил. Но время ушло безвозвратно. Бывало, удавалось восстанавливать события по крупицам, восполняя сгинувшие архивы беседами с очевидцами, участниками постоянно за эти 17 лет уходящими. Иногда годы налегали плотной пеленой, и события растворялись в них без следов и остатка.

Главное, что Абеля — полковника Фишера обменяли, не оставили без помощи. Его наши приняли февральским днем 1962-го в каком-то куцем демисезонном пальто тюремного покроя и нелепой маленькой кепчонке. Даже адвокат Джеймс Донован вспоминает, что держался полковник только на силе воле. Вспоминать-то вспоминает, но как же бывшему разведчику Донована было не попытаться в очередной, уж не знаю в какой по счету раз перевербовать доброго знакомца Абеля? И почудилось ему, будто момент выдался благоприятный. За несколько часов до обмена заговорив с подопечным, предложил ему сигаретку. «Там мне этого будет не хватать», — вырвалось у полковника невинное. И разведчик Донован, людей «бывших» в этой профессии не бывает, вновь запетлял, пошли намеки, что лучше бы остаться. Абель пропустил их мимо ушей. Между прочим, домашние дружно говорили мне, что без американских сигарет он проскучал в Москве первые два дня. «А потом я легко перевела его на наш «Беломор», — объяснила мне Эвелина.

Но вот уже шествует по мосту Глинике поправившийся во Владимирском централе на несколько кило Пауэрс. Он в добротном зимнем пальто, в меховой, чуть не пыжиковой шапке, это отмечали все, да еще с чемоданом, полным вещей и, говорят, даже традиционных русских сувениров. Не было, это подтверждал потом сам Вильям Генрихович, никаких пристальных взглядов и вообще никаких лишних движений. Скорее перейти мост, оказаться у своих. Полковник сразу узнал нескольких его встречавших.

А Фишера быстренько отвезли в Карлсхорст. Правда, жена и дочка отыскались не сразу. Их, редкий случай, не терпевших

магазинов, отправили как раз туда, и потом бегали, спрашивали, искали, где ж они. 14-летняя нелегальная командировка с более чем четырехлетним пребыванием в тюрьме завершилась трогательной и долгожданной встречей. И только тут выяснилось: поезд в Москву завтра, а вещей-то у полковника никаких. Пришлось срочно делать закупки.

В Москве его встречали товарищи по Службе. И первая же прозвучавшая на Белорусском шутка оказалась неудачной «Ну, что, Рудольф Иванович, вот и конец истории». И полковник нахмурился. Не мог же он предполагать, что от взятого им имени друга, в декабре 1955 уже умершего, отказаться ему будет никак нельзя. Он и просил, и убеждал, но приказа нарушить не смел, так что до конца дней своих волею начальства оставался под чужой фамилией.

Маленькое восстание жена с дочерью подняли только перед самыми его похоронами мужа в 1971-м. Требовали — умоляли похоронить в семейном склепе на Донском кладбище под собственной фамилией. Соломоново решение было и вашим, и нашим. На памятнике значатся две фамилии — Абель и Фишер, хотя настоящий Абель к тому времени уж как почти шесть лет мирно покоился на Немецком кладбище.

Не просто баш на баш

Итак, 10 февраля 1962-го нашего разведчика Абеля-Фишера, арестованного в США, обменяли на американского летчика-шпиона Пауэрса. Однако позволим себе разочаровать тех, кто уверен: случившееся на мосту Глинике в ГДР и есть самый первый обмен в истории.

Ничего подобного! Просто раньше операции типа этой держались в глубочайшей тайне, что совсем не значит, будто их не было. Так об одной из первых несколько глухо, однако упоминает немка Рут Кучински, работавшая на страну Советов еще с далеких довоенных времен. В начале 30-х задержанного на территории Китая советского резидента сравнительно быстро удалось обменять на задержанного разведчика-чужестранца и вернуть в Москву. Интересно, что даже в эпоху сталинской подозрительности человек этот после тщательной проверки был снова отправлен, как в ту пору говорили, «за кордон».

Еще более неправдоподобным выглядит история Юрека Сосновского. Красавец-поляк выдавал себя за беженца, вынужденного искать счастья в Германии, ибо дома его грозил

убить командир полка, чью жену Юрек соблазнил. Но и в кишащем нацистами Берлине экс-офицер времени даром не терял, меняя дам словно перчатки. Странным образом, все они были связаны с военными ведомствами, а одна даже работала в генштабе у будущего генерала Гудериана. Сосновскому, передавшему на родину 150 секретнейших документов, включая план нападения Гитлера на Польшу, так бы и оставаться нераскрытым, совмещая полезное с приятным, если бы его со всей девичьей агентурной сетью не выдала всерьез втюрившаяся в ловеласа танцовщица-венгерка. Две дамы были казнены, одна — приговорена к пожизненному, а Сосновского гестапо неожиданно обменяло на немецкую шпионку, попавшуюся в Варшаве. Странное дело, но волею судьбы с началом Второй мировой пан Юрек оказался в тюрьме на Лубянке. Так на кого он работал? Этого уже не узнает никто и никогда.

А вот то, что один из руководителей советской разведки Павел Судоплатов и его неизменная помощница — будущая детская писательница Зоя Рыбкина-Воскресенская во всю использовали в Германии так и не раскрытых агентов Сосновского, это точно. Совершенно ясно, что начиная с 1939 Юрек Сосновский сотрудничал с ними очень плотно. Но после нападения Гитлера на СССР офицер-обольститель сгинул.

Фолианты и тома написаны на тему попавшего в фашистский плен Якова Джугашвили, которого его папа-вождь не захотел обменять на фельдмаршала Паулюса. А, может, и менять пленника было не на кого? Сейчас все больше доказательств такой версии: Джугашвили был убит, а немецкие спецслужбы подсовывали Сталину его двойника. Появились недавно некие доказательства, что Сталин и его разведка об этом догадывались, и тогда ставшая крылатой фраза «Я солдата на маршала не меняю» теряет всякий смысл.

Но вот что необходимо заметить. Советская, а теперь и российская внешняя разведка трепетно относится к собственным сотрудникам. Получается так, что попавших в беду выручают (точнее выручали), не считаясь с тем, что другая сторона заламывала цену неимоверную. Наши, что называется, давали за своих гораздо больше. Так за полковника Алексея Козлова, отсидевшего два года в жутких условиях в ЮАР, пришлось отдать больше десяти человек. О сотрудничестве и кооперации западных спецслужб, как и разведок стран ушедшего социалистического лагеря, свидетельствует и легендарный генерал Маркус Вольф, три десятка лет возглавлявший «Штази». В ГДР никогда не останавливались перед тем, чтобы отдать значительное число задержанных агентов из ФРГ, на попавшего в беду советского

офицера.

Однажды для освобождения своего товарища на один немецкий мост пришлось пригнать автобус с 23 людьми.

Напомню, что получившего в Великобритании 25 лет тюрьмы полковника Конона Молодого обменяли в 1964-м на англичанина Гревилла Винна. Интересно, что где бы не отсиживали срок наши разведчики, меняли их обязательно в Германии. Из Западной ее части они плавно переходили-переезжали-перелетали в Восточную.

Известен единственный случай, когда обмен, несмотря на нечеловеческие старания, совершить не удалось. Полностью отсидел свой длиннющий срок Меркадер, убивший Троцкого. Уж какие только меры не предпринимались — его хотели и освободить силой, и скостить срок заключения, высылали группу во главе с… Началась война, возникали непредвиденные трудности. Да и чересчур громким было дело. Меркадер знал, что за него борются, ему помогали, подбадривали. Вернувшегося в СССР Меркадера наградили званием Героя, обеспечили хорошую, по тогдашним меркам, жизнь.

Иногда обмены совершаются, как говорят в разведке, под чужим флагом. Так были с помощью коллег из некогда дружественной польской разведки освобождены радисты Молодого — Лона и Моррис Коэны, работавшие в Великобритании под именем супругов Крогеров. Из Великобритании эту супружескую пару, в отличие от почти всех других, перевезли на самолете не в ГДР, а в Варшаву. Только потом они обосновались в Москве.

Но все это история, пусть как в случае с ныне здравствующим полковником Алексеем Ивановичем Козловым, не такая и далекая.

А есть ли такие, кто мучается сегодня на чужих и далеких нарах? Здесь мы имеем в виду разведчиков, а не агентов, пусть и таких ценных, как американец Эймс. Хотя в свое время академик, а в ту пору Директор СВР Евгений Максимович Примаков, говорил мне, что в принципе не исключает и обмен Эймса. И наш агент знает, что российская разведка о нем помнит.

Но вот что ответил мне на этот прямой вопрос несколько лет назад тогдашний первый заместитель директора СВР Владимир Иванович Завершинский: «Ни один кадровый сотрудник внешней разведки не находится сегодня под арестом или в тюремном заключении за рубежом. Никто не был задержан на длительное время с тем, чтобы его не вызволили, не поменяли или не приняли других мер для освобождения».

И точно. Когда летом 2010-го закрутилась история с арестом

десятки советских граждан арестованных в США по обвинению в шпионаже, они тотчас были обменены на четырех арестованных в России американских агентов.

Разведки разных стран научились договариваться.

Одна, но пламенная страсть

Деликатный вопрос: а как же жил Вильям Генрихович Фишер все свои 14 лет в Америке? И прямой ответ: один, совсем один.

Хотя и здесь нашлись мифоплеты, обещавшие познакомить с «другой, немецкой дочкой» и даже «представить настоящей жене».

Вильям Фишер на всю жизнь остался однолюбом. Встретившись на вечеринке, организованной служившими с ним вместе в Красной армии ребятами, познакомился с Леной Лебедевой. Выпускница консерватории по классу арфы, она, по мнению педантичного Вилли, не отличалась особым прилежанием. Он мог зайти к ней домой на Грановского, засечь время, взяться за газету, и если покорившая его красавица играла не достаточно хорошо, то обязательно звучало: «Мало, Эля, мало, сыграйте еще».

Он был верен ей абсолютно. А в письмах, которые чуть не каждый день посылал своей Эле, до войны часто уезжавшей на гастроли, такая любовь.

Гениален? Значит во всем

Еще в тюрьме Атланты надсмотрщики были поражены: тесты доказывали его гениальность. От арестованного это пытались скрыть, да разве можно было что-то утаить от сокамерников.

В России после проверки полковнику доверили работу на новом участке. Его название столь непростое, что и сегодня не буду удивлять им читателей. Учил молодых. В конце жизни начали выпускать заграницу. Ездил в братские — тогда — Венгрию и не существующую ныне ГДР. От Венгрии его впечатления, как от большого громкого праздника, а в ГДР очень понравилось. Там пытливая местная служба могучей разведки действительно много чего от него узнала, чем полковник был страшно доволен.

А в Потсдаме гостю кроме того пришлось исполнить вместе с коллегой по Службе Мариной Ивановной Кариной и неведомый

до этого полонез. В старинном замке затеяли прием в его честь и, по обычаю, главному участнику торжества и выпадало открывать бал. Он успел шепнуть на ухо партнерше, что много чего в этой жизни умеет, но на полонез это не распространяется. Но они, фигур танца не знавших, быстренько перекинулись парой фраз, и медленно, соблюдая ритм, вышагали весь долгий полонез, ни разу не сбившись. В зале, заполненном представителями двух родственных ведомств, их старания оценили овацией.

Думаю, аплодисменты были неслучайны. Фишер методично и спокойно осваивал все, за что только брался. Что полонез — он хоть, по словам дочери, никогда и не танцевал, но музыкантом был прекрасным. Играл на мандолине, балалайке, уже в США научился, к удивлению друзей — американских художников, играть на гитаре. И в сугубо противоположной — научной деятельности — тоже был докой. Однажды после возвращения из США его повезли на встречу в институт к физикам, и Фишер потряс новосибирских ученых глубочайшими познаниями. Ему предложили: если хотите, возьмем. Но физика, быть может, как-то и была связана с профессией нелегала: кто как ни он добывал для наших ученых секреты немирного атома. А высшая математика? А теория относительности? А щелканье задачек? Или кроссворды — он решал их — что из «Огонька», что из нью-йоркских газет со скоростью неимоверной.

Иногда увлечения переходили в профессиональные. Не случайно же в США Эмиль Гольдфус жил по легенде художника Его профессионализм никогда не попадал под сомнение. Знаменитый американский живописец Берт Сильвермен считал своего друга Эмиля квалифицированным мастером, быть может, чересчур привязанным к искусству реализма. Любопытно, что в Штатах Эмиль Гольдфус, публично осуждавший абстракционизм, все же проникся новым духом времени, и его картины нью-йоркского периода избавлены от той определенной традиционности и фотографической тщательности, с которой выписаны прежние, более ранние подмосковные пейзажи. Он повысил уровень живописи и с этим не поспоришь.

Нечего спорить и по поводу писателя Фишера. Правда, свои произведения издавал под псевдонимами. Так повесть «Конец «черных рыцарей», вышедшая из-под пера выдуманного им «Ивана Степановича Лебедева» была хорошо встречена читателями. И не только. Персонажи все те же — советский разведчик под псевдонимом Флеминг, его друзья участники французского Сопротивления и недобитые фашисты, упорно сопротивляющиеся где-то в Латинской Америке. Можно строить догадки: сюжет взят из жизни — причем собственной. И повесть так понравилась на

телевидении, что по книге сняли телеспектакль. Конечно, ныне исчезнувший. Плохая была пленка, не так хранили. Да и книгу я отыскал с трудом.

Сохранились его разрисованные к праздникам открытки. В них легкость, лес, снегири. И дисциплинированность: нравилось — не нравилось, хотелось — не хотелось, но, как и требовалось, он и дома подписывал их на русском — Р. или Рудольф Абель.

Существует легенда, будто президент Джон Кеннеди и даровал ему свободу в обмен на присланный из тюрьмы портрет. Возможно, рисовал он красавца Джона, сидя в камере. Но что дарил, моля о свободе… Не в его это духе. Портрет, в отличии от многих его рисунков, акварелей, карандашных набросков и серьезных работ так никогда и не был найден.

А вот его самого не только рисовали, но и выставляли. Портрет Эмиля Гольдфуса кисти Бертона Силевермена украшал персональную выставку в Академии американского дизайна в Нью-Йорке в феврале, за два месяца до ареста, 1957-го. И Сильвермен невзначай предугадал то, на что с 1948-го не обращало внимание ФБР. На портрете Гольдфус вольготно расположился в своей мастерской. На столе — всякая всячина, на стенах, как и полагается, картины. А по правую руку — огромный мощный радиоприемник, по которому друг — полковник и принимал Москву. Вот она, сила предвидения настоящего искусства. Впрочем, Сильвермен не предал товарища и во время слушаний в суде. Чтоб все они так отзывались о наших, обвиняемых в шпионаже, как Берт об Эмиле.

Связник полковника

Тогда, в довольно частые времена наших регулярных встреч, полковник Службы внешней разведки Юрий Сергеевич СОКОЛОВ, оставался последним из оставшихся в живых, кто работал с Фишером-Абелем не в тихих кабинетах Лубянки, а, как говорят разведчики, «в поле».

Полем были Соединенные Штаты, а точнее город Нью-Йорк и его окрестности. Молоденький лейтенант госбезопасности, волею судьбы стал связником разведчика-нелегала.

— Юрий Сергеевич, если можно, то давайте сразу о главном. Как и где вы впервые вышли на связь с Абелем?

— Первая встреча с Марком, он действовал под этим именем, была несколько необычна. Место встречи определил Центр, а не резидентура в Нью-Йорке, как обычно принято. И оказалось, что

это в трех кварталах от моего дома. Значит, дополнительный риск. Предстояло особенно тщательно проверяться, нет ли «наружки». И задачу мне поставили такую: мгновенно установить контакт, сообщить ему о месте нашей ближайшей встрече уже в каком-нибудь другом надежном районе и на этом быстренько разойтись. Проверялся я долго, подъезжаю к кинотеатру, где Марк должен стоять, выхожу резво из автобуса, конечно, первым, за мной — никого. И быстро, быстро, чуть не бегом — к тому месту. Вижу — он, уронил я что-то такое около него, подобрал и по-русски: «Товарищ Марк, через пять минут в туалете кинотеатра».

— А как нелегал понял, что вы — свой?

— Да совершенно ясно: во-первых — говорю по-русски, во-вторых, назвал его оперативным псевдонимом.

— Почему именно такой псевдоним?

— Он сам его выбрал. Короткий, простой. Ну, я смотрю, он спокойно идет к кинотеатру, а я на всякий случай еще разок проверился. Забежал в том же темпе в маленькую лавчонку, купил себе фруктов, конфет. Все нормально, и я быстро-быстро в кинотеатр, спустился в туалет. Там — никого, кино началось, и он увидел меня, подошел, обнял. Обнялись, а я немножко откинулся и говорю: давайте сначала пароль скажите. Марк мне: да-да, назвал пароль, я — отзыв и полная гарантия. Он теплые слова, я ему тоже, что рад видеть. Я ведь знал — он выдающийся нелегал. Показываю на записочке: встречаемся тогда-то и там-то. Он кивает, мол, знаю, знаю. Я ему никаких бумажек, оставляю их при себе, передаю письма от родных, и говорю «гудбай». А Марк на прощанье спросил, нет ли у меня денег: «У меня совершенно ничего. Заложил все, что только мог. Нет ли у вас?» У меня с собой около ста долларов, отдал, конечно до новой встречи оставалось два дня, и я принес ему уже нормальную сумму.

— Роскошества не было. И, судя по вашему рассказу, нелегал Марк, так тянет назвать его Абелем, оказался в положении нелегком. Давно не видел своих?

— Какое роскошество. Ему как раз крайне надо было, просто необходимо, встретиться. Связника у него не было.

— Юрий Сергеевич, насколько знаю, в США вы работали под дипломатическим прикрытием. А ведь считается, что дипломаты, и другие разведчики, которые под крышей посольства ли, торгпредства, с нелегалами в целях безопасности общаться не должны.

— И наша легальная резидентура, была вынуждена, вернее могла и обязана, оказать помощь нелегалу в установлении более четкой связи с Центром. Я сначала в США трудился в посольстве,

а на момент встречи с Марком уже в представительстве СССР при ООН, и задача выпала на меня.

— Долго ли еще пришлось выступать в роли связника Абеля?

— С Вильямом Генриховичем Фишером довелось работать около двух лет.

— Сколько же было встреч как та, первая?

— Были личные встречи, безличные, тайниковые операции. Личные встречи были не частыми, но запоминающимися.

— Юрий Сергеевич, поясните, пожалуйста, эти ваши термины — личные, безличные, тайниковые…

— Личная — это, понятно, когда я вижу, с кем встречаюсь. Но злоупотреблять ими нельзя, потому что каждая требует сложнейшей подготовки, огромного внимания, напряжения, в том числе и нервного. Я же прекрасно понимал, что значит провал нелегала. Любая моя оплошность может обозначать его бегство или даже что-нибудь похуже.

— Что?

— Страшнейшее — арест. И потом я понимал, что означает подготовить человека к такой работе. Поэтому вопросам безопасности уделялось первостепенное значение. Личные встречи были редки, ну, может, раз в квартал, и я их все помню.

— Может, расскажите о самых запомнившихся?

— Расскажу, но сначала отвечу на другой ваш вопрос — о встречах безличных. Встречи безличные, безличная связь, это, к примеру, когда я закладываю контейнер в какое-то условное место. Называется — тайник. Ставлю определенный сигнал, обозначающий, что я заложил информацию, материал в каком-нибудь контейнере. Нелегал или другой мой коллега это видит, принимает сигнал. Идет к тайнику и изымает из него материалы. Это и есть тайниковая операция. Но можно также действовать и с помощью сигналов различного типа, условных меток, знаков, которые ставятся, а затем считываются в условленных местах и служат для нелегала определенной информацией.

— Допустим, крестики — нолики.

— Это — дело изобретательности. Каких-то стандартов здесь не бывает. Многое зависит от оперативного работника, от страны, в которой трудишься, от ее обычаев. Поставленный сигнал должен не бросаться в глаза окружающим необычностью или еще чем-то еще. Чтобы какой-то случайный человек или совсем неслучайный — из контрразведки — не обратили внимания на этот сигнал и не поставили около него своего наблюдающего. Вы говорите «крестики — нолики»? Хорошо, допустим, кнопка, воткнутая в определенное место. Или фигурка, кружочек, тоже обозначенные в заранее договоренном местечке. А может быть

изменение положение какого-то предмета.

— А какие варианты были у вас?

— Различные, их бесчисленное множество, и одного какого-нибудь я не придерживался. У каждого конкретного оперативного работника — свои. У меня была метка мелом, очень удачно получалось с гвоздем. Например, шляпка вверх — все нормально. Вниз — значит, подожди, не делай. А с Марком у меня был эпизод своеобразный. В тайниковых операциях проявлял он невероятную изобретательность. Контейнеры изготовлял — прямо товарное производство: и болтики, и гайки, и чего только не вытачивал. Решил и я изобрести нечто оригинальное. Почистил, проскоблил куриную косточку, и внутри получилось отверстие толщиной в палец. Я для верности помочил в керосине, чтоб кошка-собака случайно не утащила. Всунул тонюсенькие листочки, заделал аккуратненько отверстие пластилином и бросил в тайник. Через день — тревога. Марк выставил наш условный сигнал, что контейнера не нашел. Запросили Центр…

— Неужели по такому незначительному поводу запрашивали Москву?

— Повод как раз значительный. Мы в Нью-Йорке — и резидент, и я все-таки предположили, что Марк контейнера не узнал. Моя ошибка. Ведь я об изменении вида его не предупредил. У нас все на нюансах, на тончайших деталях. А вдруг… Но Центр другого оперативного работника вводить не стал, разрешил проверить мне. И нашел я эту свою злосчастную косточку — лежит себе в высокой траве невскрытая.

— Откуда вы знаете, что никто ее не вскрывал?

— Так мы всегда меточку ставим. Потом мы с Марком все это отрегулировали. Оказывается, он все-таки взял косточку в руки, но на контейнер она, понятно, похожа не была, и отбросил мою штуковину. Человек Марк был исключительно тактичный. Представляю, чего натерпелся, а мне, молодому, только и сказал: «Ну, ты меня и перехитрил».

— Вы, наверное, единственный из всех работавших с нелегалом Марком, кто может сейчас рассказать о нем не только как о разведчике. Понимаю, что встречи были и скоротечны, и рискованны. Но ведь возникали же разговоры и доме, близких, о возвращении.

— Конечно. Однажды где-то далеко, на берегу океана мы с Марком говорили долго, откровенно и, что случается редко, на русском. Передал я ему письмо от жены. И тут суровый нелегал, никогда своих чувств не выдававший неожиданно обратился с неуверенной просьбой: «Расчувствовался. Все время один. Знаете, я очень тоскую по дому. Нельзя ли как-нибудь так устроить,

чтобы я смог увидеться с женой? Посмотрел на нее хоть издали, как она идет….»

— Но ведь в принципе это же было возможно?

— Спросил, как ему это видится. Он говорит, ну хотя устроить ее на ту же работу в представительство ООН на какую-нибудь должность? А я-то знаю, что увидев жену, вряд ли можно будет устоять и не предпринять попытки организовать личную встречу и так далее.

Я замолчал, задумался. И мысли мне в голову пришли те же, что и резиденту — нелегалу. Сначала визуальная встреча, затем где-нибудь в кафе, а потом, возможно, и встреча в мотеле. И словно в такт моим мыслям прозвучало от Марка глухое: «Да, а потом встреча, маленькая гостиница — «наружка», их спецслужбы. Нет, ничего не надо, забудьте». Я его таким никогда — ни до, ни после не видел. И впервые за годы совместной работы по щеке нелегала скатилась слеза. Он ушел к океану, всматривался во что-то ему одному ведомое. Вернулся: «Понимаю, это — несбыточная мечта, но приходит иногда в голову». Больше похожих просьб не звучало. Похожие чувства испытывали наверняка и другие, отлученные от родины нелегалы.

— А помните, Юрий Сергеевич, знаменитый эпизод из «Семнадцати мгновений весны», когда Штирлицу устраивают вот такую встречу с женой?

— Может, писатель Юлиан Семенов, который знакомился в архивах с нашими материалами, наталкивался на нечто подобное. Я об этом в своем отчете написал.

— Юрий Сергеевич, а как вообще складывается личная жизнь нелегала заграницей? Некоторые едут семейными парами, как Герой Советского Союза Геворк Вартанян и его жена Гоар, или супруги Федоровы… Ведь одному же — действительно тоска смертная. Не возникает ли мысли обзавестись связями, может, и семьей?

— Мне сейчас об этом трудно говорить. Но представьте себе, что мне, как работнику, приблизительно такой вопрос был задан, попросили из Центра, узнать, как там у товарища Марка с личной жизнью. Ведь сколько лет все один и один. Нет ли у него кого-то рядом. Преодолев колоссальную неловкость и выбрав, как мне казалось, удачный момент, был вынужден осведомиться, пусть и деликатно. И я, испытывая колоссальную неловкость, был вынужден спросить его об этом. Марк мое смущение заметил. Подбодрил даже, «не смущайся, вопрос вполне понятный. Но я могу твердо ответить, что верю, вскоре встречусь с семьей, и никаких других наклонностей или желаний у меня не было и

нет». Вот так.

Потом, когда мы уже садились в машину, взявшись за ручку двери, он вдруг: «Скажите, а что, у нас начальство сменилось?». Я поразился, ведь точно сменилось и совсем недавно. но как догадались? Марк грустно улыбнулся: «Да ничего страшного. Просто каждый раз, когда они меняются, то ко мне обязательно тактично с этим вопросом. Не красней, я уже привык».

И еще раз мы с ним заговорили о доме, когда встречались не в Нью-Йорке, а на берегу океана. Обсудили всевозможные наши вопросы, и смотрю я, Марк словно окаменел, просто как памятник, как статуя, вглядывается в океан. Мы долго молчали. А потом он вздохнул: «Там моя родина, мой дом».

Я пишу стихи. Одно, навеянное той нашей встречи посвятил ему. Вот отрывочек:

Ощутить как меняются блики и краски,
Шум и буханье волн и спокойствия миг.
И побыть одному хоть минутку без маски,
Неизбежной, не нашей, к которой привык…

Я проработал в Штатах без всяких отпусков больше пяти лет. А приехал еще в 1948-м. Потом вернулся, снова уехал. Передал Вильяму Генриховичу уже в 1963-м, когда он все-таки вернулся.

— Юрий Сергеевич, а вы знали тогда, какие конкретно сведения передавал Абель?

— Нет, у нас это не принято. Все Марком переданное мы отправляли в Центр.

— Я знаю, что вы работали со многими ценнейшими нашими агентами, с разведчиками-нелегалами. А каково все-таки место Фишера-Абеля в этом славном ряду?

— Прежде всего в этом, как вы говорите, ряду я бы назвал тех, с кем свела судьба. С Моррисом и Лонной Коэнами меня многое связывало. Они добыли для нас ценнейшие сведения, вывезя материалы прямо из сверхзасекреченного американского городка Лос-Аламоса, где велись работы по созданию первой атомной бомбы. Я бы причислил к этой плеяде и Вильяма Генриховича Фишера. Специфика службы такова, что не все из им сделанного обнародовано. Но его неоднократно награждали, а в разведке в то время поощрения были нечасты. Даром не награждали.

— Но среди всего обилия наград нет одной, самой важной. Человек, ставший символом советской внешней разведки, так и получил звания Героя.

— Коэны тоже не дождались этого звания при жизни, награждены посмертно — они Герои России. И в отношении

Вильяма Фишера эта, быть может, ошибка тоже исправима.

— Юрий Сергеевич, у меня ощущение, что и вас награды и звания несколько обошли. Вы как бы растворились в атмосфере всей этой секретности, закрытости…

— У меня полковника 50 лет выслуги и несколько орденов. Еще в 1948-м в Нью-Йорк, где я служил, приехала делегация — писатель Фадеев, кинорежиссер Герасимов, академик Опарин. Мне, как молоденькому сотруднику посольства поручили ее сопровождать. И помимо всего прочего, пошли мы, как попросил Герасимов, в китайский ресторан. Разрезает Фадеев поданный на десерт бисквит, а там ленточка. Просит меня перевести, что на ней написано: вас ждет успех. У Опарина — тоже нечто похожее. И тогда Герасимов обращается ко мне: «А что у вас в бисквите? На моей ленточке значится: never be afraid — никогда ничего не бойся. Прямо дали мне американцы благословение. Очень оно было кстати. Я им воспользовался».

— И вы всегда спокойно шли на встречи, операции?

— У нас с вами разговор получился честный. И скажу вам. Что я волновался всегда, когда готовил операцию, волновался перед тем как провериться — есть ли наружное наблюдение, обеспечена ли безопасность перед встречей. Волновался, но до порога. Как только переступал порог резидентуры, уходил из нашего прикрытия, то сказать, что я чего-то боялся или так уж волновался — нельзя. Концентрировался на определенной работе, сосредотачивался на определенных шагах, действия, которые были запланированы. Иначе у нас — нельзя. И выполняем мы свою работу не ради наград и генеральских званий.

Вместо эпитафии

Все в нашей жизни будто улетучивается в какую-то черную дыру. Чтобы этого не произошло с разведчиком Вильямом Генриховичем Фишером, он же Рудольф Иванович Абель, я на всех известных мне языках и собираю материалы о Герое. А он не стремился превратиться в такового. Дважды в семейной переписке попадались мне письма Вильяма Генриховича к жене. С нею, до конца дней в Элю влюбленный, был Вилли откровенен. Перед войной он называл годы, проведенные вне Службы без нервов, слежки, «наружки»… самыми счастливыми. И что это было за время — с 1939-го, когда мучился без денег и без работы, а потом вкалывал на радиозаводе за скромную зарплату простым инженером. Во время войны мечтательно писал откуда-то из

лесов супруге, что вот закончится «все это» и в свой Наркомат, понятно какой, он больше не вернется, займется живописью. Чувствует в себе и тягу, и силу потеснить других. Однако после войны «все это» и не думало заканчиваться. А закрутилось — завертелось, сломав и выковав судьбы, разрушив и превратив обычные жизни в жизни замечательных людей, в имена настоящие или, как в случае с разведчиком-нелегалом Фишером, — вечные…

Отец снова рвался в бой

О знаменитом советском разведчике-нелегале Кононе Трофимовиче Молодом, действовавшем на Западе под оперативным псевдонимом Бен и носившем там имя сэра Гордона Лонсдейла рассказывает его сын Трофим Кононович.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Молодый Конон Трофимович, русский, 1921 года рождения. один из наиболее открытых и в то же время засекреченных наших разведчиков. В детстве, спасаясь от голода, был отправлен родителями в США к своей тетке. Во время войны — фронтовой разведчик. После окончания Московского института внешней торговли и специальной подготовки отправлен под именем Гордона Лонсдейла заграницу. действовал под оперативным псевдонимом Бен. В США работал вместе с легендарным Абелем Фишером. В Англии разведчик-нелегал добыл ценнейшие данные, но в результате предательства офицера польской разведки был арестован и приговорен в 1961-м к 25 годам заключения. отсидев несколько лет в тюрьмах ее Величества, был обменен в 1964-м на англичанина Гревилла Вина — связника советского шпиона Олега Пеньковского. скончался в 1970-м, не дожив до 50. считается, что именно судьба Конона Молодого — Бена легла в основу культового фильма «Мертвый сезон».

В судьбе Конона Молодого осталось столько непонятного, что часть этого то ли специально, то ли по ошибке накрученного, коснулась и биографии сына. В одной из книг написано, будто родился он в 1959 году в Варшаве. Трудно поверить. Ведь как раз в то время нелегал Бен трудился в Великобритании.

Трофим Кононович усмехается. Нет, родился он в 1958-м, и ни в какой не в Варшаве, а в Москве. Жил здесь, в Пролетарском районе. Отец в то время был действительно далеко, но раз в год, или даже чаще, вырывался домой. Наша разведка придумывала ему такую легенду, которая полностью оправдывала отсутствие в Лондоне. Практика тогда отработанная: на материк в Европу

выезжал мистер Лонсдейл, где-нибудь Париже или Цюрихе ему меняли документы и в Венгрию, ГДР или Польшу приезжал человек совсем под другой фамилией. А оттуда и до Москвы этому «иностранцу» оставалось совсем недалеко.

Жили с мамой в густонаселенной квартире на Ново-Остаповской с бабушкой и маминой сестрой… Отец писал подробные отчеты, получал новые задания, и вскоре в Лондоне вновь появлялся мистер, а потом после присвоения Ее Величества титула, сэр Лонсдейл. Раньше же все не было так компьютеризировано, как сейчас, границы пересекались сравнительно легко.

А во второй половине 80-х, когда в преддверии перестройки люди вздохнули чуть свободнее, популярнейший актер Вячеслав Тихонов поведал в одной из газет, что воплотить образ советского нелегала Штирлица, осевшего в глубоком немецком тылу, ему помогло личное знакомство с другим разведчиком, вполне реальным, работавшим в Лондоне. Тот подсказал ему, как общался в кафе одними лишь глазами с женой, вывезенной к нему на мимолетную встречу. Но, увы, такого не было. С женой Галиной Петровной, Конон звал ее Галюшей, он встречался заграницей лишь однажды. За несколько месяцев до рождения Трофима, она, уже беременная, отправилась отдыхать вместе с Кононом к нашим в ту пору большим друзьям чехам в Карловы Вары. А так, виделась с мужем только во время его коротких наездов в Москву.

И манеру курить, по словам того же актера, он перенял у Конона. Но Молодый, как вспоминает его сын, вообще не курил. В семь лет мама поймала его с папироской, и он дал ей честное слово: «Больше — никогда не буду». И с тех пор — ни разу. А курево, исправно получаемое на фронте, он менял на маргарин. В английской тюрьме заключенный Лонсдейл обменивал табак на бутерброды.

А уж если мы вместе с Трофимом Молодым взялись опровергать всяческие мифы, касающиеся его отца, то придется развенчать еще один. Не раз писалось, что где-то в 1943-м году юный десантник Молодый, засланный в тыл к фашистам, был арестован и доставлен на допрос. Офицер Абвера, это был советский разведчик Рудольф Абель, его узнал, надавал пинков и буквально вышвырнул за порог. И, якобы, уже в солидном возрасте они с Абелем — Фишером этот эпизод вспоминали. Молодый даже жаловался на боль в копчике.

Трофим Кононович называет это сплошной трепотней и выдумкой. Отец действительно служил во фронтовой разведке артиллеристского дивизиона, с НКВД, понятно, никак не

связанного. Трофим был знаком с Владимиром Чеклиным, старшим группы, в составе которой Конон Молодый ходил за линию фронта брать языков. Служили, как они сами рассказывали, «весело», но как же безжалостна война. Чеклин говорил Трофиму, что после одной удачной зимней вылазки доложил он в штабе о взятом языке и возвращался знакомой всем разведчикам тропинкой в свою землянку. А его ребята понатыкали в сугробах замерзших мертвых немцев с оружием в руках. Идет дядя Вова Чеклин, такой спокойный и довольный, поворачивает к землянке — и тут немцы. У него рефлекс: падает, стреляет во фрицев чуть не в упор, а они стоят. И вдруг из-за бугорка — дикий хохот. Что вы хотите. Это разведчики — молодые парни 1922 года рождения, разыграли командира.

А Конона Молодого призвали в 1940-м. Награжден двумя орденами Отечественной войны Первой и Второй степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги»…

Орден Красной Звезды получил весной 1945-го. Наши никак не могли взять Кенигсберг. Нужен был хороший язык, не солдат, а у разведчиков — ну никак. И наткнулись они на какое-то странное место: въезжают автомобили и словно под землю проваливаются. Причем днем машины все больше обшарпанные, вечерами — «Мерседесы», «Опели»… Подобрались разведчики поближе, разузнали. Оказалось в подземном бункере, там и скрывались машины, разместили немцы публичный дом. Утром туда — солдаты, вечером — уже офицеры. Наши их накрыли поближе к ночи, захватив кучу офицеров. Командиру группы — Боевое Красное Знамя, лейтенанту Конону Молодому — Красную Звезду. Это уже чем-то отдаленно походило на то, с чем пришлось сталкиваться во внешней разведке после войны. Но до всего этого надо было еще «доехать».

Расписался он на Рейхстаге. И в 1946-м уже демобилизованный старший лейтенант Молодый возвращался домой на трофейной легковушке. Проехал на ней всю Европу, тут тоже проглядывался будущий разведчик. Догнал по нашим разбитым дорогам до самой до Москвы. Здесь его и остановили, а машину отобрали.

Сам и без всякой помощи поступил в престижный московский институт. Был человеком талантливым, учился хорошо. Особенно здорово давались языки. Английский — как родной, с американским произношением.

Ну, это понятно: детство с 1932-го по 1938-й Конон провел у тети Анастасии Константиновны, старшей сестры своей мамы Евдокии Константиновны, в США. Отец Трофим Кононович скончался в Москве от инсульта. Был он далеко не стар, семье

ничего не оставил, и жена с детьми бедствовали. Денег никаких, в стране чуть не голод, введена карточная система. Всяческими правдами и неправдами, Конона удалось вывезти в Калифорнию. Учился, радуя тетю и преподавателей, однако страшно скучал по дому. Тетя Анастасия Константиновна не хотела отпускать любимого племянника в Москву, но он показал характер, и с помощью сотрудников советской дипломатической миссии был отправлен на родину. Так что школу заканчивал уже дома.

А после войны в институте всерьез взялся за китайский и выучил его. У сына Трофима до сих пор сохранился учебник китайского, который его отец написал в Москве еще студентом, взяв в соавторы настоящего носителя этого труднейшего языка. Может, помимо способностей сказались и гены? Ведь родители Конона были профессорами. Да, наверное, и жизнь в Калифорнии, когда судьба забросила паренька в совсем новую среду, пробудила способность к языкам. Как бы то ни было, Молодый знал немецкий, легко освоил французский.

Трофим уверен, что именно в институте люди из советской внешней разведки заинтересовались талантливым студентом-полиглотом: прошел всю войну разведчиком, член партии с 1942-го, с американскими реалиями за восемь лет жизни в Штатах знаком прекрасно. Из кого же еще, как не из таких верных и способных готовить нелегалов?

С 1951-го, как полагает Трофим Кононович, отец уже проходил специальную подготовку. Из него, учившегося на специальных курсах уже под другой фамилией, тщательно лепили разведчика. Конечно, не лишними оказались и кое-какие военные навыки. Хотя разведка фронтовая и нелегальная — это небо и земля.

А где-то в конце 1953-го — начале 1954-го Конон Молодый напрочь исчез. Родственникам, друзьям сообщил, что по распределению отправляется в Китай, в провинцию отдаленную и недоступную. Для молодого специалиста командировка по тем временам даже завидная. Родственники ни о чем не догадывались. Если раз в год выбирался в Москву из далекой своей китайской тьмутаракани, все были счастливы. И подарки домашним привозил соответствующие. Трофиму, к примеру, расписные тарелочки с фанзами, китайские картиночки. Да, товарищи из Центра легенду прикрытия соблюдали со стопроцентной достоверностью.

Возникала нужда отправить письмо сыну и мужу, и домой к Молодым приезжали любезные люди «из МИДа». Китайская провинция такая далекая, что посылать туда или оттуда письма — бесполезно, не дойдут. Так что, пожалуйста, пишите, мы

обязательно передадим с оказией.

А Конон Молодый в это время уже работал в Северной Америке. Легенда была такая. Его «папа» канадец Лонсдейл, действительно погиб на войне, «мама» — финка по национальности, умерла. Их документы, как и метрика сынишки Гордона, имевшиеся у советской разведки, были подлинными. Возможно, прошел и какие-то курсы финского.

Гордон Лонсдейл вырос, и потянуло его на историческую родину. И, как полагает Трофим, году в 1953-м, Гордон уезжает из Финляндии. Мир посмотреть, себя показать. И вот в Канаде появился начинающий бизнесмен Гордон Лонсдейл, он же советский разведчик под псевдонимом Бен.

Там, как полагает Трофим Молодый, его отец пробыл месяца три-четыре. Легализовался, получил уж совсем подлинные документы. И в Америку приехал, чтобы, опять-таки по легенде, получить хорошее образование. Оттуда — в Лондон, где, как совершенно верно вычислили еще в Москве, учеба обходилась гораздо дешевле. Да и в Штатах долго оставаться было нельзя: не будешь же годами раздумывать, куда ехать учиться, не стыковалось бы это с легендой. И как бы Гордон объяснил, на что он живет в Нью-Йорке? Потому и торопился с отъездом.

Во время всех этих переездов произошла история, которая может случиться с любым, даже самым подготовленным разведчиком-нелегалом. В парижском аэропорту к нему бросился с объятиями однокашник Жора Маслов. И здорово обиделся, когда Конон Молодый, пять лет с ним проучившийся, не признал Жору за своего.

А до Европы Бен прошел отличную стажировку в Нью-Йорке. Опытнейший нелегал Абель-Фишер, резидент советской разведки в Штатах, передал на связь молодому помощнику своих ценнейших агентов-американцев — супругов Морриса и Лону Коэнов. Молодый-Лонсдейл набирался опыта. То, что он изучал в теории в подмосковной разведывательной школе, теперь приходилось осваивать на практике: устройство тайников, выемка и закладка информации, ее передача, встречи с агентами… Постоянная проверка, нет ли «хвоста»… Работа с Фишером и Коэнами была Бену на пользу. Возможно, (это всего лишь версия Трофима Молодого), но Центр специально, еще в США, познакомил его отца с Моррисом и Лоной. Трофим полагает: еще тогда планировалось, что в Лондоне они после вывода отца из США станут радистами Бена. Сам Конон Молодый уже в Москве любил повторять, и Трофим как следует его слова запомнил, что «успех в разведке всегда приходит по плану».

Так и получилось, только в Англии Коэны работали уже под

именами другими — Питера и Хелен Крогеров из Новой Зеландии. А Питер Крогер в Москве незадолго до своей кончины рассказывал автору этой книги: в Нью-Йорке именно Бен был одним из наиболее приятных и доброжелательных его связных. Так что личный, чисто человеческий контакт, без которого в разведке сложно, был установлен еще в Штатах.

Но давайте вернемся в Англию, предлагает Трофим Кононович. Там его отец взялся за изучение китайского языка — на сей раз в Лондонском университете. Начинающему коммерсанту и студенту Гордону Лонсдейлу было уже, как и почти всем его однокурсникам, за 30. Возраст этот никого не смущал. Во-первых, война отодвинула для союзников американцев и англичан сроки учебы. Во-вторых, брались штурмовать китайские иероглифы люди зрелые, имевшие уже по одному, а то и по два диплома. Все они объясняли стремление освоить экзотический тогда для Европы язык одним: страстным желанием сделать хороший бизнес в набиравшей силу громаднейшей стране.

И еще в Москве, когда решалось, где приложить Конону лингвистические и прочие способности, было решено остановиться именно на китайском. В Центре справедливо рассудили, что и американская, и британская разведки перед отправкой в КНР пошлют своих офицеров в университет, чтобы как следует подучиться языку предполагаемого противника. Что почти стопроцентно подтвердилось. Вместе с разведчиком из Москвы китайский «грызли» его западные коллеги. Все они были выявлены Кононом, данные переданы в Центр. Один из однокашников даже признался ему на прощание: «Знаешь, Гордон, из всей нашей группы только ты и я — не разведчики».

Конону Трофимовичу тогда вообще пришлось нелегко. Автору учебника китайского надо было делать вид, что он совсем не знает языка. А однажды сокурсник чуть не заставил Конона — Гордона рассмеяться и нарушить всю конспирацию. Учил пить фронтовика — разведчика русскую водку маленькими рюмками и крошечными глотками.

В Англии Бен завербовал нескольких агентов, добыл немало ценнейшей информации. Он получил образцы военной продукции, разработкой которой как раз и занимались немецкие ученые, служившие в годы войны еще Гитлеру. Кстати, отсюда и одна из сюжетных линий «Мертвого сезона».

Успешно шла и коммерческая деятельность Бена. Он сэкономил немало средств для советской разведки. Его игровые автоматы приносили Гордону Лонсдейлу солидные доходы, превратив в независимого человека. Так что обычно непростой

для разведчиков-нелегалов вопрос — как объяснить окружающим, откуда деньги? — отпал сам собой. Удачливый коммерсант Лонсдейл аккуратно отчитывался и перед британской казной, платя налоги, и перед Центром.

Дома Молодый подсмеивался, клялся, то ли в шутку, то ли всерьез, что сделал состояние благодаря политэкономии и учению Карла Маркса.

И даже попав в тюрьму, Молодый сумел заработать огромные по тем временам деньги для своей родной службы. Еще во время судебного процесса волею обстоятельств заключил он с одним крупным британским изданием контракт. За книгу «20 лет секретной службы» с описанием собственной жизни ему полагалось 100 тысяч фунтов. Вот уж где Конон Трофимович дал волю богатой фантазии. Сын, потом переводивший опус с английского на русский, называет его бредом, настолько в книге все поставлено с головы на голову. Сам Конон Молодый, вернувшийся после отсидки домой, только смеялся над этой своей дезинформацией. Кстати, возможно, отсюда и многочисленные мифы о Лонсдейле — Бене. В его писания поверили, их растиражировали на многих языках, и пошли по миру гулять легенды о Гордоне. Но британцы об этом и не подозревали, рассчитались с сидевшим в тюрьме автором сполна, а он, как и полагалось в те годы, передал весь гонорар до последнего пенса Родине. Правда потом книгу рискнули перевести коллеги по социалистическому лагерю — поляки. Ведь и предал Конона их соотечественник, да и один из поставщиков информации, с которым Бен имел дело в Англии, был завербован в Варшаве. И вот мизерную сумму за публикацию этого перевода на польский Конону Трофимовичу милостиво разрешили получить в Москве.

А из Лондона всю добытую Беном и его источниками информацию в советскую столицу передавали скромные владельцы букинистического магазина Крогеры. Они же идеальные связники и радисты советского резидента Бена.

Как-то в 1959 Молодый приехал на квартиру радистов с высоченной температурой. Элементарно порезал руку, а началось заражение крови, предлагали даже ампутировать руку, иначе, мол, гангрена. Помог врач-китаец, вылечивший Гордона-Конона какими-то своими экзотическими методами. Однако несмотря на дикую боль, встречи с радистами пропустить было никак нельзя. Бен попал прямо на сеанс радиосвязи с Москвой. Тут тетя Лона, как называет крестную Трофим, читает ему только что полученную радиограмму: «Трофим, 53 сантиметра». Конон переспрашивает, не понимает. Тут Лона ему: «Дурак, у тебя сын

родился». И Молодый, отметив после выздоровления, счастливейшее событие, предложил друзьям стать крестными его сына. С тех пор Конон Трофимович так и обращался к Коэнам, уже в Москве говорил жене Гале и Трофиму: «Поедим к крестным».

— Трофим, а вы их знали? Посмертно оба стали Героями России.

— Я звал ее тетя Лона, а его дядя Петя. Они — мои названные крестные.

Молодого же арестовали в 1961-м из-за предательства офицера польской разведки. В 1961-м его приговорили к 25 годам заключения. Всю вину Гордон Лонсдейл взял на себя. Однако и Крогеры, не сказавшие на суде ни слова, и агенты Бена, решившие сотрудничать с британской контрразведкой, получили неожиданно суровые сроки заключения. Интересно, но именно в лондонской тюрьме судьба свела Бена с другим пленником и тоже советским разведчиком Джорджем Блейком, приговоренным за шпионаж в пользу Советов к 42 (!) годам. Бен поражал загрустившего было Блейка невиданным в тюремных стенах оптимизмом. Спорил с англичанином, доказывая ему, что через несколько лет они с Джорджем встретятся на параде в честь 7 ноября на Красной площади. Удивительно, но так и случилось. Отсидевшего несколько лет в тюрьмах Ее Величества Молодого обменяли в 1964-м на англичанина Гревилла Винна — связника предателя Олега Пеньковского.

А дома в Москве об аресте сына, мужа и отца даже не знали. Только когда в Лондоне уже вовсю шел судебный процесс, к Галине Петровне пришли и сказали: ваш муж — советский разведчик, ему грозит долгое тюремное заключение. «Мама была в шоке, от которого было трудно оправиться», — вздыхает мой собеседник Трофим Кононович. Потом сообщили и о жесточайшем приговоре. Маленький Трофим, было ему три года, никак не мог понять, почему мама все время грустит и плачет.

Отец не любил рассказывать домашним о тюрьмах Ее величества. Правда, изредка, но проскальзывало в разговорах, что сначала, когда Гордона Лонсдейла еще надеялись перевербовать, держали его в одиночной холодной камере. Отключали свет, а потом ночью включали, не давая спать. Но стойкость Гордона скоро убедила и настойчивых англичан: этого — никогда не сломать. И Гордон Лонсдейл зажил обычной тюремной жизнью, стараясь не выделяться среди сокамерников. Сбавил в весе, ходил на прогулки, работал над книгой. И ждал, терпел, веря, что свои не бросят и в беде не оставят.

Уже потом, после возвращения отца из Англии, Трофим

Молодый познакомился и с другом своего отца Вильямом Фишером — Рудольфом Абелем, и его дочерью Эвелиной. И там семье сообщили об аресте Абеля-Фишера без излишних подробностей. Вроде бы конец 50-х — начало 60-х, хрущевская оттепель, однако излишней информацией семьи арестованных разведчиков совсем не баловали.

Правда, когда в апреле 1964-го Конон Трофимович вернулся домой, семье довольно быстро дали двухкомнатную квартирку в доме на Фрунзенской, где и сейчас живет немало чекистов. Трофиму только-только исполнилось шесть, а накануне отца обменяли. Пришел он из детского сада, а мамы нет. Куда делась — неизвестно, все под секретом. И вдруг — отец. «Мне было так хорошо, что у меня есть отец, что все это не сказки, — Трофим Кононович вздыхает. — Я же не знал, кем он был, где. На все мои вопросы отвечали — папа далеко, в Китае. Я-то сам этого не помню, но мама мне рассказывала, что так я грустил без отца, даже милиционеров за сапоги обнимал. И наступило в моей жизни счастье».

Конон Молодый любил и умел водить автомобили. Сначала крутил баранку на старинной «Волге». Тот пикап еще первых выпусков с оленем на капоте терпеливо дождался его возвращения. Потом пикап продали, и хотя новое авто купить было почти немыслимо, Конону Трофимовичу это удалось. Вместе с женой, сыном и приемной дочерью Лизой от первого брака Галины Петровны, четыре раза подряд, с 1966-го, ездили отдыхать на море. Встречались с теми, кто знал, что за гость с семьей к ним пожаловал. Принимали хорошо.

Вопреки легендам о том, будто разведчики могут здорово выпить, Конон Трофимович, это его сын знает твердо, свою меру знал твердо. Пьяным Трофим отца никогда не видел. Лишь однажды на дегустации в знаменитом Абрау-Дюрсо мать встретила подругу, вместе с которой была в оккупации. Той, дегустатору по профессии, на работе пить было вроде и не положено, и она пригласила друзей к себе домой. Вот тогда режим и был крепко нарушен. После, приехав в гостиницу, отец, хотя и был, по словам Трофима Кононовича, человеком исключительно демократичным, приказал: «Все, хватит. Ездим только на море».

А еще Конон Трофимович любил хоккей. Это его увлечение очень поощрял один из коллег по службе — Павел Георгиевич Громушкин. В то время общественник Громушкин, о принадлежности которого к внешней разведке и не догадывались: «так, полковник», увлеченно трудился в дисциплинарной комиссии Федерации хоккея СССР. Часто приглашал в ложу для

почетных гостей и Конона. Обычно приезжал Молодый на хоккей со своим товарищем — популярнейшим киноактером Вячеславом Тихоновым. «Семнадцать мгновений весны» были еще только в планах, но красавца Тихонова уже почитали идолом. Обычно они оба усаживались в ложе «А». Тогда все болели за непобедимый ЦСКА, в крайнем случае за «Спартак». Конон же и небольшая группа товарищей в аккуратных пиджаках, нарушали гармонию, страстно поддерживая «Динамо».

Молодый, несмотря на то, что был помоложе Фишера-Абеля, поддерживал дружеские связи со своим начальником по Нью-Йорку. Оба с увлечением, которое тщательно скрывали от других, да и от себя тоже, наблюдали за съемками фильма «Мертвый сезон». В основу сюжетной линии картины и легла судьба Молодого-Лонсдейла. Первую часть фильма оба воспринимали относительно благожелательно: там были и опознавательные знаки, и какие-то эпизоды, все же напоминавшие то, чем занимались нелегалы. А на вторую серию дружно плевались. Трофим Кононович твердо знает, что его отца должен был играть не Донатас Банионис, а другой актер, совсем на него непохожий. Тогда на семейном совете с участием мамы и дочери Лизы решили обратиться к молодому режиссеру Савве Кулишу с просьбой подыскать кого-то на Конона похожего. Похожим оказался Банионис. Отец, по словам Трофима Молодого, с ним познакомился, что-то советовал. Но пришло время озвучивать картину, и выяснилось, что главный герой по-русски изъясняется с сильным акцентом. Так что на озвучку пригласили актера Александра Демьяненко.

Ну, а как складывалось у бывшего нелегала на работе? Он по-прежнему трудился во внешней разведке. Сначала учил ребят, которые были готовы повторить его трудную судьбу. Потом Конона Трофимовича, которому не исполнилось и 50, отправили с оперативной работы на преподавательскую. Заведовал сектором, хотя мог бы работать и с молодыми разведчиками. Пришлось вживаться в новый коллектив с людьми ему малознакомыми. Наверное, это не приносило уж слишком большой радости.

Однако, по словам сына Трофима, отец переносил все испытания стойко. Его не наградили Звездой Героя, но он о наградах даже не думал. Мечтал работать и снова — нелегалом. Об этом мог рассказать только сын. Однажды в маленькой двухкомнатной квартирке он невольно услышал тихий ночной разговор родителей. Отец спрашивал свою Галюшу, готова ли она снова ждать: признавался, что договорился о пластической операции, о возвращении в нелегалы. Не успел, не вышло…

Молодый был разочарован многим из того, что происходило в стране после короткой оттепели 60-х. Немало повидавший за рубежом, он понимал, можем мы жить лучше. Однажды они с Абелем, припоминает Трофим Кононович, отказались от праздничного пайка. Выдавали им такие к 7 ноября, ко Дню чекиста — за три рубля с копейками целый набор продуктов, которых тогда в магазине было никак не купить. Сидят они с Вильямом Генриховичем в своем управлении довольные, готовые осчастливить жен и детей. И заходит к ним приятель, до полковника еще не дослужившийся. Смотрит на паек, и, вздыхая, говорит, что им такого «не положено». И отец с Абелем тут же пошли и весь этот продуктовый дефицит сдали. По тем временам — целый поступок.

Да, находились и тогда люди решительные. Когда, наконец, обменяли Коэнов-Крогеров и вывезли из Англии сначала в Польшу, а потом в Москву, то поселили, как это обычно и делали с возвращающимися нелегалами, на даче за городом. И Лону с провожатым отправили на Новый Арбат смотреть квартиру. А она крошечная, неудобная. И Лона, когда на дачу приехал глава КГБ Юрий Владимирович Андропов, выпалила ему прямо и откровенно: «Юрий, я девять лет отсидела в такой же квартире, только с решетками. Что, из одной камеры — в другую?»

И Конон Молодый, и его сын почитают Лону за боевую суперженщину. Андропов тут же связался с хозяйственным управлением: распорядился дать Коэнам трехкомнатную квартиру на тихих Патриарших. Туда и заезжал к крестным Молодый с семейством. На первых порах все разговоры с тетей Лоной и дядей Петей переводил Трофиму отец. Вскоре Лона уже бойко шпарила по-русски, а дядя Петя использовал жену в качестве переводчицы. С детьми Молодого, особенно с крестником Трофимом, отношения установились теплые, прямо родственные.

Трофиму было 12 лет, когда внезапно умер отец. Мать очень часто болела, по три-четыре раз в год ложилась в больницы, отправляли ее в санатории. Но все равно нервы не выдерживали. Столько прождать мужа и потерять его мгновенно. Так Галина Петровна до конца дней своих и не смогла поправиться. «И тетя Лона, и дядя Петя, у которых не было детей, даже хотели меня усыновить, — вспоминает Трофим Кононович. — Об этом тетя Лона рассказала мне незадолго до своей смерти, когда моему сыну Конону исполнилось уже лет 12. Обращалась к своему начальству, просила. Но что-то тогда не получилось, сказали ей, что не могут. Моя мама об этом не знала. Лона была женщиной интеллигентной, деликатной».

Немало всякого накручено вокруг смерти Конона Молодого. Умер прямо во время пикника, где выпивали, закусывали. Сын, конечно, лучше других знает историю смерти отца. Конон Трофимович любил собирать грибы. Поехали в субботу 10 октября 1970 года в грибные места. Отец, как всегда, за рулем. Детей не взяли. Забрались далеко. Сели поужинать, и вдруг отец упал на траву. Мама рассказывала, что не мог пошевелиться. Пока добрались до телефона… Мать помнила только номер Абеля. Дозвонились ему, и вконец расстроенный Вильям Генрихович вызвал служебную машину. Но … У отца был обширный инсульт. Рок семьи Молодых: ведь и отец Конона — Трофим Кононович, тоже умер вот так же внезапно.

Сын, как и отец в юности, взялся за английский. Учился в специальной средней школе № 23 недалеко от дома. В разведчики не пошел. Но решил стать военным. Начинал в погранвойсках. В Москве служить было скучно, да и тошно. И Трофим попросился на далекую северную заставу, где сходятся границы трех наших скандинавских соседей. Так что довелось Трофиму Кононовичу дослужиться до начальника заставы. А в 1989-м майор Молодый комиссовался по состоянию здоровья. Сейчас — бизнесмен.

А сына своего назвал, как и принято в роду Молодых, Кононом. Теперь у Конона подрастает сынишка, правильно, не ошиблись, Трофим. Так что династия продолжается.

— И, знаете, — улыбается Трофим Кононович, — моя бабушка своего сына, моего отца, называла Каничкой. И моя жена, того, конечно, не подозревая, тоже зовет сына Каничка…

Наука от Кима Филби

Среди тех немногих великих разведчиков, которых можно было бы смело поставить в один неширокий ряд с Абелем-Фишером, и англичанин Ким Филби. Однажды мне довелось повстречаться с одним из тех, кто гордо считает себя учеником Филби.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Ким, настоящее имя Гарольд Адриан Рассел Филби (1912–1988) родился в Индии в семье крупного английского чиновника. студент Кембриджа был завербован советским разведчиком Арнольдом Дейчем предположительно в 1933-м. В качестве журналиста работал во время гражданской войны в Испании, выполняя задания нашей разведки. с 1940-го — в английской разведке. В 1944 возглавил отдел, занимавшийся разработкой всех советских подданных, находящихся в Великобритании. затем возглавлял английскую резидентуру в Стамбуле. с 1949 по 1951 — глава миссии в Вашингтоне: установил теснейшие контакты с ФБР и ЦРУ. Был в числе кандидатов на должность руководителя всей английской разведки.

В 1951 году попадает под подозрение в связи с деятельностью двух других участников так называемой Кембриджской пятерки — Гая Берджесса и Дональда Маклина, бежавших в СССР. допросы Филби, фактически и руководившего пятеркой, ни к чему не привели. В 1956 отправляется корреспондентом в Бейрут, продолжая работать на советскую разведку. В 1963 года нелегально переправляется в СССР, где и живет в Москве до самой своей кончины. Автор учебных пособий и книг, самая известная — «Я шел своим путем».

Впрочем, знакомы с ним мы были довольно давно. Изредка встречались, вращаясь в общей московской круговерти, затем подолгу не виделись. Вдруг он сам, разыскав мой номер

телефона, позвонил:

— Видел по телевидению вашу передачу о разведке. И согласен с вашим выступлением: таким, как Ким Филби и Рудольф Абель, надо присваивать звание Героя. Пусть сейчас, завтра, если опоздали сделать это при их жизни.

— А почему вас это так заинтересовало? — удивился я.

И после долгой паузы услышал:

— Ким Филби учил меня азам разведки…

Мы встретились, и мой собеседник был достаточно откровенен. По понятным причинам имени старшего офицера Службы внешней разведки, пусть и ушедшего в отставку, называть не буду.

— Давайте начнем с понятного и очевидного. Где проходили занятия с Филби?

— Как правило, на одной и той же квартире нашей Службы в центре Москвы — на Тверской, тогда улица Горького.

— И что это была за учеба? Практические задания, теория?

— В этих занятиях была своя система. Заранее объявлялась тема, и мы к ней готовились. Естественно, начиналось с теории. Давалась общая картина. Ну и обязательный элемент — практические занятия. То, что сейчас называется «ролевые игры». Кто-то из нас выполнял роль дипломата или журналиста, или коммерсанта. А Филби соответственно выступал как сотрудник британского МИДа или спецслужбы…

— Как часто проходили такие встречи?

— Я бы предпочел называть их серьезными занятиями. Раз в неделю, с сентября по май — июнь, обычно в среду — четверг, с трех до шести. Задания были разные — познакомиться, понравиться, получить информацию, убедить…

— И сколько ваших коллег представали прел светлы очи Филби?

— Был строго фиксированный курс. В тот год нас было четверо.

— Вы тогда учились в академии или в какой-нибудь спецшколе?

— Нет, все мы уже окончили то, что сейчас называют Академией внешней разведки, и были сотрудниками «английского отдела» — старшие лейтенанты, капитаны. Знаете, осталось у меня яркое и чисто профессиональное впечатление о Филби. Однажды я случайно увидел, как шел он по улице. Походка, манера себя вести, проверяться. Для меня было ясно: он контролирует улицу, полный ее хозяин, «хвост» обнаружит сразу, обзор полный. Это, видимо, было у него уже в крови.

— А Филби рассказывал вам о своих удачах или неудачах?

— Такого, конечно, не было. Скорее, делился впечатлениями. Конкретная его работа «там» оставалась табу…

— Много ходит легенд о том, будто Филби был не прочь пригубить рюмку.

— Это легенды. Чисто символически всегда стояла как атрибут бутылка коньяка «Варцихи».

— Вы даже марку помните?

— Да. Это был любимый коньяк Филби. Стоил он тогда тринадцать рублей. Я его покупал — вроде как входило в мои, самого младшенького из той группы, обязанности. А вообще все было очень скромно. Украшение стола — чай с сухарями, коньяк мы слега пригубливали, да и то на прощание.

— А жена Филби, Руфина Ивановна, вам что-нибудь готовила?

— Чай и все прочее готовили содержатели той конспиративной квартиры. А с Руфиной Ивановной я даже не был знаком. Шли занятия, и потом мы все записывали. Делал я это очень тщательно. И записи становились учебным пособием для коллег — сотрудников «английского отдела», да и других, наверное, тоже.

— Как обращались к Филби, на «вы»?

— Мы ни разу не перешли на русский. Только по-английски. А там «ты» и «вы» едино. Однажды Филби поведал нам о забавном эпизоде в России: его везли в машине, и он увидел вывеску: «Ресторан». А Ким прочитал по-английски: «Пектопан». По-русски Филби практически не говорил. Какие-то отдельные слова.

— Не сужало ли это круг общения? Тогда на английском изъяснялись немногие.

— В нашем кругу говорили все, хотя, конечно, круг общения оставался узок. Но Филби был погружен в язык и культуру западного мира. Получал свежие британские газеты, родственники присылали книги. Англия осталась частью его жизни — он с ней не расставался.

— А чувствовалось, что некоторые наши советские дела ему претят?

— Филби не раз иронизировал по поводу каких-то сторон советской жизни. Но все это — в интеллигентной, изящной форме.

— И не боялся, что вы донесете, настучите?

— Нет. Во внешней разведке стучать не принято. Не та специальность. Это вы нас с другой службой спутали. В круг обязанностей такое не входило. Все-таки мы считались и считали себя элитой, «белой костью». Да и относились мы, зеленые ребята, к Филби как к настоящему мастеру.

— Вы были учеником Филби. Пригодились ли его уроки на практике?

— Надеюсь, пригодились. Школа общения со знатоком своего дела много значит. А мне уроки Филби особенно помогли за рубежом, в работе с иностранцами. Важны не только знание или незнание языка, но и неуловимые нюансы. Учитель щедро прививал нужные навыки, деликатно поправлял манеру общения. Учил понимать собеседника, внимательнее его слушать, конкретнее формулировать собственные вопросы. У нас надо чувствовать, с кем и как беседовать. И постепенно подводить к тому, что в конце концов интересует, а иногда сразу переходить к сути дела. Задачи тут разные: не отпугнуть, понравиться, заинтересовать на первом этапе. А когда уже познакомились, заставить, вернее, подвигнуть человека на сотрудничество «с представителем крупной державы».

— Если бы я попросил вас назвать какие-то отличительные качества Филби…

— Он был исключительно волевым. Редкий ум, великолепные манеры, хорошая память. Но для всех его учеников Филби оставался предметом восхищения, а не объектом анализа. Портрета его, как принято в нашей профессии, мы не составляли, поскольку были просто им очарованы.

— Но в книге Филби «Я шел своим путем» мне довелось наткнуться на любопытные характеристики, которые он давал вам — ученикам. Они исключительно доброжелательны, однако подчас и суровы. Кое-кому Филби просто предрекал неудачу.

— Как раз в том случае, где учитель был по-настоящему суров с одним из нас, его предвидение сбылось. Мой бывший коллега сорвался, и не на какой-то подстроенной чужой спецслужбой передряге. Дал волю эмоциям и вынужден был покинуть страну. Хороший был парень, но уж чересчур влюбчивый. И надо же ему было без толку приударить за дамочкой … Это лишний раз доказывает прозорливость Филби. Нечто подобное, правда, не столь примитивное, он косвенно, но предсказывал. А к тому, что преподаватель будет давать оценки, я, как и все мы, относился спокойно. Меня и мои возможности он тоже оценил точно, теперь-то, десятилетия спустя могу судить беспристрастно. Филби и Лонсдейлы получаются далеко не из каждого. В жизни разведчика полно того, чего, к счастью, нет, и обычно не бывает, у людей иных, более простых профессий. Поэтому я нормально воспринимал и воспринимаю сейчас возможность подслушивания и прослушивания всех моих разговоров.

— За рубежом — их спецслужбами?

— И нашими дома — тоже. Нам многое было дозволено и доверено. И государство имело право наблюдать за нами.

— И, полагаете, наблюдало?

— Обязательно. Более того, устраивались всяческие проверочные ситуации. Когда решался вопрос: брать — не брать в разведку, эти ситуации создавались весьма искусно, вовлекали в сложнейшие перипетии, где мы должны были реагировать соответствующим образом. Проверки необходимы. Это не стукачество, не доносительство, а часть профессии.

— Как сложилась ваша судьба после уроков Филби?

— Я, скажем так, попал в политическую сферу, работал за границей — несколько долгосрочек. Не провалился и никого не подвел. Дослуживался до определенного звания.

— Что же принесла эта работа?

— Главное — интерес, понимание многих проблем. Ты выполняешь обязанности по собственному прикрытию, например, вкалываешь в посольстве-торгпредстве. Плюс делаешь еще гораздо больше для разведки. Я бы не рискнул заявить, что это занятие для публики со средними мозгами и слабой физической подготовкой. У нас было так: если дипломат — трудись в дипломатических рамках, журналист — в журналистских… Встреч за углом, излишней конспирации избегали. Только вот интенсивность труда — страшнейшая. Контактов — больше. Психологическая устойчивость — тверже. Вот что требовалось.

— Ну а почему вы ушли из разведки?

— Сложный вопрос. Трудно объяснить… Не уверен, поймете ли. Ушел я на заре перестройки. Оценка результатов работы тогда стала чересчур формальной. Велась, на мой взгляд, по не совсем верным показателям. Какие-то чисто количественные данные. Проценты, как на производстве, или «голы, очки, секунды», что, по-моему, неправильно. Стало скучно. Пошла бездушная система. Многие работали или вхолостую, или на показуху. Будни в разведке становились все менее интересными — она тогда отставала от новой реальности. Да и захотелось пожить одной жизнью. Две — тяготили и меня, и семью.

— Семья догадывалась?

— Знала. И поддержала в решении. Я мечтал заняться большим делом.

— Навыки, приобретенные во внешней разведке, судя по всему, помогли эти большие дела свершить. Пост вы сейчас занимаете немалый.

— Нормальный. Образование мы получали великолепное. Естественно, помогало. Нам было как бы дозволено быть впереди других. Мы еще тогда читали книги, о которых многие узнали

только недавно, а о некоторых и сейчас не слышали. Они значились под грифом «Совершенно секретно». Молоденький лейтенант, если хотел, мог приобрести массу знаний. Одно общение с Филби чего стоило…

— Говорят, из разведки не уходят. Все равно ведь остаются прежние связи. Как и обязательства.

— Тут я должен повторить прописную истину: внешняя разведка — не ФСБ. Отставка, и с тех пор ни единого контакта. Хотя и у нас, и на Западе действительно бытует мнение, будто из разведки не уходят. Это — заблуждение. Я ушел сам.

— Но ведь многие люди из вашего бывшего ведомства, наверное, сегодня на должностях высоких. Может, общение с ними было бы и полезно? Разве вы не чувствуете себя птенцами одного гнезда?

— Боюсь, что нет. Особой, уж какой-то доверительной дружбы, как мне кажется, в той моей профессии быть не могло: конкуренция слишком остра. Каждый, это точно, первым делом работает на страну. Но и на себя тоже. В такой сверхъконкурентной среде друзей не бывает, разве что приятели. Есть симпатии, как и антипатии. Но какого-то братства, на которое вы намекаете с непонятной для меня наивностью, естественно, нет.

— И к вам, человеку, взмывшему высоко, не приходят старые приятели из той жизни: «Помоги, подскажи»?

— Люди у нас гордые. Если отставник оказался без средств к существованию, просить ничего не станет. Будет искать новые возможности самореализации и, думаю, найдет.

— Сейчас в разведке перемены, наверное, значительные?

— Чисто умозрительно могу предположить, что да. Но полагаю, что, как и раньше, во внешней разведке трудится элита.

— Вы давали подписку о неразглашении тайны?

— Ее дают все, когда приходят. А второй раз брать подписку бессмысленно. Самый большой секрет — это кадровый состав.

— Многих ли бывших коллег знаете в лицо?

— Постарался сразу же их забыть. Хотя, конечно, кое-кого знаю. Не уверен, в разведке ли они еще.

— Не жалеете о времени, которое провели в той жизни?

— Жалеть о чем-либо вообще глупо, поскольку бесполезно. И о чем, собственно? Я за этим туда и шел: увидеть тайные пружины, которые движут многим. Попутешествовал вволю. Но я сам делал выбор: пришел и ушел. А что не вышло из меня профессионала уровня Кима Филби… Такие, как он, рождаются нечасто.

Декабрь 2010-го: в уютном дворике Пресс-бюро Службы внешней разведке (СВР) на Остоженке — большой сбор. Здесь собрались руководители Службы во главе с ее директором Михаилом Фрадковым, теми ветеранами, кому еще довелось поработать с легендарным руководителем разветвленнейшей сети советской разведки в Англии, скромно названной «Кембриджской пятеркой».

Михаил Фрадков и вице-премьер правительства России Сергей Иванов перерезают ленточку. И открывается мемориальная доска — на ней барельеф Кима Филби, его четко выбитые, абсолютно понятные слова. В них — смысл совершенного разведчиком: «Я смотрю на прожитую жизнь, как отданную служению делу, в правоту которого искренне и страстно верю». Ниже даты жизни — 1912–1988. Авторы мемориальной доски И.Новиков и А.Тихонов.

Открытие доски приурочено к 90-летию СВР.

И неслучайно, на мой взгляд, памятная доска открыта именно здесь. Помимо всего прочего Филби был отличным журналистом. Именно как репортер, якобы симпатизирующий Франко, он передавал ценнейшую для советской разведки информацию из дравшейся с фашизмом Испании. Да и последние годы жизни, когда уже попал под подозрение своей контрразведки, работал в зарубежье на несколько крупнейших британских изданий. Его статьи — лаконичны, в них не только информация, но и мгновенная аналитика и безошибочные оценки происходящего. Он, в отличие от других собратьев по профессии, к примеру Рихарда Зорге, не растекался мыслями по древу. Интересно, что по оценкам западных специалистов, Ким Филби является наиболее известным советским разведчиком.

А между тем в заносимом снегом дворике — искренние воспоминания соратников, тех, которым Филби с радостью отдавал свои знания в середине 1970-х, чем очень гордился. Слышится под мягко падающий снег их тихое: «А Ким любил русскую зиму. И снежок, и этот мороз. И хотел, чтобы останки его остались в России, которую считал своей».

Тут же и Руфина Ивановна Пухова-Филби, жена Кима, которая так скрашивала его годы, стала последней и настоящей любовью разведчика, столько лет рисковавшего жизнью там, вдалеке, чтобы другим людям лучше жилось здесь: «Филби вспоминают как легендарного разведчика. А для меня он был прекрасным любящим человеком. Мы нашли вместе наше семейное счастье. Нам было хорошо. Но наступала работа, и все

остальное отходило у него на второй план. Ким не будет предан забвению, пока он в памяти людей. Филби любил свободу и ненавидел фашизм. Россия стала его Родиной».

Нелегал невероятной доброты

Полковник Африка де Лас Эрас, псевдоним Патрия, — одна из наиболее заметных и совсем не до конца раскрытых фигур советской нелегальной разведки.

…

ИЗ ДОСЬЕ

Хрупкая, маленькая испанка, полностью посвятившая себе служению новой Родине, она была в свое время едва ли не единственной разведчицей-иностранкой, удостоенной за подвиги ордена Ленина. В родной Испании сражалась против Франко, а потом, судя по всему, была среди тех, кто готовил покушение на Троцкого. В годы войны — партизанка и личная радистка легендарного Николая Кузнецова. Многолетний создатель, руководитель нелегальных резидентур в западной Европе и в Латинской Америке, после возвращения из нелегальной разведки она воспитала прекрасных учеников. досье полковника службы внешней разведки де Лас Эрас и ее дела — под твердым грифом «совершенно секретно». даже на нескольких орденских книжках, которые перелистываю, нет фотографий.

Почему рассказ возможен

Потому что в 2009 году отмечалось 100-летие Африки де Лас Эрас, родившейся в испанском Марокко и скончавшейся 8 марта 1988-го в ставшей родной Москве. Только в связи с такими юбилеями суперстрогое управление, к которому принадлежала, да и принадлежит полковник де Лас Эрас, приоткрыло некоторые странички засекреченной жизни.

Кто представит нам героя

Ученица Африки де Лас Эрас, продолжательница ее славного дела, возможно, недавно вернувшаяся из тех же далеких краев, где работала ее наставница. Без рисовок — фамилия неизвестна. Имя? Любое простое наше имя подойдет к этой моложавой, красивой со вкусом одетой и элегантно причесанной русской женщине, полной дружелюбия к собеседнику и любви к Африке. Называет ее, как и многие близкие и ученицы, Марьей Павловной и считает чуть не матерью.

— Наталья Ивановна, мы, по-моему, где-то виделись? — начинаю я.

— Конечно, конечно, — кивает Татьяна Сергеевна. — На одном торжестве, — и невзначай припоминает дату (оказывается, пролетело уже столько лет), и даже точное место, где я сидел.

Да, такие профессионалы, как Тамара Ивановна в рассказе о своем любимом преподавателе не ошибаются. Вот этот рассказ.

Была секретаршей у Троцкого?

— Да, на этом фото Африка с Троцким, его близкой подругой Фридой Кало и другими довольно известными персонажами. Была там. Дружила с мексиканскими художниками Сикейросом и Риверой. Безусловно, познакомилась с Рамоном Меркадером и его родными, когда они был еще в Москве (участники покушений на Троцкого в Мексике, а Меркадер, напомню, убил его ледорубом. — *Н.Д.*). Говорят, она якобы была секретаршей Троцкого — вошла в этот круг. Но точно, дословно, что она конкретно делала, мне неизвестно. Ей дали задание, Африка его выполняла, и, я уверена, что выполнила блестяще: за всю ее жизнь в нелегальной разведке не бывало ни разу, чтобы она чего-то не выполнила. Получен приказ Сталина, а для него было очень важно убрать Троцкого. Я не хочу зацикливаться на «правильно» или «не правильно» — это уже другой вопрос. Мы не говорили с ней об этом, мы вообще никогда не спрашиваем друг друга ни о чем, на что трудно ответить. Таковы законы. Раньше мы, нелегалы, даже никогда не встречались между собой. Теперь правила несколько смягчены, мы с мужем, например, дружим с Джорджем Блейком (знаменитый нелегал-англичанин, тоже полковник. — *Н.Д* .) но все же… Мы звали Африку Марьей Павловной, и она, так много мне давшая и столькому научившая, никогда не задавала вопроса, куда уезжаем с мужем.

От себя добавлю то, что наверняка не обсуждалось между Африкой и ее ученицей, но вошло в историю разведки и

упоминается в некоторых солидных источниках. Судя по всему, де Лас Эрас удалось подготовить на конечном этапе операции «Утка» по уничтожению Троцкого подробный план его жилища в Койоакане. По крайней мере, во время первого неудачного покушения, которое совершил Диего Сикейрос в ночь на 24 марта 1940-го с группой неопытных налетчиков, большей частью мексиканских крестьян, диверсиям не обученным, они, используя переданные Африкой наброски и план комнат, точно вышли на спальню Троцкого. Всадили в помещение около 200 пуль, ни одна из которых не попала в Троцкого и его жену, спрятавшихся под кроватью. И де Лас Эрас помочь покушавшимся уже ничем не могла: самой ее на вилле уже не было. Бывший резидент нелегальной разведки в Испании Александр Орлов, опасаясь за свою жизнь, стал невозвращенцем. И подал в декабре 1938-го сигнал Троцкому о готовящемся покушении. Кому как не ему было знать о местонахождении де Лас Эрас. И чтобы не рисковать, разведчицу под благовидным предлогом вывели из операции, которая без нее завершилась неудачей. ***Так приходят в разведку***

— Она родилась в Африке, где служил отец — офицер. Большая семья, где Африка, или ласкательно Африкита, была для папы самой любимой из всех детей. В ней было что-то располагающее, притягивающее. Легко сходилась с людьми, чувствовавшими в маленькой черноглазой женщине с лицом цвета оливков подлинную искренность. Она вышла замуж в 19 лет, но не сложилось: муж — офицер был франкистом. Потом умер их маленький ребенок, и они расстались.

Ей было тесно в семейном мирке, и она вступила во все левые партии сразу, вскоре навсегда выбрав коммунистическую. Днем вкалывала на ткацкой фабрике, а ночами выполняла партийные задания. Участвовала в восстании астурийских шахтеров, была брошена в тюрьму, потом скрывалась. Почему человек с благородной фамилией, из семьи, где были дяди генерал и мэр, выбрала такой путь? Она не была бедна, ведь когда беден и голоден, несправедливость видится резче. Просто навсегда вступила на эту дорогу. И когда в Испании началась гражданская война, она боролась с Франко, не щадя себя. Рассказывают, что стала работать на советскую разведку в 1937 после знакомства с резидентом Орловым. Да, тем самым, что потом ушел на Запад. Но здесь судьба ее берегла. Он ее не выдал, однако — как бы чего не случилось — пришлось Африке отправиться в Москву. Не хотела жить в дорогих гостиницах, повторяла: «Мы приехали бороться, а не ездить по санаториям». И пошла на фабрику — тоже ткацкую. Но разведка ее не забыла: учеба, курсы, она быстро

и как-то очень естественно, освоила радиодело, да и все остальное. Была радисткой классной. Ей нравилось в СССР. Другим переход давался тяжело, болезненно, но не Африките. Единственное, что всегда мучило и к чему не могла приспособиться — так это к русским морозам. Мерзла, всегда куталась. И мы с мужем, вернувшись в середине 1970-х из первой своей далекой командировки, сразу же купили Марье Павловне шубу.

Любимая радистка Кузнецова

Началась война, она участвовала в операциях, связанных с обороной Москвы. Но на фронт ее не брали. Тот человек, что однажды увидел маленькую красивую темноволосую испанку, наотрез отказался: разве можно хрупенькой в бригаду особого назначения, в партизанский отряд Медведева. Она обратилась к Дмитрову, и болгарин, один из руководителей Коминтерна, попросил, замолвил слово.

Мне она рассказывала: «День, когда меня взяли в отряд, был для меня самым счастливым в жизни. Я прыгала, я летала. Меня спросили, умею ли стрелять, как с радио, и я ответила — что Ворошиловский стрелок, и с радио тоже отлично, только вот с парашютом не прыгала, но за два часа обязательно научусь».

Вот такой была наша Африкита. Два года сражалась в отряде будущего Героя Советского Союза Медведева «Победители». Первый год — мучительный, голодный, жили в землянках. Но самое тяжелое для испанки, родившейся в Африке, — холод, она замерзала, шила трусишки, рубашечки, но не помогало. А ведь ей и еще двум группам радистов приходилось уходить по лесам от отряда на 15–20 километров. Иначе, запеленгуют немцы — и конец «Победителям». В каждой группе радистка с тяжеленной рацией и один — два бойца с автоматами. Все три радистки начинали передачи одновременно. Две группы передавали неимоверную чушь, чтобы только отвлечь немцев. Марья Павловна — секретнейшие сведения для Центра. Она была лучшей радисткой и столько знала. С собой всегда брала две гранаты, револьвер и финку: поклялась не сдаваться живой. Окружат немцы — или подорваться или заколоть себя.

Это она передавала в Центр все донесения Николая Кузнецова. И Николай Иванович ее ценил. Однажды увидел маленькую испанку всю дрожащую, греющую руки над костром, а окоченевшие, скрючившиеся пальцы все не отходили. И тогда Кузнецов мгновенно снял с себя свитер, отдал Маше, и она,

малюсенькая, ушла с головы до пят в это кузнецовское тепло. А потом он принес ей и двум другим радисткам теплые полушубки. Откуда только взял, где раздобыл? «Но я чувствовала себя настоящей королевой, — так рассказывала мне Марья Павловна. — Потому что Кузнецов принес специально для меня и черную шаль, кашемировую, с розовыми цветами, в которую я так куталась. Она меня и грела, и танцевала я в ней. Эх, жаль, как-то совсем близко подошли к отряду немцы, пришлось срочно уходить, и шаль потерялась».

А однажды суровая охрана вдруг наткнулась на Машу уже за приделами лагеря. Издалека увидели маленький, к земле пригнувшийся комочек, услышали рыдания. Убили немцы испанского друга-партизана, который ее охранял, когда она передавала, и Африкита, чтоб не показать слабости, ушла из отряда, дала — может, впервые? — волю горю, чувствам. Потом просила на нее наткнувшихся ребят не рассказывать командиру.

Командир «Победителей» Медведев ее любил. Перед смертью, уже в 1950-х, зная, что Африкита где-то очень-очень далеко, попросил жену передать ей свою книгу «Это было под Ровно» с надписью: «Любимой радистке командира». И книга после возвращения в Москву дошла до полковника де Лас Эрас. Только про Африкиту в ней, да и других изданиях, ни слова. Нельзя было рассказывать про испанку, которую партизаны в отряде звали Машенькой, Марией, Марусенькой. Это потом Африке разрешили встречаться со своими спортсменами — партизанами. Бывала я на этих встречах. Как же они ее ценили. А Африкита, вернувшись издалека с такой радостью устраивала для этих немолодых, поверьте, совсем небогатых людей, отличный стол с собственноручно приготовленными блюдами. Немного странно для меня, но не для нее: те годы в отряде Африка считала самыми счастливыми в своей жизни: «Мы были молодые, смелые, чувствовали плечо друга, и я благодарна Советскому Союзу, потому что он дал мне таких друзей».

Снова в разведку

После войны ей предложили идти в нелегалы. Подучилась, и сама сделала себе легенду. Уезжала по некоторым собственным документам, часть биографии была действительно ее. А чтобы там ласковее отнеслись, сделала своим отцом не родного папу-офицера, а дядю-генерала. Потому и ходят слухи, будто она — генеральская дочка. Нет, это лишь часть легенды. Ее же, сидевшую в испанской тюрьме и внезапно во время гражданской

войны в Испании исчезнувшую, могли и разыскивать.

Уехала в страну, где ценили моду. И, представьте, каким вкусом обладала, если даже там ее модный дом сразу приобрел клиенток. Наряды были недешевы, но дамы оценили мастерство Африкиты. К ней ходили, приглашали к себе домой, и, представляете, сколько всего рассказывали. Прикрытие было отличным.

Она была в своей стихии, передавая по ночам в Центр множество полезного. А еще слушала радио. Красный Крест вещал по-испански, пытаясь соединить родственников, потерявших друг друга. В списке бесконечных фамилий звучало и дорогое ей имя сестры Вертудос. Та разыскивала свою сестру Африкиту и была совсем-совсем рядом. Но Африкита молчала. И молчание это хранила до самой смерти, даже когда многие испанцы после смерти Франко возвращались.

Я потом спросила, а нельзя было как-то дать знать, что хоть жива… Призналась мне: ей было страшно больно, но разведку выбирают один раз и навсегда. Убежденность в нашем деле у нее — необыкновенная.

А потом из славной европейской столицы потребовалось уехать еще дальше, в Латинскую Америку. Было там многое, что интересовало, требовало объяснений и внимания. Вы поверите, но моя Африкита, с которой мы были на «ты» и которую считаю бабушкой двум моим детям, никогда не называла мне ни страну, ни что она там делала. Догадываюсь, что руководила людьми, работавшими на нас в нескольких государствах этой части земного шара. Добывала и передавала информацию. Открыла салон, быстро ставший популярным. Даже мне трудно понять, как она все успевала, да еще путешествуя по заданию Центра по странам. Видимо, и в Центре поняли, что труд этот, безумно рискованный, просто непосилен для одного человека. И решили прислать ей… мужа. Он же — начальник.

Нелегальный брак

Честно скажу вам, что это был ее четвертый брак. Сначала тот испанский офицер, потом офицер советский — молодой белорус, погибший в войну, латиноамериканский интеллектуал. А четвертый — Джиованни Бертони, псевдоним Марко, был нашим нелегалом с давних времен. И вот приказ для Патрии: выйти замуж. Решение в принципе верное. Она выбивалась из сил, а тут — такая подмога. И еще один приказ — поступить в распоряжение Марко. Он, а не она, отработавшая в стране

несколько лет, становился начальником. Оба — полковники, а знаете, какие мы полковники… Но никакого конфликта. Африкита спокойно приняла приказ. Да и, честно говоря, в семейной паре нелегалов старшим должен быть все-таки мужчина. Им подготовили легенду: познакомилась с красавцем-итальянцем у него на родине (где, кстати, никогда не бывала), решили быть вместе. Он приехал и сразу — точно по легенде — заявил о своих левых взглядах, из-за которых и покинул Италию. Она всячески демонстрировала отдаленность от политики. Отличный получился сплав, привлекавший публику самую разнообразную. Центр выделил денег, на которые они открыли в фешенебельном районе города со вкусом оформленный антикварный салон. Социальный уровень клиентов, потенциальных источников, еще более повысился. Они устраивали вечера, на которые поболтать и отведать ее вкуснейшие блюда собирались все сливки местного общества. И лишь Марко высказывал недовольство: в прошлый раз ты приготовила гораздо вкуснее. Да, нелегалу надо быть и незаметным, и в то же время интересным: иначе к тебе и ходить не будут, и не заинтересуются. А она была невероятно интересной — прекрасно разбиралась в живописи и очень хорошо рисовала, вообще в искусстве. У нее была блестящая библиотека, много фотографий, рисунков…

Были ли они счастливы? Уже в Москве Марья Павловна говорила мне, что в принципе — да. У нелегалов так бывает. Женились по приказу, а жили вполне нормально. Боевые товарищи, они сошлись, прекрасно понимали друг друга, стали настоящей семьей. И когда Марко после восьми лет жизни внезапно скончался от сердечного приступа, Африкита страдала страшно.

Но не надо этих вопросов, «а что они делали в этой одной стране?». Мы на них не отвечаем. Работали на Родину. Она была связующим звеном. И когда годы спустя всплыли лишь некоторые детали пребывания Африкиты и Марко в той самой стране, там разразилась небольшая буря. Президент, депутаты переживали: дружила ли с ними Африкита ради каких-то сведений, которые они ей точно, по их словам, не передавали, или … Хотя и не надо было Африке де Лас Эрас никаких сведений. Она сама могла бы рассказать парламентариям столько… Она пробыла в той командировке 22 года. И спокойно вернулась, чтобы передать свой опыт нам, ее детям.

Браслет еще ждет

В редких и коротких заметках о ее жизни, я читала, что на склоне лет было де Лас Эрас одиноко. Неправда! Мы, молодые, учившиеся у Африкиты, ее обожали. Иногда я оставалась у нее ночевать, и наутро, если кто-то приходил, тихонечко убегала, потому что нельзя видеть … У нее часто бывали испанцы, партизаны — она очень любила людей, общение, споры, песни. А уж наших… Когда мы приезжали с мужем издалека, то брали ее к себе, и она жила у нас дома. Мои дети стали ее внуками, даже моя мама, тоже фронтовичка, с которой Африка дружила, ревновала. Фото моего первенца стояло у нее на столике, она все повторяла: «Дождалась внука, дождалась».

Конечно, мы все — ее семья. Невероятной доброты человек. Однажды, когда она была еще там, Центр приказал ей купить браслет. Ну, чтобы ездить, чтоб такая вещь, необыкновенной красоты была. Знаете, как это бывало? Когда мы, ее девчонки, уезжали, она дарила нам что-то свое, оттуда привезенное — старинные бокалы, чайный сервиз, золотой кулон… Это так вписывалось в нашу легенду. Да и какая легенда — осталось от мамы, он и грел, и прикрывал. И один такой подарок ездил за мной по свету много лет. Но однажды, когда я была далеко, а она уже тяжело болела и поняла, что не увидимся, передала мне туда через близкого человека тот самый браслет. Я поняла — это прощание. Быть может, эстафета. Она меня не дождалась, умерла 8 марта 1988-го. Сейчас браслет у меня, и я — в трудной ситуации, потому что заменить полковника де Лас Эрас невозможно. Но, быть может, я тоже подарю его какой-нибудь хорошей девочке. Они есть и понимают: когда начинаются разговоры о зарплате, о том, кто и сколько, нелегальная разведка заканчивается. Они работают на Родину, как их учительница, как Африка де Лас Эрас — мать их учительницы. Мы, нелегалы, суеверны. Нельзя говорить: я сделаю это, я поеду … Надеюсь, когда-нибудь я подарю этот браслет. Только самую хорошую девочку я еще жду.

Покаравший Троцкого

Генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов оставил в советской разведке серьезный след.

…

ИЗ ДОСЬЕ

Судоплатов Павел Анатольевич. Родился 7 июля 1907 года в Мелитополе. с 12 лет в Красной армии, а в неполные 14 — чекист особого отдела. Разведчик-нелегал, в 1938-м лично уничтожил в Роттердаме лидера организации украинских националистов Коновальца. Командовал из Москвы боевиками, ликвидировавшими Троцкого. Был одним из создателей внешней разведки. В начале Великой отечественной именно Павел Анатольевич Судоплатов организовывал партизанские отряды, воевавшие под руководством чекистов. Это и под надзором Судоплатова добывались атомные секреты, возникали строжайше законспирированные разведывательно-диверсионные группы, готовые действовать на чужой территории в случае войны со странами НАТО. В 1953 году арестован по делу Берии и осужден на 15 лет. отсидев срок от звонка до звонка, Судоплатов, ослепший в тюрьме на один глаз, с перебитым позвоночником выходит на свободу и после полутора десятка лет непрерывной борьбы добивается полной реабилитации. он скончался в 1996-м, многое успев рассказать в книгах, написанных с помощью сына Анатолия. Но профессор МГУ и дотошный историк разведки Анатолий Павлович Судоплатов ненадолго пережил отца, скончавшись в 2005-м от рака.

Дед не принял Ельцина

— Судоплатов Петр Анатольевич, внук.
— Похожи.

— Гаишники иногда спрашивают: «А вы не родственник того?..»

— Неужели даже гаишники помнят?

— Не сержанты — кто повыше. И начальник, бравший на первую работу, тоже знал и испытывал ко мне не то что пиетет — скорее доверие.

— А вы не потому же ведомству?

— Мы с отцом и дедом так решили: на одну семью разведчиков хватит бабушки — Эмма Карловна ведь тоже служила. Я окончил МГУ, кандидат экономических наук.

— А вы сами Павла Анатольевича помните?

— Я с ним в одной комнате годы прожил, дед — мой любимый человек, — и мы идем в самую скромную боковушку. Здесь кровать дедушки, а вот моя, — объясняет Петр. — В стенном шкафу в идеальном порядке огромные папки с четко выведенными надписями: реабилитация, атомная бомба, партизанское движение… Знаменитый судоплатовский архив, на основе которого до сих пор издаются книги.

— А как относился Павел Анатольевич, 15 лет во Владимирском централе отсидевший, к власти? Чувствовали в нем обиду?

— Нет. Представляете, честно отслужить 32 года в разведке, столько совершить, а к нему в кабинет приходят и рвут генерал-лейтенантские погоны! И никакого ожесточения: человек своего сына 15 лет не видел, ему в тюрьме позвоночник сломали, а он к советскому государству испытывает большое уважение. Он в камере писал аналитические записки: как по-новому создавать спецподразделения, их роли и задачи. Кое-что из тех разработок на практике использовано.

А Ельцина дед совершенно не принял: распад Союза считал катастрофой. Объяснял мне, что тяга к власти подмяли интересы государства.

— А на что он жил?

— Дед занимался переводами: в совершенстве знал польский, хорошо немецкий. С моим отцом у него были трогательнейшие отношения, папа старался делать для него все. Потом пошли книги. Мы не жалуемся на судьбу, хотя деньги в семье всегда считали. Когда в 1991-м начался тотальный дефицит, мама даже сахар делила на всех поровну, и дедушка мне свои кусочки всегда отдавал.

— Общался с кем-то из разведки? Не боялись его, опального?

— В вакууме он не остался. Некоторые смелые люди из его круга писали сначала Хрущеву, потом Брежневу времен середины 1960-х. Просили освободить, но… С Меркадером поддерживал

отношения — это Герой Советского Союза, который Троцкого ледорубом… Тот никого никогда не боялся. С Героем Советского Союза Колесниковым, со своим другом Наумом Эйтингоном, который руководил тогда в Мексике, Меркадером… А вот начальство чекистское в те годы внимания к нему проявляло мало: слишком много знал, слишком был неудобен.

— Вам, мальчишке, о профессиональных делах рассказывал?

— Вспоминал атомные истории и Коновальца. Дед говорил даже не о самой ликвидации — как несколько лет к нему подбирался, входил в доверие. У того в подчинении такие асы — профессионалы в высшей стадии подозрительности! Обхитрил, завоевал доверие. А там уже дело техники. Были и встреча в кафе, и коробочка из-под конфет с милым сердцу руководителя ОУН украинским орнаментом. Соратник Гитлера, Коновалец, был сластеной. И дед всегда говорил, что для разведчика должны сложиться обстоятельства. Ему повезло: охранник Коновальца на встречу не пришел, преподнесенную коробку с бомбой внутри любитель сладостей мог открыть прямо за столиком — и тогда конец и полковнику Коновальцу, и деду. Переживал, что от взрыва могут погибнуть невинные, но и тут повезло. Еще дед очень выделял Меркадера. Тут не в том только была задача, чтоб махнуть топором, а внедриться, подойти.

Национализм начался еще в тридцатых

— Вы, несмотря на молодость, рассуждаете прямо как профессионал…

— Это не я, это мой дедушка, потом — отец, историк разведки, мне все так объясняли. И я на всю жизнь запомнил. Меркадер, когда шел на уничтожение Троцкого, понимал, что, скорее всего, не выживет. Первая попытка со знаменитым художником Сикейросом провалилась, вторая с Меркадером удалась. Дед говорил, что тут была целая комбинация: Меркадера жесточайше избили, но не убили, потому что те, кто стоял рядом с Троцким, хотели сделать из убиенного мученика. Из Меркадера выбивали признания, что он советский агент, ради этого и жизнь ему сохранили. Но Меркадер никого не выдал.

— Но именно Павла Анатольевича обвиняют в политтерроризме.

— Дед всегда объяснял мне подоплеку. Да, и Коновалец, и Троцкий были убиты. Но давайте рассматривать все это в контексте истории. Шла борьба и за власть, и за советское

государство. Украинский национализм и троцкизм стали накануне войны серьезнейшей угрозой для существовавшего тогда строя. Ликвидация Троцкого, считал дед, была государственной задачей для того режима. И ее выполнили. В войну вступили без внутренней оппозиции, и сколько жизней это спасло? А события и военных, и послевоенных лет, когда даже без своего лидера Коновальца разрозненные банды оуновцев и бандеровцев убивали в Западной Украине женщин и детей чуть не до 1950-х, доказали, что не зря дед завалил Коновальца.

Еще в 1930-е годы, считал он, начиналась борьба государства с национализмом и терроризмом. И частично та идея, которую он прописал и осуществил на практике, была использована в борьбе с националистами в Чечне. Вспомните хотя бы уничтожение Яндарбиева.

А хвастовство министра Грачева, пообещавшего взять Грозный одним полком, вызвало у него негодование.

Он был не только практиком…

— …И жестким…

— …Но и теоретиком, методы которого используют сегодня многие мировые спецслужбы.

— Но давайте вспомним и о том, в чем обвиняли Павла Судоплатова: в уничтожении неугодных людей, как, например, знаменитого артиста Михоэлса, в использовании отравляющих веществ, в пособничестве Берии…

— Деду было не до Михоэлса и отравителей. Обвинения отпали еще до суда. Это не входило в сферу его деятельности. Ведь Судоплатов работал во внешней разведке, он занимался иными вещами.

— А что о Берии?

— У них всегда были одни и те же отношения: подчиненного и начальника. На многие вещи, которые творили Берия и его люди, он смотрел молча, понимал: идут репрессии, сажают и расстреливают невинных. Представилась в начале войны возможность, и по его ходатайству были освобождены из тюрем или вновь привлечены к работе многие выкинутые из органов чекисты: будущий Герой Советского Союза Медведев, Яков Серебрянский, оба Абеля — настоящий Рудольф и Вильям Фишер, взявший его имя при аресте в США.

Но давайте откровенно о Берии: дед считал его очень талантливым организатором и руководителем. Личностных

характеристик он не давал, но уважал Берию как профессионала, работавшего в некоторых отраслях хозяйства, в разведке, по существу руководившего атомным проектом, а во время войны организовавшего вместе с дедом партизанское движение.

7 июля 2007-го Павлу Анатольевичу Судоплатову исполнилось бы 100 лет. Ходил последние годы с палочкой. Столько испытаний и 15 лет в тюрьме. Чтобы не расстреляли, даже имитировал, как легендарный большевик Камо, полное равнодушие к боли, не закричал, когда брали пункцию. А дожил до 89 лет. Мы его день рождения отметили как следует.

Убийца и жертва

Агент НКВД Рамон Меркадер Рамон (Меркадер дель Рио, он же Рамон Иванович Лопес), представившись журналистом Жаком Морнаром, вошел в дом Троцкого. Встречу подготовил ничего не подозревавший секретарь бывшего большевика N2. Далее, как говорится, все было делом техники: профессиональный убийца ударом ледоруба нанес смертельный удар по голове Троцкому.

Меркадера арестовали. Он отказался давать показания и был приговорен мексиканским судом к 20 годам лишения свободы.

22.8.1940 г. «Правда» сообщила: «Покушавшийся назвал себя Жан Морган Вандендрайн и принадлежит к числу последователей и ближайших людей Троцкого».

Полностью отбыл срок, освобожден 6 мая 1960 года, доставлен на Кубу, а затем пароходом в СССР. Числился сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В середине 1970-х переехал на Кубу. Умер от саркомы. Погребен в Москве на Кунцевском кладбище под чужой фамилией.

Час Х так и не пробил

Во времена «холодной войны» советская разведка, здесь мы говорим не только о нелегалах, иногда применяла методы жесткие. Рассказывать о них было совсем не принято. Что ж, нарушим традицию.

Я как раз находился в Швейцарии, когда местные газеты запестрели заголовками: «Найдены реликвии из КГБ», «Спящие агенты не проснулись»… Дело в том, что тогда, в конце 90-х, в лесу недалеко от Берна отыскался чемодан, набитый шпионским оборудованием еще советского производства. Агенты федеральной полиции и сами удивились этой находке.

В чемодане мирно покоились радиопередатчик, аппарат для кодирования и переносная антенна. А еще этот металлический ящик был оснащен четырьмя детонаторами. Одно движение, и попытавшийся неосторожно открыть чемодан мог бы взлететь на воздух. Эксперты определили: все содержимое произведено в СССР где-то в середине 60-х. В ту пору это оборудование считалось сверхсовременным.

Женевская газета «Ле Там» окрестила найденное «реликвией холодной войны». Как же попал чемоданчик в чужой лес? В департаменте обороны Швейцарии этой эксгумированной находке дали такое объяснение. Советский Союз якобы долго внедрял в страны Западной Европы своих до поры до времени «спящих агентов». Они проникали туда по подложным документам. Цель — затаиться до наступления «большого вечера». Так называли здесь момент возможной высадки на Западе ударных сил стран Варшавского договора. А «спящие агенты», как полагают швейцарцы, должны были бы обслуживать не КГБ, а ГРУ. Ведь в их задачу входила не добыча каких-то госсекретов, а конкретная организация саботажа, передача сверхоперативных данных, указание направления движения ударным войскам.

Вот такая история всплыла из сравнительно недалекого прошлого. Она не получила, да и не могла получить никакого развития. Ведь «холодная война», к счастью, завершилась, да и, добавлю от себя, зачем было советским войскам и их союзникам высаживаться в сугубо нейтральной Швейцарии. Пробей, не дай бог, час войны, хватило бы целей и в странах НАТО.

Однако в Швейцарии уверены, будто и к ним забрасывались шпионы. Сразу же припомнили дело некого Балтенсбергера, который выдавал себя за сына швейцарца, сгинувшего в сталинском ГУЛАГе. Его арестовали еще в январе 1961-го. Неудачливый агент попытался установить радиопередатчик около

одного военного объекта близ Цюриха. Сам Балтенсбергер трудился тогда в швейцарской армии и даже, как утверждают, был вхож в ее генштаб. Расследование установило, в Швейцарию он проник по поддельным документам. Настоящее имя агента, заброшенного из ГДР, — Отто Шверценбургер.

Ну, а откопанный чемодан принадлежит, как полагал французский специалист по советской разведке Роже Фалиго, одному из «спящих агентов». Передатчик и прочее остались невостребованными — в них просто отпала нужда. Да и оборудования, типа обнаруженного близ Берна, по мнению Фалиго, в Западной Европе осталось немного. Тем не менее, швейцарская полиция не замедлила предупредить своих сограждан: будьте осторожны с подозрительными находками. Могут взорваться!

Верить или не верить таким статьям? Об этом рассуждает полковник в отставке, бывший сотрудник Внешней разведки КГБ СССР Олег Нечипоренко.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Нечипоренко Олег Максимович более 30 лет проработал в органах госбезопасности, сначала в контрразведке, затем в службе внешней разведки. дважды находился в долгосрочных командировках за рубежом и многократно выезжал в краткосрочные. В последние годы службы являлся начальником кафедры теории и практики разведывательной деятельности Краснознаменного института КГБ имени Андропова. В мае 1991 года сам, написав рапорт, ушел в отставку, не разделяя позицию тогдашнего высшего руководства КГБ.

Автор ряда книг о ЦРУ США и международном терроризме, а также книг о роли Ли Харви Освальда в убийстве президента Кеннеди, изданных в США и России.

— Олег Максимович, о таких тайных закладках сообщили не только швейцарцы. О них же в книге перебежчика Митрохина. Так было или не было?

— Да или нет, черное или белое — мы же с вами не на допросе в угрозыске. Давайте спокойно и по порядку. Сведения из

так называемых «Архивов Митрохина» прозвучали для многих на Западе откровением. Хотя метод закладки и использования тайников, о чем «архивариус» поведал как о сенсации, известен и используется всеми спецслужбами мира. На моей памяти, с конца 50-х, когда я начал службу в КГБ, обнаруженных тайниковых закладок иностранных разведок с деньгами, средствами тайнописи и шифрования, заданиями и инструкциями для агентуры только в Москве набралось не один десяток. Тайники подразделяются на краткосрочные и долговременные, на бросовые и оборудованные. Представим, что начинается война, или между государствами разрываются дипломатические отношения. Значит, связь разведки с работающими в чужой стране источниками информации будет затруднена или вообще прервана. И чтобы обеспечить действующую там агентуру необходимыми средствами существования, заранее закладываются контейнеры, которые помогут выжить в этот час X или N. Такое отрицать не имеет смысла. Это один из технологических элементов разведдеятельности.

— Откуда вы это так твердо знаете? Как будто сами и закладывали.

— Знаете, приходилось.

— В Западной Европе?

— Нет. На Американском континенте. Где конкретно — называть не буду.

— А если хоть немного поподробнее? Или все по-прежнему под грифом «Сов. секретно»?

— Такой гриф — только в случае конкретного времени и места, а так кое-что расскажу. Обычно подобные закладки проводились по указанию Центра. Период, если можно так сказать, «хранения» — пять лет. Прошел этот срок, и неиспользованный контейнер должен был изыматься и в таком вот нетронутом, запечатанном виде отправляться обратно в Центр.

— И сейчас скажете, что о содержимом вы даже не догадывались.

— Почему не догадывались? В контейнере — средства и условия связи на особый период, могли быть нужные документы. И, конечно, валюта — и той страны, где мы находились, и международная, годящаяся на все случаи жизни. А вот о том, чтобы там находилось оружие, нам было неизвестно.

— Кто непосредственно закладывал контейнеры, искал для этого подходящие места? Ваша агентура, нелегалы?

— Агентуре, насколько я предполагаю, это не доверялось. О нелегалах не знаю, поскольку связи с ними не поддерживал.

Работа выполнялась непосредственно нашим оперативным составом за рубежом. Делали это мы, сотрудники резидентуры Внешней разведки. Понятно, что ответственность за выполнение задания, за его обеспечение несла какая-то структура, определенное подразделение Внешней разведки КГБ. Возможно, и Главное разведывательное управление (ГРУ) — военная разведка — закладывало оружие или что-то другое для своих нужд.

— Если возвратиться к вашим собственным операциям. Не могло ли случиться так, что «закладка», как вы ее называете, вдруг потерялась? Например, разведчик, ее производивший, арестован, выслан из страны, наконец, внезапно ушел из жизни.

— Абсолютно исключено. После закладки тайника в Центр отправлялось точнейшее, детальнейшее описание места тайника, где хранился контейнер. Однако вы кое в чем правы: определенные сложности изредка, но возникали. Помню, в одной стране истек срок хранения, пришла пора закладку изымать, а условия изменились: рядом с тайником вырос новый поселок. Да, трудно нам тогда пришлось.

— Да и вообще, нелегко представить картинку: граждане-иностранцы тащат где-то в чужой стране тяжелый, видимо, чемоданище, выбирают место, маскируют тайник…

— Может, все и не столь примитивно, как это вам представляется. Но это действительно серьезное оперативное мероприятие. Естественно, при его проведении полностью обеспечиваются все меры безопасности. Исключается любая возможность контроля со стороны местных спецслужб. Операция проводится так, что наружное или какое-либо техническое наблюдение осуществить практически нельзя. Только при таких гарантиях на операцию дается разрешение.

— Наверное, закладки обычно проводятся ночью?

— В зависимости от местных условий. Сначала определенное легендирование, затем соответствующая рекогносцировка местности. А потом уже выбираются наиболее подходящий день и час закладки.

— Ну, все предусмотреть наверняка невозможно. Вот, вы припомнили: поселок вырос…

— От неожиданности никто не застрахован. Однажды приехали изымать закладку (а местность там лесистая), смотрим: неподалеку от тайника — машина с парочкой. Любовные пары — чуть ли не главная и вечная помеха для проведения оперативных мероприятий.

— Олег Максимович, вы такой примерный семьянин?

— Я о другом. Шпионы и любовные пары предпочитают места уединенные. Случается, вкусы совпадают. Часто помехой

оказываются любознательные мальчишки — в разбойников они играют по всему миру.

— А как вы тогда обошлись с влюбленными?

— Пришлось их вспугнуть. Команда наша была сугубо мужской. Разыграли нечто вроде пикника, расположившись невдалеке от них, ну и пара ретировалась, обеспечила нам возможность поработать. Или вот еще один казус — он мог закончиться более печально. Провели операцию, изъяли закладку и везем контейнер в автомобиле не с дипломатическим, а с обычным номером. И на загородном шоссе обгоняем полицейскую патрульную машину. Уходим вперед, и вдруг у нас ломается глушитель. Машина дымит, шумит. Останавливаемся, и как раз вслед за нами притормаживают полицейские. Ребята доброжелательные, предлагают: «Давайте поможем устранить поломку». Мы вежливо: «Благодарим, тут работы на пару минут». Подвязали глушитель, поболтали с ними за жизнь и попросили сопроводить нас до выезда на магистральную трассу. Так в их сопровождении и добрались до основной дороги, мило распрощались. И двинулись в разные стороны. Так что доехали до посольства нормально.

— Олег Максимович, а случалось, что на тайник натыкались те же мальчишки, любовные парочки, какие-то охотники?

— Нет, никогда за время моей работы о подобных находках не слышал.

— США считались в те годы главным противником. Интересно, проделывали ли американцы на территории СССР или где-нибудь в краях наших союзников по соцлагерю нечто подобное?

— Безусловно, могли и проделывали. Это уж точно. Устанавливали закладки, о чем уже вспоминалось, сбрасывали с самолетов контейнеры с экипировкой, оружием, деньгами для действовавших в Прибалтике и на Украине бандформирований. Есть документальные доказательства, сохранились материалы судебных процессов. Продолжалось такое до середины 1950-х. Об этом сейчас как-то не говорят, забылось. Но метод с закладками, повторюсь, вообще распространен широко. Иногда тайники вдруг обнаруживались как-то и кем-то с целями чисто провокационными.

— Товарищ полковник, этот ваш пассаж что-то не очень понятен.

— Ну, например, во время венгерских событий 1956-го или Пражской весны 1968-го внезапно на всеобщее обозрение выставлялись в тех странах закладки.

— Американские?

— Так считалось. А американцы заявляли: это вашей же стороной заложенные тайники, и вы демонстрируете их, выдавая за наши, в чисто пропагандистских целях. Мы же уверяли: это — ваше, и произведена закладка вами для поддержания контрреволюционных сил…

— Позвольте задать вопрос конкретный. Митрохин утверждает, что закладывались даже атомные бомбы.

— Ну, какая чушь! Не те габариты. Даже мини-атомная бомба в те контейнеры не поместилась бы. Я вспоминаю, что расстрелянный агент американцев и англичан Олег Пеньковский предлагал западной стороне разместить миниатюрные бомбы в разных местах Москвы. Выпрашивал их у американцев. Но такая операция не состоялась.

Разведки двух сторон на территории потенциального противника применяли в определенных целях и в определенное время методы весьма специфические. Все, о чем я рассказываю, относится ко второй половине 1960-х — началу 1970-х.

— Значит, швейцарская газета «Ле Там» с сообщением о том, что у них под Берном обнаружен контейнер со шпионским оборудованием как раз тех лет, вас не сильно удивила?

— Именно что тех лет. Значит, по каким-то причинам закладка не была изъята и не возвращена в Центр. Чисто разведывательный элемент. Ну, а к чему отнести, допустим, установленный неподалеку от Москвы замаскированный дубок?

— Это что еще за дубок? Не тот, что потом помог найти перебежавший к нам из ЦРУ американец Ховард?

— Ховард или не Ховард, но поставили они контейнер, напичканный самой совершенной электроникой, который снимал секретную информацию. А замаскировали его наши противники очень остроумно и искусно под древесный пенек. И, знаете, пенек функционировал, пока его не обнаружили.

— Олег Максимович, мы говорим о так называемых закладках, о дубках с секретной аппаратурой. Но сейчас в мире столько изменений: век-то на дворе компьютерный. И хотя необходимость в разведке, конечно, останется, не станут ли вести ее методами чисто техническими, не будут ли живые агенты и резиденты из игры потихонечку вытеснены?

— Такое невозможно. Потому что пока компьютер — это только произведение, результат нашей творческой мысли. Работа над искусственным интеллектом действительно очень продвинулась. Однако принимает решение, в конце концов, человек. Но вы кое в чем правы. В современных спецслужбах уже сравнительно давно изучают возможности отказа от разведки с помощью человеческого фактора и перехода на технические

средства. Особенно бурно эта тема дискутировалась в Центральном разведывательном управлении, когда пост директора там занимал адмирал Тернер. Сторонники сбора информации лишь техническими средствами утверждали: каждый метр на глобусе можно перекрыть так, что полный набор информации о происходящем будет обеспечен полностью. Их противники отстаивали необходимость сохранения агентурного потенциала. Да, вероятно, можно просчитать при помощи спутников и других средств любое количество находящихся где-то танков, орудий, подводных лодок. Но как без использования агентурных методов узнать, когда все эти ресурсы будут использованы? Кто и в какой момент приведет их в действие?

— Отдаст приказ «в атаку!»

— Или отдаст приказ, или примет политическое решение. Но, естественно, и от некоторых старых своих приемов работы в спецслужбах постепенно отказываются или применяют их все реже.

— Что это за методы, которые теперь устарели?

— Где-то до конца 1960-х в повседневной работе с агентурой использовались тайники. Иногда постоянные, бывало, и разовые. Скажем, агент в тайник что-то вкладывал. Разведчик, с ним работавший, приходил к этому тайнику и закладку изымал. Считалось, что подобные связи — бесконтактны. И, следовательно, относительно безопасны. Но это же не совсем верно.

— Почему?

— Ну, скажем, мой агент подыскивает место, закладывает туда блокнот. А через некоторое время в тот же тайник за блокнотом лезу я. Значит, контакт все-таки происходит. Контрразведка может засечь моего агента во время устройства тайника, установить наблюдение. И естественным образом выйти на меня. Рискованно: тайник не может гарантировать безопасную бесконтактную связь. И тогда многие спецслужбы перешли на тайники бросовые.

— А это что такое?

— Если коротко, то это когда из проезжающей машины выбрасывается, допустим, для агента или для разведчика скомканная пачка сигарет или пустая банка из-под пива. Был период, когда и мы, и ЦРУ вовсю пользовались метками, сигналами.

— И об этом, если можно, тоже поподробнее.

— Ну, они считались бесконтактными, безличными способами связи. А на самом деле были все же контактными, на мой взгляд, личными. Агент, к примеру, ставил сигнал:

наклеивал на телефонную будку кусочек пластыря или ставил мелом горизонтальную полосу. А разведчик, заранее наметив такой способ связи с агентом, снимал этот пластырь или перечеркивал меловую черту. То есть контакт все же происходил. Ведь контрразведка могла засечь человека, ставившего все эти сигналы. А если она вела его и слежка приводила к месту постановки сигнала, то, значит, могла выйти и на вторую сторону, на второго участника операции, подходившего к сигналу.

— Господи, какие сложности.

— Именно сложности и опасности. Потому эти сигналы и были убраны из технологии. Если сигнал ставился, то он снимался в кавычках.

— Олег Максимович, что-то не совсем понятно.

— Ну, снимался он визуально из проезжавших в потоке машин. Установить машину — крайне сложно.

— Сложно, но, судя по всему, можно?

— Трудно, однако, вероятно. Контрразведчики машину вычисляли с помощью изучения маршрутов разведывательных структур.

— Как же это удавалось?

— Используя компьютерную технику, о которой мы с вами говорили. Вычислялось, что машина разведчика ежедневно или регулярно, хотите — часто, проходит по таким-то и таким-то точкам. И в этих местах контрразведка терпеливо корпела, пытаясь, иногда и небезуспешно, обнаружить места предполагаемой постановки сигнала. Использовались и наружное наблюдение, и специальные датчики.

— Сейчас такие методы по-прежнему часто применяются разведкой?

— Может быть, реже и реже. Используются спутники, через которые подается информация. Разработана быстродействующая аппаратура, которая в нужный и заранее оговоренный час подаст условный сигнал безо всяких меток. Появились компьютеры со сложнейшими программами. Связь можно поддерживать и с их помощью.

— Значит, старые методы разведки и шпионажа потихоньку списываются в архив?

— Вовсе нет. Вся новейшая техника не исключает применения вроде бы и дедовских, архаичных способов. Очень многое зависит от конкретных условий. Ведь каждая операция — уникальна. Только используя все, что в разведке наработано, можно избежать провалов и обеспечить безопасность. Компьютер — совсем не панацея. Контрразведки ведь тоже знают, какие

прекрасные возможности он обеспечивает для установления связи. И, исходя из этих знаний, разрабатывают свои контрмеры для выявления связей. Компьютер как раз и поможет выйти на субъекты и объекты этих связей. Но в разведке нельзя говорить — вот этот метод «старый», а этот «новый». Разведдеятельность и контрразведка тоже — это творческий процесс, то есть комбинаторика, иными словами, сочетание «старого» и «нового» в самых различных вариациях.

— Олег Максимович, позвольте теперь от разговоров о современнейших методах разведки вернуться к началу нашей беседы, когда мы вели речь об «Архивах Митрохина». Как вы считаете, насколько велик урон, понесенный нашими спецслужбами, от издания митрохинской работы?

— Если даже какой-то процент «Архивов» — правдив, то я бы лично отнесся к ним как к историческому исследованию. Или, точнее, историческому пласту «холодной войны». Но книга — это скандал скорее для Запада, а не для нас.

— Почему же?

— Да потому, что в течение всей «холодной войны» западные спецслужбы добивались расширения бюджетов на борьбу с советской разведкой. И денег им давали немало. Но теперь, если верить Митрохину, становится ясно: получая огромные субсидии, ЦРУ, СИС и прочие своих задач не решили. А КГБ, разведка в этом противоборстве во многом поставленных целей достигли.

— Что ж, допустим. Но в книге мелькает столько имен советских агентов.

— А вот к этому я отношусь с определенным юмором. Митрохин, сдирая что-то из архивных материалов, переписывал и все списки лиц, проходивших по тому или иному делу.

— Но если они в деле, значит, каким-то краем его касаются?

— Именно что краем. Но из чего следует, будто наша разведка как-то с ними контачила или их знала? Таких лиц по делу могут проходить десятки, иногда сотни, а то и тысячи. Эти люди отнюдь не представляли себе, что попали в наше поле зрения. Среди них попадаются как домашние хозяйки, так и короли с принцами. Но Митрохин переписал их фамилии, и этому стараются придать характер того, что все они относились к нашей агентуре. Метод довольно известный. Им пользуются некоторые специалисты при «разоблачениях». Это нечто вроде «куклы» мошенников — сверху две банкноты, а внутри газетная, а то и туалетная бумага. Я бы высказал свое отношение к «Архивам Митрохина», да боюсь, прозвучит оно из уст полковника российской спецслужбы не совсем традиционно.

— Так высказывайтесь. Я, к примеру, и не жду от вас

набивших оскомину высказываний. На протяжении нашей с вами беседы их, кажется, удавалось избежать.

— Когда я ездил на презентацию своей книги о Ли Освальде в США, то, по предварительной договоренности, встретился в Вашингтоне с бывшим сотрудником ЦРУ. Мы с ним работали в Мехико в одно и то же время: я в советской резидентуре, он — в американской. Он имел самое непосредственное отношение к моему выдворению из Мексики.

— Было и такое?

— А как же, в 1971 году. Встретились мы в 1993-м и очень мило вспоминали былые дни. И меня забавляло, что в своих мемуарах он описывал в качестве главного интереса своей разведки тех же людей, которые интересовали и нас. Мы к ним тоже шли, только с противоположной стороны. Вели их изучение и разработку. Американцы делали приблизительно то же самое, только преследуя свои интересы и цели. И вот мы оба задумались. А не попробовать ли нам одновременно совместно вспомнить одни и те же операции «холодной войны»? Тогда это как-то затерялось, забылось. Сегодня, держа в руках толстенный, однако не слишком правдивый фолиант «Архивов», я подумал: быть может, пора взяться сотрудникам западных и наших спецслужб за совместное написание истории «холодной войны»? Что, если попробовать честно взглянуть в глаза друг другу?

Агенты Вольфа были повсюду

У некоторых прежних союзников по жизни и по военным блокам отношение к разведке было еще посерьезнее нашего. Так ушедшая в небытие ГДР как раз и славилась двумя непревзойденными феноменами — натренированными спортсменами-чемпионами и фантастически удачливыми разведчиками.

И в распаде государства, всей социалистической системы, по мнению моего собеседника генерала-полковника Маркуса Вольфа, никакой вины разведки нет.

Генерал, три десятилетия руководивший внешней разведкой ГДР, иногда по старой доброй памяти заезжал в Москву. В один из таких визитов, и познакомились. Ясно, что говорили мы с ним совсем не о спорте. После беседы стало понятно, что безымянных героев, трудившихся на ведомство генерал-полковника, было даже гораздо больше, чем можно было бы предположить.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Маркус Вольф (1923–2006) родился в Германии. отец — Фридрих Вольф, писатель, антифашист. Брат Конрад Вольф — известный кинематографист, режиссер. В 1930-г годах семья эмигрировала в СССР. Маркус учился в Москве. По некоторым данным уже в годы Второй мировой войны начал сотрудничать с советской разведкой. После войны семья Вольфов возвратилась в Германию, сознательно поселившись в той части страны, которая контролировалась советскими войсками и затем стала Германской демократической республикой. Маркус Вольф работал в Министерстве Госбезопасности ГДР. затем возглавил службу внешней разведки. По его собственным словам эта работа длилась 34 года. После объединения ГДР и ФРГ преследовался новыми властями, однако практически доказал свою невиновность: суд приговорил Вольфа к условному сроку заключения. Маркус Вольф занимался в основном литературным трудом. его книги, изданные в Германии, входили в число бестселлеров. И сегодня Маркус Вольф в памяти своих

друзей.

— Ну что же, молодой человек, о чем вы хотели от меня услышать? Ведь я уже немало писал и рассказывал о конкретных оперативных делах.

— Но все равно же остается немало белых пятен…

— …Может, пусть они и остаются, чтобы никого не подставить? Я сознательно называю некоторых своих героев только по именам, не упоминая их фамилий.

— Понятно, традиция.

— Тут дело не только в конспирации. Так в моей книге «Друзья не умирают», для меня было не столь важно раскрыть какую-то новую документальную истину о конкретном политике или близком человеке. Я стараюсь поведать о моих искренних, часто товарищеских взаимоотношениях с такого рода людьми. Одного моего героя именую сэром Вильямом.

— Это случайно не наш разведчик Рудольф Абель — он же Вильям Фишер?

— Нет-нет. Просто звали моего героя действительно Вильямом, а внешне он напоминал английского лорда. Был одним из лидеров Свободно-демократической партии Запад ной Германии. В 1972-м как старейшина открывал заседание вновь избранного бундестага. А до этого мы с ним обсудили текст его выступления.

— Он понимал, что обсуждает текст с генерал-полковником разведки ГДР?

— В то время я, по-моему, был еще генерал-майором. Да, в отличии от некоторых других западных политиков, с которыми у нас были контакты под прикрытием и какими-то легендами, Вильям прекрасно знал, с кем имеет дело. Сознательно шел на контакт — не изменяя своей политической позиции либерала.

— Если он оставался либералом, то что же заставляло его сотрудничать с гэдээровской разведкой?

— История установления контакта с ним такова: Вильям не принимал проамериканизма канцлера ФРГ Аденауэра, отвергал политику вооружения Западной Германии и считал, что сближение двух немецких государств послужит делу мира. Ни в какой степени он не был марксистом, оставаясь человеком, весьма далеким от коммунистического мировоззрения. Однако считал, что его убеждения могут принести пользу и шел на контакты с моей Службой. Мы обменивались мнениями по политическим вопросам, и Вильям, естественно, получал от меня информацию о наших взглядах на эти вопросы.

— Генерал, а этого вашего сэра Вильяма не разоблачили?

Ведь пост-то занимал такой, что западногерманская контрразведка наверняка за ним приглядывала.

— Что вы! Вильям скончался в уже очень в преклонном возрасте, ему было за девяносто. И тогдашний президент ФРГ фон Вайцзеккер дал высокую оценку его деятельности в этом… Ну, что публикуют после смерти?

— … Некрологе.

— О том, что Вильям был связан с нами, стало известно после событий 1990 года, уде после присоединения ГДР к ФРГ. Иногда, до этого, возникали подозрения, и мы предлагали прервать работу. Но он говорил: ничего подобного и ничего страшного — я с вами. Мужественно держал контакт. Да, многое с ним связывало, у нас были результаты. Но не менее важны и наши личные отношения. Не сразу, конечно, даже не после первых лет, но на последнем этапе сотрудничества я действительно считал его своим другом, а он меня — своим. Полное взаимное доверие. Необычный, своеобразный человек, и к тому же он был…, что-то забываю это слово по-русски, кажется, масон.

— Есть такое слово и понятие.

— Вильям считал необходимым сохранить свои человеческие качества, собственное видение мира.

— Сэра Вильяма так и не раскрыли. А вот Гюнтера Гийома, вашего суперагента — советника канцлера Вилли Брандта, западногерманская контрразведка все-таки разоблачила. Канцлер был вынужден подать в отставку, Гийом попал в тюрьму. А ведь источник из Первого Главного управления КГБ СССР предупреждал (и я рассказываю об этом в своей книге), что вашему человеку в окружении Брандта угрожает опасность и он на грани разоблачения. Информацию передали вашему руководству, но почему-то никаких мер не приняли и Гийома из игры не вывели.

— Подождите-подождите. Давайте разберемся. Сейчас, годы спустя, общепризнанно, что отставка Вилли Брандта произошла не из-за раскрытия Гийома. Причины здесь другие, и они подробно описываются в выходящих на Западе аналитических книгах. Хотя, не отрицаю, дело Гийома повлияло на карьеру канцлера. И, во-вторых, о провале Гюнтера. Тут нами допущен серьезный просчет. Фамилия «Гийом» — своеобразная, она французская, для Германии не типичная. Под этой своей настоящей фамилией он и приехал по нашей линии в Западную Германию. Сделал карьеру. Его не могла не заметить контрразведка. Время от времени попадал под проверки. Но все обходилось благополучно. Как-то арестовали одного человека, в

записной книжке которого обнаружили фамилию Гийома, его телефон. Ведомство по охране общественности установило, что общались они с арестованным совершенно официально. Но наметки, конечно, остались. У одного из контрразведчиков были какие-то подозрения, слабые намеки на то, что в Социал-демократической партии действует агент, имя и фамилия которого начинаются на «Г».

— Откуда же взялись такие данные? Не думаю, что таких на «Г» вокруг канцлера были десятки.

— Прямо с этого и начну. Мы упустили важный момент — начальный период вывода Гийома — 1956-й, 1957-й, 1958-й годы. Он не занимался тогда никакой большой работой, вкалывал в магазине своей тещи. Мы собственно посылали его как резидента для взаимодействия с другими агентами. К более ответственным делам он только готовился. А мы в тот период пользовались шифром, полученным от советской службы. Посылали агентам односторонние радиограммы из Центра с указаниями, заданиями… Иногда использовали шифрограммы для поздравлений с праздниками, приятными датами. В деле Гийома пагубным оказался день рождения сына.

— При чем здесь сын с его днем рождения?

— Не только сын — сыграло роль и поздравление его жене. Мы аккуратно поздравляли наших агентов и их родственников.

— Понял, в чем тут загвоздка. Радиограммы расшифровали?

— Сейчас расскажу. Уже в конце 1950-х мы получили информацию: советский шифр, перенятый нами, разгадан англичанами и западные немцы в курсе. Дешифровки находятся в ведомстве по охране конституции. Они имели опознавательные номера, группы цифр. То есть, эти расшифрованные радиограммы уже можно было разложить, что называется, по папкам получателя. Мы совершенно изменили шифр, и с того времени никаких новых дешифровок не было.

— Но почему вы оставили Гийома в самом пекле? Ведь он ходил уже по лезвию…

— Мы проанализировали все радиограммы, посланные разным агентам. Решили, что для Гийома они опасности не представляют. Да и в деле его, которое мы просматривали, не было никаких пометок о посланных поздравлениях. Прошло почти 20 лет, время работало на нас. Но работник западногерманской контрразведки, который обнаружил в телефонной книжке фамилию Гийома и знал, что существуют какие-то подозрения по поводу действующего в Социал-демократической партии агента с фамилией на букву «Г», однажды обратился к своему коллеге из другого отдела. У того

имелись разложенные по папкам расшифровки, но фамилия получателя еще не была установлена. Сравнили поздравления с датами рождения сына и жены Гийома. Тут все и стало ясно. В апреле 1973 года начальник ведомства по охране конституции уже знал точно: Гийом и его жена — наши агенты. И 29 мая 1973 года доложил об этом в присутствии начальника бюро Клауса Кинкеля своему министру Дитеру Геншеру.

— Забавное сочетание — оба занимали впоследствии посты министра иностранных дел.

— Но в юридическом плане, перед судом это вряд ли бы послужило доказательством принадлежности Гюнтера Гийома к нашей разведке. И тогда было решено оставить Гюнтера у Вилли Брандта.

— Зачем? С какой целью?

— Чтобы затем оперативными методами получить доказательства его шпионской деятельности.

— Контрразведчики сурово подставляли своего канцлера.

— Согласен. И держали Гийома в советниках целый год. А когда Гийом с братом поехали в отпуск в Скандинавию, то там они и задержали Гюнтера с секретными документами. Во время судебных разбирательств они и фигурировали на его процессе. И, между прочим, на моем тоже. Но истинная причина провала — наш недосмотр по расшифрованным радиограммам.

— Быть может, я ошибаюсь, но этот же разгаданный англичанами шифр вывел американцев на сеть советских атомных агентов.

— Шифр в разведке — это важнейшее. Не углубляясь сейчас в подробности, я все же замечу, что и антифашисты из «Красной капеллы» были схвачены из-за дешифровки радиосообщений.

Красная капелла

Так принято называть немецкую антифашистскую организацию, возникшую в Германии в середине 1930-х годов после прихода к власти Гитлера. Члены «Красной капеллы», многие из которых принадлежали к немецкой аристократии и занимали высокое профессиональное положение, передавали бесценную информацию советской разведке. Одним из наиболее активных участников «Капеллы» был Харо Шульце-Бойзен (разведывательный псевдоним «Старшина»). Капитан первого ранга, выходец из аристократической семьи, он создал группу борцов против фашизма, в которую входили военные,

государственные служащие, ученые, представители промышленных кругов. Осенью 1942 года Шульце-Бойзен и его друзья были арестованы гестапо. После нечеловеческих пыток Старшину и семерых его ближайших помощников повесили. 41 человек был обезглавлен. Двое покончили с собой в тюремных камерах. Всего же по делу «Красной капеллы» привлекалось более 200 человек. К окончанию Второй мировой войны практически никого из них не осталось в живых. В 1969 годы несколько членов организации были награждены посмертно советскими орденами.

— А нельзя ли раскрыть в этой беседе и что-нибудь новое, неизвестное о ваших разведчиках-нелегалах? Как все-таки они проникали в чужие страны?

— По-разному. Давайте расскажу о случае совсем не типичном. Наш нелегал ушел из ГДР на Запад под своей фамилией. Вот у кого необычнейшая судьба. Этот человек, будем именовать его В., служил в войсках СС.

— Ничего себе!

— Совсем в юные годы. Потом уже в ГДР работал редактором профсоюзной газеты. И мы использовали легенду: будто бы узнав о бывшей принадлежности В. к СС, в Восточной Германии его принялись прижимать, вот и рванул в Германию Западную. В ФРГ он не скрывал: да, редактировал газету профсоюзов, а во время войны служил в СС. Пробиваться ему оказалось сложновато. Устроился, если не ошибаюсь, в журнал «Шпигель» где-то в Гамбурге. А ему — и нам — нужен был все же Бонн, который гораздо поближе к политическому центру. Но В. — журналист эрудированный, интересовался внешней политикой, хорошо писал. И попал, как и сэр Вильям, в руководство партии Свободных демократов. Его отдел занимался вопросами внешней и военной политики.

— Прямо в точку. Вы, наверное, о таком и не мечтали.

— Мы не мечтали, мы его к этому готовили. В. стал для нас если не ведущим, то одним из серьезных источников информации. Он устанавливал контакты с коллегами по НАТО, с политическими партиями, выезжал в составе официальных пресс-групп в другие страны. Так познакомился со своей будущей женой.

— Готов спорить, что дама работала в интересующей вашу службу партии или министерстве.

— А что тут спорить — именно так. Они поженились. Она — чистейшая западная немка, и при всяких вероятных проверках не возникало никаких сложностей. Поначалу трудилась в одном из отделов Министерства обороны Западной Германии. И уже давала информацию мужу.

— Он, видимо, поначалу работал с ней втемную, вряд ли афишировал, что трудится на разведку ГДР?

— Я не помню, в каком периоде он перед ней раскрылся — сразу или нет. Наверное, на первых порах внушал, что, работая в пресс-службе ведущей партии, не может не интересоваться и оборонной политикой страны. Наверное, начиналось так, и, признайте, выглядело логично. Но затем он привлек ее политически, сознательно. Когда начальник этой дамы перешел в ведомство канцлера, то она последовала за ним. Судьба В. необычна, а использованную нами разработку такой не назовешь…

— … Генерал, но признайте, что ваши агенты частенько использовали подобный прием. Ведь очень помогали ГДР, да и не только этой стране, бедные, уже немножко не первой молодости секретарши, сблизившиеся с красавцами из вашего ведомства.

— Это трафарет, который приклеили моей службе на Западе. Мы, мол, использовали любовные связи, совращали бедняжек, заставляли работать на нас, а в конце концов бросали.

— Разве не похоже на правду?

— На самом деле бывали разные ситуации. Действительно, в отдельных случаях наш вербовщик, ну, иногда и нелегал, привлекал женщину к работе на базе личных взаимоотношений. Под разными легендами, не раскрывая себя, склонял ее к тому, чтобы она давала информацию, доступные ей документы. Но, поймите, тут не было трафаретов. Во многих случаях люди женились. Я и сейчас поддерживаю с ними контакты. Знакомились на началах необычных, а потом — счастливые браки, дети. Признаю: бывало и по-иному — расходились. Или еще более трагично — агентов раскрывали, и мужчину приходилось отзывать назад. Иногда вывезти супругу не удавалось, и тогда арест, суд, изредка, очень редко — даже тюремный приговор. Но обычно до такого не доходило.

— А как же тогда с Габриэлой Гаст? Ее, вашего агента и по совместительству одного из лучших аналитиков БНД — Федеральной разведывательной службы Западной Германии, занимающейся внешней разведкой, посадили именно за шпионаж. И завербовали Габриэлу, гражданку ФРГ, члена партии Христианско-демократического союза как раз ваши ребята-красавцы.

— Да, по-моему, вербовку провели таким образом. Но поймите, в будущем ее становлении как нашего агента, в готовности Габриэлы работать на нас, в ее последующем внедрении в руководство БНД, это существенной роли уже не играло. Она оказалась способной и исключительно амбициозной

— употребляю это слово без всякого негативного оттенка.

— А как вы все-таки ее отыскали?

— Габриэла из крайне религиозной семьи христианских демократов. Приехала в университет Карл-Маркс-Штадта в ГДР работать над темой о правах женщины в ГДР. Ей оказали помощь.

— Уже зная, что привлекут в ваше ведомство?

— Сначала с ней установили хороший психологический контакт, помогли получить материалы для научной работы. В тамошнем окружном управлении ребята были активные. Наверное, они просматривали немало кандидатов и кандидаток. Остановились на Гаст: еще до окончания учебы в Западной Германии она работала на политической и идеологической основе.

— А если отвлечься на минутку от Габриэлы. Обычно вы, наверное, платили своим агентам?

— Очень по-разному. В основном к нам шли по идейным соображениям. Но я придерживался принципа: человек трудится помимо своей работы, тратит силы и время, рискует — значит, он должен за это что-то иметь. Но тут возникал вопрос: а сколько же своих расходов он сможет прикрыть? Серьезная проблема безопасности. И не с самого начала, а с годов 1960-х или с начала 1970-х мы завели систему личных счетов, не раскрывая, понятно, наших агентов. Часть они получали в марках ГДР. Мало ли что могло случиться. Вдруг вынужденный вывод из другой страны. Или возвращение в случае ареста. Они должны были понимать, что мы поддержим их и морально, и материально. У работавших за границей достаточно долго росли в ГДР солидные счета. Иногда мы выплачивали валюту, тоже соблюдая меры безопасности: фамилия получателя не указывалась, только номер. Но и этот номер, этот бюрократизм, проявленный нашим Министерством госбезопасности, тоже сыграл свою отрицательную роль. После событий 1990-го года некоторые из наших агентов были все же установлены и именно из-за номера.

— Увлекшись финансовыми проблемами, мы позабыли про вашу Габриэлу Гаст. Итак, она начала работать на разведку ГДР.

— Она вернулась в Мюнхен. И мы подсказали, с кем из преподавателей ей надо бы пообщаться.

— Тоже были вашими агентами?

— Да нет. Мы хотели, чтобы ее серьезные научные работы писались под опекой известных ученых. Тех, кто мог бы рекомендовать Гаст после университета на работу в Министерство иностранных дел ФРГ. В Мюнхене преподавал один профессор, автор многих книг. В общем, к нему Габриэла и обратилась. А профессор подсказывал не только способной

студентке, но и БНД. По его рекомендации брали на аналитическую работу в западногерманскую разведку.

— По-русски говорят: «подыскивал кадры».

— Вот-вот. В БНД женщин в ту пору почти не брали. А Габриэла уже успела написать солидную диссертацию по Восточной Германии, и отзыв видного профессора был очень кстати. Так Гаст попала в школу БНД. А все остальное — результат ее личных качеств, способностей и амбициозности.

— Гаст была советником канцлера Гельмута Коля?

— Нет-нет. Она работала в БНД в разных отделах, больше по линии информации и ее анализа. Получала данные из разных отделов, но мы, естественно, ориентировали Габриэлу на все то, что ближе к нам, к Советскому Союзу, к другим странам Варшавского Договора. И она исключительно грамотно и толково делала анализы на эти темы. Для БНД и для нас тоже. В БНД есть представительство при канцлере, тогда оно находилось в Бонне. Его работники готовят информацию, поступающую из БНД, уже непосредственно для канцлера.

— Тогда им был Коль?

— Он получал подготовленные Гаст информационные сводки. Да, она определенное время этим занималась. И из всех женщин — сотрудниц БНД у нашей Габриэлы был самый высокий чин, соответствующий начальнику отдела министерства.

— Хорошо известно, что арестовали эту даму-суперагента лишь после падения ГДР.

— Давайте расскажу о женщине, но не завербованной, а нашей разведчице, внедренной в Западную Германию с использованием двойниковой биографии.

— Что это такое?

— Биографии другого человека. Она приняла биографию западноберлинской гражданки.

— Каким образом можно взять обличье другого человека, если он жив?

— У той женщины было психическое заболевание. Она все время находилась под контролем. Профессия той, двойниковой дамы, парикмахер. Это не слишком подходило, и мы использовали легенду, объясняющую, почему она не может продолжать эту работу. Начинала исключительно скромно, с позиции секретарши страховой компании.

— Многие ваши кадровые работники шли с самых низов и затем добирались до важных постов. Кое-кто, как например Гийом, дослужился до должности советника канцлера ФРГ Вилли Брандта.

— У нас был не только Гийом. А старт из глубин, снизу —

обычный вариант и в научно-технической, и в других видах разведки, которым пользовалось большинство наших сотрудников. Мы брали студентов, аспирантов, окончивших высшую школу, как правило, техническую, но использовать их с документами, полученными в ГДР, было нельзя. Им приходилось начинать в ФРГ с нехитрой рабочей профессии. Некоторые раньше действительно занимались каким-нибудь ремеслом, другие его осваивали уже на новом месте.

— Извините, что отвлек от рассказа о женщине-парикмахерше. Но ведь придумать столько легенд для ваших нелегалов, найти множество людей с двойниковыми биографиями — невозможно.

— До закрытия границ ГДР в 1961 году большинство шли в потоке беженцев и официально переселяющихся на Запад. Конечно, в их легендах не было и намека на членство в партии или принадлежность в нашей службе: уходили, якобы, по тем же причинам, что и другие жители. Недовольны режимом, ущемляются права…

— И не попадали под колпак западногерманской контрразведки?

— Через фильтрационные лагеря проходили десятки тысяч. А я все-таки возвращаюсь к нашей разведчице и, как условились, называю лишь ее имя — Иоханна. Итак, страховая компания, потом переезд в Гамбург. По нашему указанию она дала в боннской газете объявление, что ищет пост секретарши. К тому времени уже обладала соответствующей квалификацией. Получила несколько писем-предложений, в том числе, — бывают же совершенно невероятные совпадения, — от уже упоминавшегося в самом начале беседы нашего источника Вильяма. Он, естественно, и не догадывался, кто она, а Иоханна не могла предполагать, кто же на самом деле Вильям. Вот уж угораздило! Нас это никак не обрадовало, и возникла задача как-то их развести. Пришлось мне лично проводить с ней встречу. После этого Иоханна ушла от Вильяма и поступила к генеральному секретарю партии Свободных демократов. Они тогда были Социал-демократами под эгидой Вилли Брандта и проводили так называемую новую восточную политику. А после смерти этого генерального секретаря, она попала к севшему на его место. И уж этот человек занял высокий пост в большой европейской политике. Так наша Иоханна стала частенько наведываться в Брюссель. Представляете, какие это открывало нам возможности?

— Еще бы.

— Затем ее шеф сделался министром экономики ФРГ. И она

была при нем не просто секретаршей. Ее пост я бы по-русски обозначил, как помощница министра, который одновременно находился и в главном руководстве партии Свободных демократов. Вот какой путь пройден — от парикмахерши до высшего руководства. Левая или правая рука министра и одного из руководителей правительственной партии!

— Позвольте спросить: отношения у этой пары оставались чисто служебными или зашло чуть подальше?

— Сугубо деловые, но через какой-то период времени он предложил ей перейти на «ты». На Западе это кое-что значит. Она познакомилась с его семьей, общалась с женой министра. Иоханна умела себя подать, да и внешне женщина приятная.

— И как же сложилась ее судьба?

— Получилась так, что возвращаясь с явки из Рима в Берлин, она случайно оставила в такси сумку — а в ней фальшивые документы с ее фотографиями. И мы долго взвешивали, как быть: идти на риск, оставлять ее там или нет? Иоханна уже двадцать лет проработала на Западе…

— Двадцать? В каком же это было году?

— В 1985-м. У нас в это время произошло несколько других провалов, и хотя она могла еще работать, я все же решил — хватит. Мы ее отозвали и устроили в небольшом городке возле Берлина. Случайно оказалось, что рядом с моей дачей. Естественно, я знал Иоханну. А после того, как ГДР не стало, ее и меня привлекли к суду: у нее судебный процесс и у меня тоже. Иногда она обращалась ко мне, и у нас сложились дружеские отношения. Мы с моей женой Андреа постоянно общаемся с Иоханной.

— Вы заговорили о процессе. Тогда это выглядело серьезно. Посадить вас могли — и надолго.

— Это было в 1993-м году. Вызывали целый ряд свидетелей, с которыми я лично работал. Прокуратура исходила из того, что меня обвиняют не за работу в разведке, а за то, что я лично склонял людей к государственной измене и шпионажу. И Иоханна сыграла важную роль на моем процессе, рассказывая, как все было на самом деле. Это было выступление человека, высочайшего интеллектуального уровня. Рассказала, что переживала и что осознала в 1945-м. Тогда она, 18-летняя девушка, готовилась стать учительницей. И однажды, выйдя на шоссе, увидела колонну заключенных Освенцима, которую безжалостно, будто скот, гнали эсэсовцы. Задумалась и со временем постигла причины войны, познала, в чем суть нацизма, и поклялась, что постарается сделать все, чтобы такое не повторилось. Иоханна не рвалась в разведку. Но когда на нее

вышли, попросили согласия, она стала нелегалом исходя из сугубо политических убеждений. Не отрекается от них и по сей день, о чем услышали и на процессе.

— И для вас и для Иоханны эти суды, длительные процессы закончились. Теперь все благополучно.

— Да, и сегодня мы не просто встречаемся с ней, а дружим, часто рассуждаем, не прожили ли мы эту жизнь напрасно.

— И к какому выводу приходите?

— Типичный журналистский вопрос, меня об этом часто спрашивают ваши коллеги на Западе, да я и сам его себе задаю сегодня, когда дела, которому мы служили, сейчас вроде бы нет. По крайней мере у меня. Страна ГДР ушла, о социализме как-то нет и разговора. Может быть, все действительно было зря? Этот вопрос я тоже задаю Иоханне. Мой друг по-своему отвечает «нет», считая, что жизнь у нее была крайне интересна, и она смогла спокойно пройти все эти преследования, допросы, зная, что вершит хорошее дело.

— И вы, догадываюсь, разделяете ее точку зрения?

— Я ее подхватываю, говоря, что мои чувства совпадают с теми, которые излагает Иоханна. Но, конечно, больно, что то, чему мы служили, отдавали энергию, силу, — ушло. Причем ушло таким вот образом. И больно осознавать ошибки, которые мы совершали.

— Вы одним из первых предупреждали о грядущем крахе социалистической системы. И все-таки, чего бы вы не делали, зная, как все обернется?

— Я бы не отнес этот ваш вопрос к своей разведывательной службе. За то, что мы делали, можно отвечать, это можно в полной мере отстаивать. Конечно, допускались ошибки, нормальные, человеческие. Нет такой спецслужбы, где бы без них обходились. Но крупных ошибок, я думаю, не было. Разведку, которую я возглавлял, на Западе считают одной из самых успешных в мире. Мне запомнился документальный фильм, где один из работников ЦРУ признается: «Да, они были лучше нас. Однако финальную игру все же проиграли».

— Можно ли было избежать такого финала? Или он был исторически предрешен?

— Исторически предназначен. Но не в том, что касается деятельности разведки — тут уж ни в коей мере. Нельзя, по-моему, винить ни советскую, ни нашу разведки в этом уходе от социалистической системы. Тут глубокие политические причины. Мы только называли систему, которой служили, социалистической. Но во многих отношениях она далеко не дотягивала до тех идеалов социализма, в которые верили мои

родители и которые мы считали своими. Если говорить о внутрипартийной системе, то мы назубок выучили все постулаты демократического централизма. Но что у нас было на протяжении всей моей сознательной жизни, не говоря уже о временах Сталина? Никакого демократизма внутри партии. Все вопросы решались сверху, никого не спрашивая. А экономическая система — чисто административная. Какой социализм? Требовались глубокие перемены на демократических началах. И мое твердое убеждение — они могли быть чисто демократическими. Но их не было. В то же время на Западе существует заученное трафаретное представление о жизни в СССР, особенно довоенной: сплошные репрессии и ужасы.

— Но вы же сами прожили у нас больше десятка лет. Ваша семья бежала от фашизма, и с 1934-го вы твердо обосновались в Москве. Вам ли не знать, что тогда творилось.

— Жизнь была очень противоречива. Мы жили, как любая молодежь. У меня было столько друзей на Арбате, где в одном из переулочков была наша квартира. Может, повезло со школой — 110-я, в Мерзляквском переулке, около Никитских ворот. Теперь там, если не ошибаюсь, музыкальное училище. Вот где царил культ — но культуры. Всеобщая атмосфера образованности. Нам преподавали не только русскую, но и мировую литературу на высочайшем уровне. На Западе этого не понимают, хотя до таких высот не поднимались. Уверены, будто мы росли в узких рамках курса ВКП (б) и сталинских директив.

— Но кроме культа культуры существовал и другой культ.

— Репрессии коснулись и многих моих одноклассников — и немецких эмигрантов, и русских. Но нельзя зачеркивать и хорошее. Скажу вам, что все намного сложнее и требует глубочайшего осмысления.

— Товарищ генерал-полковник, а нельзя ли коснуться в нашей беседе темы вашего сотрудничества с советской разведкой? Так и хочется спросить: вы не общались с Путиным, когда он служил в Дрездене? — Нет. У нас с ним тогда был разный служебный уровень. Да и в Дрездене я почти не бывал. А если и заглядывал, то, по-моему, встречался с их генералом — был там такой представитель. И к тому же я в те годы уже свертывал свою деятельность. С 1983 года готовился к уходу на пенсию, а распрощался с разведкой в 1986-м.

— Позвольте слегка отойти от действительно проблем глобальных и исключительно противоречивых. Хочу задать вам, возможно, и не самый серьезный вопрос. Просто для разрядки. Правда ли, что любимица публики, многократная чемпионка по

фигурному катанию Катарина Витт была агентом «Штази»? Многие западные издания на это намекают.

— По-моему, нет. Во-первых, я знал не всю агентуру своей службы. Во-вторых, если кого-то из таких известных людей и вербовали, то занималась этим не внешняя разведка, а контрразведка. В-третьих, что она могла бы нам принести? Пожалуй, ничего.

— Генерал, вы ответили на игривый вопрос с полной серьезностью.

— И хочу продолжить дальше. Вы спрашивали об ошибках. Надо признать: контрразведка чересчур увлекалась количеством вербовок. Я иногда спрашивал их, зачем вам, например сельское хозяйство? Ну при чем тут Министерство безопасности? Если даже плохо работают трактора и страшно много аварий, то на это есть их собственное министерство, свои контролеры. А вербовали агентуру в массовом порядке, что мне казалось и кажется абсолютно ненужным.

— А почему все-таки соглашались на вербовку? Почему так много людей сотрудничали со «Штази»? Заставляли, загоняли?

— На вербовку требуются мотивы. Они, конечно, самые разные. Беда в том, что в нынешней Германии считают: был агентом «Штази», значит, шпик, предатель, выдавал коллег, товарищей. Но это же не так.

— Быть может, не всегда так?

— Я еще раз о мотивах. Главный, который принимали многие: люди были уверены, что служат своему государству и делают для его защиты нужное дело.

— Скажите, генерал, а чем вы сейчас занимаетесь? Оперативная работа осталась в социалистическом прошлом. Нападки на вас, кажется, прекратились…

— Но до этого пришлось выдержать немало испытаний. В сентябре 1991-го меня арестовали: одиннадцать дней в одиночной камере. И только благодаря друзьям, собравшим деньги, меня отпустили под залог. Потом следствие и процесс, о котором я уже немного рассказывал. Как можно было предавать суду офицеров, совершенно законно действовавших в интересах своего государства — официального члена ООН? В конце 1993-го огласили приговор — шесть лет лишения свободы, но меня отпустили под залог. Я не собирался ни скрываться, ни бежать из Германии. И только через два года приговор отменили. Федеральный конституционный суд Германии вынес решение: офицеры разведки ГДР больше не преследуются за измену и шпионаж. Вместе с женой Андреа, моей верной и любимой супругой, мы ведем спокойную и размеренную жизнь. Много

пишу, вышло уже несколько моих книг — и не только о разведке. Много разъезжаю по Германии. И по восточной, и по западной. Такая у нас традиция: авторы представляют читателям свои книги. Обычно аудитория — человек сто, ну сто пятьдесят. Ко мне приходят по четыреста.

— И хорошо покупают?

— Последняя больше полугода находилась в списке бестселлеров, а «Шпигель» даже поставил ее на третье призовое место. Планов много. Хочу напомнить людям об общечеловеческих ценностях, поразмышлять о своей судьбе и судьбе моей страны, которая ушла с исторической арены, и объяснить, постигнуть причины этого ухода.

Последнее интервью

Волею судьбы Маркус Вольф дал это последнее свое интервью российским кинематографистам, снимавшим документальный фильм по моему сценарию.

А предыстория такова. Московская киностудия «Лавр» готовит фильм о Герое России Алексее Козлове. В первой части книги Козлову посвящена целая глава. И есть в интереснейшей биографии Алексея Михайловича, которой никогда не суждено быть до конца раскрытой, очень непростая, тяжелая страница, о которой сейчас напомню. Арестованного в 1980-м в ЮАР советского разведчика удалось обменять в 1982 и с помощью коллег из ГДР. Наверняка Вольфу, в ту пору начальнику разведки, было что рассказать о полковнике Козлове.

До этого я встречался с отставным генералом Вольфом и его женой Андреа в Москве. До чего же силен и, что для меня главное, интеллигентен, прозорлив был генерал Вольф. Несколько опубликованных бесед, подробный рассказ о Маркусе в изданиях с твердым переплетом, и отношения, что называется, сложились. Мы перезванивались, обменивались короткими посланиями. Вольф присылал мне свои книги, получая в ответ мои. Перед началом съемок документального фильма о Козлове я через съемочную группу, отправившуюся в Берлин, передал ему список вопросов, на которые Маркус твердо пообещал ответить, «но, Николай, не выходя за рамки».

Картина, как часто бывает, долго монтировалась. И впервые просматривая фильм дома, ей-Богу, схватился за сердце, услышав такой знакомый глуховатый голос Маркуса. В начале ноября 2006-го он ответил на мои вопросы. А в ночь на 9 ноября 2006-го

он тихо скончался во сне на 84-м году жизни. Так что после этого интервью, других, похоже, быть не могло.

— Оглядываясь назад, вспоминая историю и зная теперь, чем она закончились, многие высказывают сомнения: а нужна ли была вообще вся эта борьба разведок, затеянная после Второй мировой?

— Я отвечу вам так. Холодная война разворачивалась уже на очень быстрых оборотах. Позади были события в Гер мании и путч в Венгрии. Как тут было обойтись без разведки? В том числе и нелегальной.

— А что вообще входит в задачу разведчика, живущего в стране под чужим именем?

— Нелегал может иметь разные задания. Выделю первое — это руководить другими агентами, источниками, которые на него работают и организовать связь с ними и Центром, что весьма важно. То есть, фактически руководить так называемой нелегальной резидентурой. Возможна и другая задача — нелегал в одиночку устанавливает контакты для добычи информации.

— То есть вербует агентов?

— Ну, вербовать или не вербовать источников — это уже зависит от очень конкретных условий. Как правило, это делается с санкции Центра, но, обычно, нелегалы на свой страх и риск не всегда придерживаются такой строгой дисциплины, и решают вопросы самостоятельно.

— А как вы бы оценили деятельность советской нелегальной разведки?

— Я вообще с гордостью смотрел на русских нелегалов. Это очень трудно — полностью стать, к примеру, немцем. Это касается и языка, я знания обычаев, нравов страны. Есть целый ряд признаков, по которым западногерманская контрразведка устанавливала чужих. И, знаете, эти признаки работали. Так что я порой восхищался смелостью и русских нелегалов, и советских людей другой национальности, которые успешно выполняли эту свою работу. И личность Алексея Козлова меня потрясает.

Можно по-разному отзываться о личности бывшего министра госбезопасности ГДР Эриха Мильке, иметь о нем разное мнение. Но что касается борьбы за освобождение разведчиков, которые попали в беду, он делал абсолютно все. И готов был отдавать значительно большее количество западных агентов за наших и советских. Поэтому освобождение Козлова мы считали тоже своим большим успехом.

— Согласны ли вы перейти в ГДР? — спросил его адвокат из ГДР Фогель, занимавшийся и его обменом.

Ответ был ясен заранее. Сначала мы привезли тех, на кого

обменивали Козлова. За него мы отдали 11 немецких разведчиков, шпионов — называйте, как угодно, и еще одного офицера армии ЮАР, который попал в плен к кубинцам в Анголе. Узнав об этом, мой друг и начальник советской нелегальной разведки генерал-майор Дроздов заметил: «Если бы они знали все о том, кого отдают, то запросили бы еще больше».

Это было в 30 километрах от города Айзенаха, близ высоких холмов. Рядом — объект прикрытия для нашего атомного бомбоубежища. Там построили целый ряд домиков-коттеджей. Вот здесь мы и ждали Козлова. Алексей вошел, и было сразу видно: настоящий русский мужик. Вот что было удивительно, потому что позже я узнал, что многие годы он выступал в качестве немца.

Но он буквально поразил меня еще раз. После возвращения на Родину, после тюрьмы еще раз выехать за кордон для выполнения нелегального задания… Я за все годы в разведке о таких случаях не слышал. Да, бывало, что после обмена или освобождения мы использовали наших нелегалов, там отсидевших. Жаль, если карьера засветившегося разведчика окончательно завершается. Но как? На своей территории или на территории дружеских стран. Например, в Болгарии, где на черноморских пляжах было много западных туристов, особенно западногерманских отпускников. В том числе секретарш из ведомств, которые могли нас интересовать. Такие случаи были. Но использовать для работы в странах НАТО или в других государствах, которые представляли для нас интерес, таких случаев я не помню. А Козлов в качестве нелегала после всего этого проработал еще десять лет — до 1997 года. Он делал это увлеченно и бесстрашно, у него это вошло в кровь, его притягивала профессия.

Вы знаете, эта профессия — ведь она и моя тоже.

Судьба перебежчика

От американского агента российской разведки Эдварда Ли Ховарда осталась лишь урна с прахом.

Волею судьбы и детектора лжи сотрудник ЦРУ Эдвард Ли Ховард стал агентом советской разведки. Из США в Москву он сбежал в 1985-м. Вот уж кому довелось действительно испытать на себе все трудовые будни российского агента. Впрочем, выяснилось, что это тот самый крест, который при желании все же можно нести и даже вынести.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Ховард Эдвард Ли (1951–2002). сын офицера ВВС США в 1972 году с отличием закончил в 1972 году Техасский университет по специальности экономика и международная торговля. затем работал в корпусе мира США в странах Латинской Америки. По официальной версии, зачислен в ЦРУ в 1981 году вместе с женой Мэри, хотя, судя по всему, работал на эту спецслужбу и раньше. Не пройдя проверку на детекторе лжи, был уволен из ЦРУ. В 1985 году бежал в СССР. с тех пор до самой своей смерти жил в Москве.

И если бы не проклятое пристрастие к алкоголю, которое так подвело сотрудника американского Центрального разведывательного управления в 1983-м, то жить бы Ховарду относительно спокойно и дальше на своей подмосковной даче в Жуковке. Но дурацкая смерть настигла его в элитном поселке 12 шюля 2002 года. Вечером гулял по участку, поскользнулся — и прямо головой об камень. Рядом — никого. На мертвого Эдварда Ли Ховарда наткнулись лишь утром.

Такое случается не только с разведчиками. Но и с ними — тоже. Во второй половине 1990-х на даче около станции Пионерской нашли тело генерала-майора Владимира Александровича Чучукина. Человек, выдержавший две командировки в США и героически

работавший в Афганистане в тяжелейшие годы нашего вторжения, умер, мирно поливая лужайку на даче своего отца — тоже сотрудника спецслужб. отказало натруженное сердце. А он совершал героические поступки не только в разведке. ему было уже за шестьдесят, когда бросился в самое пекло московского пожара и спас людей. Лечение, тяжелейшие операции, возвращение на преподавательскую работу в Краснознаменную академию имени Андропова, копание на любимой даче… Жена, также Царство ей Небесное, Лена нашла его лежащим на клумбе, в руках — шланг.

Но вернемся к Ховарду. Как же все-таки занесло его из родных Штатов в нашу Жуковку? собственно, к поездке в Москву его готовило ЦРУ. И не одного, а с женой Мэри, служившей в том же ведомстве. они оба уже знали и своих будущих коллег, работавших под дипломатическим прикрытием в посольстве США, и даже некоторых завербованных русских агентов. Изучили методы работы, применявшиеся ЦРУ в России, прошли специальную, довольно жестокую подготовку. дела шли неплохо, и честолюбивый, несколько тщеславный Эдвард с нетерпением ждал отъезда. Не терпелось доказать, что Роджер Шэнон, такую кличку дали ему в ЦРУ, разорвет в Москве в клочья всех этих русских с их хваленой контрразведкой. оставалась лишь самая малость: пройти формальный, в его случае, тест на детекторе лжи.

Вот его-то Ховард завалил с треском. Выяснилось, что он не только пьет — это было абсолютно очевидно и без всякого компьютера, но и покуривает травку. да еще в придачу изменяет жене, что всех несказанно удивило. Ведь свою Мэри он любил страстно. Когда во время тренировок перед командировкой в СССР инструктор пытался имитировать их с женой арест органами КГБ и, войдя в раж, ударил Мэри, Ховард чуть не набил ему морду. Но были, были и связи на стороне, в чем будущего шпиона заставили признаться.

Он не был человеком тривиальным, живущим на счет раз, два, три. Потому любящая Мэри все поняла и простила. А вот в штаб-квартире в Лэнгли — нет. Несмотря на то, что в московской резидентуре их уже ждали, Ховарда уволили.

Да, он оказался сложным и непростым индивидуумом, этот Эдвард Ли Ховард. способным, обидчивым, ранимым. И решительным. Не был ни примерно-верным семьянином, ни аккуратненьким цэрэушником в белоснежной рубашечке. Не скрывал: я — не такой, как все, демонстрировал это на каждом шагу. И зачем тогда в 1981-м его пригласили в ЦРУ? К чему все эти проверки, тесты, учеба, подготовка к работе в зловещей, как им с женой твердо внушали, Москве? В 32 года его столь удачно начинавшаяся карьера разведчика была завершена, он погорел окончательно и бесповоротно.

Короче говоря, вслед за изменой жене последовала измена соединенным Штатам. Источники из российской разведки только посмеялись над вопросом: «Кто и когда завербовал Ховарда?». Это навсегда останется тайной. Как и то, где конкретно он впервые встретился с резидентом из СССР. Видимо, в 1984-м. И по некоторым намекам, то ли в США, то ли в притягательной своим удобным географическим положением Вене, где происходили, да и происходят, многие конспиративные встречи. Наверное, приятно устанавливать контакты под звуки чарующего вальса. В столице Австрии начиналась, да и заканчивалась арестами, похищениями карьера не одного агента и разведчика.

Удаленный из ЦРУ, Ховард тем не менее представлял собой важный источник информации. Ведь дома в Штатах его скрупулезно готовили к работе с завербованными, учили тайнописи, методам ухода от наружки… Все это вскоре пригодилось и советской, российской разведке, и лично ему. Наверное, именно Ховард подсказал русским, что один толковый инженер продает его соотечественникам важные технические секреты. И вскоре был арестован, а затем и расстрелян некий исследователь Альфред Толкачев, совсем не бескорыстно делившийся с американцами сведениями о новинках в области военного самолетостроения лайнеров-невидимок. еще кое-кто из кадровых сотрудников ЦРУ, чьим сподвижником так и не стал Ховард, был вынужден срочно покинуть Москву.

Американцы сбились с ног и с ритма в поисках

«крота» в своих рядах. И явный неудачник Ховард — разгильдяй, отпетый пьяница, который, как считали сослуживцы, употреблял и наркотики, успел послужить чужой разведке даже этим своим сугубо отрицательным обликом. его бывшие коллеги были готовы повесить всех собак на него, алкаша и предателя, проглядев уже тогда довольно активно действовавших настоящих советских агентов Роберта Ханссена, а затем и Олдрича Эймса…

Ханссен Роберт

Высокопоставленный сотрудник ФБР, отвечавший в контрразведке за «русское направление». Прослужил в ФБР 25 лет с 1976 года. Некоторые источники утверждают, что Ханссен был завербован советской разведкой еще в 1979 году, другие склоняются к тому, что он сотрудничал с противником с 1985 года. Предупреждал сотрудников КГБ, действующих в США, о готовящихся против них мероприятиях ФБР. Передал КГБ и СВР имена нескольких десятков агентов, называется даже цифра 50, завербованных ЦРУ агентов и шесть тысяч страниц секретных документов. В мае 2002 года 57-летний Ханссен приговорен к пожизненному заключению без права помилования.

Сейчас в прессе высказывается множество догадок по поводу того, кто же окончательно выдал американцам Ховарда. Называется Эймс. Вранье! Один из ветеранов нашей разведки сказал мне категорично: «Его сдал Юрченко. И добавить тут нечего». Но я все же добавлю, что полковник Юрченко, на время переметнувшийся к американцам, действительно знал и о существовании некого источника, связанного с ЦРУ, и даже его кличку. А Эймс, уже будучи нашим агентом, по некоторым сведениям как раз-то и допрашивал перебежчика Виталия Юрченко. Он детально доложил в Москву о поведении советского полковника, выдавшего Ховарда.

Кстати, время от времени разносится весть о кончине Юрченко. Но нет, он, по непонятным до сих пор причинам вернувшийся на родину, здравствует по сей день. И нам теперь никогда не узнать, что же думает о нем Эдвард Ли Ховард.

А тогда, в 1985-м, уже допрошенному ФБР советскому агенту Ховарду оставался лишь один путь — бегство в СССР. При всех своих навыках и способностях ему бы не обмануть бывших сослуживцев, если бы не жена. Существуют две версии

фантастического побега, и в обеих он не обошелся без супруги. По первой, Мэри старательно колесила по дорогам, посадив рядом с собой манекен мужа. Он уже летел в Европу, а наружка полагала, что подозреваемый Ховард все еще находится в Штатах. Этот вариант солидный источник из российской спецслужбы опровергает: «Там, где начинаются все эти невероятные гонки, разведка заканчивается». Версия вторая: Ховард записал собственный голос на пленку, и Мэри прокручивала ее по телефону в то время, когда он уже бежал-летел в «Боинге». По мнению моего российского собеседника, это как раз больше похоже на правду: «Парня просто обучили уходить от наружного наблюдения. В ЦРУ хорошие учителя, способные ученики». И если гордость английских спецслужб — завербованного советского полковника Олега Гордиевского британский дипломат перевез из Москвы в Хельсинки в багажнике автомобиля, то Ховарда, перелетевшего из США куда-то в Европу, а затем в ту же Финляндию, доставили с помощью советских друзей из Хельсинки в Москву… И тоже в багажнике лимузина с дипломатическим номером.

В Москве он и обосновался в 1985-м. Сначала дача, принадлежащая службе разведки, где-то на Рублевке. Ховард боялся возмездия, и в просьбе установить круглосуточную охрану ему не отказали. Беглецу исполнилось 33. Возраст Христа — и вся жизнь сначала: в чужой стране, в разгар борьбы с пьянством… Представляю, сколько выдумки приходилось проявлять кураторам Эдварда из советской разведки, чтобы удовлетворить его алкогольные потребности.

Как он жил? Сначала был жутко скован. С ним деликатно работали, и здесь постепенно, шаг за шагом, он начал приносить немало пользы. Поведал, что его бывшие коллеги не чураются таких устаревших, с точки зрения советской разведки, приемов, как использование масок, чем сбивают с толку московскую наружку, дежурившую у их посольства. «Разоблачил» ставший притчей во языцех ныне знаменитый «шпионский пенек». О нем, этом чуде совсем не природы, а чужой шпионской мысли, любят рассказывать начальники из штаб-квартиры в Ясенево. Пенек, непонятно каким образом, но установленный американцами рядом с секретнейшим объектом, был напичкан подслушивающей, записывающей и прочей современной супер-аппаратурой. Чудо-пень перестал существовать именно благодаря Ховарду.

А тот через какое-то время переехал на дачу в престижную Жуковку. Предпочитал жить в подмосковной тишине, лишь изредка выбираясь на предоставленную квартиру в центре.

Однажды на кортах «Динамо» мне издали показали на бегавшего по площадке парня: какой-то чудак, вроде бы из ЦРУ, тоже приезжает поигрывать, но так, не профи.

На бирже он играл лучше. Наступала смутная эпоха, названная «перестройкой». Голова у Эдварда работала здорово, и бывший агент превратился в удачливого бизнесмена. Не какого-то торгаша, а в умело действовавшего аналитика. Смена вех и идеологий неожиданно помогла сделать вторую карьеру — финансиста. Он вполне прилично зарабатывал, консультируя если не крупных олигархов, то маклеров, трудился в страховой компании. Даже сотрудничал с партнерами из Европы. Был у него и закадычный приятель. Именно хороший дружок, а не просто один из кураторов Службы. Тоже бывший разведчик, но от дел уже полностью отошедший. Имя его, между прочим, встречается в этой книге.

Постепенно закончилась полная изоляция. Ховард тосковал по Мэри. Прежние измены-изменами, но именно она, как подтвердили почти два десятилетия, оставалась если не единственной, то по-настоящему любимой и желанной. Вроде бы должна была бежать с ним в СССР вместе с крошечным тогда сынишкой Ли, но что-то не сложилось. То ли испугалась сама, то ли надавили родители: куда тебе в Советский Союз с пьяницей, да еще и с малышом. Она осталась в Штатах, но осталась с нею и любовь к странному и неординарному, не такому как все человеку. Они перезванивались. Как и почему ФБР пропускало эти далекие ночные звонки — не понятно. Говорят, на службе у русской разведки есть приборы, позволяющие скрывать, откуда по-настоящему идет вызов. Рассказывают, что годы спустя ему помогли наладить с Мэри и личный контакт. Он начал выезжать к ней, к сыну. Возможно ли это? А если бы схватили, арестовали? Где гарантии, что он не выдал бы американцам, как действуют русские разведчики в отношении таких, как он, перебежчиков? Но высшее руководство специальных служб России верило в него и отпускало.

Каким образом полностью засвеченный агент выбирался за границу? И не только в дружественную — тогда — Болгарию. Ну, во-первых, ему сменили фамилию. Чтобы оправдать явный акцент, он работал под прибалта. Кстати, и в Москве жил под прибалтийской фамилией, которая могла бы принадлежать жителю любой страны. А имя Эдвард ему сменили на похожее, особого привыкания не требующее, — Эдуард. Во-вторых, в Службе внешней разведки Ховарда исключительно ценили.

Поведаю б эпизоде, в который сам не слишком и верю. Однажды, с помощью русских друзей, он якобы даже побывал

дома в США, въехав туда то ли из Мексики, то ли откуда-то с Севера, и благополучно вернулся домой.

Домой — это в Москву, потому что иного дома у него быть уже не могло. А вот с Мэри и ставшим взрослым сынишкой он встречался теперь не в далеких Соединенных Штатах, а поближе — в Европе. Приезжала в Москву и его родная матушка, простившего непутевого сына, и даже Мэри с сыном Ли.

Необычнейшая история. И сколько вызывает вопросов. Почему в США не тронули Мэри? Ведь она, тогда сотрудница ЦРУ, помогла сбежать сначала уже предателю, и только потом мужу. Ведь законная супруга Олдрича Эймса, несмотря на маленького ребеночка, провела-таки некоторое время за решеткой. Была выпущена на свободу по существу лишь в обмен на признательные показания приговоренного к пожизненному заключению — и без всякого права на помилование — мужа. А сама любовь Мэри к человеку, предавшему ее не только по службе, — по жизни? И столько лет верности, ожиданий. Он, нормальный, молодой мужчина, что, был в Москве безгрешен? И как удавалось Ховарду безнаказанно путешествовать? Ведь если у кого-то создалось представление, будто в американских спецслужбах трудятся сплошные разини, то это совсем не верно.

Однако, судя по всему, с годами в США несколько поостыли и перестали вешать на Ховарда всех собак. Поняли, что далеко не он один выдавал Советам их кадровых сотрудников и агентов. Ну, кинул одного, другого. Были ведь среди американцев и другие кроты, более осведомленные и коварные, рывшие поглубже.

Незаметнее и быстрее всего на этом свете летит так медленно ползущее время. Черепахой промчались 17 лет. Дача, июль, жара… И нелепое падение со смертельным исходом. Американские газеты поначалу написали: свалился с крыльца.

Точно известно одно: все закончилось кремацией в Москве, венком от товарищей по Службе. И приездом Мэри. Довольно напряженно велись переговоры между двумя спецслужбами: где же похоронить Ховарда? Его последняя воля, которую он вроде бы раньше, на всякий случай, высказывал жене, была понятной: дома, в Штатах. Утрясались детали. Наши на вывоз соглашались. Американцы не хотели, чтобы их согласие на перевоз в США урны с прахом усопшего принимали за мягкотелость. Надо было сохранять все детали переговоров в тайне от наседавших журналистов. Что и удалось: Мэри покинула Москву с прахом мужа.

А жизнь навсегда оставшегося 50-летним Эдварда Ли Ховарда до сих пор полна вопросов без очевидных ответов. Их нет. И не ждите.

Джон Раймонд — от Скотланд-Ярда до КГБ

Полковник Игорь Прелин рассказывает, как советские спецслужбы использовали агента Джона Саймондса. Красавцу-англичанину была поставлена конкретная задача — соблазнять западных дам в разведцелях. Но, увы…

ИЗ ДОСЬЕ

…

Прелин Игорь Николаевич. звание: полковник. Профессия: разведчик.

Этапы карьеры: В органах госбезопасности с 1961 года, в разведке — с 1967-го. занимался непосредственно оперативной работой. 10 лет трудился в Гвинее, Сенегале, Анголе. Выезжал в краткосрочные служебные командировки еще в два десятка стран. Был исполняющим обязанности начальника африканского направления в Управлении «К» — внешняя контрразведка Первого Главного Управления. В 1991 году, не согласившись с губительной, по его мнению, политикой новой власти в отношении спецслужб, добровольно вышел в отставку. сегодня он — известный писатель, автор многих книг и документальных фильмов, телепередач о разведке. Хобби — фехтование, в котором полковник Прелин достиг немало успехов, участвуя в состязаниях среди ветеранов.

— Игорь Николаевич, давайте все-таки начнем с нашумевшей книги бывшего сотрудника КГБ Митрохина, которая так и называется — «Архивы Митрохина». На Западе она поначалу вызвала большой интерес: полагали, что автор выдал чуть ли не всех агентов, работавших на Советы. Потом, правда, выяснилось, что до этого далеко. Однако некоторых, сотрудничавших с СССР, Митрохин действительно назвал. Среди них и Джон Саймондс. Перебежчик утверждает, что вся его 996-страничная книга основана на двухстах тысячах страниц архивных документов, которые ему удалось скопировать и вывезти из Москвы. Но реально ли такое? И говорит ли вам что-либо фамилия

Митрохин?

— Не знаю, получается, что он копировал по восемьдесят с лишним страниц в день. А ведь ему, наверное, и работать надо было. Митрохина, в отличие от Саймондса, я не знал. И кого бы из коллег ни спрашивал — они о нем тоже не слышали. Ну, работник архива. И в каком звании был, мне неведомо.

— Сам он утверждает, что в полковничьем. Его коллеги говорят: был майором, а в начале 1980-х при уходе в отставку дали подполковника.

— Может быть. А может, — вольнонаемный. Судя по тому, что отправили на пенсию в 1985 году в возрасте шестидесяти трех лет, офицером мог уже и не быть.

— Да не в звании дело. Любопытно другое: засовывать переписанные на тонкой бумаге листы в ботинки, выносить их, рискуя каждый раз попасться при досмотре?..

— В принципе у нас никогда обыски не проводились, все строилось на доверии, и это было правильно. Иначе бы создали такую нервозную и нездоровую обстановку, в которой работать было бы нельзя. На Лубянке и в Ясенево вахта никогда не проверяла ни карманы, ни кейсы, ни сумки. Мы ходили туда и обратно. В спецслужбах сотрудникам надо доверять. К сожалению, недобросовестные люди могли этим воспользоваться. И наша агентура за рубежом таким образом тоже выносила документы, пленки. И вот, как видите, Митрохин.

— Значит, своих сотрудников никогда не останавливают?

— Бывал выборочный контроль, индивидуальные проверки. Но это когда возникали какие-то подозрения или сигнал: человек чем-то не тем занимается. Его могли попросить зайти в другое помещение и там побеседовать. А ввести тотальный режим… Все равно, кому надо — вынесет: станет использовать ухищрения посложнее. Так что и у Митрохина возможность была, ибо он работал с делами.

— Игорь Николаевич, а что это вообще такое — архив КГБ?

— Ну, в КГБ было много архивов: центральный, архивы различных управлений, в том числе и разведки. Когда мы сидели на Лубянке, архив разведки находился тут же. Переехали в Ясенево — он сосредоточился в основном там. Оборудовано все отлично, по всем требованиям безопасности. И на особый период, и на случай войны. Дела, которые только-только сданы, несколько лет находятся под рукой. Возникают какие-то вопросы, и к ним бывает возврат. А потом их могут отправить в «дальний» архив.

— Расскажите, если можно, как дело готовится к сдаче в архив.

— Сначала дело поступало из оперативного подразделения. И начиналась кропотливейшая работа по очень строгой инструкции. Работник архива проверял, подготовлено ли дело к сдаче. Все ли пронумеровано, все ли люди, по нему проходящие, внесены в соответствующие списки. Сделаны ли сноски и разноски, есть ли подписи и заверены ли документы… Только после этого дело принималось в архив. Я не знаю, как в других ведомствах, а в КГБ это была исключительно трудоемкая штука. Тщательнейшая, скрупулезная работа. Подготовить и сдать дело в архив всегда было «наказанием» для любого работника. Иногда какое-то дело в архив сдавали по три, пять, десять раз. То чего-то нет, то оформлено не совсем так. У тебя полно забот, а тут… И мы поручали подготовку дел к сдаче новичкам. Для приходивших в оперативное подразделение из учебного заведения в такого рода работе была огромная польза. Они читали дела, перенимали опыт. Заодно знакомились с секретным делопроизводством. Ведь, насколько знаю, этому трудоемкому процессу нигде по-настоящему не учили. Еще поручали подготовку дел к сдаче отъезжающим на оперативную работу за границу. Вдвойне полезно: знакомились еще более плотно с государством, куда отправлялись, — мы давали дела именно по этой конкретной стране, и таким образом рабочие сейфы разгружали.

— Митрохин сбежал на Запад в 1992-м, когда прошло семь лет с его ухода на пенсию, но архивов своих тогда с собой не захватил. В Интернете промелькнул сведения, что документы, хранившиеся в консервных банках на огороде Митрохина, вывез в 1992 году в шести коробках британский разведчик Ричард Томлинсон. Тот самый, что, разругавшись со своей СИС — Секретной разведывательной службой, выдал летом 1999-го чуть ли не пару сотен своих коллег, поместив их имена в интернетовском сайте.

— Скорее всего, Митрохин действительно прихватить архив не смог. А вот англичане, по слухам, провели у нас большую работу. Вроде бы их службы прислали сюда специальную группу — найти спрятанные ящики, перевезти в свое посольство. Здесь особой хитрости не надо. Ни одна разведка никогда не объясняет, как это было на самом деле. И мы проводили подобные операции.

— Верите ли вы, будто Митрохин сделал это, как он утверждает, из идейных соображений?

— Мотивация может быть разная. Никогда в красивые объяснения не верил, в случае с Митрохиным — тем более. Допустим, он ненавидел СССР и советскую власть, но в 1992-м их уже не было. Все, мне кажется, проще — ехал за жирным куском. Когда я услышал «Митрохин, Митрохин…», подумал: кто-то

молодой, возможно, обиженный. Но он-то сбежал, когда ему было уже за семьдесят. Готовился к бегству долго, упорно, терпеливо — аж с 1972 года.

— Прождать целых два десятилетия…

— …А кто бы ему раньше позволил уехать за границу? Таких людей у нас тогда не выпускали. Но в 1992-м началась неразбериха, раздались вопли: «Долой КГБ!», и Митрохин выбрал удачный для себя момент.

— Если бы к вам, допустим, резиденту советской разведки в какой-то стране, пришел перебежчик с их стороны и предложил материалы типа митрохинских — взяли бы?

— Взял бы. На улице, конечно, нет. А если в посольстве, в безопасном месте или в Москве — обязательно! Потом бы их аккуратнейше проверяли. В 1990-м я был в Лондоне на презентации фильма о Киме Филби. Народу собралось… Подходит ко мне британский журналист: «А если бы я захотел работать на КГБ, что бы вы мне посоветовали?» Я ему и посоветовал. Во-первых, не подходить к таким, как я, на людях. И, во-вторых, приехать в Москву и обратиться в КГБ. Понимаете, когда Митрохин пришел к ним в Риге, а затем выехал в Лондон, они ничем не рисковали. Взяли документы, проверили биографию. Мы тоже никогда такого человека из посольства просто так не выгоняли: оставьте, что принесли, посмотрим, если надо, свяжемся с вами.

— Вот так вы связались и с Саймондсом?

— Ну что вы! Тут все было гораздо сложнее. Саймондс — человек сложнейшей судьбы. Я бы сказал, что он жертва драматических, не по его воле сложившихся обстоятельств.

— И как пришел к вам Саймондс?

— Придется начать издалека. Сейчас Россию называют на Западе одной из самых коррумпированных держав. Ерунда, коррупция была и есть во всех странах. В 1969 году в Англии два десятка сотрудников Скотланд-Ярда, включая и высшие чины, были обвинены в коррупции: взятки, связи с мафией. Скандал получился громкий. Даже у нас в прессе были перепечатки. Встречалась там и фамилия Саймондс. Правда, в свои 33 года Саймондс был простым детективом невысокого ранга. Замешанным в скандале оказался потому, что влюбился и был фактически женат на дочери одного из главарей британской мафии. Являлся связным между руководством Скотланд-Ярда и верхушкой мафии.

— Ничего себе!

— Да, действительно, была у Джона Саймондса большая любовь. Это знаю, потому что, даже находясь и работая у нас, он

не раз встречался с этой женщиной. У них родился сын…

— Что же он делал как связной между Скотланд-Ярдом и мафией?

— Передавал деньги, доставлял указания, информацию… Ему тоже грозили судебное преследование и небольшой тюремный срок. Однако он мог из мелкого обвиняемого превратиться в главного свидетеля обвинения. И в какой-то момент Джон понял: до суда ему не дожить. Или свои убьют, или мафия. Ведь уголовный процесс, который тогда только затевался, во многом держался бы на его показаниях. И решил Саймондс из Англии бежать. Ничего другого ему просто не оставалось. Заранее понял, что ждет его на суде, и заготовил себе несколько подлинных, подчеркиваю, подлинных документов. Были они на другие имена, но с его фотографией. И вот в 1969-м он покинул Англию. А тем временем процесс там развернулся серьезный. Максимальный срок, полученный его начальником, был, если не ошибаюсь, лет восемнадцать. А уж приговоров по десять лет и более — не счесть. Саймондса же Интерпол объявил в розыск, и он, поскитавшись года три, понял: скрыться ему не удастся. Пришел к выводу, что единственное место, где он может спрятаться, — это Советский Союз. И в 1972-м году сам пришел к нам в советское посольство в Рабате.

— В КГБ сразу поверили Саймондсу?

— Во всю эту историю верилось с трудом. Стали проверять. Подтверждается. Мы в данном случае ничем не рисковали. Проверили и поверили, хоть он пришел без информации. Все, что Саймондс знал о Скотланд-Ярде, интереса для разведки не представляло. Ведь служил он там в криминальной секции. Впрочем, одну полезную для нас информацию дал. Это был 1972 год, а в 1971-м остался в Англии перебежчик Олег Лялин. Кстати, заметили, кто уходит? Сплошные Олеги — Лялин, Гордиевский, Калугин.

— Что же поведал вам Саймондс о Лялине?

— Что Лялина содержат на вилле в Шотландии, а охраняют два приятеля Джона по Скотланд-Ярду. Он, Лялин, гад такой, их уже достал. Они от него озверели, ненавидят всеми фибрами души и готовы сделать с ним все, что угодно. Или инсценируют самоубийство, или еще что-то. Ну, мы тогда Саймондсу популярно объяснили: нашим теперешним позициям такое предложение не соответствует. Изменников мы не ликвидируем.

— И что вы решили делать с Саймондсом?

— Пошли ему навстречу и помогли. Совсем ведь отказываться от Саймондса как-то не хотелось. Мы тогда с Калугиным обсуждали этот вопрос.

— С Олегом? С тем самым бывшим генерал-майором Первого Главного управления КГБ СССР, который в 1990-м заложил на Западе свое ведомство?

— Да, в 1973-м я как раз вернулся из Гвинеи и в течение нескольких месяцев фактически возглавлял африканское направление службы внешней контрразведки. Вел дела по Марокко, в столицу которого явился Саймондс. Ну и решили: пусть будет у нас спецагентом Управления «К». Красавец, породистый мужик, тридцать шесть лет, любимец женщин. Оперативная подготовка у офицера британской полиции есть. Сделаем из него вербовщика, будет работать с прекрасным полом по линии нашей контрразведки.

— И Саймондс дал согласие?

— Да. Я уж не помню, кому в голову пришла идея отправить Джона в Танзанию. Посоветовались, и Саймондс согласился.

— Господи, какая далекая страна и какая, должно быть, сложная комбинация.

— У нас была возможность устроить там Джона заместителем директора национального парка. Устроили. Он проработал в Танзании полгода, периодически поддерживая с нами связь. Договорились, что мы будем готовить ему объекты для соответствующей работы и в нужный момент вывозить в нужную точку. Но тут Джон заболел какой-то тропической пакостью — то ли лихорадкой, то ли малярией. Чуть живой добрался до советского посольства в Дар-эс-Саламе. Наша резидентура сразу его в «Аэрофлот» и зимой, в декабре, доставила этот полутруп в Москву.

— Ну и зигзаги! Прямо какой-то триллер с этим агентом — хроническим неудачником.

— Он был надежным человеком. У меня о Джоне остались самые хорошие впечатления. Он нам говорил: «Ну что, в Москве я буду вам обузой. Придется содержать меня — ведь толком заработать я не смогу. А в Танзании стану работать, и останусь вам по гроб жизни благодарен: вы меня выручили в тяжелую минуту, жизнь спасли». Но когда Саймондс в разгар московской зимы с трудом сошел по трапу чуть ли не в шортиках, спасать его пришлось во второй раз. Мой московский коллега Виктор, который тогда с ним работал, был с Джоном одной комплекции и отдал бедолаге часть своей одежды. А я дал кровные 400 или сколько-то «бесполосных» сертификатов Внешпосылторга — помните такие? — и мы приодели Джона в «Березке» на Профсоюзной.

— Джон, кажется, приносил неудобства всем.

— Да нет. Деньги мне служба, кстати, возместила. А

Саймондса мы вылечили. Только вот отправлять его обратно в Танзанию было никак нельзя: грозила повторная лихорадка. Думали-думали, что с ним делать дальше, и придумали. Договорились с болгарскими «друзьями» и вывезли его в Софию. Там устроили в аналог нашего Агентства Печати Новости, и пришлось Джону заняться редактированием переводов.

— Если правильно вас понял, с разведработой было покончено?

— Не совсем. Находился он в Болгарии несколько лет, и мы вытаскивали его оттуда на кое-какие задания особого рода.

— Догадываюсь, на какие.

— Да, мы находили одиноких американок, которые работали в посольствах США за границей. Пытались в основном подобрать кадровых сотрудниц ЦРУ, как правило, секретарш резидентов. Старались их предварительно изучить, узнать все, что только можно. И после этого направляли туда Джона, который и вступал с ними в контакт.

— Как это удавалось обольстителю Саймондсу, понятно. Но направлять агента в страну по чужому паспорту?

— Паспорт, я же вам говорил, у него был подлинный. Он выдавал себя за бизнесмена, продавал какие-то сельхозмашины. Занятие вполне мирное. Приезжал несколько раз в Африку, изучал конъюнктуру, знакомился с женщиной. Но и на этом поприще, честно говоря, успехов он тоже не добился. Правда, в Болгарии было у Джона одно дело. Но и оно, к сожалению, тоже не завершилось тем успехом, которым должно было бы увенчаться. В Златых Пясцах Саймондс получил интереснейшую информацию от одной западногерманской туристки, с которой был близок. От мужа, вращавшегося в высоких кругах, она слышала, будто в окружении канцлера ФРГ Вилли Брандта есть человек, который работает на КГБ. Он попал под подозрение, и его вот-вот должны разоблачить как шпиона. Фамилию немца дамочка не назвала, просто не знала. Вот эту-то информацию Джон и сообщил нам. Мы у себя проверили: у нас такого агента не оказалось. Передали это донесение в ГДР.

— Может быть, подружка Джона имела в виду агента восточногерманской внешней разведки Гийома? Я пишу о нем в этой моей книге. Гийом работал личным секретарем Брандта и был потом действительно арестован. Да и Брандта вынудили после этого уйти. Ведь могли же предотвратить провал!

— Я не знаю, как все было на самом деле. Но мне рассказывали гораздо позже, что вроде бы гэдээровцы сообщили эту информацию Гийому. А тот ответил таким образом, что он о подозрениях знает, к этому привык, это — рутинная проверка, и

плевать он на все хотел: будет продолжать работать. Через три месяца Гийома арестовали. Но уже в наши дни после объединения Германии я услышал и другую версию, не знаю, насколько она верна. В Штази вроде бы сознательно проигнорировали эту настораживающую информацию, поскольку кто-то из руководства ГДР, конечно, не разведка и не ее шеф Маркус Вольф, спал и видел, чтобы Гийом провалился.

Кому-то хотелось скомпрометировать и убрать Вилли Брандта. Кого-то он там в ГДР не устраивал. Гийома можно было вывести, спасти, но… То была единственная ценная информация от Джона Саймондса, которую мы получили, однако и она осталась нереализованной.

Так что возвращаюсь к началу нашего разговора. Саймондс оказался жертвой обстоятельств. Его приход к нам — вынужденный шаг. А мы, к сожалению, не смогли его использовать так, как можно было, по не зависящим зачастую от нас причинам. Не все в разведке получается. То, что мы пытались сделать, просто не получилось.

— И вы отпустили донжуана Саймондса в родные пенаты?

— Время шло, а мы не могли подыскать ему работу. Не могли найти подходящих женщин. И где-то году в 1980-м (это я уже узнал из рассказов других, когда вернулся из Анголы), с ним прервали связь. Помыкался-помыкался он в Болгарии. Там ему не нравилось. Не устраивали социалистические порядки, другой он был человек. Вот и обратился к нам с просьбой: «Ну что я мучаюсь, годы уходят. Мне уже 44. Давайте я сам займусь устройством своей жизни. Отпустите меня с миром. Найду я себе место, где жить, и сообщу вам, в какой точке нахожусь. В любой момент по вашей просьбе я буду готов выполнить любое ваше задание». Мы Джону верили, человек он был надежный. И решили его отпустить.

Он уехал, какое-то время работал, кажется, в Индии. Но там тоже что-то не заладилось. И потом я уже из прессы узнал, что якобы Саймондс вернулся в Англию и, естественно, под своим именем. Его арестовали, и он два года отсидел в тюрьме еще по тому — скотланд-ярдовскому — делу.

— Какой замкнутый круг получился.

— Он до сих пор считает, что его посадили ни за что, несправедливо. О связях с нами, конечно, никому не рассказал, но какую-то там легенду сочинил, где эти годы болтался-мотался.

— А как же выплыла наружу вся история с его пребыванием в СССР?

— Где-то в 1982 году Джон вышел из тюрьмы и жил себе спокойно лет десять. А в 1992 году, когда сбежал Митрохин, его

пригласили и начали задавать вопросы в лоб. И вот тогда он все и рассказал. Саймондса не стали преследовать за шпионаж. Да и не за что было, потому что никакой информации по своей стране он нам не дал, просто не знал. И ничего преступного против Англии, выполняя наши задания, Саймондс тоже не совершил. То, что он кое-что, ну немножко, сделал — к Англии никакого отношения не имело. К Западной Германии, к американцам — возможно. А к английским гражданам он вообще не подходил, ему это было запрещено: в Великобритании во время процесса печатались его фотографии, да и мало ли какой мог произойти прокол. Саймондс никогда даже не говорил никому, что он — англичанин. Поэтому предъявлять Саймондсу какие-то претензии у англичан не было никаких оснований. А то, что он оказался на какое-то время связан с КГБ, — это еще не уголовное преступление.

Такая вот довольно трагическая судьба. Жизнь не получилась. Саймондс — жертва.

— А когда вы последний раз виделись с Джоном Саймондсом?

— Последний раз я его видел в 1977-м году в столице Сенегала Дакаре. Когда посмотрели, где находится работавший с ним Прелин, и выяснили, что он, то есть я в Дакаре, то его — ко мне.

Мы с ним там готовили одну поездку к дамочке из ЦРУ. Сделали ему кое-какие документы, он под моим руководством открыл счет в банке. Встретились с ним в кафе, а до того я сначала визуально проконтролировал его прибытие. Вечером он выехал за город на такси в район одного казино. Потом я посадил его к себе в машину, покатались с ним. Все обговорили, и затем были встречи для устранения всяких накладок, которые возникали. Пробыл он в Дакаре тогда дней десять— двенадцать. Вот так и прошли последние встречи.

— Потому после публикации «Архивов Митрохина» Саймондса не посадили?

— Так я и говорю: не за что.

Короли нелегалов

«Если страна нас не знала, значит, мы ее не подвели», — считают Михаил и Елизавета Мукасей — супружеская пара разведчиков-нелегалов, больше двадцати лет проработавшая в Западной Европе.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Михаил Исаакович (1907–2008) и Елизавета Ивановна (1912–2010) Мукасеи начинали еще как легальные разведчики: накануне и во время войны они работали под крышей консульства СССР в Лос-Анджелесе. И соседство с Голливудом оказалось для разведки полезным. Так Михаил был в прекрасных отношениях с Чарли Чаплиным. А тот за несколько месяцев до начала войны все повторял: не верьте Гитлеру, он на вас нападет. И Михаил Мукасей сообщал об этом в Москву. Увы, и к предупреждениям Чаплина, который знал в Штатах многое и многих, не прислушались. А уже во время войны по просьбе вице-консула Мукасея советские моряки привезли великому Чарли из России маленького медвежонка. Тот долго оставался у Чаплина, а потом тот подарил его зоопарку.

А уже после войны супруги Мукасеи стали нелегалами. Прожили 22 года под чужими именами в разных странах, откуда глава семейства руководил группами людей, трудившимися на советские спецслужбы в нескольких странах Европы. И за все это время — ни намека на провал.

Причиной и своих немалых успехов в разведке, и долголетия супруги считают доброжелательность. «Когда окружающие видят, что ты хорошо к ним относишься, то вполне можешь рассчитывать и на доброе отношение к себе», — дружно и чуть не в один голос уверяла меня эта супружеская пара.

За десятилетия странствий и мотаний по миру у них ни единого промаха. У чужих контрразведок ни намека на

подозрения. Незаметное возвращение господ X + Y домой, где их ждут честно и до конца жизни заработанные почет, уважение. И, как полагается в таких счастливых случаях, полная безвестность.

Мне бы никогда не встретиться с ними, если бы не их дети. Это они — оператор Анатолий Мукасей и его жена киноактриса, режиссер Светлана Дружинина — искренне гордящиеся родителями, предложили и настояли. Пусть в конце жизни, но Михаил Исаакович и Елизавета Ивановна должны получить хотя бы толику причитающейся славы, публичного признания. И к чести руководства Службы внешней разведки России следует сказать, что оно поддержало это святое стремление.

И вот петляние по узким шоссейным дорогам, переходящим в проселочные. Наглухо задраенные ворота с виду неприметного серого дома в ближнем Подмосковье. Вооруженная охрана, быстрая и привычная проверка пропусков у троих моих сопровождающих с официальным занесением в разграфленную книгу посетителей, лежащую на столе у коменданта. На меня — ноль внимания: за чужака-журналиста отвечают его сюда пригласившие.

Обстановка такая, что вопросы «ой, где мы?» задавать как-то не тянет. В принципе ясно, что попали мы в санаторий, дом или место отдыха для тех, кто, как и будущие мои собеседники Михаил и Елизавета Мукасей, тесно и навсегда связали свою жизнь с внешней разведкой. И совсем не с той, что респектабельно таится под дипломатической или торгпредовской крышей. Тонкий намек сопровождающих о не слишком большой уместности фотосъемки мне совершенно понятен. Да и моих героев не хочется тревожить щелканьем «Кодака».

Вступаем в контакт

Михаил Исаакович, высокий, с чуть прогнувшейся спиной, носит черные очки с мощными линзами. Однако не помогают ни оптика, ни операции — зрение почти ушло. Елизавета Ивановна передвигается на кресле-каталке. Отказали ноги, но, кажется, это временно. Какое уж тут фотографирование.

Всегда перед встречей с такими людьми волнуешься: как воспримут, найдешь или не найдешь общий язык, станут ли, несмотря на разрешение сверху, рассказывать, а потом удастся ли об услышанном поведать.

Тут мне очень помог блондин Саша. Он, как, судя по всему, принято в СВР, опекает эту пару «своих», так называемый

«прикрепленный». Атлетически сложенный, очень контактный и дружелюбный, обращается с подопечными по-домашнему, но без фамильярности. Хозяина палаты величает «Майклом», дает ему, когда у того пересыхает горло, любимые леденцы, аккуратно поправляет одеяло на коленях у Елизаветы Ивановны — «Бетси». И представляет меня так доброжелательно, что отношения складываются, флюиды настороженности исчезают.

Уже потом, во время не короткой нашей беседы, когда постепенно пошли откровения, Мукасей будет время от времени брать меня за руку, объясняя: «Хочу хоть так чувствовать собеседника». Ладонь у него твердая, не старческая, голос громкий, память не подводит, и рассудок ясен. А ведь родился Михаил Исаакович Мукасей 13 августа 1907 года.

С такой чистой биографией прямая дорога в чекисты

В его родном Замостье было 350 дворов. Деревня-то в Белоруссии, а жили там почти одни поляки. Освоил чужой язык в польской школе. Может, потом и пригодилось, а, Михаил Исаакович?

Сын, племянник и внук кузнецов с десяти лет помогал старшим в кузнице. Сделать почти что живой цветок из железа, как выходило у дядьки, еще не получалось, но профессию в целом освоил.

А потом вдруг рванул в Питер. Мечтал учиться, надеялся на везенье. А оно все не приходило, и несколько месяцев босоногий безработный каждый день бегал отмечаться на биржу труда, пока действительно не подфартило. В 1925-м его «взяли подметалой» на Балтийский судостроительный, где работало 17 тысяч пролетариев, к которым регулярно наезжал сам Сергей Миронович Киров. Воодушевленный речами яркого трибуна, да и подуставший от маханий метлой, исхудавший и тощий Мукасей однажды решился и попросился на работу в котельный цех. Начальник согласился взять с условием: придется сначала лезть в котлы крейсера «Парижская коммуна», что стоял на капитальном ремонте, и отбивать в них ржавчину.

— И в течение нескольких месяцев я занимался именно этой самой жуткой работой, — до сих пор морщится от воспоминаний Михаил Исаакович. — Я туда, в котлы, будь они прокляты, еле-еле влезал. Вкалывал так, что даже плакал, но никто на помощь мне не приходил.

Заставил он все-таки улыбнуться фортуну. Взяли его потом в

кузнечный цех, добрался до бригадирства. Получал много премий. Однако смекнул, что о детской мечте — получить образование — забывать никак нельзя, и пошел на рабфак. Днем — кузнечный, вечером — рабочий факультет при заводе «Русский дизель». И поступление в университет на экономико-географическое отделение.

— А в один прекрасный день я получаю повестку: меня командируют в Ленинградский институт народов Востока, — и сейчас не без удивления вспоминает Мукасей.

Неужели ЧК уже приглядывалась к парню из деревни Замостье? Он говорил по-польски, в университете учил немецкий, в 1929-м вступил в партию. Зачислили его на бенгальское отделение, да плюс английский. Два года учебы и вдруг — нет больше института.

— Его ликвидировали, — вздыхает Мукасей. — Директора обвинили в троцкизме, а институт вообще закрыли. И я буквально завис.

Вдруг опять повестка. Кто за ним следил и кто ворожил? Чекисты или судьба? Мукасея вызвали в партийную организацию высшего калибра — Центральный Комитет. Его и других сравнительно молодых и относительно образованных людей от станка поприветствовал член Политбюро. Заявил: мы вас командируем на новую работу. Кто-то посмелее осведомился, на какую же. Ответили в духе времени: «Вот когда вы туда прибудете, то и узнаете». Они прибыли и узнали.

— Так в конце второй половины 30-х началась учеба в разведспецшколе, — твердо сжимает кисть моей руки Михаил Мукасей.

Даже Чарли Чаплин предупреждал: скоро война

Год учебы по интенсивности и напряжению сравнимый разве что с очисткой котлов на «Балтийском». И вот уже Михаил и Елизавета Мукасей с двумя детьми спешат в Штаты. В Лос-Анджелесе предстоит поработать под крышей советского консульства.

11 июля 1939 года пароход «Сибирь» отчалил из Ленинграда. В Лондоне пересадка на «Нормандию», доплывшую до Нью-Йорка, а там, на поезде под названием «Сан-Хосе» в Лос-Анджелес с остановкой на пять лет.

На второй же день после их приезда в Лос-Анджелес в консульство пришел приятный молодой американец.

Представился: «Я — из местной службы безопасности, хотел бы с вами поговорить». Разговор продолжался два часа. После этого Михаил сразу полез в подвал. Куча каких-то непонятно к чему подключенных кабелей, сплошные переплетения, а телефон на все консульство — один. Мукасей все провода, кроме телефонного, обрезал. Через 17 минут приехала машина и работавший под монтера парень уверенно заявил: «У вас с телефоном что-то не в порядке». Так что многое начинающим разведчикам стало ясно уже с самого начала.

Легальная разведка в столице Голливуда? Сам по себе Лос-Анджелес для разведки оперативного интереса не представлял. Но многие звезды кино, писатели, интеллектуалы были вхожи в высшие госсферы. Им доверяли и поверяли тайны даже американские президенты. Особенно Рузвельт. У каждого своя слабость: Рузвельт обожал пооткровенничать с элитой. Иногда сведения от секретаря консульства, а затем и вице-консула Мукасея шли в Центр со ссылкой на источник — из кругов, близких к президенту.

У четы Мукасеев отношения со знаменитостями завязывались теплые, доверительные. Писатель Теодор Драйзер звал их просто Майкл и Лиз. Захаживал в гости знаменитый музыкант Леопольд Стоковский. Мукасей частенько бывал в Академии искусств и на встречах с писателями. Почему-то быстро сошлись с Чарли Чаплиным. Елизавета Ивановна вспоминает о нем как о родном:

— Обаятельнейший был человек. При знакомстве сразу признался, что любит советских людей, а женщин — в первую очередь. Захаживал в консульство, где его встречали «на ура». Мой Миша Чаплину всегда предлагал водочки, и тот почти никогда не отказывался — умел выпить, — с одобрением говорит Елизавета Ивановна. — А за три недели до праздника Октября муж обычно заезжал к Чаплину домой, сажал в машину и вез в свой кабинет. Там Чарли Чаплин записывал на диск приветственную телеграмму для советского народа. И однажды Чаплин выпалил: «Я люблю всех вас, ваших детей и даже ваших животных». Муж себе все это на ус накрутил. У нас была хорошая связь с советскими моряками, которые совершали рейсы между СССР и Штатами. И Миша поехал на корабль, попросил сделать для Чарли что-нибудь приятное. И уже в следующий заезд матросы привезли в подарок только родившегося лесного бурого медвежонка. Ласковый попался зверюшка и сразу полез к Чарли миловаться. У нас даже снимок есть: Чарли целуется с мишкой, которого, конечно же, прозвали Чарли Чаплиным. Он долго жил у Чаплина дома, а потом, когда вырос, актер передал его в зоопарк.

Их познакомили с кинозвездами Мэри Пикфорд и Дугласом

Фербэнксом. Те оказались славными, не испорченными деньгами людьми. Пригласили Мукасеев на свою роскошную виллу, а после банкета российский вице-консул и его жена увезли с собой целую гору цветов.

Зазвала Пикфорд и на репетицию в Голливуд. Больше всего потрясли даже не сами съемки, а техника. Механика по тем временам непостижимая. Поразили и чудеса Уолта Диснея. Он к советским относился с подчеркнутым дружелюбием. Запомнил высокого русского и его симпатичную жену из консульства. Однажды показал, как рисует своего уже тогда знаменитого Микки Мауса.

Но Мукасеи для себя усвоили твердо: все эти почести и знакомства лишь благодаря тому, что они представляли великую страну. А я от себя позволю предположить и иное. Были Майкл с Бетси симпатичной парой. И американцы, да и люди из других стран, где им пришлось побывать уже потом на положении нелегалов, это чувствовали. Контакты и отношения устанавливались естественно, а не по долгу службы. Вернее, не только по долгу службы.

Конечно, смысл пребывания в Лос-Анджелесе заключался не в светских раутах и приемах. Появлялись ценные источники информации. Тот же Чарли Чаплин не раз предупреждал, что Гитлер нападет на нашу страну. И Михаил Мукасей перегонял сообщения в Центр. Если бы тревогу бил один только Чарли Чаплин… Все ждали большой войны. Кто-то из американцев лишь тонко намекал на это, а были и те, что били в набат: «Наци наплюют на все эти бесполезные пакты о ненападении, кому вы поверили?…» И лишь в Москве, к их удивлению, именно на эти сигналы реагировали слабо. Если вообще реагировали.

Но грянуло. Не могло не грянуть. И многие американцы, русские эмигранты, которые раньше воротили нос от Советов, потянулись в консульство. Да, Мукасей работал в разведке. Но он оставался и настоящим дипломатом. Быть может, прикрытие даже развязывало руки. Он чувствовал себя обязанным и перед своей попавшей в беду страной, и перед доверившимися ему американцами. Сколько тогда на него навалилось. Организация всяческих собраний и встреч. Показ военной кинохроники и советских фильмов. Рассказы наших фронтовиков, командированных в Штаты, о битвах под Москвой и о победе в Сталинграде. Сбор вещей, посылок, денег для Советского Союза. Они с Елизаветой Ивановной никогда не забудут, как в военном лагере великие музыканты Стоковский и Горовец играли Седьмую симфонию Шостаковича для десяти тысяч американских солдат. Музыка русского композитора, написанная в осажденном

Ленинграде, звучала в Калифорнии. И она звала, молила погромче лозунгов и призывов: пора, нужна помощь, где же он, ваш обещанный второй фронт? Концерты, общение с героями-русскими сближали две таких разных державы больше и быстрее, чем дипломатические ноты и бесконечные переговоры.

На американцев особое впечатление произвела Людмила Павлюченко. Такая красивая женщина и неужели снайпер, которая уничтожала столько фашистов в Сталинграде? Она выступала в парке, и чуть не весь избалованный зрелищами и знаменитостями Лос-Анджелес пришел послушать, как бьют фрицев эти русские. Ей аплодировали, в консульство она приехала вся в цветах. И суровая, с виду неприступная, попросила: «Лиза, дай мне, пожалуйста, твое платье. Я так устала от военной формы». Елизавета Ивановна выстирала гимнастерку, повесила сушиться на солнышке, приодела в свое платье. Они подружились. Павлюченко умерла недавно. У Мукасеев дома хранилось ею написанное: «Людям, которые меня очень поддержали в этой жизни».

Начальство из Москвы завалило заданиями. И они добывали информацию, давая шанс аналитикам из Центра делать выводы и принимать решения.

Забавно, но сами американцы и установили в консульстве машину, ящик, называйте, как хотите. Не радиостанция, на которой, между прочим, Елизавета Мукасей могла бы и запросто поработать, а аппарат для передачи телеграмм. Михаил передавал жене бумажки с текстами, и она в любое время дня и ночи отправляла донесения в Москву.

А там, когда началась война, страшно интересовались, что будут делать японцы. Неужели тоже нападут? В Лос-Анджелесе вольготно расположилась целая японская колония. Да и американцы до Пирл-Харбора торговали с этой страной активно, ездили туда толпами.

И Михаил Мукасей в стороне здесь не оставался. Тут потребовались знакомства не только с голливудской богемой. Вступил в контакт с торговцами. Помог один антиквар, у которого был бизнес с японцами. Вот кто щедро делился своими впечатлениями. Из всего услышанного-разведанного складывалось впечатление: японцы на войну с СССР пока не решатся. Михаил писал длинные депеши, супруга передавала в Москву. Они и сами сомневались — нападут или нет. А уж Центр тем более. Но когда дивизии сибиряков перебросили с Дальнего Востока под Москву, супруги поняли: в Москве их информация без внимания не осталась. Источники Мукасея подтверждали переданное из Токио Рихардом Зорге.

Тут Елизавета Ивановна и поведала мне историю, которая ей дорога и видится пророческой, а вот Михаил Исаакович, не слишком верящий в мистику, считает совпадением. Это случилось в антикварном магазине. Его владелец поддерживал контакты с Японией и был для них небезынтересен. Может, и помогал? Так вот, в магазине появился большой пакет из Японии с загадочной надписью: «Кто знает, от кого подарок, тому его и отдайте». И Майкл интуитивно, как считает Елизавета Ивановна, почувствовал, что это — от Рихарда Зорге. Возможно, Мукасей знал или где-то слышал это имя. Пакет вскрыли — действительно от Зорге без указания адресата и хоть какого-то имени. Просто: «Это — моим друзьям». Чудесный кофейный серебряный сервиз до сих пор у них дома, как реликвия. Не склонный в иные моменты к подробностям, Михаил Исаакович и сегодня никаких комментариев по этому поводу не дает. Вероятно, Зорге знал, что есть у него в США коллеги по разведке? А Мукасей почувствовал дружеский сигнал, переданный ему из Токио товарищем по профессии? Или торговец, ездивший в Японию, получил от Зорге особый наказ? К чему гадания! Пусть мистика так и останется мистикой.

А напоследок из истории реальной американской эпопеи о Рахманинове. Михаил Мукасей уже пережил пять консулов, сделался старожилом, когда в 1943-м в консульство пришли две женщины в строгом черном.

— Михаил Исаакович, мы знаем, что вы добрый, хороший человек, потому обращаемся прямо к вам. Умер Сергей Васильевич Рахманинов. Перед смертью просил, чтоб похоронили на Родине — такова его последняя воля.

— Я сразу пишу телеграмму в Центр. И мне оттуда отвечают: у нас сейчас миллионы погибают от немцев. — Михаил Мукасей и сегодня, рассказывая об отказе, взвешивает каждое слово. — Кончится война, победим и поместим Сергея Рахманинова на наше кладбище. Ответ такой потому, что отношение к Рахманинову было тогда отрицательным. Но все закончилось, и поместили.

Путь в иные разведсферы

Они с женой и двумя детьми рвались из Америки домой. Писали: хотим быть вместе со всем народом. Отвечали им коротко: когда будете нужны, пригласим, пока — сидите там.

«Туда» к ним приезжал генерал из Центра. Исследовал и

анализировал их работу. Остался доволен, так что пятилетняя командировка прямо в Голливуд оказалась продуктивной.

Получилось так, что в 1939 году в спешке и горячке сверхсрочной подготовки он остался фактически без очередного воинского звания. В университете с военной кафедрой ему присвоили старшего лейтенанта. С этим и пришел в разведку. А вернувшись в Москву, добровольно вступил в армию.

Десять лет Михаил Мукасей проработал в специальной разведывательной школе заместителем начальника учебной части. Вместе с двумя генералами и другими старшими офицерами «готовили людей для зарубежной работы».

— И вот в один прекрасный день вместе с еще несколькими товарищами пригласили к начальству, — тут Михаил Исаакович как-то подтягивается, сосредотачивается. — Меня спросили: скажите, пожалуйста, нужно ли обязательно быть военным, чтобы стать разведчиком? Я сказал, что не обязательно, надо быть только разведчиком. На этом вроде и за кончилось.

На самом деле все только начиналось, но только по второму, еще более закрытому кругу.

Через некоторое время его вновь пригласили, или вызвали, на Лубянку. Там и сидел человек, который задал тот самый вопрос.

— Это был Короткое Александр Михайлович, — ух, как напрягся Мукасей. — Наш, можно сказать, отец, один из лучших советских разведчиков. Он и благословил на нелегальную работу. Коротков гордился нами, а мы счастливы были трудиться с ним. Еще до нашего «исчезновения» мы с Коротковым вместе много ездили, подбирали людей для работы во внешней разведке.

— Михаил Исаакович, это когда же вы взяли второй старт? В 1954-м?

— Нет, позже. В нелегальной разведке я проработал больше двадцати лет. Мы с женой были во многих странах. Каких — считайте, что не помню.

— В это хорошо верится, когда у вас такая память. Ладно. Но сколько же языков вы знаете? Кроме английского и в детстве, юности выученных польского и бенгальского?

— Рабочими, самыми главными, были английский и немецкий. Основной — английский. Немного говорил на испанском, немного на французском. Бенгальский тоже не мешал.

— На каком языке общались между собой?

— Когда как. Иногда на немецком. Бывало, на польском, на английском.

— Русский использовали?

— Если надо было решить какой-то сложный вопрос. Мы

дома никогда и ни о чем сложном не говорили. Выезжали за город, оставляли машину и ходили там, говоря на русском.

Человек из легенды

— Михаил Исаакович, я знаю, что касаюсь области совершенно запретной, но все-таки. Вас не могли вот так взять и поселить в какую-то страну. Была же какая-то легенда. Повод. Наконец, чтобы попасть в назначенную точку, требуются документы.

— Я лично имел возможность ездить по разным странам. Документы у меня были хорошие. А легенда — тяжелейшая. Не из бахвальства скажу, что не каждый даже сильный разведчик мог ее выдержать.

Тут к разговору подключился еще один наш сопровождающий:

— Михаил Исаакович, я вас очень прошу, без деталей!

И у меня быстренько промелькнуло, что на легенде можно поставить точку. Но Мукасей, как выяснилось, придерживался несколько иной точки зрения:

— Ничего такого не расскажу. В моей семье во время гитлеровской оккупации и войны с нашей страной погибло более 30 человек. В ту область мы ездили. Было это по линии матери. Гитлеровцы убивали жесточайше. Людей, которые выжили и остались в моем положении после нацистской оккупации, — мало, по пальцам пересчитать. Я был в том месте, я знал, я видел. И перед тем, как все это делать, начать, я нашел человека. Он действительно был в этом лагере и прошел через ад. Всю его биографию я взял на себя. А человека этого, с биографией, ставшей моей, постарался с помощью наших властей отправить в Израиль. Туда же выехал его отец. Дальше развивать эту тему я не могу. Впрочем, вот вам крошечный эпизод. Как-то в одной стране я пришел к адвокату оформлять сделку — покупал дом. И он неожиданно попросил меня рассказать что-нибудь о себе. Я начал, и вдруг на глаза у моего собеседника навернулись слезы. Он быстро остановил меня своим «данкешен, данкешен». Спасибо, дальше можете не рассказывать.

— Вы говорили с ним на немецком?

— Я знал этот язык довольно хорошо. Часто копировал правившего в то время канцлера. Мой немецкий с акцентом соответствовал моей легенде. И чтобы я соответствовал ей уж на все сто, я мог допускать некоторые ошибочки.

— Какая все-таки страна стала местом основного пребывания?

— Трудно сказать, какая. Все были главными. Мы ездили по миру.

— И сколько лет заняло это путешествие? Двадцать?

— Чуть больше, если быть совсем точными, то двадцать два.

— Скажите, чем все же вы занимались?

— Мы имели возможность и право заключать всяческие торговые сделки с любой страной и фирмой. Я главным образом занимался тем, что являлся посредником между покупателем и продавцом. За это получал проценты. И, конечно, использовал знакомства в разведработе. Сейчас вы спросите: «Как?» Если вам интересно, то в каждом государстве у нас имелись хорошо знакомые люди, которые прекрасно разбирались во внутренней обстановке и еще в политике. А в годы моей работы в разведке дома интересовались не только документальными данными, но и настроением населения. И публика, с которой мы были связаны, давала нам заведомо объективные сведения о ходе и состоянии дел. И об этом мы тоже сообщали.

— Если вы с Елизаветой Ивановной мотались по белу свету, то были человеком обеспеченным?

— Вообще-то, да.

— И сами сделали свое состояние?

— В какой-то степени.

— У вас были собственные агенты?

— Конечно! Иначе, зачем все затевалось? Были, и мы ходили, получали документы, пересылали почту в Центр — делали все, как принято и водится. Это уже обыденная и практическая жизнь каждого разведчика.

— Как поддерживали связь?

— У нас была двойная радиосвязь: Центр — к нам, и от нас — в Центр. Работала жена. Как-то с нами чуть не случилась неприятность. В первые годы аппарат был громоздкий — весил 16 килограммов. Это потом, за два десятка лет, технику усовершенствовали, и мы в последнее время получали уже модерн. А тот, пудовый, таскать никуда было нельзя, и спрятать тоже тяжело. И однажды утром читаем в газете, что вчера на соседней улице в таком-то доме произведен обыск на предмет пресечения работы нелегального радиоаппарата. Когда мы вышли из дома, где сняли временное жилье, по улице уже курсировали машины с антеннами — пеленгаторы. А получилось так, что как раз тогда, когда Елизавета Ивановна передавала в Центр, в аппарате испортился диод, и она была на связи дольше обычного. И будто бы ее засекли. Но повезло: наше жилище находилось по

счастливому стечению обстоятельств на уровне их государственной радиостанции, которая тоже наверняка работала во время нашего сеанса с Центром. И мы оказались как бы в стороне. Заподозрили кого-то другого. Но рисковать было нельзя, и мы временно прекратили выходить на связь. Держали паузу три месяца.

— Михаил Исаакович, вы уже перешли на довольно подробное описание оперативных эпизодов, — в голосе старшего офицера, с любопытством Мукасею внимавшего, звучала искренняя тревога.

Куратор Саша только пожал плечами. Сам Михаил Исаакович смотрел куда-то вдаль своими столько повидавшими и сейчас невидящими глазами. Елизавета Ивановна сидела молча. Еще один — третий — старший офицер слушал рассказ Мукасея даже повнимательней моего.

— Михаил Исаакович, а нельзя ли еще один какой-нибудь эпизод, не обязательно оперативный? — все же решился я. — Да и когда будет готов текст, все покажу, чтоб не напутать.

Чуть-чуть — и полный провал

— Хорошо, я расскажу вам о нашей работе, — громким и ясным своим голосом сказал Мукасей. — Эпизод, как вы говорите, второй. Опять на ту же тему. Приехал к нам наш работник из Центра.

— К вам, в Европу?

— Этот человек мог подковать блоху. И так здорово устроил место, где мы могли временно прятать аппаратуру. Но в один из дней, когда он у нас работал, в гости вдруг нагрянули наши знакомые, которым объяснить присутствие в доме этого человека было бы крайне трудно. Наш умелец не растерялся, полез на чердак и терпеливо ждал под крышей три часа, пока люди не уехали.

Эпизод третий, и снова связан с техническими деталями. Это уже в последние годы. Незадолго до отъезда снимали мы в одной стране небольшую двухкомнатную квартирку. Обычно в дневное время я ездил по всяким торговым делам, а вечером работали: фотографировали, передавали в Центр то, что надо было туда отправить. И как мы ни устраивались, какие мягкие вещи не подкладывали, но, как только нажимали кнопку, все равно слышно. И на второй или третий день этой нашей интенсивной работы заходит к нам человек, вроде бы и сосед. Предупреждает

нас: у вас могут быть проблемы с газом, что-то у вас в квартире не так. Мы всерьез встревожились. Не в газе дело, а в том, что он учуял равномерное тюканье аппарата. Пришлось временно свернуться.

Эпизод четвертый. Мы дождались новой радиоаппаратуры, и наш товарищ из Центра должен был передать нам ее в твердо условленном и обозначенном месте. Я туда поехал, хорошенько изучил обстановку. Еду в то место поздно вечером — пусто, никого нет. Понимаете, какие в голову лезут мысли? Езжу, долго езжу — никак не могу найти. И, в конце концов, решаю попробовать другую дорогу. Поехал — и сразу наткнулся на нашего товарища из Центра с новой радиоаппаратурой. Она нам хорошо послужила.

— Михаил Исаакович, не надо больше никаких дета лей, — взмолился наш провожатый. — К сожалению, нельзя об этом пока говорить. Рановато.

— Рано, — согласился вглядывающийся в вечность Мукасей. — Тогда я расскажу историю, которая может произойти с каждым, даже самым гениальным разведчиком. От этой истории нет спасенья, и кто бы, где бы и как бы вас не учил, никакая наука и никакие профессиональные ухищрения не помогут. Потому что разве можно избежать случая? Я был на подготовке к нелегальной работе в одной из стран. Вечером спокойно возвращаюсь домой. И тут встречается мне прохожий, который с большим изумлением на русском спрашивает: «Миша, что ты здесь делаешь?»

— А страна европейская?

— Вполне. Я вылупил свои глаза, тогда я еще хорошо видел, смотрю на него, махаю головой. Тогда он ко мне на английском: «Is it possible?» — возможно ли это? Молчу, просто молчу. Он отошел, но через секунду снова ко мне: «Миша Мукасей, ты не помнишь, как мы вместе бывали в консульстве?» Как же мне не помнить! Семья выходцев из России, жили в Америке, мама его преподавала у нас в консульстве в Лос-Анджелесе английский язык, а он был в те годы подростком. Превратился в красивого молодого джентльмена, которому я прямо говорю: «I do not know You». Разошлись и, к счастью, без оперативных последствий.

Такие встречи происходят, и довольно часто. Для некоторых моих коллег они заканчивались не столь удачно.

Двадцать лет состояли из таких вот эпизодов

Елизавету Ивановну повезли обедать. А Михаил Исаакович от

еды решительно отказался:

— Уж если уговорили рассказывать, то слушайте. Я на беседу настроился. Николай, не устали?

И пошли рассказы. По понятным, а, может, и не совсем понятным резонам не обошлось без купюр, но за смысл монолога ручаюсь, пусть кое-какие детали и опущены, Имена, цифры, псевдонимы, географические названия и годы приводились точные. И изречение знаменитого разведчика, Героя России Владимира Борисовича Барковского: «Разведка, как ни одно занятие, прекрасно развивает память» — подходило к рассказу 94-летнего тогда Мукасея на все сто. Чего мне документальности ради вставлять в это повествование мои вопросы. Ведь лучше Мукасея не скажешь. Итак…

— Язык — это чуть не самое главное. Искали мы однажды, ну, предположим в Амстердаме или в Антверпене, одного нашего пропавшего человека. Он три месяца не выходил на связь, и Центр дал указание: найти, узнать, в чем дело, и помочь. Приложив определенные усилия, мы отыскали судно, на котором он плавал. Называлось оно «Игл» — по-русски «Орел», и когда я на немецком попросил, чтобы нас с женой доставили на этот стоящий на рейде корабль, даже разговаривать с нами не захотели, не то что куда-то везти. Это было в середине 1950-х, и, видно, не попал я с языком: тогда случалось, что немецкий не всех устраивал, и нас прямо окатили презрением. Так что утро выдалось неудачным, но мы решили снова рискнуть вечером. Я по-другому оделся, пригодился парик, и требовательным тоном на простецком английском заявил, что нам прямо сейчас необходимо попасть на «Игл». Командный тон произвел впечатление. Нам сразу предложили сесть в моторку, что мы с моей половиной и сделали.

Подошли к кораблю, вскарабкались. Смотрим, вон он, наш человек, работает на палубе. Правда, к тому времени Центр на всякий случай изготовил документы — пропавший моряк является родственником моей жены. Но документов никто не спрашивал, и мы обратились к старшему с просьбой: «Не могли бы мы увидеть мистера такого-то?» А нам: «Вон ваш мистер, палубу драит». Словом, встретились. Пропал же он потому, что решил развлечься и купил себе мотоцикл. Покатался так, что попал в аварию и на три месяца загремел в больницу.

Это, между прочим, и о том, что в выборе развлечений разведчик должен быть крайне острожным. А мой коллега отличался отчаянной смелостью. Раньше был помощником капитана большого корабля. Немецкая бомба попала точно в его судно, и командир погиб. Тогда наш друг взял на себя

командование и привел горящий корабль в Ленинград. Он и сам был родом оттуда. Мы с Елизаветой Ивановной его отыскали на «Орле» и потом долгое время работали с ним за рубежом.

Вообще в разведке случается, что лицо, с которым наша Служба работает, вдруг если и не исчезает, то выпадает из поля зрения. На связь не выходит, и найти его бывает не просто. Обстоятельства тут самые разнообразные. Вдруг такое произошло с одним работником — не русским, не советским, но в полном смысле слова нашим. Думаю, этот случай будет вам интересен. Осел этот иностранец со своей женой в европейской стране, работает долгое время и довольно успешно. А потом внезапно всякая связь с ним прекращается. Центр в тревоге, ведь все может быть. Что, если кто-то его опознал или где-то в работе промахнулся? И тогда Центр дает мне задание разыскать фирму, где трудится этот человек, и прояснить ситуацию. Пришлось ехать в другое государство. Нахожу его компанию, пару дней покрутился рядом, и в теплый солнечный денек, хотя дело было на севере Европы, иду на встречу. На двери медная табличка с названием фирмы и фамилией интересующего меня господина. Нажимаю кнопочку, вхожу и принимает меня его жена — дама такой красоты, что если бы не было у меня моей Елизаветы Ивановны, то я мог бы и влюбиться.

Знаю, что и он, и жена говорят по-английски, поэтому обращаюсь к ней на этом языке с просьбой предоставить мне возможность увидеть мистера такого-то. По-моему, она поняла, откуда посетитель, и попросила зайти позже: сейчас, мол, его нет, когда будет — сказать трудно. Пришлось проявлять решительность. Отвечаю, что ограничен во времени, останусь, с вашего любезного разрешения, ждать господина прямо здесь. Женщина покраснела. Одет я нарочито хорошо, что в этой стране ценится, выставлять меня неудобно. Через 20 минут приходит он сам. Я ему — пароль, он мне — отзыв, и все правильно. Он предлагает выйти на улицу и поговорить там, ибо в конторе неудобно. Идем, выбираем удобное место на пешеходной дорожке на мосту через виадук, можно идти и разговаривать. Спрашиваю его, чем объяснить, что такого-то числа, а затем и такого-то вы не явились на встречу? Он мне в упор: вы кем будете? С достоинством отвечаю, что представитель Центра. И вдруг человек, которого считали уж таким нашим, выпаливает на английском: я вас не люблю. Беру себя в руки и объясняю, что любовь или не любовь меня мало интересует, по крайней мере, меньше, чем причина, по которой он пропустил несколько встреч. Говорю, что я очень исполнительный, и раз мне дано задание проверить, то я его выполню и просто не смогу иначе. Он дает

мне понять, что я, быть может, не тот человек, с которым ему можно вести дело. Тогда, чтоб как-то расположить строптивого господина, начинаю говорить с ним по-русски. И то ли от волнения, то ли от того, что долго на родном ни с кем не беседовал, русский язык у меня получается весь ломаный. Чувствую, собеседник мой еще больше насторожился. И тогда я предлагаю: ждите такого-то числа доверенного от Центра, который подтвердит, что я именно тот, с которым вы должны разговаривать.

Доверенный из Центра с ним встретился, связь была восстановлена, и этот мистер стал опять на нас работать. А потом выяснилось, почему он вдруг прекратил выходить на связь. Не нравился напарник, который с ним ее должен был поддерживать. Грубо себя с нашим другом вел. Господин этот так и сказал: если бы это были вы, то и продолжил бы. Пытаюсь ему втолковать, что тут уж выбирает начальство, однако он ни в какую. Но уговорил-таки. И долгие, долгие годы мы были вот такими добрыми и хорошими связными.

Случаются вещи забавные. Однажды заехали в Париж и вместе с туристами целый день по экскурсиям. Вечером усталый водитель развозит всех по отелям, и вдруг слышим, как он матерится и, ругаясь, говорит: «Ну, немцы проклятые. Наехали сюда, а мне до утра с ними кататься». Елизавета Ивановна и я мирно промолчали…

Против течения

Мы с Елизаветой Ивановной уже были в Европе, когда начались венгерские события 1956 года. Повстанцы относились к коммунистам жестко, злостно, и то, что Хрущев послал туда пушки, мы посчитали тогда правильным. А вот о событиях в Чехословакии, о Пражской весне писали в Центр открыто: наше правительство делает очень большую ошибку. Отправляли подробные донесения, где прямо подчеркивали, что чехи будут помнить обо всем сто лет и превратятся в наших врагов. Мы в этой стране бывали, заезжая из других государств, и обстановка нам была понятна. Наверное, рисковали, идя против течения. Если почитаете наши доклады, то поймете, что выводы наши были правильными.

И по поводу Израиля у нас было собственное мнение. Однажды заехали туда на месяц, другой — на три. Только что закончилась война 1967 года, и, когда мы ездили по отдельным

районам, еще взрывались бомбы. Центр нам поставил определенную задачу по выяснению ряда вопросов. Для ее выполнения требовалось найти компетентных людей, которые были бы в курсе того, что собирается предпринять израильское правительство в дальнейшем, какова стратегия отношений с арабским миром. Удалось выйти на одного человека, который не только был в курсе, но и сам выяснял для нас многое тогда непонятное и запутанное. В свое время он состоял в правительстве, потом его уволили и здорово этим озлобили. Не понимал, на кого работает, — мы все расспросы вели очень осторожно. Но знал он действительно очень много. Были и другие высокопоставленные источники. Это позволило нам еще в 1970-м сделать определенный вывод. Израиль может пойти на некоторые уступки арабам, палестинцам. Но только не за счет Иерусалима, тут они голову положат, но город этот ни за что не отдадут. Я так и написал. Тогда этот мой отчет в Центре восторга, понимания не вызвал. Прошло больше 30 лет. И, видите, я не ошибся. Николай, что еще вы хотели узнать?

— Может, о вашей личной жизни. Как вы познакомились с будущей супругой и как получилось, что стали работать вместе? У вас же двое детей. Как было с ними?

— Я эту женщину, которая зовется Елизаветой, встретил в Ленинградском университете. Мы больше 70 лет вместе. Какая это считается свадьба? Платиновая? Пусть она вам обо всем этом сама расскажет.

Как можно без личной жизни

Елизавета Ивановна как раз и была настроена рассказать о личном. Или, может, за шестьдесят с лишним лет в разведке просто-напросто приучилась не говорить о главном деле жизни. А вот о Мише, о детях, о себе, но только без какой-либо связи с основной профессией — пожалуйста:

— Я училась в Узбекистане. У нас был такой интернат! Сама Крупская приезжала и даже назвала нашу школу «жемчужиной Востока». Я училась только на «отлично» и директор, как сейчас помню его фамилию — Лубенцов, посоветовал мне «вливаться в рабочую среду». Это потому, что рабочих тогда принимали в ВУЗы без экзаменов. И вот из Ташкента с тремя сотнями рублей денег я приехала в Ленинград. В университет действительно приняли. Профессии физиолога меня обучал сам Иван Петрович Павлов. Но интересовали, не знаю уж почему, и языки. Потом

увлеклась радио: вдруг слышу: «ту— ту-ту…» Познакомилась с радистами, и так мне это увлечение помогло — и в Америке, и после в других странах.

А Мишу я сразу в университете заприметила. Высокий, красивый, молодой, он всегда носил красную рубашку. Был секретарем комсомольской организации. Я его первый раз увидела сидящим в президиуме. А познакомились в очереди у стоматолога. Я только сдала нормы ГТО, и он попросил мои бумаги посмотреть. Отдала — и тут меня вызывают к врачу. Документы остались у него, и, знаете, как это в университете бывает, встретились мы только через три месяца. Собираюсь идти на первомайскую демонстрацию, а этот в красненькой рубашечке с вьющимися волосами ко мне подходит и решительно: «Девушка, никуда вы не пойдете!» Я разозлилась: «Это почему?» А он мне так тихо: «Вы же голодная, нельзя вам…». А я и вправду голодная, бледная. Откуда быть сытой, если где-то в столовой студенческой схватишь кусок черного хлеба — и все. Демонстрация отменилась, и на площади Урицкого она прошла без нас. А Миша повел меня обедать. И винегрет, и суп, и второе. Он всегда был добрым, отзывчивым человеком. Люди это чувствуют. Мы стали друзьями. Гуляли по Летнему саду, возвращаясь, каждый в свою комнату. У него — три человека, нас, девчонок, — пятеро. Ну и потом мы поженились.

Заканчиваю университет, а муж уже совсем на другой работе. У него сложная подготовка перед отъездом за рубеж. И тут меня, члена партии, вызывают в райком на беседу. В конце просят: «Елизавета Ивановна, вы когда там будете работать, пришлите нам хоть один банан». Я обещала. Когда мы плыли в Америку, сыну прямо на корабле исполнился год, а дочке было четыре.

— Елизавета Ивановна, — не выдержал я. — Как вы жили в Лос-Анджелесе с двумя детьми — понятно. Но потом? Когда стали нелегалами? Ведь не видели же сына с дочерью годами.

Елизавета Ивановна задумалась. Чуть заерзала в своей колясочке. И решилась:

— Наши работники ко мне относились очень хорошо и гуманно. Выходило так, что каждый год я проводила с детьми месяц.

— Елизавета Ивановна, муж был в вашем легальном и нелегальном дуэте старшим?

— Он и по званию старший — полковник. А я — подполковник.

Нам хватало и полувзгляда

— Михаил Исаакович, а чем вы больше всего гордитесь? Что особенно удалось? Какое достижение наивысшее?

— Я вам скажу откровенно и без излишней скромности. Думаю, мы из всех разведпар — редкая по пониманию друг друга. Не помню, чтоб хоть одного задания не выполнили. Обычно перевыполняли. И ни разу никого не подвели. Выручать нас не приходилось, потому что провалом не пахло. Поэтому и известны мы лишь в своем узком кругу. Тихо получали награды и благодарности.

— А какие именно?

— К примеру, у меня орден Боевого Красного Знамени за первый период нелегальной работы, когда удалось сразу после приезда довольно быстро вжиться и организовать.

— Что организовать?

— Я не говорю, где и когда, но резидентуру создали мы довольно быстро. И похвала моего начальника, друга Александра Михайловича Короткова была мне не менее дорога, чем орден и новая звездочка. У супруги, как и у меня, знак «Почетного чекиста», медали. Но с наградами ее немножко прозевали. Работали мы в одном учреждении, но приписаны были к разным отделам. Помимо всего прочего, я еще занимался подбором людей для нашей разведки. Подыскивал надежных помощников. Писал на них характеристики. Полагаю, некоторые работают и до сих пор.

— Это иностранцы? Агенты?

— Оставим вопрос без комментариев. А когда в 1970-х вернулись, у нас оказалось много знакомых в центральном аппарате. Кое с кем мы сотрудничали еще там. Недавно скончался один из ближайших друзей, который держал с нами связь за границей. Мы с ним работали и крепко дружили.

— После возвращения вы, наверное, преподавали в ваших школах?

— В течение довольно длительного времени мы готовили людей. Они приходили к нам домой. И я с женой рассказывал, как работать, что и в каких случаях нужно делать. Подготовили, и серьезно, человек семь. И один после трех лет на нелегалке обратился к руководству с просьбой навестить нас. Разрешили, и он приезжал. Благодарил: все, что вы рассказывали, — правильно, и я поступал именно так. Разве нам это тоже не награда?

— А о чем вы рассказывали? Что вашим ученикам требовалось усвоить в первую очередь?

— Михаил Исаакович, — взмолился старший офицер-тезка Мукасея. — Здесь только в общих чертах.

— А в каких же еще? — даже удивился Мукасей. — Едва ли

не главное — знать свои права. В одной из стран, где приходилось бывать, мы, по указанию Центра, построили дом. Вдруг местные власти ко мне с упреком: вы внесли мало денег на строительство, надо еще, иначе — освобождайте виллу. И тут я проявил твердость, может, нахальство… Ага, значит, вот вы какие гостеприимные хозяева. Ничего больше вкладывать не собираюсь и никуда отсюда не уеду, потому что квартира — моя. Так мы там и остались. Я этим хочу сказать, что если надо было поругаться с кем-то, то я выступал смело, изучил их законы досконально. Вызубри, что ты имеешь право делать, а что нет. Имеешь право ругаться с полицейским, или лучше промолчать. Иногда на этом тоже горели. Второе — язык. Вы на меня не обижайтесь, но я лишний раз подчеркну: разведчику, нелегалу тем более, им необходимо владеть в совершенстве. Язык твоей легендированной страны происхождения — это твое богатство. Если и допускаешь ошибки, то только такие, которые твоей легендой оправдываются. Все-таки русских людей, даже, казалось бы, в совершенстве освоивших иностранный, частенько узнают. Тут ведь не только в произношении дело — в артикуляции, в жестах, во внутренних нюансах.

И, наконец, не забывать о мелочах. Был у нас интересный момент. Пошли мы вскоре после приезда получать один документ для жены. Получили, и тут встает полицейский и мою Елизавету Ивановну поздравляет. Это мы забыли, что по новым документам у нее сегодня как раз день рождения.

— А вы выезжали уже мужем и женой? Или сочетались «законным» браком еще и там?

— Нет, по легенде и по жизни мы пара, — тотчас вступила в разговор Елизавета Ивановна.

— А как все-таки с детьми? Ведь они-то жили в Союзе.

— Сложный вопрос, — признался Михаил Исаакович. — По легенде у Елизаветы Ивановны был ребенок. Ведь в чем проблема: врачи могут установить, имела ли женщина детей и даже сколько. Был у нас в одной из стран пребывания, где 1 ноября день памяти усопших, коллега, компаньон. Какое-то время работали вместе. Так однажды в этот грустный день он отыскал на кладбище заброшенную могилку умершего лет тридцать назад малыша. Наказал: не всякий случай — это «ваша», можете изредка приходить молиться.

— А сейчас вы с кем-то из своих коллег общаетесь?

— Редко. Замучили болезни. А так у нас хорошие отношения с Павлом Громушкиным, который изготовил для нас идеальные документы. С Вартанянами и другими людьми, которые в Ассоциации наших ветеранов. Когда внешняя разведка

торжественно праздновала свою годовщину, нас вывели на большую сцену, и мы остались там втроем с Примаковым, который тогда был директором нашего учреждения.

— Не приходилось встречаться в Москве или в Штатах с Леонтиной и Моррисом Коэнами? Ведь вы были в США по легальной линии во время войны, а они в те годы добывали для СССР чертежи атомной бомбы.

— Может, им в чем-то и повезло. Нет, Коэнов-Крогеров я не знал, до засекреченного американского атомного центра в Лос-Аламосе мы не добрались. Но были некоторые другие достижения, о которых я умолчу.

Что вообще для разведчика наиболее важное? Слава? Но она, если и приходит, то только в результате провала. Так, быть может, лучшая награда и свидетельство успеха все-таки безвестность?

Книга на двоих

Мои встречи с Мукасеями продолжались, поддерживал я с ними добрые отношения. И как-то пригласили они меня на премьеру своей первой книги «Земфир и «Эльза», изданной при содействии Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка. И, быть может, в этом не было бы ничего особенного, если бы не солиднейший возраст моих героев. А так полковник Мукасей Михаил Исаакович (он же Земфир и Вальтер) и его жена подполковник Елизавета Ивановна (Эльза и Вишня) написали интереснейшую и, что нечасто случается с литературой такого рода, откровеннейшую книгу. Я проглотил те ее главы, где авторы описывают собственную работу. Вошли в книгу и мои материалы. Елизавета Ивановна на презентацию не пришла — попала в госпиталь. Ее муж по-прежнему держался бодро. И когда я искренне поздравил его с удачным литературным опытом, сын деревенского кузнеца из белорусского местечка Замостье так крепко сжал мою руку, что я подумал: быть может, мемуары будут и продолжены.

Тем более что занимались выехавшие под чужими именами из Чехословакии в Швейцарию, а затем в Мексику разведчики не только добыванием нужной стране информации, но и налаживанием связей с осевшими чуть не по всей Европе советскими нелегалами. Есть о чем вспомнить.

Потом, уже дома у Муксея, я попросил его поподробнее рассказать о смерти нашего нелегала К. в Париже. Молодой еще

человек вдруг заболел, перестал выходить на связь, и Центр приказал Мукасеям: отыскать и помочь во что бы то ни стало.

То был один из первых выездов Михаила-Вальтера из новой страны проживания в другое государство. Довольно рискованная поездка из Берна в Париж, где в одной из больниц терялись следы одинокого (по чекистской легенде и по жизни во Франции) К… Поиск его квартиры, знакомство с окружением и вот оно, трагическое объяснение невыхода на связь. Владелец небольшого магазина умер в больнице.

Никто не мог предположить столь преждевременного ухода. И здесь Мукасей проявляет не просто служебное, а чисто человеческое участие. Подробнейше выясняет все обстоятельства смерти неизвестного им сподвижника. Красноречивейшая деталь: за несколько часов до исхода, разведчик-нелегал, человек исконно русский, причащается, и Мукасей отыскивает свидетельницу-монахиню, видевшую, как К. целовал крест католического священника и «как из глаз его скатилась чистая, как роса слеза, и он затих навсегда». Нелегал умирал в полном сознании, унося с собой тайны Родины. До последнего вздоха он не отступил от своей легенды. Быть может, даже наверное, нелегалу К. не дано было совершить подвигов Абеля-Фишера или Молодого-Лонсдейла, но вот уж кто остался верен присяге, не выдал себя и не подвел других даже на смертном одре. В Париже он был безумно одинок, а на Родине в Москве у офицера внешней разведки остались жена и две девочки. Сейчас они совсем взрослые, но простая русская фамилия их отца, как и его подвиг, и сейчас под грифом «совершенно секретно»

Тогда же, в этой трагической ситуации Земфир и Эльза не отступили. Чтобы как-то объяснить свой интерес к К., Мукасей выдавал себя по легенде за его дальнего родственника, кузена своей жены. И тут супругам приходит идея: официально оформить наследство. Дело, конечно же, не в жалких грошах, 40 американских долларах, оставшихся от бедного К. Добиться признания в качестве настоящих наследников означает совсем иное: по-настоящему легализоваться в Швейцарии, публично доказать, что у них, приехавших из Восточной Европы, были родственники и в Европе Западной, получить соответствующие документы.

Завязывается длинная и подчас рискованная интрига. Нотариусу требуются свидетели. И чтобы найти, а точнее уговорить их, Мукасеи применяют все разведческое умение и глубочайший человеческий такт. Ну, а память о скончавшемся товарище по нелегальной разведке они увековечивают: устанавливают на могиле мраморный памятник, высаживают

многолетние кипарисы и елочки. И все 20 с лишним лет пребывания за кордоном заботились о могиле. На памятнике — портрет К. с датами рождения и смерти по легенде. И даже уйдя из жизни, К. помогает Родине. Его могила служит местом встреч с другими разведчиками легалами и нелегалами, тайником для обмена разведывательными материалами.

Не правда ли, сюжет для детективного фильма? Или вот еще один из рассказов Михаила Исааковича. Вот пылесос в квартире Мукасеев. На самом деле его 12-метровый шнур безотказно служит радиоантенной во время чуть не ежедневных сеансов связи.

Или такая деталь прикрытия. Аккуратная, радушно принимающая приглашенных гостей Эльза всем своим видом дает знать, что не любит, когда к ним в дом приходят экспромтом, не предупредив. Знали бы приятели и соседи истинную причину подобной щепетильности. У Елизаветы Ивановны сеанс связи с Центром, и любой, даже мало разбирающийся в технике гость, может заподозрить неладное, увидев в комнате скромной и бесхитростной домашней хозяйки сложную современную технику. А пока Лиза передает или принимает радиограммы, Михаил старательно метет дорожки в уютном, приобретенном им, действительно удачливым коммерсантом домике с садом, старательно наблюдая за тем, чтоб рядом не появились посторонние. Невинное занятие, а сколько напряжения. Ведь стоило однажды забарахлить устаревшей аппаратуре и затянуться сеансу связи, как радиопередатчик чуть не запеленговали.

В Москву, к детям, по легенде

Некоторые разведчики-нелегалы рассказывали мне, что с детьми в чужих краях и труднее, и легче одновременно. Легче — ибо детишки — это еще и лучшее прикрытие. Труднее — ибо при возвращении домой возникает нередко непонимание. Взращенные в иных краях, они не говорят по-русски. И каково им адаптироваться в снежной и сложной России?

Однажды, когда пара нелегалов с трудом перешла границу и, едва избежав провала, добралась до Москвы, их дети, поняв, куда попали, хором закричали: «Так вы — советские шпионы!». И закричали на английском.

У Мукасеев и намека на такое не было. Сын Анатолий стал известным кинооператором, работающим в дружном контакте с женой — режиссером Светланой Дружининой. Дочь работала

директором картин на Центральной студии документальных фильмов. Иногда, неизвестно какими путями, Елизавета на короткое время вырывалась из своей нелегальной жизни и оказывалась в Москве. Как? Под каким предлогом и прикрытием удавалось вырваться? Рассказывать об этом запрещено до сих пор. Но Центру удавалось вывозить своих нелегалов отдышаться. Это называлось и отпуском, и переподготовкой. А для Лизы это была встреча с детьми. За короткие эти недели она старалась передать им все тепло и любовь, копившиеся месяцами в далеких странах. После чего она возвращалась к мужу. В Европу ли, в Израиль, развернувший в ту пору войну с Египтом… Или, может, в Прагу, куда вошли наши войска?

— Как получалось — не спрашивайте, — предупреждает Елизавета Ивановна. — И ребята у меня выросли талантливые. Анатолий — один из лучших кинооператоров. Дочка тоже была связана с кино, работала администратором, директором кинокартин на Центральной студии документальных фильмов. У Толи жена — Светлана Дружинина, актриса и режиссер, она мне сразу понравилась. У нас в семье четыре члена Союза кинематографистов. Вот вы о личной жизни. Но она же удалась. Мы можем гордиться редчайшим взаимопониманием. Один взгляд Михаила Исааковича, поворот головы, полувздох… И мне было все абсолютно ясно. Лечу — и выполняю.

Иногда, когда особенно хотелось поговорить по душам, они садились в машину и уезжали в лес. Проверялись, уходили в чащобу, общались по-русски. Хотя по строгим разведка-нонам это запрещается (одного разведчика-нелегала, ночью в полудреме выругавшегося на родном матерном, едва не отозвали из Скандинавии).

Когда я спрашиваю подполковника Елизавету Ивановну Мукасей о личной жизни, она отвечает уверенно:

— Личная жизнь удалась. Мы можем гордиться сделанным. За 20 с лишним лет там ни разу не были на грани провала. У нас было и есть такое редчайшее взаимопонимание! Лечу и выполняю!

И в 100 лет — разведчик

13 августа 2007 года полковник Михаил Мукасей отпраздновал свой сотый день рождения. Его боевая подруга, жена — подполковник Елизавета Мукасей 95-летие справила в марте. Я заглянул и на юбилей, да и до него переговорил с

Михаилом Мукасеем.

Уютная квартира в зеленом районе столицы. Стены в портретах знакомых по книгам и фильмам персонажей. Мукасеям, как и почти всем немолодым нелегалам, продолжает помогать СВР. У них вполне благополучные и благодарные дети.

Идиллия? Все и всегда складывалось благополучно. Вряд ли. И я спрашиваю:

— А когда были уже нелегалом в Европе, чувствовали, что вокруг вас чужое шевеление, повышенный интерес и, не дай Бог, провал?

— Неоднократно. Однажды вышли на радиосвязь с Москвой и чувствуем — не идет, и все тут. Отказал диод. Сеанс длился дольше, чем обычно, и нас засекли. В местных газетах появились угрожающие статьи «о шпионах с Востока, обосновавшихся в нашем тихом городе». На связь с Центром мы несколько месяцев не выходили.

— Как передавали разведданные?

— По радиосвязи, тайнописью. Закладывали их в тайники. Иногда наши нелегалы вдруг переставали выходить на связь. И нам приходилось выезжать в другие страны их отыскивать.

— А если их арестовали или вдруг они переметнулись на чужую сторону?

— Если б переметнулись, мы бы с вами тут так спокойно не сидели. Предателей за эти два десятилетия нам не попадалось.

— Вот вы учили своих молодых преемников. На что обращали их внимание?

— На многое. И на языки тоже. Вообще языки надо знать в совершенстве. Один наш нелегал, человек высокообразованный, пробился в такую высшую военную школу, обучение в которой могло бы стать для разведки бесценным. Но не удержался.

— Подвел акцент?

— Нет, некоторая неотшлифованность языка, немного совсем не хватило до блеска.

— Почему среди разведчиков-нелегалов немало долгожителей? Работа же нервная, столько сил отнимающая…

— Дед мой был могучий кузнец. Мог лошадь остановить. И, когда я шел на встречу с агентом или нелегалом, я, помимо соблюдения всех предосторожностей, которым нас обучают, вспоминал о деде и тихонько повторял про себя: уходите от меня, не прикасайтесь ко мне. Я иду на работу, иду важное дело делать. Не мешайте.

Если сам себя не успокоишь, то кто это сделает? Только Лиза. Но я всегда старался все тщательнейше продумывать. И никакой работы на ура. Постоянно пересекая границу одной страны, мы

даже знали манеру работы их карабинеров. Старались не попадаться часто на глаза одним и тем же людям: вдруг эта частота наших пересечений вызовет подозрения? От некоторых таможенников, пограничников, выказывавших большое служебное рвение, старались держаться подальше. Шли через других, более дружелюбных. Нам было чего опасаться: через границу перевозились секретные документы.

— Вы служили и в военной разведке, были преподавателем в спецшколе, работали под крышей диппредставительства, больше двух десятилетий в нелегалах… Что интереснее всего?

— Когда разведчик в консульстве, ему говорят: сходи, возьми, дай задание. А когда ты нелегал, все или почти все зависит только от тебя. И пользы от тебя гораздо больше. Нелегальная работа — самая почетная.

— Михаил Исаакович, на своем столетии вы спокойно выпили, сам видел, рюмочку.

— Да вы сами со мною ее и подняли. Можно и две, может, три.

— Что из напитков любите? Водочку?

— Да нет. Я предпочитаю виски «Блэк энд Уайт».

Ушли Майкл и Эльза

Разведчик-нелегал Михаил Мукасей скончался на 102-м году жизни, его жена Елизавета Ивановна Мукасей через несколько лет на 98-м.

Трогательная была и очень интеллигентная пара. Елизавета Ивановна могла часами рассказывать о великих народных артистах МХАТа. А кому было знать их как не ей, пять лет проработавшей после возвращения из Штатов секретарем Художественного Совета легендарного театра. Актеры со званием народных наперебой рассказывали, что в нее в ту послевоенную пору были влюблены гениальные и великие.

Но ей и самой вместе с мужем было суждено стать легендами — только нелегальной разведки. Вообще из этой пары нелегалов более разговорчивым был, как ни странно Михаил Мукасей.

В 2007-м, мы отпраздновали в гостеприимном доме Мукасеев 100-летие его хозяина. Больше всего меня поразило, что юбиляр успевал и поднимать тосты, и изящно отвечать на шутки друга, народного артиста Льва Дурова. Елизавета Исааковна сидела в колясочке, и все припоминала о Штатах, о других далеких и близких странах. Но вот кремень: ни слова о разведке. А зато

сколько о МХАТе, о Чарли Чаплине. Коронным был ее рассказ, как по просьбе мужа-консула наши моряки привезли во время войны в подарок Чарли запрошенного им настоящего медвежонка.

Я понимаю: всему и всем свой черед. Да и дожить бы, сохраняя бодрость духа и трезвое сознание, хоть до 80. И все равно на сердце горько. Уж очень они были хорошими людьми. С ними было легко. Жаль, не зайти мне больше в скромную квартирку на Фрунзенской…

В разведку на всю жизнь

Почему лучшие представители одной из самых рискованных профессий живут долго и, как правило, счастливо?

Судьба бывшего председателя КГБ Владимира Крючкова настроила на лад несколько ностальгический. Признаться, не числился Владимир Александрович, возглавлявший мощнейшую секретную службу мира в переломные годы сокрушительного перелома с 1988-го по 1991-й, в числе главных моих героев, да и симпатий. Но сколько же всего вмещает одна отдельно взятая человеческая судьба крупной личности. Тут и многолетнее руководство советской внешней разведкой. Афганистан, в который вошли и где работали до изнеможения или до пули душмана. Непонятно зачем понадобившееся хождение в ГКЧП и заранее обреченная на полный провал поездка в Форос к Горбачеву, завершившиеся в довольно зрелом возрасте полуторагодовалой отсидкой в Матросской тишине. И выигранный суд с реабилитацией.

Мои звонки вроде бы отошедшему от дел Крючкову нарывались на вежливые «Давайте попозже. Заканчиваю серьезную работу. Благодарю за память». И вышедшие-таки книги воспоминаний действительно свидетельствовали: генералу армии было некогда беседовать с историком разведки. Он сам был ее живой историей. Двухтомник полон таких откровений, что людям далеким от профессии, которой до последнего вздоха преданно занимался Владимир Александрович, даже и близко не понять, какой ценнейший вклад он нам оставил.

Столько выпало Крючкову испытаний, но при унизительно-средней продолжительности мужской российской жизни в 58, а теперь аж в 59 лет, экс-председатель КГБ, прошедший на склоне лет и тюрягу, дожил до 83-х. Его гнобили, обливали, как многим казалось, честно заслуженной грязью — он стоял и выстоял.

Что же скрывается за этим честно выстраданным феноменом: многие выдающиеся разведчики живут неправдоподобно долго. Не могли мы в свое не обсудить эту тему с Героем России Владимиром Борисовичем Барковским.

Его часовые безалкогольные лекции, которые можно было слушать, но никак нельзя записывать, сразу тянули на триллер. Барковскому было уже под 80, но он знал назубок все имена, псевдонимы, помнил даты, вникал в тончайшие детали. Я чуточку ревновал к этой феноменальной памяти. И на последовавший вопрос «как это удается?», правда без обидного и с трудом скрываемого «в ваши-то годы», — ответил мне (пару раз для наиболее полного усвоения) без всяких шуток:

— Разведка — это такая сфера деятельности, которая здорово укрепляет память. В условиях экстрима, нервного напряжения, риска профессионал вытаскивает, выжимает из себя все силы и ресурсы. Иногда даже ему неведомые, скрытые. Если это удается, разведчик повышает класс. Его мозг постоянно в работе, в действии. Когда тут стареть? Истязая себя мыслью, вы удлиняете собственную жизнь. И если уж добрались до каких-то возрастных вершин, то приобретенные и постоянно используемые интеллект, память, умение спокойно и точно анализировать продлевают ваше активное существование. До вечности далеко, а до 80 и дальше — вполне и вполне», — то ли шутил, то ли всерьез говаривал Владимир Борисович.

С течением лет парочку раз приходилось встречаться уже у него дома, на Балтийской: у Владимира Борисовича страшно болели колени. «Не повторяйте моих ошибок, — наставлял он. — Не надо было задерживаться в теннисе до девятого десятка. Я вовремя бросил планеризм и мотоспорт, а вот теннис — не смог». И был, видел собственными глазами, одним из завсегдатаев открытых динамовских кортов на Петровке.

Может, физическая культура и пригодилась кому-то в нелегальной разведке. Хотя ярких примеров тому что-то не слышал. И первый открытый народу советский нелегал Рудольф Абель, он же Вильям Фишер, и его друг и коллега Конон Молодый повторяли: там, где начинается погони или стрельба, разведка заканчивается.

Звонки последнего из ЧК, полкового комиссара Бориса Игнатьевича Гудзя раздавались у меня дома где-то часам к одиннадцати вечера. Для него настоящая жизнь начиналась поздновато. Мы познакомились за несколько месяцев до его 100-летия. На мою просьбу о встрече он отозвался тотчас: «Приезжайте сегодня же. В мои годы нельзя ничего откладывать ни на день». Мы проработали в согласии, а иногда и в спорах,

больше трех с половиной лет. Я приезжал к нему на «Спортивную» поздним вечером, а он, получив заранее список моих вопросов, давал основательные ответы. Иногда активный участник операции «Трест» рисовал мне детальнейшие схемы, по которым действовали они, ученики основателя ЧК Дзержинского и идеолога всей системы внешней разведки, персонального учителя Бориса Игнатьевича — Артузова. Расхаживая по комнате, он в поразительных подробностях описывал мне смерть Бориса Савинкова, рассказывал и даже показывал, как Дзержинский целовал руку польской красавице-графине. А уж о токийских подвигах Рихарде Зорге, которого лично «вел», сидя в Москве, о причинах его провала Борис Гудзь говорил часами и часами. Я забывал, что передо мной человек, давно перешагнувший 100-летний рубеж. Что это его чуть не отправил на тот свет Сталин, вышвырнув с работы в 1937-м. Он бедствовал, работал ночами водителем автобуса, горевал, так и не отыскав могилу единственного сына — фронтового разведчика. Но все эти горести как-то забывались, когда под Новый год 102-летний Гудзь звонил мне перед своим отъездом в дом отдыха: «Как вы думаете, есть у них там хорошие лыжи? Или нет, лучше я возьму свои, беговые, что подарили из «Динамо». Хоть покатаюсь, как следует».

Мы многое успели, написали и издали. Хотя не довелось вместе закончить книгу о том, как Ягода чуть было не объявил Дзержинского польским шпионом и почему был безвольно пассивен приемник «Железного Феликса», Менжинский. Борис Игнатьевич скончался на 104-м году жизни. Генерал Павел Анатольевич Судоплатов, 1907 года рождения, долгие годы просидел во Владимирской тюрьме, подвергался допросам с пристрастием. Несмотря на это, после освобождения и реабилитации много и плодотворно работал, уйдя из жизни в 1996-м.

Уже рассказывал о Михаиле Мукасее. Мы иногда встречались у него дома, я старательно записывал… Но на следующий день раздался один звонок от Михаила Исааковича, потом — второй, третий. Не торопясь, с неимоверной своей вежливостью, столетний, без трех дней, нелегал просил «опустить несколько эпизодов». Он помнил все, о чем рассказал мне вроде бы в непринужденном разговоре, и уверенно надиктовывал сокращения и поправки.

До сих пор каждый день отправляется на работу 87-летний Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян. Герой России «атомный разведчик» Александр Семенович Феклисов прожил 93 года. Упоминавшийся в этой книге Павел Георгиевич

Громушкину, готовивший документы еще для легендарного разведчика Второй мировой Николая Кузнецова ушел, когда ему было за 90. Герой России Ботян, ставший прототипом телевизионного майора Вихря, и в 92 играл в волейбол.

Нет, прав Владимир Борисович Барковский. Прививаемые разведкой качество продлевают жизнь.

Рецепты от долгожителей

Геворк Андреевич и Гоар Левоновна Вартаняны:

— Как разведчику без хороших нервов? Мы оба спокойны. Знаете почему? Никогда не хотим вспоминать и не вспоминаем плохого. Вы же понимаете, что кроме успехов случались и неудачи. А сколько было переживаний. Но мы отбрасываем все плохое. Живем хорошим. Это тоже рецепт выживания. Наверно, такой хороший, естественный, а совсем не бодряческий оптимизм помог нам продержаться за рубежом больше четырех десятилетий.

Борис Игнатьевич Гудзь (совет записан на 102-м году жизни):

— Принципиально не пил — не курил. Один раз, где-ни будь в 1925-м или 1926 опьянел и с тех пор только по рюмке красного на Новый год и на День чекиста. Режим простой: овсяная каша, геркулес. Всегда предпочитаю быть на ногах. Катался на велосипеде до 80, водил машину до 90. Какой лозунг у «Динамо»? «Сила в движении!». Мне за сто, но хожу на лыжах, летом — много гуляю. И не надо попусту раздражаться: нельзя по своей воле разрушать собственные нервы. Ну что толку, если вы с утра не довольны собой или женой? Кому от этого хорошо. Кстати, я в 102 года женился.

Любовь на глазах у натовцев

Даже долгие годы спустя государство, откуда добывала чужие секреты семейная пара разведчиков-нелегалов Михаила и Галины Федоровых, называют «одной страной».

...

ИЗ ДОСЬЕ

Полковник СВР Федоров Михаил Владимирович (1916–2004) и подполковник Федорова Галина Ивановна (1920) — семейная пара разведчиков-нелегалов. Михаил Федоров еще до и во время Великой отечественной выполнял особые задания военного командования. затем трудился на дипломатической работе. затем вместе с женой был направлен в нелегальную командировку. Работа в особых условиях в западной Европе продолжалась 15 лет. Награжден многими орденами.

Его супруга Галина Ивановна в органах безопасности с 1939 года. В годы войны переведена в группу особого назначения, занимавшуюся подготовкой разведчиков для заброски в тыл противника. Вместе с мужем работала с нелегальных позиций в западноевропейских странах.

По описаниям страна их пребывания похожа на Бельгию, где в пригороде Брюсселя раскинулась штаб-квартира НАТО. Но главное другое — семейная пара нелегалов передала в Москву более 400 секретных документов, среди которых чуть не тома с высшим грифом секретности. Попавший к ним из рук секретного источника «Единый комплексный оперативный план ядерного нападения на СССР» во время их пребывания отшлифовывали и доводили до совершенства несколько раз. В XXI веке сложно поверить, что несколько десятилетий назад натовцы были готовы столь сурово обойтись не только с нами (сметались с лица земли все города-миллионники), но и со своими. По той доктрине ядерная война должна была вестись и на территории ФРГ. Рекомендовались четыре варианта ударов — от легкого до тотального. Жители Гамбурга, например, были заранее принесены в жертву. А решение, какой силы удар наносить,

доверялось вынести единолично американскому генералу, командовавшему Объединенными силами НАТО в Европе. Это не красная агитка. Это лишнее напоминание: мы часто забываем, а то и не удосуживаемся вспомнить, что во времена «холодной войны» мир висел на волоске. И не только в пору Карибского кризиса 1962-го.

В книге Федоровых «Вся жизнь конспирация» история их знакомства описывается неброско. В столовой на Лубянке красавец-чекист и герой войны Михаил случайно сталкивается со скромной и обаятельной Галиной. Знакомство перерастает в дружбу. А затем, как и положено, в любовь.

Впрочем, по воспоминаниям ряда свидетелей, события развивались не столь хрестоматийно (не было места для воли случая). Пару готовили, подбирали. А совместный рабочий обед стал логическим завершением задуманного в высоких кабинетах.

Сначала дело шло вяло, но потом наладилось. Бытует легенда, что идея соединить во имя нелегальной разведки судьбы двух симпатичных молодых людей пришла в голову Александру Михайловичу Короткову, известному в узких кругах под псевдонимом Короля нелегалов.

Сколько лет пролетело со дня безвременного ухода 53-летнего генерала, скончавшегося в 1961-м прямо на теннисных кортах динамовской Петровки, а как его помнят. И нелегальная пара разведчиков Мукасеев, и Федоровы, да и другие дуэты нелегалов, которым никогда не суждено обрести публичную известность, почитают его отцом родным.

Словом, женитьба Михаила Владимировича Федорова на Галине Ивановне Маркиной стала логичным, продуманным началом их второй, нелегальной жизни. Дальше учеба, языки, отправление в дружественное нам государство, откуда пара под видом беженцев и попадает в перекрестье Европы, в самый центр непрерывно развивающихся бурных событий.

Но вместо тихого вживания в иную жизнь эмигранты из Восточной Европы попадают под колпак контрразведки. Недоверие, постоянные провокации заставляют Центр даже планировать вывод Сеппа и Жанны, как именовали нелегалов, обратно в Союз. Но приказ о возвращении все же оставил им маленькую возможность рискнуть, решить для себя, нужна ли такая смертельная игра с чужими. Они остались. На 15 лет.

И сколько персонажей проходит через их жизнь!

Вот агент Бриг. Холеный, иногда излишне самоуверенный, несколько эгоистичный — он занимает серьезный пост в НАТО. Но все отрицательные качества искупаются одним: убежденный пацифист Бриг, ежечасно рискуя головой, трудится на советскую

разведку. И без всяких вознаграждений. Их он отвергает категорически. Единственный принятый подарок — это преподнесенные Сеппом перед самым отъездом запонки.

Или архитектор Морис: что заставляет этого небедного человека старательно шпионить за Сеппом и Жанной, осложняя их жизнь бесконечными проверками?

И еще бесконечная цепь случайностей, ставящих пару нелегалов на грань провала.

У них на вилле с десяток дней должен переждать другой нелегал. Его имени они не знают. Судьба всех троих зависит от нежданно нагрянувшего из отпуска добросовестного трубочиста. Нельзя, чтоб он увидел чужого! Сепп с Жанной вынуждены разыгрывать целый спектакль.

Другой нелегал едва не прокололся на пустяке. В чужой компании угадал мелодию из оперетты и тут же назвал ее — «Сильва». Чем вызвал смятение у собеседников: это в России оперетта именуется «Сильвой», а в Европе — «Королева чардаша»!

Или срочная поездка для встречи с источником в Кельн. Все идет благополучно, но… Буфетчик в поезде в полном недоумении: только вчера он обслуживал приятную семейную пару по дороге туда. Прошло всего несколько часов, а они уже мчатся обратно. Не странно ли?

Или совсем уж азбучная неприятность. Жанна, прогуливающая чужого ребенка, лицом к лицу сталкивается в столице чужого государства со своими бывшими сослуживцами. Мгновение — и все зависит от них: поймут ли, что узнавать, подавать знаки нельзя. Поняли.

Таких нештатных ситуаций за 15 лет возникало десятки.

У Федоровых так и не было детей. Как и у другой пары нелегалов, Героя Советского Союза Геворка Вартаняна и его супруги Гоар.

Нет, Центр не налагал запрет на потомство. И некоторые, к примеру, Герой России нелегальный разведчик Козлов с супругой возвратились домой даже с двумя детишками. Пополнение семьи придает дополнительный статус, снижает уровень подозрительности.

Но Жанна, она же Галина Федорова, откровенно рассказывает о причине добровольного отречения от материнства. Трудно было объединить в сознании работу на грани постоянного риска и рождение детей. Это осложнило бы свободу передвижения, сковало бы возможности оперативной деятельности. Чувство долга перевесило. Желание принести еще большую пользу взяло верх, заставило оставить на потом… Однако полтора десятка лет вдалеке уже не позволили стать родителями.

А вот без настоящей семьи, без доверительного второго в нелегальной паре никак нельзя, считают Сепп и Жанна.

Быть может, не провалился бы англичанин Гордон Лонсдейл, он же Конон Молодый, если бы рядом была вторая половина, обязательно засекшая со стороны слежку. И не арестовали бы Абеля-Фишера, окажись с ним рядом заботливая жена, удержавшая от рискованного похода в прежнюю квартиру.

Женщине легче прикрыть мужчину, взять на себя с виду невинные распросы: за границей, да и у нас, даме все же отвечают и вежливее, и подробнее. Она не привлекает такого внимания. А кто предоставит возможность разведчику работать ради дела, как не жена? Кто избавит его от ежедневных забот, отвлекающих от главного?

В 2004-м Михаил Владимирович Федоров ушел из жизни. Галине Ивановне, которой далеко за 90, сегодня помогают коллеги и друзья по управлению, к которому со дня прихода в нелегальную разведку и уже до последнего дня приписаны такие, как они.

Сколько всего было в нелегальной разведке таких вот пар, не ответит никто и никогда.

Блейк живет этажом выше

В свои за 85 полковнику Службы внешней разведки Джорджу Блейку в России совсем не скучно.

...

ИЗ ДОСЬЕ

Джордж Блейк родился в 1918 в Голландии. Жил и получил образование в Египте. затем снова вернулся в Голландию, где во время войны участвовал в движении сопротивления. затем бежал в Англию, где пройдя ряд проверок в 1944 был зачислен в военную разведку. В качестве резидента был послан в Корею, где попал в плен и был перевезен в северную Корею. завербован советской разведкой. И с 1953 года активно с ней сотрудничает. Благодаря Блейку разоблачено более 400 агентов, он раскрыл секреты нескольких серьезных стратегических операций западных спецслужб. Арестован и приговорен к 42 (!) годам тюрьмы. совершил дерзкий побег в 1966-м и добрался до СССР. Награжден орденом Ленина, боевыми орденами. Написал несколько автобиографических книг. Постоянно проживает с женой на даче в Подмосковье.

Человек в видавшей виды дубленке и неприметной зимней шапке идет по тихому московскому переулку. И чувствуется: он король улицы, знает здесь каждый уголок и контролирует каждого прохожего, который мог бы проявить к нему интерес. Это Джордж Блейк. Вот он входит в дом без вывески, и дверь, куда через несколько секунд предстоит зайти и мне, сразу захлопывается.

Мы не знакомы, то есть я знаю его, а он меня, конечно же, нет, но вот что я слышу тотчас после рукопожатия:

— Я видел, вы шли за мной. Не решились догнать, подойти?

Он предпочитает в отличие от почти всех своих иностранных коллег, получивших после долгой работы на российскую разведку московскую прописку, говорить по-русски. Акцент чувствуется, но трудный язык наш Георгий Иванович Бехер, теперь он зовется именно так, вполне освоил. Тогда мы проговорили долго, но по различным не зависящим ни от него, ни от меня причинам

интервью опубликовано не было. Однако знакомство состоялось, и я понял, почему в России считают совершенное Блейком великим подвигом.

Его жизнь полна загадок. Она обросла домыслами и легендами. А Георгий Иванович с присущим ему чувством юмора замечает: «Я — иномарка, которая спокойно приспособилась к русским дорогам».

Между прочим, это удалось сделать далеко не всем нашим друзьям, работавшим на советскую разведку, а потом из-за угрозы неминуемого ареста, оказавшимся в Москве. Соотечественник Блейка, знаменитый руководитель «Кембриджской пятерки» англичанин Ким Филби, тайно вывезенный в СССР, с трудом вписывался в новые условия, иногда глуша тоску алкоголем. Американец Моррис Коэн, добывший для Страны Советов чертежи атомной бомбы, за десятилетия нашенской жизни так и не выучил русский, общаясь в основном через переводчика. Случались и преждевременные добровольные уходы из этого мира: его реалии оказывались слишком далекими от тех, что представлялись издалека столь близкими и понятными. Добровольно ушел из жизни немало сделавший для России Соутер, похороненный по его просьбе, изложенной в последнем письме, в форме майора госбезопасности. Кстати, и Шон Берк, организовавший побег Блейку, в Москве тосковал. Пил, ссорился со всеми, даже с Джорджем. И рванул-таки обратно домой, несмотря на риск опять оказаться в тюрьме.

А Блейк вполне прижился. Он едва ли не единственный из бывших агентов-иностранцев стал абсолютно своим среди наших разведчиков. Ну, кому еще из иностранных помощников присвоили звание полковника СВР? Если не ошибаюсь, едва ли не ему — единственному из иностранных друзей, обосновавшихся в Москве. Что свидетельствует о полном и абсолютно безграничном к нему доверии. Даже Филби до этого не дослужился. Блейк же преподавал, впрочем, как и Филби, готовя юные кадры нашей разведки, работал в Институте мировой экономики и международных отношений, общаясь с его главой академиком, затем директором СВР и премьером Евгением Примаковым.

Впрочем, как не доверять человеку, сорвавшему в 1950-х гигантскую по масштабу американскую операцию «Туннель». Тогда в Берлине американцы, истратив миллионы, были уверены, что прослушивают русских через свои подземные кабели. Они здорово заблуждались: офицер британской Сикрет Интеллидженс Сервис Джордж Блейк предупредил друзей о начале грандиозной прослушки еще до ее начала. Быть может, на Лубянке о ней узнали еще раньше, чем о «Туннеле» стало известно союзникам

американцев. И Москва взялась на обреченную на успех операцию по полной дезинформации главного, как в ту пору именовались Штаты, противника.

Есть еще некие до сих пор секретные подарки, преподнесенные Блейком советской разведке.

Бытует мнение, что Блейк выдал Советам около 400 британских и американских шпионов, а также их агентов плюс «кротов», то бишь наших предателей, работавших в Москве на чужие спецслужбы. Да, подполковник ГРУ Попов, генерал-лейтенант из гэдээровской «Штази» Бялек, завербованный западными разведками, действительно были арестованы благодаря информации Блейка. Сам он считает, что 400 — явное преувеличение, однако число благодаря ему разоблаченных и пойманных исчисляется все-таки не десятками.

Рассказывают, что молоденький офицер госбезопасности Николай Лоенко завербовал оголодавшего британского дипломата-разведчика, когда тот сидел в плену у северных корейцев. Способный 25-летний контрразведчик из Приморья подкармливал Блейка, сидевшего на голодном пайке. Отдавая должное талантам Лоенко, все же замечу: традиционной вербовки в данном случае не было. Блейк, начитавшийся Маркса, переданного ему все тем же Лоенко, перешел на чужую сторону по сугубо идейным соображениям, а не в благодарность за супчики из морепродуктов, которые готовил для него искусный кулинар из КГБ.

Блейк долго балансировал на фантастической грани риска, пока не был выдан сбежавшим на Запад офицером из польской спецслужбы. Улики были косвенными, но под подозрение он попал. Суд Ее Величества вынес в 1961-м немыслимо строгий приговор: из тюрьмы, приговоренный к 42 годкам Блейк, должен был бы выйти в 2003-м. Даже будучи примерным заключенным, он мог бы подать прошение о помиловании, отсидев две трети из щедро ему отпущенного.

Дотянул бы он до этой счастливой даты? Остается лишь гадать. Побег Блейка из тюрьмы якобы организовал всемогущий тогда КГБ. Вряд ли эта организация нуждается в приписывании лишних лавров. За несколько месяцев до его кончины я встречался с Героем России Моррисом Коэном, волею судьбы попавший с Блейком в одну суровейшую тюрягу «Уормвуд Скрабс» за шпионаж в пользу СССР. И Моррис, в компетенции которого усомнится лишь человек в разведке ничего не понимающий, поведал мне историю того невероятного побега. Он вошел в учебники, которые штудируют сотрудники исправительных заведений многих государств. Устроили побег

ирландцы, подружившиеся с Блейком в тюрьме, где и поклялись вызволить Джорджа. Отмотав срок, один из них — Шон Берк сумел в 1966-м не только перебросить веревочную лестницу через ограду и вывести сломавшего при побеге руку Блейка, но и прятать его в течение двух месяцев на квартире. А потом, когда шорох слегка улегся, Шон и Джордж через две границы добрались на туристическом фургоне до ГДР. И вот здесь, как подсказывают некоторые специалисты, без руки Москвы не обошлось. По крайней мере, время и дата пересечения границы фургона с Блейком в первом главном управлении были точно известны. А бедняга Джордж 9 часов промаялся под досками на втором дне грохочущего фургона и чуть не дал дубу. Морриса же Коэна, узнавшего о побеге верного друга по тюремному радио, перевели в камеру на острове Мэн. Бежать отсюда было практически невозможно.

Герой России Коэн рассказывал мне, что считает время, проведенное на тюремных прогулках с Блейком, одним из наиболее «образовательных» моментов. «Никогда, ни в одной стране мне не доводилось встречать такого интеллектуала, как Джордж», — признавался Коэн. Впрочем, эти беседы были продолжены в Москве.

Да, в начале 1990-х, когда некоторые горячие наши головы были не прочь «вернуть» Блейка, он пережил несколько неприятных месяцев. Но возвращать гражданина России туда, откуда он успешно сбежал, не принято, что в конце концов признали и противники Блейка.

Почему Блейку не дали Героя? Как объяснял мне в свое время один очень высокий чин из СВР, присвоение звания Героя России Блейку могло бы сильно ухудшить отношения нашей страны с Великобританией. В Соединенном Королевстве его прощать не собираются, и даже свои законные авторские гонорары за книгу мемуаров «Нет иного пути» экс-офицеру МИ-6 приходится выколачивать через Страсбургский суд. Блейку «присудили» 7 тысяч фунтов стерлингов из полагающихся ему 90.

Джорджу пришлось в 1997-м на своем 75-летии признать: «Мы все были участниками великого эксперимента. К сожалению, он не удался». И как с этим не согласиться. Но Блейк по-прежнему полагает, что коммунистические идеи основаны на христианских принципах, и день всеобщего социального равенства все равно настанет. Когда? Это неизвестно даже оптимисту Блейку.

Личная жизнь Блейка сложилась на редкость удачно. Его любимая мама постоянно наезжала вместе с сыновьями к Джорджу в Москву. Да, жена развелась с ним, но в столице своей

новой родины Георгий Иванович встретил молодую женщину Иду. Теперь у них сын, внук Илья, много родственников. Выпущена его вторая автобиографическая книга «Прозрачные стены», которую он посвятил супруге.

— Иномарка приспособилась к российским дорогам, — как-то пошутил он на свой собственный счет.

Даже с юмором у Блейка все в полном порядке.

А вот что ответил Блейк на мои вопросы.

— Георгий Иванович, как вы себя чувствуете, чем занимаетесь?

— Спасибо за заботу. Я чувствую себя отлично и, слава Богу, не болею. Единственная моя проблема — зрение. Но и с этим я справился: смотрю и слушаю мировые новости на разных языках. И это очень хорошо, потому что получается, работаю в течение всего дня, не даю мозгу отдыхать. Кроме того, мы с женой каждый день гуляем на свежем воздухе. Жена мне много читает — газеты, журналы, книги. Часто приходят родственники, и мы вместе готовим шашлык. Вот так же, в семейном кругу, отмечаем праздники, дни рождения. Я на свои годы не жалуюсь, это тот возраст, когда можно очень приятно проводить время. Нет уже тех прежних стрессов, каких-то забот. Благодаря Службе внешней разведки я материально хорошо обеспечен, правда, и запросы у меня весьма скромные. Людям моего возраста хотел бы дать совет: старайтесь брать от жизни все самое хорошее и меньше обращайте внимание на свои годы.

— Недавно вышла ваша вторая книга. Будет ли третья?

— Не думаю. Я доволен новой книгой, спасибо всем, кто помог ее создать. Но все же, я не писатель.

Цитаты из Джорджа Блейка:

— Я не любил свое имя Джордж. Между прочим, русская версия — Георгий, так зовут меня последние четыре десятка лет, звучит для моего уха более приятно.

— Не говорить другим всей правды, когда это непринципиально…Я предпочитаю не огорчать человека без необходимости, Обходясь молчанием или высказывая сдержанное одобрение тому, что он делает.

— Люди не очень-то интересуются твоим мнением. Им нравится, когда их внимательно слушают, ограничиваясь поощрительными замечаниями или наводящими вопросами. Они уйдут с убеждением, что вы прекрасный собеседник, хотя на самом деле вы вообще не высказывались, а лишь внимательно слушали.

Советы на прощанье: разведка без мифов

Вокруг героев — разведчиков много легенд — правдивых и не очень.

Начну с мифа очевидного, но все равно живучего, постоянно выплывающего, да еще и доказывающего право на некую историческую правоту. Итак, в годы Второй мировой на самом-самом немецком верху были у нас свои люди — не только агенты, но и внедренные разведчики.

Был Семенов, а не Штирлиц

С появлением телефильмов типа «Исаева», рассказы о том, что «действительно был, конечно, не Штирлиц, но был», становятся на время все громче. Добрались даже до гестапо, где занимали ключевые посты. Ничего похожего.

А в гестапо был лишь не раз описанный агент «Брайтенбах», он же Вильгейм — Вилли — Леман, чье звание соответствовало воинскому, капитанскому — гауптмана. Накануне войны со здоровьем уже немолодого Лемана, сотрудничавшего с советской разведкой с 1929 года, стало совсем неладно: замучил диабет. Хорошо, в свое время наши подкинули денег на лечение, а появление тогда значительной суммы было легендировано выигрышем на бегах. Иногда агент передавал выходившим с ним на связь советским разведчикам Зарубину, Короткову важные секретные документы.

Но в 1941-м здорово постаревший Вилли Леман занимался в основном проверкой лиц, которым предстояло охранять важнейшие германские военные заводы. Последняя информация датирована 19 июня. Вызвав на экстренную встречу «оперативного работника Николая, сообщил ему следующее: 22 июня после трех часов ночи германские войска начнут военные действия против СССР. Гестапо приведено в состояние повышенной боевой готовности».

Связь с Леманом была прервана на полтора года. Никаких данных и никаких важных шифрограмм. До подвигов Штирлица, Исаева и прочих вымышленных мифических персонажей было далеко. На «Брайтенбаха» попытались выйти лишь в декабре 1942-го. Но заброшенного в Германию нашего агента поймали. Под Рождество три дня «мельницы», так называемого трехдневного непрерывного допроса под пытками, и немец—

военнопленный, перевербованный людьми генерала Судоплатова, Альберт Барт не выдержал. Назвал все: адрес, пароль, телефон…

И старейшего сотрудника гестапо замучили в подвалах. Чтобы избежать позора, суда, следствия… для всех, включая жену Маргарет, гестаповец Мюллер придумал относительно правдоподобную версию. Леман умер в поезде Берлин — Варшава. Во время приступа тяжелейшего диабета впал в кому, выпал из вагона, разбился насмерть. Мюллер сумел уговорить и Гиммлера, и Шелленберга, у которого служил Леман, замять дело.

В 1969 году Маргарет Леман получила в ГДР ценный подарок от Президиума Верховного Совета СССР. На золотых часов — гравировка: «На память от советских друзей». А как бы все же хотелось предположить, что вручил их Маргарет Леман доживший до этого светлого дня Максим Максимович Исаев.

Немцы пробрались в Генштаб

Об этом во время войны несколько раз предупреждал Сталина сам британский премьер Уинстон Черчилль. Действительно английская разведка относительно регулярно доносила премьеру, что именно в советском Генеральном штабе действует немецкий агент. Причем передает по рации сведения стратегического характера. Миф совсем «разгулялся» после войны, когда это же доверительно сообщили в своих мемуарах немецкие разведчики разного ранга.

Они жестоко ошибались. Внедренный абвером в Генштаб агент Макс был нашим разведчиком Александром Петровичем Демьяновым, действовавшим под псевдонимом Гейне. В этой книге о нем, ученике полковника Абеля — Фишера рассказывается подробно.

Рыцарь пера, а не клинка с кинжалом

И последняя легенда: многие читатели уверены, будто Юлиан Семенов, отец-прародитель Исаева, и сам был разведчиком. Якобы, даже служил когда-то в Германии.

Да, служил, но собственным корреспондентом. Как рассказал мне бывший коллега Юлиана Семеновича журналист Валентин Запевалов, ныне зам. главного редактора «Гудка», Семенов в

конце 70-х — начале 80-х несколько лет проработал в Бонне от «Литературной газеты». Много ездил, особенно на север страны, писал о поисках «Янтарной комнаты». Он отлично говорил на пушту, но не на немецком. Однако приехал в ФРГ и как человек талантливый во всем, язык тоже схватил на лету. А попал в страну, для простых советских людей в ту пору закрытую, благодаря своим обширным связям. Выбил финансирование для корреспондентского пункта, поселился в тихом местечке, работал, трудился, не чурался пива, шнапса, дружеского общения. Абсолютно не выпендривался, писательством не кичился…

Да, создав свои первые произведения о чекистах еще в 1959-м, был любимцем разведки, имел доступ к архивам, но сам там не был, не служил, не участвовал. Его талант в ином — в воспевании не совсем понятной тогда профессии. А умер рано — в 63 года. Зато героям здравствовать и будоражить умы еще долго.